П. А. Зайончковский

Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий

П. А. Зайончковский

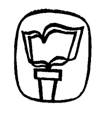

Дорогому
Сергею Александровичу
Малашкину
с любовью его
автор

10/II 1924

П. А. Зайончковский

Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий 1881-1903

Издательство «Мысль»
Москва · 1973

9 (С) 17
З-17

Главная редакция
социально-экономической
литературы

З $\frac{0164\text{-}168}{004\ (01)\text{-}73}$ 71—73

Введение

Настоящее исследование посвящено истории русской армии на рубеже двух веков (1881—1903 гг.). Начальная дата исследования обусловливается политической реакцией, наступившей после убийства Александра II, конечная — кануном русско-японской войны. Эта война, как и всякая другая, послужила лучшей проверкой состояния вооруженных сил страны. Хотя данная война и потребовала участия небольшой части войск на театре военных действий, однако она убедительно продемонстрировала все сильные и слабые стороны организации, управления и боевой подготовки войск.

Исследование этой темы может быть осуществлено только в неразрывной связи с историей российского самодержавия, оказывавшего на армию огромное влияние начиная от императора до членов царской фамилии, занимавших почти все ключевые позиции в высшем военном управлении. Прежде всего самодержавие определяло подбор высших командных кадров и в какой-то мере состав офицерского корпуса; его влияние сказывалось и на обучении войск, следствием чего являлась живучесть плац-парадных традиций, подготавливавших войска к эффектным смотрам и парадам, а не к действиям на полях сражения. Самодержавие ничего не предпринимало для повышения грамотности населения, что значительно затрудняло обучение войск, особенно подготовку одиночного бойца.

За поражение в русско-японской войне несет ответственность в первую очередь самодержавие, и все недостатки, обнаруженные на театре военных действий, являются следствием существовавшей политической системы.

Политическая обстановка исследуемого нами периода характеризуется жесточайшей реакцией, утвердившейся в России после убийства Александра II. Расстановка сил на политической арене: закат народовольчества, слабость массового движения — рабочих выступлений и крестьянских волнений и, наконец, отсутствие какого-либо серьезного оппозиционного движения — все это определило возможность установления курса, направленного на ликвидацию реформ 60-х годов, на сохранение самодержавия в его неизменном виде, с ведущей ролью в политической жизни страны реакционного дворянства. Оправившись от первого испуга после убийства своего отца, Александр III выступил 29 апреля 1881 г. с манифестом об утверждении самодержавия, определившим собой дальнейший правительственный курс. 80-е годы и начало 90-х годов характеризуются проведением контрреформ, воинствующим шовинизмом, значительным ростом административного произвола [1].

После смерти Александра III в конце 1894 г. и вступления на престол Николая II правительственный курс остается в основном прежним, однако в связи со сложившейся обстановкой в стране некоторые изменения все же происходят.

Голод 1891—1892 гг. вызывает в первой половине 90-х годов оживление общественной деятельности, а следовательно, и рост общественного движения.

Создание в середине 90-х годов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», мощные стачки 1896—1897 гг. в Петербурге и других городах, наконец, массовое студенческое движение — все это не могло не отразиться на правительственной политике. Несмотря на сохранение системы административного произвола и продворянского характера политического курса, правительство все же не решилось реализовать некоторые из намеченных им мер. Так, в обстановке общественного подъема середины и второй половины 90-х годов правительство не считает возможным пойти на пересмотр судебных уставов 1864 г., предполагавший значительное сокращение сферы деятельности суда присяжных, отмену столь ненавистного

---

[1] См. *П. А. Зайончковский.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

правительству принципа независимости судей, фактическую ликвидацию института судебных следователей[2].

2 июня 1897 г. под непосредственным влиянием возросшего рабочего движения издается новый фабричный закон, определявший продолжительность рабочего времени и устанавливавший обязательный отдых в воскресенье и другие праздничные дни.

Обстановка политической реакции не могла не сказаться на положении армии и состоянии военного ведомства в целом. Уже через три недели после издания манифеста 29 апреля 1881 г. об утверждении самодержавия уходит в отставку просвещенный и либерально настроенный военный министр Д. А. Милютин и на этот пост назначается малообразованный и консервативный по своим политическим воззрениям П. С. Ванновский. Общая направленность деятельности Военного министерства претерпевает изменение. Проводятся мероприятия, противоположные тем, которые осуществлялись ранее. Так, обучение солдат грамоте прекращается, и этот вид деятельности объявляется необязательным и даже вредным. Военные гимназии, являвшиеся наиболее совершенными среднеучебными заведениями, преобразовываются в кадетские корпуса, что влечет за собой снижение общеобразовательного уровня будущих офицеров. Предпринимается попытка, правда безуспешная, коренным образом реорганизовать военное управление, придав ему в значительной степени дореформенное устройство. Со второй половины 90-х годов усиливаются черты плац-парадности в обучении войск. Особенно отрицательно сказывается обстановка реакции в стране на подборе высших командных кадров — генералитете, что наиболее ярко обнаружилось в период русско-японской войны.

Отметим еще один важный фактор, налагавший на армию определенный отпечаток, — это усиление ее полицейских функций. Именно во второй половине XIX — начале XX в. участие войск в подавлении народных выступлений приобретает массовый характер.

В заключение необходимо сказать об экономическом развитии страны в рассматриваемый период. Несмотря на стремление самодержавия всемерно сохранить в политической жизни страны, а отчасти и в экономической

---

2 См. *А. Ф. Кони.* Собр. соч., т. 2. М., 1966, стр. 321—322.

(сельское хозяйство) феодально-крепостнические пережитки, 90-е годы, и особенно вторая их половина, характеризуются мощным экономическим подъемом, что не могло не отразиться положительно и на состоянии армии.

Исторические источники

Использованные в исследовании источники можно подразделить на четыре группы: 1) официально-документальные материалы; 2) дневники и воспоминания; 3) эпистолярные источники; 4) публицистика.

Обратимся к характеристике источников, начав ее с первой группы.

Первая группа источников является основной. Она подразделяется на семь подгрупп. Первую из них составляют законодательные акты, помещенные либо в Полном собрании законов, либо в Своде военных постановлений, в котором содержатся законодательные материалы, касающиеся военного ведомства.

Поскольку Полное собрание законов общеизвестно, рассмотрим Свод военных постановлений. Свод состоит из 23 книг, каждая из которых относится к различным отраслям военного управления и организации войск. Так, книга первая касается организации центрального военного управления, вторая — военноокружных управлений, третья — местных военных управлений, пятая — устройства и состава войск, шестая — комплектования войск и т. д. Свод впервые был издан в 1838 г. и полностью переиздан в 1859 и 1869 гг. Позднее переиздавались отдельные книги его с соответствующими дополнениями и изменениями.

Ко второй подгруппе в первую очередь относятся погодные всеподданнейшие доклады и отчеты по Военному министерству[3]. Всеподданнейшие доклады представлялись императору в начале последующего года. Эти до-

---

[3] Во всех других министерствах, кроме военного, погодные сообщения о состоянии ведомства за истекший год именовались всеподданнейшими отчетами, а представления царю по отдельным вопросам — всеподданнейшими докладами. В военном же ведомстве отчетные сведения о состоянии военного управления и армии за год сообщались несколько в разных планах и во всеподданнейших докладах, и во всеподданнейших отчетах по Военному министерству.

клады содержат в себе совершенно секретные сведения — обзор состояния различных отраслей военного управления, а также численности, организации и обучения войск. В них не только фиксировалось существующее положение вещей, но и излагались задачи, стоящие перед военным ведомством в области разнообразных сторон его деятельности. Так, во всеподданнейших докладах подробно характеризовалось финансовое состояние Военного министерства и излагались его нужды, сообщались планы развития вооруженных сил, перевооружения как пехоты, так и артиллерии и ряд других важных вопросов. Всеподданнейшие ежегодные доклады являются ценным источником и для общей характеристики армии и военного управления. В экземпляре, представлявшемся лично царю, содержатся нередко его пометы. Кроме того, эти доклады в литографированном виде рассылались начальникам главных управлений министерства, командующим войсками военных округов, а также отдельным лицам[4].

Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства издавались типографским способом и были рассчитаны на более широкий круг лиц. Выходили они из печати на два года с опозданием. В этих отчетах содержались: собственно отчет Военного министерства, написанный на 130—150 страницах, а также в приложении отчеты всех главных его управлений (Главного штаба, Главного артиллерийского управления, Главного интендантского управления и т. д.), имевшие в себе более подробные сведения. В отчетах достаточно полно был представлен статистический материал (что почти отсутствует во всеподданнейших докладах). Здесь содержатся данные о числе призванных в армию и ополчение с подразделением по национальному составу, образованию, сообщается число лиц, получивших льготы по семейному положению и признанных негодными к военной службе,

---

[4] Всеподданнейшие доклады хранятся в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) в фонде Канцелярии Военного министерства, а литографированные экземпляры встречаются и в личных фондах. Так, полный комплект их находится в фонде Д. А. Милютина (с начала их представления — 1862 г.), хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ГБЛ). На полях отдельных докладов, относящихся к изучаемому периоду, имеются пометы бывшего военного министра; некоторые экземпляры этих докладов имеются и в фондах других военных деятелей, как, например, И. В. Гурко (ЦГВИА).

и т. д. Приводятся подробные сведения об использовании войск для подавления народных волнений, о числе солдат, осужденных за различные преступления, переведенных в разряд штрафованных[5], и т. д. Сообщаются данные о численности и о сословном составе юнкеров и кадетов и целый ряд других разнообразных сведений (содержатся подробные данные о лагерных сборах, поверочных сборах, запасных и ополченцах и т. д.). Таким образом, с точки зрения статистического материала всеподданнейшие отчеты представляют большой интерес. Однако надо сказать, что сообщаемые данные требуют сугубо критического отношения: нередко имеют место случаи, когда частные цифры не совпадают с общей суммой их. То же самое надо сказать относительно определения сословного состава поступающих и оканчивающих военно-учебные заведения. Данные эти не всегда сопоставимы. Так, в сведениях о сословном составе учащихся в кадетских корпусах и военных училищах имеются следующие рубрики:

а) потомственные дворяне; б) личные дворяне; б) обер-офицеры, чиновники; г) служители духовного звания; д) казаки; е) солдатские дети; ж) прочие; з) уроженцы славянских стран.

Данные же о сословном составе учащихся в юнкерских училищах содержат уже другие рубрики. Так, потомственные и личные дворяне приводятся вместе. Однако различие между потомственными и личными дворянами достаточно велико, да к тому же численность их в училищах была различной[6]. Вследствие этого составить точное представление о сословном составе юнкерских училищ или сопоставить их с данными военных училищ невозможно[7]. Таким образом, статистические данные,

---

[5] Несмотря на закон 1863 г. об отмене телесных наказаний, они «временно» были сохранены в армии (до 1904 г.), однако подвергнуть таковым можно было только лиц, переведенных предварительно в разряд штрафованных.

[6] Так, например, по данным осмотра в 1885 г. трех юнкерских училищ (Московского, Казанского и Тверского), процент потомственных и личных дворян в них составлял: в Московском потомственных — 56,5, личных — 21,3; в Казанском соответственно — 4,3 и 49; в Тверском потомственных — 75, личных — 2,1 (ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 23, д. 71, к. 454, л. 168).

[7] В военные училища принимались лица, имевшие законченное среднее образование, в юнкерские — с образованием в объеме четы-

имеющиеся во всеподданнейших погодных отчетах, далеко не всегда точны.

Непосредственно к погодным докладам и отчетам Военного министерства примыкают отчеты и доклады военного министра императору: либо за более длительный, чем один год, период, либо касающиеся тех или иных отдельных вопросов. Примером подобных отчетов может служить всеподданнейший отчет «О мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898—1902 гг.» [8], по своей форме идентичный всеподданнейшим погодным докладам.

Большой интерес вызывает всеподданнейший доклад военного министра от 14 марта 1900 г., изданный типографским способом и содержащий общую характеристику русской армии за 200 лет. Этот доклад состоит из четырех разделов. Первый раздел — «Краткий обзор деятельности русской армии с 1700 по 1900 г.». В нем приводятся интересные данные о росте армии, о потерях в войнах России, сообщаются сведения о численности населения в XVIII—XIX вв. и дается прогноз в отношении XX в. Второй раздел посвящен краткому военно-стратегическому обзору границ России. Третий — характеристике вооруженных сил России и ее предполагаемых противников на различных театрах будущих военных действий. Здесь же приводятся данные о сроках сосредоточения войск России и ее предполагаемых противников (Германии и Австро-Венгрии) в пограничных районах. Наконец, четвертый раздел, наиболее важный по значимости, — «Предположения военного министра по дальнейшему увеличению русской армии и усилению ее боеспособности».

К этой же подгруппе надо отнести «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III (1881—1894 гг.)», изданный в 1903 г. типографским способом с грифом «Секретно». В нем содержатся разнообразные сведения о состоянии и деятельности военного ведомства за указанный период. Однако этот обзор, представляющий несомненный интерес с точки

рех классов. Подробнее см. мою книгу «Военные реформы 1860—1870 годов в России» (М., 1952).

[8] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 1140. Указанный доклад помимо фонда Канцелярии Военного министерства хранится также в личном фонде Куропаткина (ЦГВИА, ф. 5, д. 602).

зрения всесторонней характеристики состояния армии, также требует к себе весьма критического отношения. Так, некоторые данные не соответствуют сведениям, приводимым во всеподданнейших докладах и отчетах. Даже такие сведения, как данные о смете расходов военного ведомства за отдельные годы, не совпадают с «Росписью государственных расходов», имея существенные расхождения на сумму свыше десятка миллионов рублей (подробнее см. стр. 93—94).

Следует остановиться на докладах, представлявшихся военным министром царю по отдельным вопросам [9]. Среди них большой интерес вызывает доклад А. Н. Куропаткина «О руководстве войсками на больших маневрах» [10], относящийся к 1903 г. Этот обширный доклад не только подробно анализирует руководство маневрами, но и рассматривает уровень тактической подготовки отдельных родов оружия. Далее упомянем всеподданнейший доклад П. С. Ванновского о перевооружении армии за период с 1890 по 1896 г. с пометами Николая II [11].

К ним же относятся и отчеты командующих войсками округов, напоминающие в большей степени стандартные по своей форме данные о состоянии войск округа [12], за исключением отчетов командующего войсками Киевского военного округа ген. Драгомирова. Своеобразные по форме, они своеобразны и по содержанию. В каждом из них ставятся те или иные важные вопросы: о подготовке высших войсковых начальников, большинство которых обнаруживали свою полную непригодность; о введении всеобщего начального обучения населения, без чего невозможно было обучение войск; о порядке производства офицеров в следующие чины и т. д.

Наконец, к этой же подгруппе надо отнести и различ-

---

[9] Надо сказать, что ряд докладов, отчетов и разного рода официальных документов отложилось и в личных фондах: Ванновского, Куропаткина, Александра III, Николая II и др.

[10] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925.

[11] Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), ф. Николая II, д. 441. Ко второй подгруппе условно можно отнести и конспекты еженедельных докладов Куропаткина царю, а также «Указания и приказания военному министру» Николая II, даваемые последним во время этих докладов, содержащихся в фонде Куропаткина, д. 559.

[12] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1,

ные отчеты войсковых начальников о проведении маневров и сборов войск.

Переходя к третьей подгруппе данного типа источников — материалам различных комиссий, назовем в первую очередь документы Комиссии ген. Коцебу, созданной по поводу реорганизации военного управления в 1881 г. Эти документы состоят из протоколов заседаний, записок членов Комиссии, излагавших свои мнения, и подробного отчета ее председателя [13]. К этой же подгруппе относятся и материалы Комиссии по тактическому образованию войск, созданной в 1903 г. под председательством командира 8-го армейского корпуса ген.-лейт. С. Н. Мылова. Свод мнений этой Комиссии является ценным источником для характеристики уровня тактической подготовки войск как в целом, так и по отдельным родам оружия.

Четвертая подгруппа — ведомственная переписка — характеризует различные стороны состояния армии, в частности офицерского корпуса, военно-учебных заведений, обучения войск и т. д. Большой интерес представляют переписка министерства с военными округами по поводу маневров, в частности зимних [14], материалы о дворянских кадетских школах [15], статистические сведения о сословном составе офицерского корпуса [16] и разнообразная переписка Канцелярии и управлений Военного министерства.

Пятая подгруппа состоит из «приказов по военному ведомству» за подписью военного министра, циркуляров Главного штаба, приказов и циркуляров различных главных управлений (артиллерийского, военно-учебных заведений и др.). Некоторые из этих приказов и циркуляров печатались в органах Военного министерства — «Русском инвалиде», «Военном сборнике» либо ведомственных журналах — «Педагогическом сборнике», «Разведчике», «Артиллерийском журнале» и др.

Большой интерес для характеристики состояния обучения войск имеют приказы командующих военными окру-

---

[13] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 42, 45, 46, 48, 49; Отдел рукописей ГБЛ, ф. Воронцова-Дашкова, разд. II, к. 51, д. 2.

[14] ЦГВИА, ф. Главного штаба, 2 отд., 3-й стол, оп. 3, д. 5138, 4304, 4204.

[15] ЦГВИА, ф Куропаткина, д. 749.

[16] ЦГВИА, ф. Главного штаба, 4 отд., 3-й стол, оп. 72/675, 1894 г., д. 75.

гами, особенно Киевского — М. И. Драгомирова и Варшавского — И. В. Гурко.

Шестую подгруппу составляют различного рода уставы: «О строевой службе отдельных родов войск», Устав полевой службы, Устав гарнизонной службы, «Планы распределения годовых занятий войск», «Наставление для обучения стрельбе», «Наставление для действий в бою отрядов всех родов оружия» и т. д. Для составления, иногда только обсуждения всех этих уставов, наставлений и инструкций создавались специальные комиссии, собирались отзывы местного военного начальства (командующих войсками, округами, командиров корпусов и начальников дивизий). Первоначально уставы публиковались в приказах по военному ведомству, а затем издавались отдельными книгами или брошюрами.

Последнюю, седьмую подгруппу официально-документальных источников составляют списки чинов по старшинству и послужные списки офицеров и генералов: списки чинов по старшинству [17] для обер-офицеров — по родам оружия, для штаб-офицеров — по отдельным чинам, общий для всех родов оружия, а для генералов — один [18]. Издавались эти списки чинов начиная с первой половины XIX в. в большинстве своем ежемесячно, либо несколько раз в год, либо, наконец, ежегодно. Для изучаемого мною периода они содержат в большинстве своем данные о возрасте, вероисповедании (что обычно дает возможность определить национальность), образовании, движении по службе, получаемом содержании. Эти списки являются важным источником для изучения состава офицерского корпуса и широко использовались в работе. К сожалению, списки не содержат данных о происхождении (сословии), а также сведений об имущественном положении (наличии недвижимой собственности) [19]. Вследствие этого последнего обстоятельства для характеристики имущественного положения генералитета, а также полковников

---

[17] См. «Справочники по истории дореволюционной России». Библиография. М., 1971, стр. 326—329.

[18] Существует отдельный список офицеров Генерального штаба, издававшийся с 1816 г.

[19] В отличие от списков офицеров и генералов в списках гражданских чинов четырех классов (генеральских) с 1842 г. содержатся сведения о недвижимой собственности. Эти списки издавались два раза в год.

Генерального штаба приходилось изучать послужные списки этих категорий офицерского корпуса. Последние списки содержат именно те сведения, которые отсутствуют в списках военных чинов, — сословное происхождение и имущественное положение. Послужной список[20] представляет собой подробную анкету, состоящую из 14 параграфов и содержащую все сведения о происхождении и данные о прохождении службы, включая участие в сражениях и даже нахождение в отпусках. В пятом параграфе содержатся сведения о сословном происхождении, а в двенадцатом — об имущественном положении[21]. Несмотря на то что правильность записей в послужном списке должна была проверяться владельцами его, в нем все же встречаются различного рода неточности. Так, в послужном списке А. Н. Куропаткина обнаружены неточные данные, касающиеся его имущественного положения[22]. Сохранность послужных списков, находящихся в Центральном государственном военно-историческом архиве в особой коллекции, либо частично в фонде Главного штаба, весьма различна. Наиболее полно сохранились послужные списки офицеров Генерального штаба[23].

* * *

Обратимся ко второй группе источников — дневникам и воспоминаниям, подразделив их на две подгруппы: а) дневники и б) воспоминания.

Дневники и воспоминания имеют важное значение для исследования вообще и для нашего в частности, давая возможность изучить ту сторону явления, которая не отражается в официально-документальных материалах. При всем определяющем значении закономерностей исторического процесса историю делают люди, и особенности их характера, убеждений и настроений имеют большое

---

[20] Послужные списки появились в первой половине 60-х годов, до этого времени существовал «Формулярный список о службе и достоинстве», содержащий в себе более краткие по тем же пунктам данные.

[21] Этот параграф имеет следующее название: «Есть ли за ним, за родителями его или, когда он женат, за женою недвижимое имущество — родовое или благоприобретенное».

[22] См. ниже, стр. 223.

[23] Подробнее см. стр. 222.

значение для понимания того или иного факта. А это больше всего отражается именно в мемуарах (включая в это понятие и дневники, и воспоминания), а также в неофициальной переписке.

Итак, обратимся к дневникам, наиболее достоверным по своей природе, нежели воспоминания [24]. Из этого вида источников использованы дневники Николая II, вел. кн. Константина Константиновича, военного министра А. Н. Куропаткина и ген. А. А. Киреева.

Дневники Николая II изучены мною за период с 1895 по 1903 г. включительно. Они содержат в себе записи буквально за каждый день. Содержание этих дневников чрезвычайно ярко характеризует интеллект их автора. Прежде всего надо сказать, что в них отражаются только события внешнего порядка: распорядок дня, гости, погода, результаты охоты и т. д. Он, так же как его отец, любил точно фиксировать «результаты». Если Александр III точно отмечал охотничьи трофеи либо количество пройденных им верст за тот или иной отрезок времени, то и сын поступает так же. Так, например, 13 апреля 1897 г., на пасху, он заносит в дневник: «Христосование. [...] Облобызал 570 чел.» [25]. На другой день: «Началось военное христосование — всего с начальством 909 чел.» [26]. Так же точно фиксируются охотничьи трофеи, даже подстреленные кошки, бегавшие по Царскосельскому парку, или же убитые им там же вороны. Ни одной глубокой мысли либо характеристики тех или иных лиц, анализа событий в дневниках не содержится [27]. Много внимания уделяется семейной жизни. Справедливость требует сказать, что автор дневника был хорошим семьянином [28].

Отметим, что в дневнике часто упоминается о происходящих у него совещаниях с министрами и другими высокопоставленными лицами, однако содержание этих

---

[24] Хотя воспоминания, как правило, более глубоко и систематизированно освещают описываемые явления, они лишены той свежести восприятия, какая присуща дневникам.

[25] ЦГАОР, ф. Николая II, д. 237.

[26] Там же.

[27] Вместе с тем он очень часто посещает оперу и концерты.

[28] Едва ли это достоинство имело важное значение для самодержавного повелителя 130-миллионной России. Да к тому же оно было чуть ли не единственным.

совещаний не излагается[29]. Некоторое место уделяется изучаемой теме — армии. Однако и здесь в основном содержатся упоминания о внешней стороне дела — эффектных и красивых атаках, церемониальных маршах и т. д. Бывая почти ежегодно на маневрах, он в дневнике ни разу не упоминает о достоинствах и недостатках их, а все сводится к плац-парадной стороне дела. Собственно дневники императора имеют значение лишь с точки зрения негативной оценки их автора.

В заключение надо сказать, что дневники Николая II как источник хотя и крайне бедны по содержанию, но вполне добротны с точки зрения исторической достоверности. Они лишены апологетического характера. Факты, сообщаемые в них, достоверны.

Важное значение для темы имеют дневники военного министра А. Н. Куропаткина, охватывающие период около 50 лет (с 1870 по 1917 г.). Эти дневники, хранящиеся в Центральном военно-историческом архиве, составляют более 150 единиц хранения. Они представляют собой обычно не фолиант, написанный за тот или иной период времени, а, как правило, тонкую тетрадь, посвященную тому или иному событию, — поездке на Дальний Восток, курским маневрам и т. д. Большинство дневников являются автографами, а некоторые — копии, изготовленные в послереволюционное время (написаны по новой орфографии).

За исключением дневника за период с конца 1902 по конец 1904 г., опубликованного в «Красном архиве»[30] и хранящегося в Военно-историческом архиве, весь свой обширный архив (свыше 5 тыс. единиц хранения) Куропаткин сдал в Центральный архив в Ленинграде (примерно в 1924 г.); затем его в 1940 г. передали в Центральный государственный архив древних актов, а в начале 60-х годов — в Центральный государственный военно-исторический архив[31].

---

[29] Только один раз — в 1900 г. — он, говоря о совещании с Куропаткиным, Витте и Ламсдорфом по вопросу о дальневосточных делах, пишет в дневнике 12 августа 1900 г. о его результате и окончательном решении (ЦГАОР, ф. Николая II, д. 242).

[30] См. «Красный архив», 1922, т. 2; 1924, т. 5; 1935, т. 1(68).

[31] М. Н. Покровский утверждает, что дневники Куропаткина в 1918 г. были похищены (за исключением опубликованных впоследствии в «Красном архиве»). Так, в предисловии к публикации 1922 г.

Дневники Куропаткина[32] изучены мною за период с конца 1897 до конца 1904 г. Надо сказать, что из всех мемуаров (дневников и воспоминаний), использованных мною в работе, наиболее ценным источником являются указанные дневники. Куропаткин подробно заносит в него содержание своих бесед с Николаем II, министрами и представителями военного ведомства. Здесь же содержатся характеристики Н. Н. Обручева, П. С. Ванновского, М. И. Драгомирова и др. В дневнике без преувеличения освещаются почти все стороны жизни армии: вопросы боевой подготовки войск и проведения маневров, перевооружения и состояния комплектования армии унтер-офицерами и офицерами, положение в военно-учебных заведениях. Наконец, в дневник заносятся и «приказания и указания» Николая II военному министру. Часть записей дневника носит название «секретных». На-

---

Покровский пишет: «В январе 1918 года в архив явился [...] ген. Нищенков [...] и увез из куропаткинских бумаг только дневник. Все прочее (т. е. его фонд. — *П. З.*) осталось в неприкосновенности: дневник исчез неизвестно куда. Сколько мы знаем, не найден он и там, где находился Куропаткин в последние месяцы своей жизни» («Красный архив», 1922, т. 2, стр. 5). И далее Покровский высказывает предположение, что здесь имели место происки белогвардейцев, не желавших оставлять дневник в руках Советского государства. «Все глупости и подлости, сказанные при нем «обожаемым монархом», воспроизведены с такой благоговейностью; впрочем, получается такой букет, что даже знаменитое собрание речей Николая перед ним пасует» (там же, стр. 6). Все это не соответствует действительности, так как никаких бумаг Куропаткина, кроме опубликованного дневника, до 1961 г. в Военно-историческом архиве не было. К тому же если предположить, что такой факт имел место, то совершенно непонятно оставление в архиве именно той части дневника, которая больше всего компрометирует как автора его, так и «обожаемого им монарха», т. е. записей за период 1902—1904 гг. Ведь это время наибольшей близости Куропаткина к Николаю II, а кроме того, здесь содержится описание позорного командования автором армией на японской войне.

[32] По утверждению того же Покровского в этом же предисловии (февраль 1922 г.), Куропаткин «был убит бандитами на своей родине, где он скромно подвизался после 1917 г. в качестве сельского учителя» («Красный архив», 1922, т. 2, стр. 5). Это утверждение, как и предыдущее, лишено всякого основания. Куропаткин умер действительно у себя на родине, в январе 1925 г. при неизвестных мне обстоятельствах. Жил он в своем бывшем имении и занимался большой общественной деятельностью, о чем свидетельствуют материалы его архива. Так, он был консультантом сельскохозяйственной школы, членом педагогического совета школы II ступени, организатором народного музея в городе Холме Псковской губернии.

ходясь, естественно, на верноподданнических позициях, он все же порой критически оценивал свойства характера императора[33]. Так, он излагает рассказ Витте, который утверждал: «...характер государя, склонный к авантюрам и в[есьма] хитрый, может повести нас к европейской войне»[34]. Будучи человеком умным, Куропаткин высказывает в своем дневнике много интересных мыслей, которые порой причудливо уживались у него с весьма ограниченными суждениями[35].

Обратимся к дневнику вел. кн. Константина Константиновича, который в отличие от дневника его державного племянника представляет несомненный интерес для нашей темы. Для настоящего исследования мною изучены его дневники за период с 1895 по 1903 г. включительно[36]. Особый интерес для темы представляют последние четыре года, когда он, будучи назначен в 1900 г. главным начальником военно-учебных заведений, был увлечен своей деятельностью и по меньшей мере три четверти записей посвятил описанию своих посещений кадетских корпусов, военных и юнкерских училищ[37]. Дневники за вторую половину 90-х годов, когда автор командовал л.-гв. Преображенским полком, также не лишены интереса с точки зрения освещения военного быта.

Дневники представляют бесспорно большой интерес не только в плане изучаемой темы, но и для характеристики императорской фамилии и ее ближайшего окружения. Относясь с большим уважением к своему троюродному племяннику — Николаю II, он вместе с тем прекрасно отдавал себе отчет, что действия императора компрометируют царствующий дом и ведут империю к крушению. Он отрицательно отзывается о пристрастии царя ко всякого рода авантюристам, первым представителем которых был француз спирит Филипп, а также про-

---

[33] См. ниже, стр. 43—47.

[34] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1896, л. 40—41.

[35] Например, предложение его Николаю II о заключении соглашения с Австро-Венгрией о разоружении. См. ниже, стр. 86.

[36] Хранящиеся в ЦГАОР в его фонде, д. 43—52. Дневник великого князя является таковым в полном смысле этого слова. Автор всегда датирует день записи в дневнике, которая отстает на один-два дня от описываемых событий.

[37] Надо сказать, что другая сторона его деятельности — президентство в Академии наук — почти вовсе не находит отражения в его дневниках.

ходимцу Безобразову, одному из инициаторов дальневосточного конфликта. Вел. кн. Константин Константинович осуждает также реакционное направление правительственной политики. В отличие от прочих членов императорской фамилии, представлявших в подавляющем большинстве своем бездельников различного калибра, вел. кн. Константин Константинович очень работоспособен. «Отдыхать ничего не делая — это ужасно! Я не создан для праздной жизни» [38], — пишет он в своем дневнике 2 июля 1900 г. И это не было фразой. Вообще автор дневника довольно откровенно говорит о своих недостатках, доходя порой до самобичевания [39]. «Я люблю обласкать просителей, быть доступным, вежливым и приветливым, даже рисуясь своей доступностью» [40], — заносит он в дневник 17 сентября 1902 г.

Особое место в дневнике, как уже говорилось выше, занимает описание деятельности автора в роли начальника Главного управления военно-учебных заведений. Здесь содержится много записей о посещении им военно-учебных заведений: их состоянии, педагогических и воспитательных вопросах, чему он уделял большое внимание [41]. В отличие от 80-х годов в дневнике мало упоминается о встречах с писателями и учеными, а также почти не освещаются вопросы, связанные с ними. Исключение представляет лишь упоминание об избрании А. М. Горького почетным академиком и о лишении его этого звания [42].

---

[38] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, оп. 1, д. 47, л. 79.

[39] См. мою книгу «Российское самодержавие в конце XIX столетия», стр. 22.

[40] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, оп. 1, д. 50, л. 112. В другом месте он пишет: «Люблю показать, что и к юноше самого низкого происхождения отношусь так же сердечно, как и к знатному» (д. 49, л. 80). Справедливость требует сказать, что он не только это «показывал», но и действительно так поступал, что не могло даже в голову прийти кому-либо из членов императорской фамилии.

[41] Надо сказать, что он относился с большой любовью к молодежи, особенно к кадетам. «Нет мне большей радости, как толкаться, путаться среди кадет», — записывает он в дневнике 14 октября 1900 г. (д. 47, л. 132—133). В другом месте (запись 30 августа 1901 г.) он пишет: «Совсем был счастлив, проведя весь день среди моей милой молодежи» (д. 48, л. 125).

[42] Автор дневника отнесся к этому избранию отрицательно и впоследствии не желал пересмотра этого вопроса. После освобожде-

Итак, дневник вел. кн. Константина Константиновича является ценным историческим источником, особенно для освещения состояния военно-учебных заведений.

Дневник ген. А. А. Киреева, вращавшегося в придворных кругах, публициста консервативного направления, представляет также немалый интерес. В его дневнике, сбивающемся порою на воспоминания [43], даются весьма яркие характеристики членам императорской фамилии и их отношению к армии — Николаю II, великим князьям Николаю Николаевичу, Алексею Александровичу; много места уделяется личностям Ванновского, Куропаткина, а также различным вопросам быта офицерского корпуса. Киреев — ярый сторонник введения дуэлей, отдавший много времени данному вопросу; он выступает об этом в печати, доказывая, порой очень своеобразно, необходимость дуэлей. Так, в одной из записей за декабрь 1898 г. он, говоря о благотворном влиянии дуэлей, пишет: «Офицер, дерущийся кулаками и не вызывающий противника на поединок, может, конечно, храбро драться, но, конечно, не откажется обкрадывать свой эскадрон или свою роту» [44].

Обратимся к воспоминаниям, подразделив их на две части: а) воспоминания, относящиеся к нашей теме в целом, и б) воспоминания о русско-японской войне.

Наибольший интерес из первых представляют воспоминания профессора Академии Генерального штаба А. Ф. Редигера, бывшего в конце XIX — начале XX в. начальником Канцелярии Военного министерства, озаглавленные «История моей жизни». Воспоминания представляют собой автограф. Они охватывают период с детства до 1918 г., написаны были не ранее 1916—1917 гг. [45]; хранятся в Центральном военно-историческом архиве.

ния Горького от полицейского надзора академик А. И. Веселовский, министр народного просвещения Г. Э. Зенгер и его товарищ, т. е. заместитель, С. И. Лукьянов ставят снова вопрос о признании за Горьким этого почетного звания, однако вел. кн. Константин Константинович высказался против. «Я не вижу возможности нового избрания Горького», — пишет он в дневнике за 22 февраля 1903 г (д. 51, л. 26).

[43] Дневник велся нерегулярно. Многие записи не имеют точного числа, а датируются месяцами.

[44] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 12, л. 181.

[45] Это определяется тем, что на л. 202 (ЦГВИА, ф. Редигера, д. 2) автор говорит, что ген. Хабалов в 1917 г. командовал Петро-

В воспоминаниях уделяется много места характеристике дел в Военном министерстве, работе различных комиссий, в частности по составлению «Положения о полевом управлении армией в военное время», подробно и неоднократно характеризуются Ванновский и Куропаткин.

В работе мною использованы также воспоминания А. И. Деникина «Старая армия», изданные в Париже в конце 20-х — начале 30-х годов (часть I и II), и «Путь русского офицера» (Нью-Йорк, 1954) — автобиографические воспоминания, доведенные им до 1916 г. и написанные автором во второй половине 40-х годов. Как в первых, почти не носящих биографического характера, так и во вторых сообщается очень много разнообразных сведений о боевой подготовке войск (различных сборах и маневрах), а главное, о быте армии и особенно об офицерском корпусе.

Бесспорный интерес представляют собою рукописные воспоминания ген. Ф. К. Гершельмана [46]. Федор Константинович Гершельман — офицер Генерального штаба, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., начальник Оренбургского, а затем Тверского юнкерских училищ, командир кавалерийского полка и, наконец, начальник штаба Варшавского военного округа, а потом помощник командующего войсками того же округа [47]. В начале XX в. он пишет многотомные воспоминания о своей жизни, в которых содержится много фактов, касающихся состояния юнкерских училищ, боевой подготовки в Варшавском военном округе, в бытность командующим там И. В. Гурко, а также и после его отставки. Будучи чело-

---

градским военным округом. Тот факт, что воспоминания писались примерно в 1918—1919 гг., подтверждается тем, что первая мировая война упоминается в настоящем времени — «в нынешнюю отечественную войну» (там же). По-видимому, основой воспоминаний послужили какие-то записи, так как он сообщает такие факты, которые не могли сохраниться в памяти. Например, он точно указывает, сколько раз он ездил летом 1898 г. из Ораниенбаума в Петербург (там же, л. 276).

[46] Эти воспоминания хранятся у внучки автора — архитектора Марины Дмитриевны Гершельман-Канчели, любезно предоставившей мне возможность с ними ознакомиться, за что приношу ей глубокую благодарность.

[47] Гершельман был женат на дочери военного министра Александра II гр. Д. А. Милютина.

веком широко образованным и умным, Гершельман приводит на страницах воспоминаний свои интересные наблюдения.

«Воспоминания о моей жизни» (т. I. Париж, 1969) ген. Б. В. Геруа имеют большую ценность с точки зрения освещения быта Пажеского корпуса, службы в л.-гв. Измайловском полку, особенно характеристики красносельских учений, Академии Генерального штаба и, наконец, русско-японской войны, во время которой автор находился в штабе Куропаткина. Б. В. Геруа сообщает много интересных сведений о действиях войск, достаточно подробно освещающих уровень их боевой подготовки. Надо отметить, что оценки, даваемые автором отдельным лицам, порой противоречивы[48].

Более ограниченный интерес с точки зрения освещения лишь офицерского быта гвардейской кавалерии представляют неизданные воспоминания вел. кн. Николая Михайловича «Моя служба в кавалергардах»[49].

Интересные «Воспоминания» С. Ю. Витте не касаются непосредственно армии, однако содержат в себе подробную характеристику А. И. Куропаткина, которому посвящена отдельная глава. Говорится также и о Ванновском, Драгомирове и других представителях военного ведомства. Много места отводит Витте в своих «Воспоминаниях» и императорской фамилии, давая ей, на мой взгляд, весьма своеобразные характеристики. Оценивая — в основном верно — умственную убогость лиц царствующего дома, он вместе с тем стремится как-то смягчить эти характеристики, находя в каждом из его представителей что-либо положительное. Так, например, в Николае II он пытается подчеркнуть его удивительную «воспитанность», «доброту и сердечность»[50]. Вел. кн. Сергей Александрович, с одной стороны, «князь Ходынский», ограниченный ультраретроград, с другой — «весьма бла-

---

[48] Так, например, он дает немало убийственных характеристик главнокомандующему войсками гвардии и Петербургским военным округом вел. кн. Владимиру Александровичу в отношении руководства им боевой подготовкой войск (см. *Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 89, 91, 97) и в то же время на стр. 86 говорит, что великий князь обладал «серьезным боевым опытом», «правил войсками мудро и ровно».

[49] ЦГАОР, ф. вел. кн. Николая Михайловича, д. 7.

[50] *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 15, 77, 80, 124.

городный и честный человек»[51]. В ряде случаев Витте явно смягчает пороки великих князей. Так, о генерал-адмирале вел. кн. Алексее Александровиче, обер-бездельнике и развратнике, он говорит как о человеке «в деловом отношении не особенно серьезном»[52].

Вторую подгруппу составляют воспоминания, относящиеся непосредственно к русско-японской войне. Назовем наиболее важные из них. Наибольший интерес, на мой взгляд, представляют воспоминания двух полковых командиров — полковника Генерального штаба, командира 11-го Псковского пехотного полка В. М. Грулева «В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне» (ч. I—II. СПб., 1908—1909) и командира 140-го пехотного Зарайского полка 35-й пехотной дивизии полковника Е. И. Мартынова. В воспоминаниях Грулева подробно описываются военные действия как его полка, так и всей 3-й пехотной дивизии, в состав которой входил Псковский полк. В воспоминаниях содержится много интересных наблюдений о подготовке войск в связи с боевыми операциями, особое внимание обращает автор на подготовку отдельного бойца. Здесь также имеется много наблюдений о поведении высшего командного состава[53].

Воспоминания Мартынова были изданы в 1910 г. в г. Плоцке под названием «Воспоминания о японской войне командира пехотного полка», они по своему содержанию близки к воспоминаниям Грулева.

Надо упомянуть также о записках-воспоминаниях иностранных военных агентов, состоящих при штабе действующей армии. Эти записки переводились на русский язык и издавались Комиссией по описанию русско-японской войны. Наиболее интересными из них являются

---

[51] Там же, стр. 335. Достаточно вспомнить деятельность вел. кн. Сергея Александровича в Москве, чтобы отбросить всякие помыслы о его «честности» и «благородстве».

[52] *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 2, стр. 10.

[53] Помимо непосредственных наблюдений Грулев использует и ряд других материалов о войне, так как по ее окончании несколько лет работал членом Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. В 1912 г., будучи начальником штаба Брест-Литовской крепости, Грулев выходит в отставку и уезжает во Францию, где в 1930 г. в Париже выпустил автобиографические воспоминания под названием «Записки генерала-еврея».

записки майора германской службы фон Теттау «Куропаткин и его помощники», переведенные Грулевым и изданные с его предисловием [54].

* * *

Обратимся к третьей группе источников — эпистолярной. Переписка является весьма ценным историческим источником, не менее ценным, чем дневники и воспоминания. Письма пишутся под свежим впечатлением происшедших событий и в большинстве случаев лишены той апологетической направленности, которая присуща дневникам и особенно воспоминаниям. Однако вместе с тем и они обладают серьезным недостатком. На письмо в большей мере, чем на другой источник, оказывает влияние не только личность автора, но и его настроение. Именно в силу этого к данному виду источника при всей его значимости надо подходить исключительно осторожно. В качестве примера приведем письма героя Порт-Артура ген. Р. И. Кондратенко к его родным, содержащие, в частности, оценку им чувства офицерского товарищества. В письме к брату от 15 августа 1887 г. из лагерей, где он находился, командуя после Академии для ценза, т. е. для приобретения командного опыта, ротой Коломенского пехотного полка, он по этому поводу пишет: «В офицерской среде понятия о товариществе, военной чести и доблести совершенно исчезли: все это старается только потопить друг друга с целью достижения хотя бы небольших выгод для себя» [55]. Подобная оценка могла быть высказана только под влиянием раздражения, имевшего какой-то конкретный повод. Это, во-первых, противоречит действительности, а во-вторых, находится в противоречии с другими письмами того же Кондратенко. Так, в письме, по-видимому к жене, от 10 апреля 1896 г. он сообщает: «Проводы отличались сердечностью и еще раз показали, насколько дружны, а вместе с тем выдержаны офицеры полка» [56]. В другом письме, относящемся к тому

---

[54] Как утверждает В. А. Сухомлинов, фон Теттау был до мировой войны уволен в отставку за свои русофильские взгляды (*В. Сухомлинов* Воспоминания. Берлин, 1924. стр. 363).
[55] «Братская помощь», 1907, № 4—5, стр. 172.
[56] «Братская помощь», 1907, № 8, стр. 150.

же году и месяцу, он в связи с переводом в другую часть пишет жене: «Нам следует постараться построить жизнь совершенно так же, как в Вильне, т. е. знать службу, круг полковой семьй и свою собственную семью»[57]. Все это говорит о том, что такой источник, как переписка, требует к себе весьма вдумчивого отношения.

В данной работе использованы письма Н. Н. Обручева к Д. А. Милютину, представляющие большой интерес с точки зрения характеристики положения в Военном министерстве. Наряду с Обручевым Милютину писал ряд его сослуживцев, в частности служившие в Главном управлении военно-учебных заведений.

Интерес вызывает и переписка членов императорской фамилии, особенно письма Александра III к брату Владимиру Александровичу, командующему войсками С.-Петербургского военного округа, характеризующие его отношение к своим обязанностям. Надо упомянуть и письма офицеров с театра русско-японской войны, публиковавшиеся в ряде военных журналов.

Последнюю группу источников составляет публицистика, и в первую очередь военные журналы: «Военный сборник», «Педагогический сборник», «Разведчик», широко освещавший офицерский быт в широком смысле этого слова (условия службы, материальное положение, понятия о чести и т. д.), а также газета «Русский инвалид». Наконец, следует назвать журнал «Братская помощь», издававшийся в Москве в 1907 и начале 1908 г.[58] В нем публиковались различные статьи, касавшиеся главным образом состояния боевой подготовки войск в связи с военными действиями в войне с Японией.

Надо назвать ряд эмигрантских военных журналов 20—60-х годов: «Война и мир» (Берлин), «Часовой» (Париж), «Военно-исторический вестник» (Париж), где порой встречаются отдельные воспоминания, касающиеся темы исследования. К публицистическим источникам относятся также многочисленные статьи М. И. Драгомирова в различных журналах, объединенные им в сборники «Четырнадцать лет. 1881—1895 гг.» и «Одиннадцать лет. 1895—1905 гг.». Эти статьи, посвященные различным

---

[57] Там же, стр. 152.

[58] В 1908 г. журнал получил название «Иллюстрированный военно-общественный журнал». Издавался до 1910 г.

вопросам военной жизни, представляют для нашей темы большой интерес.

Таковы основные источники, использованные в данном исследовании.

Историография

Историография исследуемой темы крайне бедна. Прежде всего надо сказать, что каких-либо монографических исследований по изучаемому вопросу не имеется. Лишь по некоторым проблемам исследования есть отдельные книги, очерки либо статьи. Обратимся к дореволюционной историографии. Наиболее серьезной работой, посвященной важному разделу темы, является книга профессора А. Редигера «Комплектование и устройство вооруженной силы»[59]. Данные, приводимые в этой книге, относятся к пяти европейским армиям: русской, германской, австро-венгерской, французской и итальянской. Книга эта касается ряда вопросов: общей характеристики вооруженных сил, комплектования армии солдатами, унтер-офицерами и офицерами, организации войск, устройства военного управления и, наконец, мобилизации армий. В книге приводится много интересного справочного материала и при этом делается сопоставление состояния того или иного вопроса в различных европейских армиях. Все это, естественно, представляет большой интерес. Однако по своему характеру книга Редигера не является исследованием, ибо приводимые сведения ограничиваются лишь официально-справочными данными. Книга эта использовалась в качестве пособия в военно-учебных заведениях по курсу военной администрации.

В 1902 г., в связи со столетием Военного министерства, начала издаваться многотомная история этого министерства, касавшаяся различных сторон его деятельности и состояния и устройства вооруженных сил. Это издание выходило в свет до 1914 г. и, оставшееся незавершенным, в значительной степени относится к истории первой половины XIX столетия, история же второй половины и

---

[59] *А. Редигер.* Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1900, изд. 3, исправленное и дополненное проф. А. Гулевичем.

особенно конца столетия либо вовсе не была написана, либо написана крайне лапидарно. Так, том первый «Столетия Военного министерства» — «Исторический очерк военного управления в России», состоящий из 760 страниц, отводит изучаемому мною периоду только 69. Исключение представляют лишь немногие отрасли Военного министерства, история которых доведена до 1902 г. (Главное управление казачьих войск, Главное управление военно-учебных заведений). Остановимся на характеристике истории военно-учебных заведений. Книга третья — «Исторический очерк Главного управления военно-учебных заведений» (СПб., 1914) — посвящена второй половине века, причем половина ее — периоду с 1881 по 1902 г. Книга эта освещает историю военно-учебных заведений с официально-ведомственных позиций. Однако ценность ее заключается в обилии фактических сведений, дающих довольно подробное представление об официальной стороне деятельности военно-учебных заведений и их управлении [60]. Такова характеристика двух наиболее важных книг, касающихся отдельных вопросов темы и написанных в дореволюционный период.

* * *

Обратимся к советской историографии. Работ, освещающих тему нашего исследования, нет. В силу этого мы можем говорить лишь об отдельных исследованиях, относящихся к тем или иным вопросам рассматриваемой проблемы.

К таким исследованиям надо в первую очередь отнести книгу проф. Н. И. Алпатова «Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России» (М., 1958). Работа эта в целом посвящена дореволюционным кадетским корпусам, начиная с середины XVIII в. — военным гимназиям, а затем кадетским корпусам конца XIX — начала XX в. Книга Н. И. Алпатова, написанная на основе источников, правда недостаточно многочисленных, представляет несомненный интерес. Не-

---

[60] См. также *В. А. Бернацкий.* Пятидесятилетие Главного управления военно-учебных заведений. СПб., 1913.

посредственно нашей теме посвящена глава VI «Кадетские корпуса с 1881 по 1917 г.» (стр. 172—206). Автор подробно останавливается на мотивах переименования военных гимназий в кадетские корпуса, сообщает данные об учебных планах, системе воспитания и т. д. Несмотря на наше несогласие с выводами автора и наличие в работе ряда порой существенных неточностей, эта глава заслуживает, бесспорно, положительной оценки. К сожалению, Н. И. Алпатов очень скупо использовал архивные материалы Главного управления военно-учебных заведений, вследствие чего в главе отсутствуют данные об успеваемости в кадетских корпусах, которая в 80-х и 90-х годах достигла катастрофического уровня. Не использует автор и материалов архива Д. А. Милютина (Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина), где имеются интересные материалы, касающиеся положения во вновь созданных кадетских корпусах. Наконец, автор не ознакомился с опубликованными ежегодными отчетами Главного управления военно-учебных заведений [61]. Вообще-то, статистические данные, приводимые автором книги, не обширны. Говоря о преобразовании военных гимназий в кадетские корпуса, автор пишет: «Изучение литературных и архивных материалов приводит к выводу, что в восстановлении кадетских корпусов был свой смысл, который не учитывался многими критиками того времени, да и позднее не всегда оценивался правильно. Смысл этой меры, — продолжает Н. И. Алпатов, — заключался в том, что тем самым объективно улучшались условия подготовки для армии офицерского состава, так как воспитанники средних образовательных военных школ ставились в более близкое отношение к будущим своим обязанностям» [62]. Это положение звучит неправильно. Преобразование военных гимназий, являвшихся лучшими среднеучебными заведениями, было мерой, политически реакционной. Недаром этого с такой настойчивостью так добивался Катков и другие представители реакционного лагеря. Преобразование при-

---

[61] См. «Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства за соответствующие годы».

[62] *Н. И. Алпатов.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России. М., 1958, стр. 179.

вело к резкому ухудшению успеваемости в корпусах, качество воспитания также значительно снизилось вследствие замены на этом посту лиц с высшим образованием строевыми офицерами, не имевшими никакого педагогического опыта. Только меры, принятые в начале XX в. новым главным начальником военно-учебных заведений, привели к значительному улучшению положения в кадетских корпусах. Таким образом, с этим выводом автора едва ли можно согласиться.

Статья С. Дмитриева «Генерал Драгомиров»[63], имеющая для нашей темы большое значение, написана на основе публицистических произведений самого Драгомирова и содержит лишь одностороннюю оценку этого крупнейшего представителя русской военно-теоретической мысли второй половины XIX в. Автор совершенно справедливо отмечает положительное значение Драгомирова, выступает против тех, кто видел в его теории другую сторону, негативную — игнорирование им развивавшейся военной техники. Отсюда недооценка Драгомировым значения пулеметов, которые, по его мнению, можно было использовать только в крепостях, непонимание значения инженерных работ (рытье окопов), категорическое противодействие необходимости залегания цепи под сильным оружейным и артиллерийским огнем и т. д. Это отнюдь не зачеркивает того положительного значения, которое сыграл Драгомиров в развитии русского военного искусства, но вместе с тем характеризует сложность и противоречивость его воззрений[64].

К сожалению, многие современные историки весьма примитивно делят тех или иных исторических деятелей на «хороших» и «плохих», игнорируя при этом всю сложность и противоречивость, присущую человеческой натуре. Так, например, Э. И. Тотлебен, герой Севастополя и Плевны, был неумным и вместе с тем жестоким временным генерал-губернатором Одессы. А. А. Аракчеев, известный реакционный деятель, сделал много ценного для усовершенствования русской артиллерии накануне Отечественной войны 1812 г. и т. д.

[63] См. «Исторический журнал», 1943, № 5.

[64] Аналогична по содержанию и брошюра полковника В. Дермана «Драгомиров о воспитании и обучении войск», изданная Воениздатом в 1946 г.

В 1972 г. вышла из печати монография Л. Т. Сенчаковой «Революционное движение в русской армии и флоте в конце XIX — начале XX веков». Автор на основе использования многочисленных источников, преимущественно архивных, а также обширной литературы вопроса изучила политические настроения в армии и на флоте, обнаружив существование ряда новых революционных кружков. Автор правильно утверждает, что в конце 90-х — начале 900-х годов наблюдается рост революционных настроений в солдатской массе.

Жаль, что автор не приводит обобщенных данных о числе нелегальных организаций и кружков, числе привлеченных к ответственности, мерах наказания и т. д.

Наконец, надо назвать небольшую по объему, но весьма содержательную статью кандидата военных наук А. Г. Кавтарадзе «Из истории русского Генерального штаба», опубликованную в «Военно-историческом журнале» (1971, № 12). Написанная на основе исследования широкого круга исторических источников, статья имеет большую ценность. Для данной темы несомненный интерес представляет освещение реформы Главного штаба, подготовлявшейся в 90-х годах и осуществленной в 1903 г., значительно улучшившей его организацию.

Таковы немногочисленные работы советской историографии, посвященные нашей теме.

* * *

В зарубежной литературе изучаемому вопросу посвящена книга Ганса Петера Штейна «Русский офицерский корпус в период между реформами и революцией (1861—1905)», изданная в Берлине в 1967 г.[65] Небольшая по объему, книга представляет собой исследование, основанное на изучении широкого круга источников и литературы. Помимо различного рода опубликованных источников: официальных отчетов, воспоминаний, дневников, военной периодической печати, изданных в России, автор изучил ряд архивных фондов Германии и Австро-Вен-

---

[65] *Hans Peter Hein.* Der offizier des russischen Heeres im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861—1905). Sonderdruck aus Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd. 13. Berlin, 1967.

грии, в которых почерпнул некоторые сведения о состоянии русского офицерского корпуса. Вместе с тем использованы отдельные дневники германских офицеров, находившихся на русской службе в конце XIX в. Автор обнаруживает большое знание литературы вопроса, как русской — дореволюционной и советской, так и иностранной. Все это дало возможность автору довольно полно осветить различные стороны офицерской жизни, включая и вопросы быта. Надо сказать, что с фактической стороны книга Штейна не вызывает каких-либо серьезных возражений и может быть оценена положительно.

Глава 1

Самодержавие и военное ведомство

Российские монархи наиболее близкой для себя отраслью управления считали военную, т. е. армию. Именно здесь они полагали себя наиболее компетентными, в силу чего повседневно вмешивались во все стороны ее жизни. Однако, кроме Петра Великого, военный гений которого создал русскую регулярную армию, все самодержцы в большей или меньшей степени всячески препятствовали ее нормальному развитию. Для них армия прежде всего и больше всего представлялась как некая стройная и красивая масса, лихо марширующая на Царицыном лугу (Марсовом поле) в Петербурге. Данное явление получает свое особенное развитие после Отечественной войны 1812 г., при Николае I да и в последующие царствования.

Если русская армия, за исключением отдельных периодов, была сильна и способна одерживать величайшие победы, то это по существу обусловливалось национальными качествами русского солдата и талантом его полководцев. Императоры же основное внимание обращали на красоту формы и внешнюю выправку солдата. Даже в период Крымской войны, обнаружившей полнейшую непригодность армий как боевого организма, ее обновление началось с изменения формы обмундирования.

И обновленная Россия
Одела красные штаны [1], —

---

[1] Генералам на каску вместо султана из белого волоса полагался султан из петушиных перьев, вместо летних панталон — шаровары, зимой из красного сукна. Из 282 приказов военного министра в 1855 г. 62 были посвящены изменению формы обмундирования. Об этом пишет и современница Е. А. Штакеншнейдер в дневнике за 1855 г.: «Одно только приводит в недоумение — это беспрестанные

говорили вскоре после заключения Парижского мира современники.

Только общая политическая обстановка, обстановка общественного подъема, заставила Александра II в страхе перед крестьянскими восстаниями пойти на отмену крепостного права, а также осуществить ряд других государственных преобразований. Одним из таких преобразований была и военная реформа, обновившая весь организм русской армии. Огромную роль в осуществлении этой реформы сыграл военный министр Д. А. Милютин — профессор Военной академии, крупный государственный деятель, один из видных представителей либеральной бюрократии [2]. Ему с большим трудом приходилось преодолевать плац-парадные традиции, близкие сердцу самодержца [3].

В результате реформы русская армия превращается в массовую армию буржуазного типа, сохранившую, однако, феодально-крепостнические пережитки, находившие свое выражение в наличии привилегированной части войск — гвардии с ее преимущественно аристократическим офицерским составом, а также плац-парадных традиций.

Самодержавие всячески поддерживало эти традиции, тормозя тем самым совершенствование армии в области как ее организации, так и боевой подготовки.

В конце XIX и начале XX в. в условиях длительной политической реакции, характеризовавшейся усилением роли дворянства, пережитки эти все более увеличива-

---

перемены формы военных. В Петербурге, кажется, нет двух офицеров одного и того же полка одинаково одетых: один уже в новой форме, другой не успел ес еще себе сшить, а третий уже в самой новейшей» (*Е. Штакеншнейдер*. Дневник и записки (1854—1886). Academia, 1934, стр. 103—104).

[2] См. наш биографический очерк «Д. А. Милютин» в кн.: «Дневник Д. А. Милютина», т. 1. М., 1947.

[3] Александру II были близки эти традиции. Он сам занимался распределением рекрутов по полкам гвардии, почти ежедневно посещал разводы караулов, происходившие в манеже, уделял огромное внимание смотрам и парадам. Вместе с тем проведение в жизнь тех или иных военных преобразований осуществлялось обычно с большим трудом. Так, в 1873 г. под влиянием фельдмаршала кн. А. И. Барятинского и великих князей Михаила и Николая Николаевичей организация армии чуть было не приобрела устройство, которое ей было присуще еще задолго до Крымской войны (см. мою книгу «Военные реформы 1860—1870 годов в России». М., 1952).

ются. Растет бюрократизация аппарата вообще и в военном ведомстве в частности, что влечет за собою рост ведомственного сепаратизма, достигавшего порой колоссальных размеров. В качестве примера приведем следующий факт. 11 июля 1903 г. начальником Главного штаба В. В. Сахаровым был представлен всеподданнейший доклад, касающийся развертывания в случае войны VII армии, предназначавшейся для обороны Балтийского побережья. Согласно указанию Николая II, «все морские средства, назначенные для обороны Балтийского побережья», подчиняются главнокомандующему VII армией [4]. Казалось бы, естественно, что это распоряжение должно было быть тотчас же сообщено морскому министру, однако на первом листе этого доклада неизвестной рукой сделана следующая помета: «Ген[ерал] Сахаров *не приказал* сообщать [это] решение морскому министру *до минуты объявления войны*» [5]. Трудно придумать что-либо более абсурдное.

Одной из особенностей русской армии конца XIX — начала XX вв. являлось усиление ее полицейских функций в связи с ростом социальных противоречий и массовых народных выступлений. В рассматриваемый период привлечение армии для выполнения полицейских обязанностей значительно усиливается. Надо заметить, что выполнение этих функций оказывало на солдат революционизирующее влияние, что всегда вызывало сопротивление военных властей.

Еще в середине 80-х годов, в связи с представлением губернаторам права производить массовые порки крестьян, выражавших свое недовольство, военный министр протестовал против привлечения к данной экзекуции солдат, мотивируя это тем, что «исполнение телесного наказания войсками не соответствует достоинству военного звания». Вследствие этого 10 марта 1886 г. был издан министром внутренних дел циркуляр, в котором говорилось, что указанные экзекуции необходимо осуществлять «лишь под охраною войска нарочно назначенными полицией людьми» [6].

---

[4] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 433, л. 170.

[5] Там же.

[6] *П. А. Зайончковский.* Российское самодержавие в конце XIX столетия, стр. 171. См. также «Выписки из правил о порядке призыва войск для содействия гражданским властям». Сост. поручик

В 1900 г. военный министр Куропаткин в одном из всеподданнейших докладов указывал на вредное влияние привлечения войск к подавлению народных выступлений. «[...] Командирование войск для содействия гражданским властям весьма вредно влияет на войска, если им приходится употреблять в дело оружие или если для избежания кровопролития войска вынуждаются к отступлению под напором толпы» [7]. О ненадежности войск в вопросе подавления народных выступлений пишет в своем дневнике в октябре 1902 г. и Киреев: «Жандармск[ий] генерал говорит, что на войска нельзя уже очень безусловно надеяться. В Колпине во время беспорядков выпущено было в толпу 76 пуль (почти в упор) и попало не более 3-х пуль. Мне кажется, что на армию наше правительство может положиться еще (для внутренних смут), но факт, приведенный ж[андармом], однако, может навести на размышления» [8].

Приведем данные о числе случаев привлечения войск к предупреждению и подавлению народных волнений в рассматриваемый нами период начиная с 1883 г. [9] (см. табл. на стр. 35).

Из приведенной таблицы можно установить, что полицейская роль армии усиливается, особенно с начала XX в. Достаточно сказать, что войска, привлекавшиеся в 1903 г. к выполнению полицейских функций, по численности равнялись $16^1/_4$ пехотных дивизий и 15 кавалерийским (помимо 12 отдельных команд и нескольких тысяч отдельных солдат). Это составляло примерно около $^1/_3$ всей пехоты, расположенной в Европейской России, и около $^2/_3$ всей кавалерии [10].

Швачкин. Гайсин, 1890, и брошюру «Употребление оружия воинскими чинами и командами в мирное время». Законы и разъяснения. Сост. подполковник Звонников. СПб., 1903.

[7] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 44.

[8] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 13, л. 174. Ту же мысль о ненадежности войск высказывал министр внутренних дел П. А. Валуев еще в 1861 г. «Мы опираемся на войско, — пишет он в дневнике за 7 марта 1861 г., — а войско уже рассуждает и находит, что на него опираться не следует» («Дневник П. А. Валуева», т. 1. М., 1961, стр. 81).

[9] Таблица составлена на основе «Годовых отчетов Главного штаба, помещенных в приложении к всеподданнейшим отчетам о действиях Военного министерства. 1883—1903». СПб., 1885—1905.

[10] По количеству пехоты это соответствовало численности ее в обеих западных армиях в 1812 г., а по кавалерии превышало ее численность.

Годы	Число случаев привлечения войск*	Численность войск
1883	51	36 3/4 батальона, 28 эскадронов
1884	49	16 3/4 батальона, 37 эскадронов
1885	45	21 1/2 батальона, 24 1/2 эскадрона
1886	35	29 батальонов, 16 орудий, 35 3/4 эскадрона и сотни
1887	20	12 1/2 батальона, 11 эскадронов и сотен
1888	19	6 1/4 батальона, 11 сотен
1889	14	8 батальонов, 7 эскадронов и сотен
1890	20	10 батальонов, 14 эскадронов и сотен
1891	20	13 батальонов, 2 орудия, 19 эскадронов и сотен
1892	19	8 1/2 батальона, 10 эскадронов и сотен
1893	15	13 3/4 батальона, 16 эскадронов, сотня и 6 команд
1894	15	Число войск не указано
1895	24	22 3/4 батальона, 24 эскадрона и сотни
1896	28	21 батальон, 14 1/2 эскадрона и сотня
1897	124	34 батальона, 54 1/2 эскадрона и сотни
1898	31	24 1/2 батальона, 38 3/4 эскадрона и сотни
1899	41	19 1/2 батальона, 21 3/4 эскадрона
1900	33	19 1/4 батальона, 23 1/4 сотни
1901	155	64 3/4 батальона, 110 1/4 эскадрона и сотни, 2487 солдат
1902	365	120 3/4 батальона, 295 эскадронов и сотен, 5 охотничьих команд, 2718 солдат
1903	322	1036 3/4 роты (259 батальонов), 241 эскадрон и сотня, 9 охотничьих команд, 1 местная команда, 2 учебные команды, 3331 солдат

* Случаи привлечения войск для преследования уголовных шаек, а также предотвращения холерных беспорядков исключены.

Надо сказать, что весной 1861 г., когда в связи с объявлением Положений 19 февраля 1861 г. начались массовые крестьянские волнения, охватившие в апреле — июне 42 губернии, численность войск была значительно меньшей, составляя 94 батальона пехоты, а в переводе на дивизии около шести. Численность же кавалерии составляла всего лишь 41 эскадрон[11] против 241 в 1903 г.

* * *

Обратимся к характеристике носителей самодержавной власти в рассматриваемый нами период.

[11] См. *П. А. Зайончковский.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958, стр. 65.

Убийство Александра II, осуществленное народовольцами 1 марта 1881 г., способствовало утверждению в России периода длительной реакции [12], коснувшейся всех сторон государственного организма, в том числе и армии. Этот период реакции, длившийся до начала русско-японской войны (несколько ослабленной под влиянием роста массового движения со второй половины 90-х годов), относится к периоду царствования Александра III и его сына Николая II.

Александр III, второй сын императора Александра II, становится наследником престола после смерти своего старшего брата Николая, умершего в 1865 г. от менингита [13].

Оправившись после первого испуга, связанного с убийством его отца, Александр III издает 29 апреля 1881 г. манифест об укреплении самодержавия. Внутриполитический курс характеризовался стремлением, елико возможно, сузить, обкарнать реформы 60-х годов, коль скоро уничтожить их было невозможно. При этом император полагал необходимым вернуть дворянству его былое значение первого сословия в государстве. Собственно, к этому и были направлены все мероприятия в области внутренней политики, получившие наименование «контрреформы» [14]. Надо сказать, что не все эти меры достигали желаемого результата. В тех областях, которые носили чисто административный характер, правительству удавалось достичь того, к чему оно стремилось, например в отношении закона о земских начальниках, вверявших крестьянство произволу местных дворян-помещиков. Те же меры, которые были в какой-то мере связаны с различными сторонами общественной жизни, не достигали своих результатов, точнее, достигали лишь в небольшой степени (Земская и Городская контрреформы). Наконец

---

[12] См. мои книги: «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов» (М., 1964) и «Российское самодержавие в конце XIX столетия».

[13] Подробную характеристику Александра III и его окружения см. в моей книге «Российское самодержавие в конце XIX столетия», стр. 35—81.

[14] В широком понятии этого слова они составляли «Временные правила о евреях» 1882 г., «Временные правила о печати» того же года, Университетский устав 1884 г., Закон о земских начальниках 1889 г., «Земскую контрреформу» и «Городовое положение» 1892 г. и, наконец, аграрное законодательство.

там, где эти мероприятия имели непосредственную связь с экономическими процессами, как аграрное законодательство, они не приносили почти никаких результатов, так как противодействовать процессу социально-экономического развития ни сам Александр III, ни его министры не были, естественно, в состоянии.

Однако дело было не только в тех реакционных мероприятиях, которые определяли собою царствование Александра III. Этот период характеризуется еще и ростом произвола, беззакония. Массовые противозаконные порки сотен крестьян, совершавшиеся без всякого основания, насильственное обращение в православие представителей нерусских национальностей и другие безобразия были довольно часты [15].

Важно отметить, что сам Александр III относился к такому произволу по меньшей мере безразлично, а то, пожалуй, и сочувственно. Можно привести ряд примеров, когда он вовсе не считался с существующими законами и поступал вразрез с ними. А. А. Киреев, говоря об этом в своем дневнике, пишет: «Александр III, оставаясь сам чистым как кристалл, смотрел на все эти свинства (воровство, произвол. — *П. З.*) сквозь пальцы» [16]. Действительно, будучи в отличие от большинства членов императорской фамилии и даже своего отца [17] лично честным, он с удивительной последовательностью потворствовал произволу, и не только потворствовал, но и сам осуществлял его.

Для отношения Александра III к существующим законам характерен приказ 1894 г. о дуэлях, находившийся в прямом противоречии с существующим законодательством [18]. Надо сказать, что произвол был широко распространен именно в конце XIX — начале XX в. Один из государственных деятелей периода царствования Николая I и Александра II, гр. Д. Н. Блудов, как-то, объясняя Николаю I различие между самодержавием и деспотизмом,

---

[15] См., например, о массовой расправе орловского губернатора Неклюдова над крестьянами дер. Оболешева, осуществленной без всяких на то оснований в угоду своему приятелю помещику Пущину, в моей книге «Российское самодержавие в конце XIX столетия», стр. 175—178.

[16] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 13, л. 220.

[17] См. ниже, стр. 54.

[18] См. ниже, стр. 242—243.

заметил, что «самодержец может по своему произволу изменять законы, но до изменения их или отмены их должен им сам повиноваться»[19]. При деспотическом образе правления этого совершенно не требовалось: деспот издает законы и им сам не подчиняется. Таким образом, в рассматриваемый нами период российское самодержавие все более и более приобретает черты деспотии[20].

Период реакции и произвола, утвердившийся в царствование Александра III, не мог не отразиться на состоянии военного ведомства. Через полтора месяца после вступления на престол Александра III вышел в отставку (в виде протеста против реакционного курса, провозглашенного манифестом 29 апреля) военный министр Д. А. Милютин. На его место был назначен генерал П. С. Ванновский, человек ординарного ума и скромного образования, да к тому же весьма грубый.

Профессор военной администрации А. Ф. Редигер, бывший в конце 90-х годов начальником Канцелярии Военного министерства, а впоследствии военным министром, характеризуя положение в военном ведомстве, писал в своих воспоминаниях: «Во все царствование императора Александра III военным министром был Ванновский, и во все это время в военном ведомстве царил страшный застой. Что это была вина самого ли государя или Ванновского, я не знаю, но последствия этого застоя были ужасны. Людей, неспособных и дряхлых не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а двигаясь по линии, утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда добирались до высших должностей, они уже мало отличались от

---

[19] «Дневник П. А. Валуева», т. 1, стр. 77. В. Н. Ламсдорф, чиновник Министерства иностранных дел, а впоследствии министр, характеризуя Александра III, писал: «Он не злой, но он опьянен властью и слишком ограничен, чтобы судить о вещах по существу, он не может признать, что есть пределы произволу» (*В. Н. Ламсдорф.* Дневник. 1891—1892 гг., стр. 342). Едва ли не как издевка звучат слова Витте о «славном» царствовании Александра III: «Я убежден в том, что если бы императору Александру III суждено было продолжать царствовать еще столько лет, сколько он процарствовал, то царствование его было бы одним из самых великих царствований Российской империи» (*С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 1, стр. 415).

[20] Надо заметить, что и Александр II, и даже Николай I в бóльшей мере считались с существующими законами, чем их преемники.

окружающей массы посредственностей. Этой ужасной системой объясняется и ужасный состав начальствующих лиц как к концу царствования Александра III, так и впоследствии, во время японской войны»[21].

Если в отношении среднего офицерского состава Ванновскому удалось добиться производства наиболее достойных офицеров не по старшинству, а «вне правил»[22], то назначение на высшие командные должности было сосредоточено целиком в руках императора[23].

Политическая реакция, повлекшая за собой застой и рутину, не могла не отразиться и на военном ведомстве, причем это имело место не только в области назначения командных кадров, но и в характере обучения войск, технической оснащенности армии и других вопросах. Справедливость требует сказать, что в некоторых частных вопросах, касающихся армии, Александром III были приняты положительные меры. Так, в какой-то степени были уменьшены плац-парадные традиции. В столице были отменены красочные майские парады на Марсовом поле, торжественные разводы караулов, упрощена фор-

---

[21] ЦГВИА, ф. Редигера, д. 2, л. 172. В другой части своих воспоминаний он прямо возлагает вину на Ванновского, так как «он дал устареть всему командному составу» (л. 280). Однако с этим положением согласиться нельзя. В первую очередь здесь были повинны и Александр III, и Николай II. Правда, Ванновский во всеподданнейших докладах и не ставил об этом вопроса, но Драгомиров в своем отчете командующего Киевским военным округом за 1893 г. прямо писал: «Заботясь о соблюдении очереди на всякое назначение, производство и награду, мы парализуем энергию деятельных людей и на опыте убеждаем, что работать от сердца не стоит, так как и без работы, только бы дожил и был терпим, получит то же» (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 506, л. 7).

[22] Так, в 1891 г. было разрешено производить строевых подполковников, занимающих должности командиров неотдельных батальонов, и помощников командиров кавалерийских полков в полковники «вне правил». «Мера эта, — писал Ванновский во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1892 г., — должна облегчить наиболее достойным подполковникам армии получение должности командира полка» (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 151, л. 19).

[23] Надо сказать, что Александр III, так же как и его дед Николай I, концентрировал в своих руках все назначения не только по военному, но и по гражданскому ведомствам. 6 мая 1894 г. был создан Комитет о службе чинов гражданского ведомства и наградах при собственной е. и. в. канцелярии, сосредоточивший в своих руках все назначения чиновников независимо от ранга (ПСЗ, 3-е собр., т. XIV, № 10578).

ма воинской одежды и, наконец, реорганизована армейская кавалерия, ликвидированы гусарские и уланские полки и переименованы в драгунские. Однако все это не могло существенным образом повлиять на характер тактической подготовки войск, продолжавшей сохранять плац-парадные традиции, ни на другие стороны армейской жизни.

Можно высказать предположение, что инициатором некоторых разумных мер был начальник Главного штаба (фактически товарищ министра) Н. Н. Обручев, человек большого ума и знаний. Впрочем, возможно, что упрощение формы, ликвидация армейских гусар и улан были предприняты по инициативе Александра III.

Он не любил, как говорят современники, военного дела[24], был, как уже говорилось выше, равнодушен ко всякого рода смотрам и парадам. Вопреки здравому смыслу он сократил средства, отпускаемые на армию. Программа действий Военного министерства, преподанная Александром III вновь назначенному военному министру, была весьма лаконична. По поводу своего назначения во всеподданнейшем докладе за 1881 г. Ванновский писал: наряду с указанием на проведение ряда мер «соизволили поставить мне на первом плане и в непрерывную обязанность принять безотлагательно все меры для уменьшения военных расходов»[25]. Ясно и категорично. Все свое основное внимание Александр III сосредоточивал на вопросах гражданского ведомства.

* * *

Политические взгляды Николая II[26] были примитивно реакционны, да и не могли быть иными. С одной стороны, влияние отца, которого он, естественно, любил и очень высоко чтил как крупнейшего государственного деятеля. С другой — система полученного воспитания, осуществлявшегося обер-прокурором Синода К. П. Победоносце-

---

[24] См. *В. П. Обнинский.* Последний самодержец. [Берлин], 1912, стр. 72.

[25] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 137, л. 1.

[26] О Николае II и его окружении см. содержательную статью Л. Г. Захаровой «Кризис самодержавия накануне революции 1905 г.». — «Вопросы истории», 1972, № 8.

вым, умным и образованным человеком, но вместе с тем не только реакционером, но порой и мракобесом[27–50]. Современные события рассматривались Николаем II в период пребывания его наследником сквозь призму воззрений мракобеса уже в полном смысле этого слова и одновременно проходимца и жулика кн. Вл. П. Мещерского, редактора газеты «Гражданин».

Дабы оградить будущего самодержца от тлетворного влияния различного рода прессы, Александр III поручает своему другу и «испытанному борцу с крамолой» Вл. П. Мещерскому составление для своего сына специального дневника, в котором содержалась бы оценка тех или иных злободневных вопросов. Об этом рассказывает начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов[51].

Вполне естественно, что слабовольный, не обладавший широтой мысли, Николай II не был в состоянии самостоятельно осмысливать политическую обстановку в стране, и его собственные воззрения окончательно сложились под влиянием отца и его менторов. Иначе и быть не могло. При этом он считал необходимым блюсти нерушимо чистоту самодержавия, всячески поддерживать и в политическом и экономическом отношении первое сословие — дворянство, стремиться к русификации нерусских народов, населяющих империю, и ряд других реакционных положений. Однако вся эта несложная политическая программа воспринималась им изолированно от других факторов — экономических, социальных, политических, характеризовавших состояние и процессы дальнейшего развития государства. Именно в силу этого Николай II напоминал собою лошадь с одетыми на нее шорами, которая упрямо двигалась в определенном ею самой на-

---

[27–50] Победоносцев оказывал влияние на Николая II и в период его царствования. Об этом не раз упоминает император в своем дневнике. В записи за 2 декабря 1895 г. он пишет: «Между докладами явился Победоносцев, как всегда с добрыми советами и всякого рода предостережениями» (ЦГАОР, ф. Николая II, д. 235, л. 67).

[51] Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом), ф. Феоктистова, 9120/116 14, л. 10). Этот факт подтверждается и наличием этого дневника, сохранившегося частью в фонде Александра III. На некоторых тетрадях этого дневника рукой Мещерского написано: «Для прочтения его императорскому высочеству государю-наследнику цесаревичу» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 114. Надпись на обложке).

правлении, вовсе не замечая, точнее, не будучи в состоянии заметить, что же происходит вокруг и куда она двигается. Он был чужд понимания национальных интересов государства, которым правил самодержавно. При этом он не понимал или не желал понимать разницы между государственным и частным началом. Так, в начале 900-х годов Николай пытался подарить трехмиллионную контрибуцию, получаемую Россией от Турции в результате войны 1877—1878 гг., черногорскому князю Николаю по просьбе своих дядей, великих князей Николая и Петра Николаевичей, женатых на дочерях этого князя[52].

Уже в начале своего царствования, 17 января 1895 г., Николай II на приеме депутаций земств в ответ на адрес Тверского земства, в котором говорилось о необходимости коренных реформ, заявил, что данное предложение является *«бессмысленными* мечтаниями», так как его, императора, основная цель — «охранять начала самодержавия»[53]. И вся его дальнейшая политика определялась этим. В некоторых вопросах внутренней политики он стоял даже на более реакционных позициях, нежели его отец. Так, в дневнике вел. кн. Константина Константиновича за 1903 г. имеется следующая запись: «Всякие прискорбные вещи сообщил мне упр[авляющий] М[инистерством] нар[одного] просвещ[ения]. В июле представил он государю свой проект преобразования средней школы. Государь вернул проект только 21 февраля с длинной резолюцией, требуя, чтобы Зенгер[54] внес в Госуд[арственный] совет соображения о сокращении числа гимназий (классических), чтобы значительно уменьшить число заведений, дающих право на получение высшего (университетского) образования, и с тем чтобы большинство классических гимназий были обращены в особые реаль-

---

[52] См. *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 2, стр. 266—267; «Дневник А. А. Половцова. 1901—1903». — «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 152—153. Только благодаря решительному протесту министра финансов Витте, с трудом убедившего императора, что этого делать нельзя, так как сумма контрибуции ежегодно вносится в государственную роспись, а следовательно, бесследно исчезнуть не может, Николай II отказался от своего намерения. Из средств Военного министерства кн. Черногорскому была установлена пенсия в размере нескольких сот тысяч рублей.

[53] *В. П. Обнинский.* Последний самодержец, стр. 48.

[54] Управляющий Министерством народного просвещения.

ные училища с 6 классами[55]. Это что-то невероятное и чудовищное»[56], — замечает великий князь. Того же добивался еще в середине 80-х годов министр народного просвещения Делянов, но Александр III не дал согласия на проведение такой меры[57]. Подобное решение, чуть было не принятое Николаем II в начале XX в., говорило о полнейшем непонимании им потребностей государства ни в политическом, ни в экономическом отношении. Нельзя не отметить, что необходимость обучения народа даже элементарной грамоте, как об этом будет сказано ниже[58], была императору не совсем ясна, точнее, совсем не ясна.

Николай II не терпел вокруг себя сильных личностей, и преобладающая часть его помощников были недалекими, бесцветными людьми, слепо и без всяких возражений выполнявшими волю монарха. Серый монарх окружает себя всегда серыми, безмолвно подчиняющимися его воле посредственностями. По этой причине должен был уйти в отставку Витте, а позднее — и Столыпин — правда, он не успел уйти в отставку, а ушел в могилу[59]. В силу этого качества его главные помощники — министры внутренних дел были людьми весьма заурядными и ограниченными, как Горемыкин, либо просто весьма недалекими, как Сипягин. «Когда государь окружен глуп-

---

[55] Это означало, что оканчивавшие эти училища не имели права поступать в какое бы то ни было высшее учебное заведение.

[56] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 51, л. 28. Запись за 27 февраля. Как говорится далее, в записи за 7 марта, Зенгеру удалось «после 3/4 часа настойчивого доклада убедить Николая II в нецелесообразности подобного решения», л. 32).

[57] См. мою книгу «Российское самодержавие в конце XIX столетия», стр. 355—359.

[58] См. стр. 47.

[59] Вскоре после вступления на престол Николая II был уволен в отставку ген. Гурко, командовавший войсками Варшавского военного округа и бывший варшавский генерал-губернатор. По этому поводу Витте в своих воспоминаниях пишет: «Его величество по характеру своему с самого вступления на престол вообще недолюбливал и даже не переносил лиц, представляющих собою определенную личность, т. е. лиц, твердых в своих мнениях, своих действиях. Увольнение Гурко — это первый случай проявления этой стороны характера его величества» (*С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 2, стр. 18). Эту черту характера царя отмечает и вел. кн. Константин Константинович. «Люди со слабой волей, — записывает он в дневнике о Николае II, — не переносят, когда им указывают на подчинение другому сильному человеку» (ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 51, л. 133. Запись 4 сентября 1903 г.).

цами и прохвостами вроде графа Муравьева (министра иностранных дел. — *П. З.*), которого Витте называл сыном Ивана Александровича Хлестакова, то не это еще будет»[60], — замечает А. С. Суворин.

К этой категории, однако, не принадлежал неглупый, но глубоко беспринципный бюрократ, обладавший лошадиной работоспособностью, Плеве. Все они в меру своих сил и способностей выполняли волю императора, либо не понимая того, что происходит в России, либо, как Плеве, не желая этого понимать[61]. Министры внутренних дел — каждый по-своему — вели решительную борьбу с «крамолой», понимая ее весьма расширительно. Интересен в этом отношении рассказ вел. кн. Константина Константиновича, касающийся воззрений Сипягина. «Министр просвещения, — заносит он в свой дневник 19 декабря 1901 г., — прислал мне для обсуждения в отделение русского языка и словесности (как президенту Академии наук, каковым являлся вел. кн. Константин Константинович. — *П. З.*) письмо министра вн[утренних] дел, в котором Сипягин, ссылаясь на бессилие цензуры в борьбе против пишущих без букв «ъ» и «ѣ» в конце слов и «ять», предполагает войти через Комитет министров со всеподданнейшим докладом о *высочайшем повелении, чтобы воспрещено было* допускать подобные уклонения от правописания. Сипягин видит в этих уклонениях колебание устоев государственного строя. Можно ли идти дальше по пути государственного безумия, часто заменяющего государственную совесть»[62], — резюмирует великий князь.

---

[60] *А. С. Суворин.* Дневник. М., 1923, стр. 175. Запись 1 января 1898 г. Как утверждает в своем дневнике тот же Суворин, Муравьев развлекал Николая II и его приближенных, выполняя роль бульдога: при слове «пиль» он подбрасывал монокль и налету ловил его глазом» (стр. 176).

[61] Плеве к тому же был и лицемер. С каждым он стремился говорить так, чтобы это соответствовало воззрениям собеседника. 10 апреля 1902 г. вел. кн. Константин Константинович пишет в дневнике следующее: «Был у меня новый м[инист]р вн[утренних] дел Вяч[еслав] Конст[антинович] Плеве [...]. Он произвел на меня самое благоприятное впечатление. Он противник административной высылки, в силу которой целыми сотнями выгоняли из Петербурга и Москвы лиц, якобы политически неблагонадежных, из которых значительное большинство оказывалось, очевидно, не заслуживающим и такого обвинения» (ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 50, л. 30). И это говорил Плеве, действия которого отличались вопиющим произволом.

[62] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 49, л. 66.

Одним из наихудших качеств Николая II, крайне отрицательно влиявшим на всю систему государственного управления, была любовь его ко всякого рода авантюристам и проходимцам, нередко выступавшим в обличии тех или иных ясновидцев. Как известно, придворная камарилья играет при самодержавном правительстве всегда большую роль, однако при Николае II значение ее было исключительно велико. «У государя, — говорит вел. кн. Константин Константинович, — несомненно есть склонность к тайным неизвестным путям, он нередко принимает у себя как бы тайно [...] разных лиц, чуждых чиновным людям и администрации; через этих людей он иногда даже делает распоряжения. Бывает, что министры получают высочайшее повеление через каких-то неведомых личностей, нашедших доступ к государю» [63].

В 1901 г. вел. кн. Николаем Николаевичем, страстным спиритом, был введен во дворец некий француз Филипп (по «образованию» — мясник, а по опыту работы — просто жулик, находившийся в неприязненных отношениях с парижской уголовной полицией) [64]. Филипп именовал себя оккультистом. Он «начал вызывать духов, и прежде всего тень его отца, А[лександра] III, который диктует своему сыну приказания относительно того, как следует управлять нашим бедным отечеством» [65], — рассказывает в дневнике А. А. Половцов.

---

[63] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 50, л. 82. Запись 19 августа 1902 г. Об этом же говорит в своем дневнике и Куропаткин (ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871). Если склонность к различного рода святошам и ясновидцам определялась мистическими настроениями как императора, так и императрицы, то приближение к себе различного рода авантюристов типа Безобразова, Вонлярлярского нельзя объяснить и этим.

[64] Когда из Парижа были доставлены заграничной агентурой неблагоприятные сведения о Филиппе и доложены царю, он велел немедленно уволить того, кто собирал эти сведения.

[65] «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 152—153. Дневник Николая II полон восторженных отзывов о «нашем друге», как он его именует. Так, 9 июля 1901 г. император пишет: «M-r Philipp был с нами [...]. Слушали его с умилением» (ЦГАОР, ф. Николая II, д. 243). На другой день: «Весь вечер провели в Ренелли. M-r Philipp говорил и поучал нас. Что за чудные часы» (там же). 12 августа 1902 г. Николай II снова записал в дневник: «Счастливый день [...], приехал «наш друг». Обедали и провели весь вечер на Знаменке в обществе «нашего друга». Что за радость его видеть» (д. 244, л. 84). Интересно отметить, что впоследствии Распутин также именовался «нашим другом». Филипп оказал еще одну «большую услугу» династии: начал

Обстановка, сложившаяся при дворе, методы управления страной свидетельствовали о глубоком кризисе самодержавия, о его нравственном разложении. В этом отношении большой интерес представляет рассказ вел. кн. Константина Константиновича о своей беседе с вел. кн. Николаем Михайловичем, происходившей в 1903 г.: «Он всегда довольно мрачно смотрел на жизнь; настоящее положение России представляется ему роковым; он ожидает от ближайшего будущего чрезвычайных событий. Я, — продолжает вел. кн. Константин Константинович, — не могу не согласиться с ним, что причина нашего нестроения — слабоволие государя и его бессознательное подчинение влияниям то одного, то другого, последний из докладывающих всегда прав» [66], — с грустью заключает он.

заниматься здоровьем императрицы, «заявив, что он может обеспечить рождение сына, если не на этот раз, то непременно на следующий», — рассказывает Половцов («Красный архив», 1923, т. 3, стр. 153). За заслуги по обеспечению продолжения императорского рода Филипп honoris causa получил диплом врача путем оформления этой операции через Военное министерство, точнее, Военно-медицинскую академию. Этот факт подтверждает в своем дневнике сам Николай II. 9 ноября 1901 г. он пишет: «Провел остаток дня и весь вечер с нашим другом [...]. Я ему достал диплом на звание лекаря из Военно-медиц[инской] академии. Николаша (вел. кн. Николай Николаевич. — *П. З.*) тотчас же заказал ему мундир нашего военного врача» (ЦГАОР, ф. Николая II, д. 243). Первоначально по этому поводу обратились с просьбой к президенту Французской республики Лубэ, но он принужден был отказать, так как это могло бы повлечь за собою падение кабинета (см. «Дневник А. А. Половцова, 1901—1903». — «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 159). Кроме того, Филипп получил чин IV класса — действительного статского советника, чин «превосходительства», дававший ему потомственное российское дворянство. (Собственно говоря, Филипп открыл собою целую вереницу проходимцев и авантюристов, группировавшихся вокруг трона. Филипп был первым, Распутин — последним.)

[66] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 51, л. 132, 133. Запись 4 сентября 1903 г. «Чуждаясь независимых людей, — писал о Николае II Кони, — замыкаясь от них в узком семейном кругу, занятом спиритизмом и гаданиями, смотря на своих министров как на простых приказчиков, посвящая некоторые досужие часы стрелянию ворон [...], он жил окруженный сетью охраны, под защитой конвоя со звероподобными и наглыми мордами, тратя на это огромные народные деньги. Отсутствие сердечности и взгляд на себя как на провиденциального помазанника божия вызывали в нем приливы горделивой самоуверенности» (*А. Ф. Кони.* Собр. соч., т. 2, стр. 381). Эта самоуверенность и самовлюбленность и обусловливали тот величайший произвол и беззаконие, которыми характеризовалось царствование последнего русского самодержца, особенно в первый период его правления.

Отношение Николая II к нуждам военного ведомства — армии мало чем отличалось от общего курса его политики. Многое касающееся военных вопросов он не понимал вовсе, что определялось его общеполитическими воззрениями. Так, он не понимал основной потребности армии — необходимости элементарного повышения культуры солдата путем распространения грамотности среди населения. В отчете за 1898 г. командующий войсками Киевского военного округа ген. Драгомиров писал: «Нельзя, однако, не упомянуть, что успех подготовки войск много зависит также и от населения, которое в значительной степени могло бы облегчить задачу обучения, если бы давали армии грамотных людей [...]. Поэтому не могу не высказать [мысль] о необходимости введения обязательного обучения грамотности в населении и о введении обязательного, и притом контролируемого, обучения русскому языку в инородческих школах»[67]. Как реагирует император на необходимость всеобщего обучения грамоте населения? Никак, но зато слова «введение обязательного [...] обучения русскому языку в инородческих школах» подчеркнуты им.

Это еще раз свидетельствует, что Николай II не был в состоянии объять всю совокупность того или иного вопроса, не мог составить себе ясного представления о насущных потребностях армии. Необходимость русификации «инородческого» населения являлась одним из пунктов его политической программы, а целесообразность обучения грамоте всего населения, хотя бы с точки зрения боевой подготовки солдат, не говоря уже о потребности в этом страны, была ему недоступна и потому проходила мимо его внимания.

О роли военной техники он имел представление довольно слабое. Николай II не был уверен, что разгром в Крымской кампании явился результатом технической отсталости России. Так, в разговоре с Куропаткиным 17 января 1898 г. по поводу введения скорострельной артиллерии «государь высказал мнение, что, как бы ни улучшали технику, главное — человек. Указал на абиссинцев. Я оспаривал, — пишет далее Куропаткин, — говоря, что усовершенствованное оружие имеет большое

[67] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 511, л. 3.

значение. Государь указал на Севастополь, сказав, что мы стали ссылаться на несовершенство нашего оружия только после войны»[68]. То, что стало ясно Николаю I накануне его смерти, не было поняго его правнуком. В другом месте своего дневника тот же Куропаткин приводит слова Николая II, что он долго сопротивлялся введению новых ружей (трехлинейной многозарядной винтовки), обладавших скорострельностью[69].

Отдельные мероприятия, предложенные Куропаткиным и носившие положительный характер (введение предельного возраста офицеров, производство на высшие командные должности «вне правил» — по способностям), хотя и принимались Николаем, но далеко не всегда полностью реализовались. Надо сказать, что в нем, как уже отмечалось выше, в отличие от отца чрезвычайно сильны были плац-парадные традиции: он восстановил майские петербургские парады, обращал большое внимание на различные внешние атрибуты формы. Так, уже в первые годы царствования, он вносит много мелких изменений в форму тех или иных родов войск либо полков (пуговицы, кисти, надписи на шапках и т. д.). После русско-японской войны было проведено кардинальное изменение формы: вся армия была переодета с головы до ног. В армейской кавалерии вновь были восстановлены гусарские и уланские полки, парадная форма которых в условиях XX в. носила опереточный характер. Без преувеличения можно сказать, что военного дела он не понимал вовсе и обучение войск воспринималось им исключительно с точки зрения внешнего эффекта. Это подтверждают многочисленные оценки им различного рода учений[70]. Ему всерьез представлялось возможным производить тактические учения на Марсовом поле. 3 мая 1897 г. он заносит в дневник: «На Марсовом поле стоял сводный полк из измайловцев и егерей в усиленном составе. Цель смотра состояла в том, чтобы наглядно ознакомиться с некоторыми нововведениями в проектированном новом уставе. Учение началось с одной из рот, затем был вы-

---

[68] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1872, л. 3.

[69] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871, л. 18.

[70] В его дневнике по этому поводу мы встречаем многочисленные эпитеты «красиво», «лихо», «эффектно», «блестяще», «стройно» и т. д. (ЦГАОР, ф. Николая II, д. 234, 237, 246).

зван батальон, который произвел наступление с рассыпанием и стрельбой, и наконец весь полк проделал несложную ломку фронта. Войска прошли два раза церем[ониальным] маршем»[71]. Остается совершенно непонятным, как мог батальон в усиленном составе проводить наступление в рассыпном строю на Марсовом поле[72].

Николай II обычно бывал на всех крупных маневрах — Белостокских, Курских, Псковских и др. Впечатления от этих маневров фиксируются в его дневнике, однако ни разу в его записях не содержатся общие оценки, выводы, замечания. Все это воспринимается с точки зрения «красивости» и «эффектности». Остальное было ему непонятно. Однако он искренне считал себя знатоком военного дела. Ничем иным нельзя объяснить то, что в феврале 1903 г. он, намечая кандидатуры главнокомандующих фронтами и командующих армиями на случай войны с Германией и Австро-Венгрией, предназначает себя в качестве верховного главнокомандующего[73].

Ко всему этому надо сказать, что основной вред, наносимый армии ее императором, заключался в предоставлении права вмешиваться в дела военного ведомства как великим князьям, так и различного рода авантюристам. Как невероятное явление можно привести факт предоставления авантюристу Безобразову, одному из виновников русско-японской войны, права самостоятельно производить передвижение войск, без ведома военного ведомства. Весьма осведомленный в делах, совершавшихся в высших сферах, вел. кн. Константин Константинович в дневнике за 17 июля 1903 г. пишет: «Слышал удивительные вещи от Куропаткина. С некоторых пор государь возымел доверие к некоему Безобразову, которого ко всеобщему изумлению возвел в высокий сан статс-секретаря. Безобразов по высочайшему повелению отправился [...] в Порт-Артур [...]. По его представлению, без ведома военного министра, отдано повеление о передвижении в Южную Манжурию воинских ча-

---

[71] ЦГАОР, ф. Николая II, д. 237, л. 42.

[72] Усиленный батальон должен был составлять около 900 человек, если иметь в виду, что численность роты по штатам военного времени равнялась 225 человекам.

[73] См. ниже, стр. 149.

стей...»[74] По личному распоряжению Николая II Безобразову, не занимавшему никакого официального поста, передаются особо секретные документы о развертывании армии на Дальнем Востоке[75]. Далее, пожалуй, идти было некуда.

* * *

Обратимся к великим князьям. Именно они занимали в армии ряд важных постов, вмешиваясь в дела военного ведомства. Недаром С. Ю. Витте говорил Куропаткину накануне его назначения министром, что главные его враги «будут великие князья. Это большое зло, — замечал он. — Ничего не признают. Закон для них не писан»[76]. О вмешательстве великих князей в дела, их не касающиеся, «и в особенности в области военной», рассказывает в своих воспоминаниях тот же С. Ю. Витте[77].

В рассматриваемый нами период генерал-фельдцехмейстером, т. е. шефом, артиллерийского ведомства был вел. кн. Михаил Николаевич; главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа — вел. кн. Владимир Александрович; командующим войсками Московского военного округа — вел. кн. Сергей Александрович; инспектором кавалерии — вел. кн. Николай Николаевич (младший), командовавший в 80-е и начале 90-х годов л.-гв. Гусарским полком, а позднее был начальником дивизии. Начальником Главного управления военно-учебных заведений с 1900 г. был вел. кн. Константин Константинович, в прошлом командир л.-гв. Преображенского полка; вел. кн. Николай Михайлович командовал дивизией на Кавказе, и, наконец, генерал-адмиралом был брат Александра III вел. кн. Алексей Александро-

---

[74] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 51, л. 104. Как рассказывает сам Куропаткин в своем «отчете» «Итоги войны», создание наместничества на Дальнем Востоке было осуществлено также без его ведома (см. «Итоги войны». Отчет генерал-адъютанта Куропаткина, т. 4. Варшава, 1906, стр. 121).

[75] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 648. 15 августа 1903 г. Куропаткин запретил дальнейшую выдачу Безобразову секретных документов, что вызвало со стороны последнего большой гнев (л. 76).

[76] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871. Дневник, запись 24 декабря 1897 г., л. 11. Об этом Куропаткину говорил и Ванновский, о чем Куропаткин записывает: «...главные заботы и огорчения ему, Ванновскому, причиняли великие князья» (л. 10).

[77] См. *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 2, стр. 14.

вич — глава морского ведомства, вмешивавшийся также и в дела Военного министерства. Прочие великие князья не занимали каких-либо самостоятельных постов, будучи младшими офицерами в тех или иных гвардейских полках.

Попытаемся охарактеризовать некоторых из них, игравших наибольшую роль в делах военного ведомства. Вел. кн. Михаил Николаевич, генерал-фельдцехмейстер, был на редкость, впрочем, как и его брат, Николай Николаевич-старший, ограниченным человеком[78].

В военном отношении Михаил Николаевич был также бездарен, да, впрочем, по-видимому, он и сам понимал это. Во время русско-турецкой войны великий князь, «руководя» военными действиями в Закавказье, обнаружил свою полную неспособность и, по словам кн. Святополк-Мирского, любил повторять следующую фразу, превратившуюся в его поговорку: «Решительно теперь вижу, что лучше быть кучером, чем главнокомандующим в военное время»[79]. Однако, несмотря на это, он, так же как и его брат Николай, главнокомандующий на Балканском театре войны, получил высший военный чин — генерал-фельдмаршала. Помимо всех перечисленных качеств вел. кн. Михаил Николаевич обладал еще одним, не столь уж необходимым военным людям: он был чрезмерно болтлив. «Ты хорошо знаешь, — писал вел. кн. Владимир Александрович своему брату Александру III, — что то, что говорится дяде Мише лично или произносится в его присутствии, то на следующий день становится известным всему городу»[80]. При всех этих «достоинствах» вел. кн. Михаил Николаевич считался непревзойденным военным авторитетом: в царствование и Александра III, и Николая II во время производства крупных маневров он являлся неизменным арбитром — главным посредником, хотя и не был вовсе способен к какому-либо анализу действий войск[81].

---

[78] Подробнее его характеристику см. в кн.: *П. А. Зайончковский.* Российское самодержавие в конце XIX столетия, стр. 49—50.

[79] «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. 1, стр. 102.

[80] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 738. Письмо от 2 мая 1889 г., л. 83.

[81] Каждый раз вел. кн. Михаил Николаевич за выполнение обязанностей главного посредника получал (за 8—10 дней) единовременно по 7500 руб. «на покрытие неизбежных усиленных расходов,

Являясь шефом артиллерии, он непрерывно вмешивался в дела этого ведомства. Казалась бы бесспорной необходимость включения артиллерийских бригад в состав пехотных дивизий, т. е. подчинения их начальникам дивизий. Однако вел. кн. Михаил Николаевич всячески этому противодействовал, и все попытки Куропаткина добиться осуществления данной меры ни к чему не приводили [82].

Вообще артиллерийское ведомство рассматривалось как своеобразная вотчина генерал-фельдцехмейстера. В этом отношении представляет интерес письмо вел. кн. Сергея Александровича, командующего войсками Московского военного округа, Николаю II. «Приятная поездка была в Клементьевский лагерь [83] для смотра артиллерии, — пишет он 28 июня 1897 г., — лагерь превосходный, поле отличное. Умоляю тебя не выдавать меня д[яде] Мише, но стрельба была ужасно слаба, и даже мортиры плохо стреляли. Поражаемость была самая незначительная. Лихости при выезде батарей не было. Собрав все начальство, в очень мягких выражениях я им это высказал» [84]. Тон письма и содержание по меньшей мере странные. Создается впечатление, что автор его, заехав в имение к дяде, обнаружил там серьезные недочеты, о чем «в очень мягких выражениях» сказал администрации. Что касается дяди, то сказать ему об этом было нетактично. В артиллерийском ведомстве было много недостатков, даже прямых злоупотреблений. Все это проходило мимо его шефа [85].

маневрами вызванных» (ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 4216, л. 208). Интересно отметить, что командующий армией (командующий войсками округа) за то же получал 3 тыс. руб., командир корпуса и начальник дивизии — по 500 руб., отдельные категории командного состава получали суточные: генералы — по 10 руб., штаб-офицеры — по 7, а обер-офицеры — по 4 руб. (л. 105).

[82] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1896. Дневник, запись 13 марта 1901 г., л. 29. Осуществить это удалось лишь после русско-японской войны.

[83] Лагерь артиллерии Московского военного округа в 25 верстах от Можайска.

[84] ЦГАОР, ф. Николая II, д. 1340, л. 164.

[85] А. А. Киреев неоднократно в своем дневнике за 1887—1891 гг. упоминает о злоупотреблениях в Главном артиллерийском управлении. Так, в записи за декабрь 1887 г. он пишет: «Не понятно, как такой энергический и прямой человек, как Ванновский, зная, что творится в Артиллер[ийском] департ[аменте], не прогонит этих воров и

Его родной брат вел. кн. Николай Николаевич-старший, именуемый так в отличие от своего сына Николая Николаевича-младшего (бывшего верховным главнокомандующим в первой мировой войне), мало чем отличался от фельдцехмейстера. Однако современники, включая и членов императорской фамилии, полагали, что пальма первенства по глупости все же принадлежит ему, Николаю Николаевичу. Даже весьма примитивный, далеко не гигант мысли Александр III понимал эту особенность своего дяди. Так, находясь на театре военных действий, будучи еще наследником престола, он в письме к жене, пытаясь объяснить тяжелое положение русских войск на театре войны, так характеризовал главнокомандующего Дунайской армией: «Д[ядя] Низи (так звали вел. кн. Николая Николаевича в семейном кругу. — *П. З.*) был всегда глуп — откуда же должен явиться такой гений, чтобы из глупого человека преобразоваться в умного»[86]. После третьего неудачного штурма Плевны он совершенно растерялся и ставил вопрос об отходе за Дунай, т. е. очищении всей Болгарии. Однако в конце концов благодаря мужеству и героизму русских офицеров и солдат, ценою большой крови кампания была выиграна. «Дядя Низи» получил фельдмаршальские эполеты. Не обнаружив буквально никаких способностей военачальника, он вместе с тем считался крупным военным авторитетом и, не занимая никакой специальной должности (до войны он командовал войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа), играл большую роль в военных вопросах.

Он участвовал в работе различных комиссий, иногда и возглавлял их, инспектировал войска. Так, в первой половине 80-х годов он ежегодно проверял состояние различных военных округов. Едва ли эти инспекции приносили много пользы. В отчете за 1883 г. вел. кн. Николай Николаевич писал: «Относительно строевого образования, наружного вида, рвения, усердия и готовности по мере сил и возможности исполняют предъявляемые тре-

---

старого, может быть, честного Софияно (товарища генерал-фельдцехмейстера. — *П. З.*) (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 11, л. 31). По-видимому, и военный министр не мог вмешиваться в дела этого ведомства.

[86] *П. А. Зайончковский.* Российское самодержавие в конце XIX века, стр. 37. О вел. кн. как главнокомандующем см.: «Дневник Д. А. Милютина», т. II. М., 1949.

бования, осмотренные в этом году части войска [. . .] находятся в том же отличном состоянии, в каком мною были найдены войска, осмотренные в предшествующие 1880, 1881, 1882 годы»[87]. Далее говорилось, что обнаруженные недостатки с каждым годом уменьшаются и устанавливается «общее единообразие». Частные недочеты, отмечаемые в отчете, были слишком общи и ничего путного в себе не содержали, за исключением, разве, указания на необходимость стрелять по подвижным целям и целесообразность организации двусторонних маневров, хотя и это было общеизвестно и ничего оригинального собою не представляло. Современники характеризуют вел. кн. Николая Николаевича однозначно — «человеком весьма и весьма ограниченным» и к тому же нечистым на руку. Нуждаясь обычно в деньгах, он извлекал большие выгоды из железнодорожных концессий[88].

В начале 90-х годов вел. кн. Николай Николаевич сошел с ума[89–90], а затем вскоре и умер.

---

[87] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 3814, л. 18.

[88] См. «Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы 1848—1896», стр. 311—312. Надо заметить, что в 70-е годы подобными делами занимался не только вел. кн. Николай Николаевич. Сам Александр II широко раздавал концессии тем или иным близким ему людям для их обогащения. Рассказывая о подобных фактах в своем дневнике, Д. А. Милютин пишет: «Остается только дивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может быть до такой степени чуждым обыкновенным, самым элементарным началам честности и бескорыстия» («Дневник Д. А. Милютина», т. I, стр. 162). Надо заметить, что Александр III, будучи наследником престола и впоследствии императором, был чужд этого.

[89–90] Как рассказывает в своем дневнике А. А. Половцов, великий князь Михаил Николаевич, человек далеко и далеко не умный, был очень поражен тем обстоятельством, что «человек непомерной глупости может тем не менее сойти с ума» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 318). Еще в 1890 г., несмотря на обнаружившуюся психическую ненормальность, вел. кн. Николай Николаевич-старший был назначен главным посредником на больших маневрах войск Киевского и Варшавского военных округов. Как рассказывает в своих воспоминаниях Ф. К. Гершельман, бывший на этих маневрах одним из посредников, «великий князь временами впадал в состояние тяжелых припадков, терял почти сознание и в общем был ослабленной умственной деятельности» (*Ф. К. Гершельман.* Воспоминания пережитого, ч. V, стр. 206). Правда, Гершельман тут же утверждает, что у главного посредника наступали и «периоды полного сознания» (там же). Подобный факт достаточно свидетельствует об отношении Александра III к армии, так как он не мог не знать о состоянии здоровья своего дядюшки.

Вел. кн. Владимир Александрович, младший брат Александра III, был в отличие от своих дядей человеком неглупым, в меру образованным, однако чрезвычайно ленивым. Его близкий друг А. А. Половцов дает ему далеко не лестную характеристику: «Владимир — умный, сердечный, добрый, более других образованный [...] с самого детства был склонен к лени, рассеянности и обжорству» [91]. Более резко характеризует его Киреев — «лентяй, эгоист, весь ушедший в брюхо» [92]. Что касается его лени, то об этом достаточно свидетельствуют письма к нему Александра III. Так, в письме к вел. кн. Владимиру Александровичу Александр III 28 октября 1884 г. писал: «Я все ожидаю, что на днях ты вернешься в Россию, и только сегодня узнал от д[яди] Миши, что ты намерен быть дома только 13 ноября. [...] Вообще мне и многим кажется странным, что вот уже почти 10 лет подряд ты каждый год ездишь за границу без всякой нужды. Это тебе очень вредит в глазах и мнении твоих подчиненных и неправильно в служебном отношении [...]. Я понимаю, что иногда это приятно и отчего же не съездить, если ничего не мешает, но никак не всякий год, а через 2 года в третий, да и то много» [93]. Однако, судя по другим письмам, Владимир Александрович продолжал свои ежегодные вояжи за границу.

Надо сказать еще о двух его качествах — подхалимстве и бессердечности. Первое подтверждается письмом к Александру III. Так, направляясь для инспектирования войск в 1885 г., он пишет брату: «Верь мне, что я смотрю на предстоящее путешествие не как на забаву или развлечение, а как на службу серьезную, которую служу тебе. Цель у меня не выдвижение моего ничтожного «я» на первый план, не погоня за популярностью, а единственное прославление твоего доброго имени» [94]. Едва ли это искренне даже для верноподданного брата, который к тому же был бесспорно умнее императора.

---

[91] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 44, л. 20—21.

[92] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 11, л. 152. Запись 14 декабря 1889 г. Действительно, вел. кн. Владимир Александрович был большим гурманом. Свидетельством этому является наличие в фонде 3744 меню (ЦГАОР, ф. 652, д. 852—897). Зато никаких следов его интеллектуальной деятельности в этом фонде не сохранилось.

[93] ЦГАОР, ф. вел. кн. Владимира Александровича, д. 380, л. 11. См. там же и другие письма: 20, 21, 22 февраля и 3 мая 1889 г.

[94] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 738, л. 44.

Второе свидетельство, касающееся бессердечности, принадлежит А. С. Суворину. В дневнике за 22 мая 1896 г. у него имеется следующая запись: «Вчера перед отъездом я видел d'Alheim'a, корреспондента «Temps». Он мне рассказывал, что 19 мая вел. кн. Владимир, принц неаполитанский и др. забавлялись возле Ваганьковского кладбища стрельбой голубей, в то время когда на этом кладбище происходили раздирающие сцены [...]. Народ, — замечает Суворин, — тоже не похвалит за это, когда узнает. А узнает он наверное»[95]. Это, по-видимому, соответствует истине, так как к драме на Ходынке вел. кн. Владимир отнесся действительно с безразличием. Об этом говорит в своем дневнике вел. кн. Константин Константинович[96].

К своим служебным делам вел. кн. Владимир Александрович относился весьма равнодушно. Он мало вмешивался в дела командования Петербургским округом, возложив это на начальника своего штаба ген. Бобрикова[97]. Во всяком случае плац-парадные традиции при нем процветали вовсю. Генерал Б. В. Геруа в своей книге «История моей жизни», вспоминая о маневрах под Красным Селом, происходивших либо в конце 90-х, либо в начале 900-х годов, рассказывает о роли главнокомандующего вел. кн. Владимира Александровича[98]. «Бубенцы великокняжеской тройки, — пишет Геруа, — дали сражающимся знать, что главнокомандующий прибыл на ма-

---

[95] «Дневник А. С. Суворина». М.—Пг., 1923, стр. 110.

[96] Дело в том, что Николай II, как рассказывает вел. кн. Константин Константинович, приехал на бал французского посла, происходивший в день Ходынской трагедии, с первоначальным намерением «только показаться»; однако по настоянию ряда своих родственников, первым из которых он называет вел. кн. Владимира, остался, «т[ак] к[ак] отъезд с бала показался бы «сентиментальничанием»» (ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 43, л. 66. Запись 19 мая 1896 г.). Вполне естественна после этого и охота на голубей рядом с Ваганьковым.

[97] Говоря о Бобрикове, впоследствии финляндском генерал-губернаторе, А. А. Половцов в связи со слухами о назначении Бобрикова министром внутренних дел вместо убитого Сипягина в своем дневнике в 1902 г. пишет: «Этот дикий, грязный во всех отношениях унтер-офицер, на несчастье Финляндии, остался ее мучителем; вероятно, ненадолго» («Красный архив», 1923, т. 3, стр. 133). Слова Половцова оказались пророческими: Бобриков был убит в Гельсингфорсе.

[98] Геруа на этих маневрах состоял ординарцем при главном посреднике.

невры и следит за ходом действий. Многое делалось по старинке: кавалерия бросалась, не смущаясь обозначенным огнем, на пехотные цепи и на стреляющие батареи. Для отражения этих атак в духе Прейсиш-Эйлау и Бородина пехотные резервы выходили, держа ногу в сомкнутом строю, на линию цепей и производили залпы [...]. Конные ординарцы носились вдоль фронта как зачарованные против воображаемых пуль и осколков. Нечего и говорить, что батареи картинно выезжали на гребни горок, лихо снимались с передков на виду у неприятеля и становились на открытых позициях. Не отличалось свежестью и решение задачи: давно установился порядок, по которому нужно было обстрелять, скажем, Кавелахтские высоты или брать приступом Лабораторную рощу» [99]. По окончании этих маневров, мало отличавшихся от ежегодных майских парадов на Марсовом поле, происходил разбор действий войск. Заключал начальник штаба округа ген. Васмунд [100], после которого выступил великий князь. «Начальник штаба, — сказал он, взвешивая слова, — указал на ошибки. Я могу прибавить, что маневр разыгрался отлично: пехота наступала, кавалерия скакала, артиллерия стреляла. Благодарю Вас, господа» [101].

Для вел. кн. Владимира Александровича важна была только плац-парадная сторона состояния войск. Подтверждением этому служит, между прочим, его всеподданнейший рапорт об осмотре войск гвардии в Варшав-

[99] Генерального штаба генерал-майор Борис Владимирович Геруа «Воспоминания о моей жизни», т. I. Париж, 1969, стр. 89—90.

[100] Сменивший на этом посту Бобрикова в конце 90-х годов.

[101] *Б. В. Геруа.* Указ. соч., т. I, стр. 91. Однако роль вел. кн. Владимира Александровича в руководстве этими маневрами в Красносельских лагерях, маневрами, носившими эффектно-театральный характер, оценивалась Николаем II иначе. Так, в официальном письме к вел. кн. Владимиру в 1903 г. по поводу маневров войск Петербургского округа под Псковом в 1903 г. он писал: «Присутствуя на отрядных маневрах в Красном Селе, указывая и разъясняя войскам на месте исполнения все их ошибки, меняя им задачи тут же, на самом поле действий, Вы приучили начальников всех степеней быстро разбираться в обстановке и решаться на новый шаг, вызванный новыми условиями, не ожидая на то особых приказаний» (ЦГВИА, ф. Секретарской части при военном министре, оп. 4, д. 31, л. 7). Черновой экземпляр — машинка с карандашной правкой. Рукой Куропаткина подпись: «Сердечно любящий Вас племянник Николай». Вверху его же рукой: «Весьма спешно. Начальнику Гл. штаба. Прошу переписать и доставить мне завтра утром». Датировано опять-таки рукой Куропаткина: «Псков, 10 августа 1903 г.» По-видимому, он был составлен Куропаткиным.

ском военном округе от 25 мая 1898 г. Так, он писал: «При таких смотрах я убедился в твердом знании своего дела г.г. офицерами и надежной подготовке нижних чинов во всех трех родах оружия [...]. Все части были отлично выровнены на месте, безошибочно исполняли уставные построения и передвижения, совершая их смелым и твердым шагом, ружья и шашки держали правильно, твердо сидели в седле, конем управляли умело, посадку и направление держали верно во всех аллюрах, команды подавались сноровисто и ловко исполнялись; спокойствие, отсутствие суеты, тишина и внимание в строю со стороны всех чинов были безупречны. Люди вообще смотрели бодро, были везде щеголевато обмундированы и имели надлежащее, тщательно сбереженное и хорошо пригнанное снаряжение [...]. Конная батарея хотя училась очень хорошо, но при этом не выказала той лихости, какая должна быть присуща нашей конной артиллерии»[102]. Вел. кн. Владимир Александрович по примеру своего отца сам распределял новобранцев по отдельным полкам гвардии[103]. Все это говорило о том, что армия в его представлении рассматривалась только с плац-парадной точки зрения.

Такова характеристика великих князей — за небольшим исключением не имевших образования и систематических знаний, ограниченных, к тому же бездельников, пьяниц. Все это естественно подрывало престиж императорской фамилии. «Мне думается, что наше достоинство падает [...] от беспорядочного поведения великих князей[104–129], — заносит в свой дневник вел. кн. Константин

---

[102] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 4245, л. 10. О боевой подготовке войск в этом рапорте не говорится ни слова.

[103] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 738, л. 13.

[104–129] Подобное разнузданное поведение было характерно не только для членов российского императорского дома. В этом отношении представляет интерес дневниковая запись Киреева, относящаяся к периоду пребывания его в Австро-Венгрии (октябрь 1896 г.): «Мы жалуемся на таких велик[их] князей, как полусумасшедший Никол[ай] Константинович или пьяница Николай Николаевич, споивший свой Л[ейб]-гусарский полк, но это пустяки в сравнении со здешними. Напр[имер], настоящий наследник престола [...] встречает похоронное шествие (он возвращался верхом со знакомыми молодыми людьми), останавливает шествие, велит снять гроб и прыгает через этот удивительный барьер» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 12, л. 95). Действительно, члены российского императорского дома до этого не доходили.

Константинович. — Однако из них никто почти этого не понимает»[130].

Вся эта компания невежд вместе с тем мнила себя компетентной в любой области государственной жизни, особенно военной. И они непрерывно вмешивались в различные отрасли государственного управления, в первую очередь в дела военного ведомства.

Одной из причин (помимо ряда других) ухода с поста военных министров Ванновского и отчасти Куропаткина[131] была рознь с великими князьями, грубо вмешивавшимися в те или иные вопросы повседневной жизни армии.

В. П. Обнинский, автор книги «Последний самодержец», характеризуя роль императорской фамилии в военном ведомстве незадолго до мировой войны, писал: «Можно было бы ожидать, что военное образование, служба в строю и управление целыми отраслями военного дела сделали из русской царской фамилии серьезных знатоков, способных лично двигать боевой прогресс армии и, во всяком случае, способных открывать в нем задерживающие моменты.

Но этих сторон солдатчина ни в ком из князей никогда не развивала: русские императоры оказывались бессильными вносить в излюбленное ими ремесло что-либо, кроме новых форм одежды [...] и новых знаков отличия»[132].

И в этом отношении Обнинский был глубоко прав.

* * *

Охарактеризуем лиц, возглавлявших военное ведомство. После вступления на престол Александра III, точнее, после сделанного им заявления о направлении своего правительственного курса — манифеста 29 апреля 1881 г. ушел в мае того же года в отставку военный министр граф Д. А. Милютин, человек большого ума и обра-

---

[130] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 50, л. 135. Запись 21 октября 1902 г.

[131] Об этом писал А. С. Суворин еще в 1900 г.: «Куропаткин никак не может поладить с великими князьями. Великое это горе — великие князья. Только мошенники уживаются с ними, потому что дают им наживаться» («Дневник А. С. Суворина», стр. 229).

[132] *В. П. Обнинский.* Последний самодержец, стр. 72.

зования, реформатор русской армии в период 60—70-х годов.

Военным министром был назначен генерал П. С. Ванновский. Ванновский окончил в 40-х годах Первый Московский кадетский корпус и был выпущен в гвардию, в Финляндский полк. Принимал участие в Восточной войне, в сражениях на Дунае. В начале 60-х годов он назначается директором Павловского кадетского корпуса, а позднее — Павловского военного училища. В конце 60-х годов Ванновский получает пехотную дивизию, первоначально 12-ю, а затем 33-ю. К войне 1877—1878 гг. он уже командир корпуса, а в период военных действий — начальник штаба Рущукского отряда, командиром которого был наследник престола, т. е. будущий император Александр III. Здесь они и сошлись. Итак, образование военного министра было довольно скромное — дореформенный кадетский корпус.

По свидетельству современников, весьма единодушному, Ванновский был человеком ограниченного ума и небольшого образования, однако натурой достаточно сложной.

Киреев в своем дневнике за февраль 1896 г. пишет: «Домантович[133] основат[ельно] замечает, что Ванновский отлично может вести дела роты и даже сотни рот, но эти сто рот все так и останутся *ротами*, в *армию* не превратятся»[134]. Примерно такую же характеристику дает ему в своем дневнике и Половцов[135]. В 1888 г. Киреев в общем характеризует его так же. «Военный министр Ванновский, — пишет он, — «не мудрствует лука-

---

[133] М. А. Домантович — генерал-лейтенант, член Военно-ученого комитета Главного штаба.

[134] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 12, л. 50.

[135] «Ванновский [...], — пишет он, — начинает воображать, что он на самом деле государственный человек, когда он только отличный, добрый и честный человек» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 320). Собственно, государственным человеком он воображал себя не очень часто. Так, в разговоре с тем же Половцовым он как-то сказал: «Я учился на медные деньги, а посылаю Вам (т. е. в Государственный совет. — *П. З.*) вместо себя профессора военной администрации (Обручева. — *П. З.*), человека в высшей степени сведущего, талантливого, и принимаю на себя ответственность за все то, что он будет говорить» (там же, стр. 211—212). Как утверждает тот же Половцов, на заседаниях Государственного совета Ванновский обычно молчал, а когда нужно было что-либо говорить, присылал Обручева (там же, стр. 79).

во», да и вообще не мудрствует. Он немного «солдафон»»[136]. Наконец, то же говорит о нем Витте: «Ванновский представляет собою личность. Он был человеком небольшого образования, небольшой культуры, но он был человек определительный, твердо преданный государю, человек порядка, несколько желчный» и, пожалуй, добавим мы, грубый. Наконец, приведем характеристику Ванновского Редигером: «Это был человек честный, твердый, требовательный, но добрый. Сам усердный служака. Отдавая должное его личным качествам, я все же должен сказать, что его почти 17-летнее управление Военным министерством было пагубно для нашей армии, так как он дал устареть всему командному составу армии»[137].

Действительно, он беспредельно был предан Александру III, которого даже сравнивал с Петром Великим[138], что, естественно, не говорит об обширном уме военного министра. Ванновский был честен, трудолюбив и по своим политическим взглядам консервативен. Однако в конце своей жизни, будучи назначен министром народного просвещения, он показал себя неожиданно с другой стороны.

При всем том Ванновский в отличие от большинства ограниченных людей, по-видимому, понимал пределы своих возможностей[139]. Когда его назначили военным министром, он обратился к Александру III с просьбой назначить начальником Главного штаба одного из ближайших помощников Милютина, Н. Н. Обручева, человека выдающегося ума и способностей. По словам Витте, Ванновский, прося о назначении Обручева, откровенно сказал императору, что «он либеральных воззрений Обручева не боится, что с этой точки зрения Обручев его не

---

[136] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 11, л. 67.

[137] ЦГВИА, ф. Редигера. Воспоминания, д. 3, л. 280.

[138] См. *В. И. Ламсдорф* Дневник 1891—1892 гг., стр. 342.

[139] Об этом свидетельствуют его письма к Александру III. Так, в одном из них он писал: «Благоволение и доверие ко мне дают мне повод сожалеть, даже роптать, что бог не одарил меня большим умом, разумом и способностями и большей энергией, чтобы служить моему государю и моему отечеству с большей пользой» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 721, л. 14, письмо от 30 августа 1886 г.). Почти в тех же выражениях Ванновский говорит в письме к царю от 19 мая 1889 г., л. 15. И это не были красивые фразы. Ванновский был человеком искренним.

проведет, что он сам, будучи всю свою жизнь в строю, хорошо знает строевую часть и в этом смысле ему не нужно никакой помощи со стороны его сотрудников, но с точки зрения теоретических военных соображений и с точки зрения собственно военной науки он считает, что единственный человек, на которого он мог бы опереться и который мог восполнить его недостатки, был Обручев»[140].

Несмотря на то что Александр III не любил Обручева, о чем тот знал, назначение состоялось[141]. Таким образом, мозгом Военного министерства был Обручев[142]. Почти 17-летнее пребывание Ванновского на посту военного министра дало мало положительного. В Военном министерстве, так же как и во всех областях государственной жизни, господствовали рутина и застой. Генералитет был никуда не годен, боевая подготовка не соответствовала необходимому уровню. Различного рода

---

[140] *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. I, стр. 304. Николай Николаевич Обручев в молодости, в начале 60-х годов, принадлежал к революционной организации «Земля и воля» (этот факт для властей остался неизвестным), а в 1863 г. он отказался от участия в подавлении Польского восстания. Позднее, после спада волны общественного подъема, он, как и большинство землевольцев (Пантелеев, Слепцов, Утин и др.), отошел от революционной деятельности. Милютин чрезвычайно ценил его. В своем дневнике за 20 декабря 1899 г. он пишет: «Получил очень любезное, задушевное письмо от Ник[олая] Ник[олаевича] Обручева — одного из наиболее уважаемых мною людей» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, к. 7, д. 4, л. 102). Куропаткин также крайне высоко ценил Обручева. В своем отчете «Итоги войны» он писал: «Талантливым и энергичным руководством генерала Обручева наша боевая готовность была очень приподнята сравнительно с еще недавним временем» («Итоги войны». Отчет генерал-адъютанта Куропаткина, т. 4. Варшава, 1906, стр. VII). Действительно, все то положительное, что было осуществлено с точки зрения организации армии в плане ее боевой готовности, было сделано Обручевым.

[141] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871, л. 11. Запись в дневнике за 24 декабря 1897 г.

[142] Интересный факт сообщает об Обручеве Гершельман, зять Д. А. Милютина. «Когда он принял Главный штаб, — пишет Гершельман, — и надо было его заместить по прежней должности [...], когда ему предложили заместителя, он колебался в своем решении по недостаточному знакомству с предложенным кандидатом. Задумавшись, он ударил кулаком по столу и с досадой спросил: «Да, будет ли он со мной спорить?» Это очень характерно, — замечает Гершельман, — и показывает, в какой мере он ценил самостоятельность сотрудников, имеющих свое личное мнение» (*Ф. К. Гершельман.* Воспоминания пережитого, ч. IX, стр. 66—67).

маневры производились также никуда не годно, по шаблону, без учета состояния огнестрельного оружия. Обучение солдат грамоте было фактически ликвидировано. Наконец, как утверждал сам Ванновский, он был инициатором закона о дуэлях, оказавшего, бесспорно, скверное влияние на нравственный уровень офицерского корпуса.

Однако можно ли ответственность за все это возлагать целиком на Ванновского и Обручева? Нам представляется, что причина здесь глубже. В обстановке жестокой реакции, роста коррупции и произвола армейские порядки не могли быть другими. Даже для человека, обладавшего неизмеримо большим умом и энергией, чем Ванновский, идти наперекор всему было очень трудно. Однако кое в чем виноват был и сам военный министр. Надо сказать, что в ежегодных всеподданнейших докладах по Военному министерству, представлявшихся Александру III и написанных не без участия Обручева, почти не ставилось кардинальных вопросов, касавшихся обучения солдат грамоте, изменения характера боевой подготовки, и ряда других. Даже в наиболее близкой Ванновскому, как бывшему директору кадетского корпуса, области — в кадетских корпусах не только царил застой, но и происходила деградация. Благодаря в значительной мере Обручеву удалось сохранить старую организацию управления армией, созданную Милютиным, были приняты меры по увеличению службы рядовых, имевших среднее и высшее образование, и, наконец, разработано новое Положение о полевом управлении армии в военное время, а также реорганизован Главный штаб.

Деятельности военного ведомства сильно мешало вмешательство посторонних ему лиц. Так, в дела Военного министерства непрерывно вмешивался министр двора гр. И. И. Воронцов-Дашков, сторонник прусской организации армии, пытавшийся в начале царствования Александра III добиться ее реорганизации в желательном ему духе[143]. По поводу этого военный министр жаловался А. А. Половцову, что последний и отметил в своем дневнике. Ванновский «жалуется на интриги и противодействие Воронцова, который постоянно пытается вмешиваться в дела военного управления и в особенности в

---

[143] См. ниже, стр. 91—98.

личные вопросы»[144], т. е. вопросы, связанные с личным составом армии и назначениями, увольнениями и т. д. Много неприятностей и помех создавали военному ведомству великие князья, даже в царствование Александра III, когда они не могли проявлять большой самостоятельности, как впоследствии[145]. Все это нельзя не учитывать, оценивая деятельность Ванновского как военного министра.

Говоря о консервативных реакционных взглядах Ванновского, необходимо отметить, что они были довольно противоречивы. Еще в 1882 г. Ванновский и морской министр Шестаков выступали решительными противниками отдачи непокорных студентов в солдаты. Они полагали, что мера эта противоречит уставу о воинской повинности, так как «составляет *карательную* меру и обращает службу в армии *в наказание*»[146]. Кроме того, главный вред этой меры они усматривали в том, что это будет способствовать распространению в армии революционных взглядов[147]. Во всяком случае, чем бы они ни мотивировали свое несогласие, они выступали против этой жестокой меры. И по-видимому, такое отношение к студенчеству, как показала его дальнейшая деятельность, было не случайным.

Ванновский в начале 1898 г. вышел в отставку. Как рассказывает в своих воспоминаниях Витте, действительной причиной отставки Ванновского не являлось состояние его здоровья: «Он ушел потому, что чувствовал, что он не может управлять военным ведомством так авторитетно, как он им управлял при [...] Александре III, так как с воцарением молодого императора великие князья начали приобретать такой авторитет и так вмешивались в дела, что [...] Ванновский не мог этого переносить, и потому выходили постоянные трения»[148]. Это вполне со-

---

[144] «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 197.

[145] Так, вел. кн. Михаил Николаевич, генерал-фельдцехмейстер, неоднократно жаловался Половцову, что военный министр «не выказывает ему достаточного уважения» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 296 и др. Запись 14 июня 1890 г.).

[146] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 43/9, ст. 118, л. 177.

[147] Подробнее см. мою книгу «Российское самодержавие в конце XIX столетия», стр. 314—316.

[148] *С. Ю. Витте*. Воспоминания, т. 2, стр. 149.

ответствует действительности. Великие князья, особенно Михаил Николаевич, Владимир Александрович и Сергей Александрович, непрерывно внушали слабовольному монарху различные прожекты.

Ванновский рекомендовал своим преемником либо Обручева, либо Куропаткина. Так как Куропаткин еще не имел должного опыта крупного военного администратора, то возникло следующее предположение: назначить министром Обручева, а начальником Главного штаба Куропаткина с тем, чтобы в дальнейшем назначить его министром. По версии Киреева, Николай II в последний момент передумал и решил назначить на пост министра Куропаткина, но сказать Обручеву об этом не решился. «...Государь, — заносит в свой дневник Киреев, — не решился сказать лично Обручеву о том, что министром назначается не он, Обр[учев], и послал сказать это Обручеву Куропаткина, который и передал это Обручеву официально [...]. Обручев никак этого не ожидал. Ванновскому дано 300 000 р., Обручеву 100 000. Следовало бы дать *обратно*»[149].

Через три года Ванновский, в возрасте около 80 лет, был назначен министром народного просвещения. Еще до этого Николай II поручает Ванновскому расследование причин студенческих волнений в Петербурге. Рассмотрев это дело, Ванновский пришел к заключению, что виновата в большой степени полиция. Это принесло Ванновскому известную популярность в прогрессивных кругах общества. По словам Витте, Николай II назначил его министром, с одной стороны, потому, что Ванновский «по своей службе был известен за человека крайне консервативных воззрений, а с другой — потому, что ему было поручено расследование студенческих беспорядков»[150]. Как рассказывал тот же Витте Половцову, «назначение Ванновского имело еще одну причину, что оно будет приятно студентам и произведет некоторое умиротворение»[151]. Во всяком случае у людей консервативного об-

---

[149] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 12, л. 183. Запись за февраль 1898 г. Обручев в письме к Милютину не упоминает об этом предположении, а, наоборот, полагает, что на 68 году жизни ему поздно быть военным министром, и очень хвалит Куропаткина (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, к. 71, д. 64, л. 2. Письмо от 8 января 1898 г.).

[150] *С. Ю. Витте*. Воспоминания, т. 2, стр. 200.

[151] «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 84. Запись 14 марта 1901 г.

раза мыслей, как Киреев, назначение Ванновского вызвало отрицательную реакцию, хотя вместе с тем сам Киреев считал его целесообразным. «Как это назначение ни странно, — пишет он в дневнике в апреле 1901 г., — однако в *данную минуту* оно может быть единственное, которое может успокоить умы. Ванновский — человек некультурный, «кадет». Может быть, он окажется хорошим администратором, но ведь разве администрация все? *Ведь это будет администрация без мысли.* Он, говорят, хочет возвратить университетам их права, возвратиться к порядкам 60-х годов» [152].

Действительно, Ванновский решил провести кардинальную реформу средней школы в антитолстовском и антиделяновском духе [153], а также осуществить ряд изменений в порядках высших учебных заведений. Однако Николая II начали запугивать, что это не что иное, как «потрясение основ», а сам Ванновский изображался чуть ли не революционером.

Уже 27 октября 1901 г. вел. кн. Константин Константинович записывает в дневнике о своем разговоре с Ванновским, который передает ему, что «принимаемые им по М[инистерст]ву народ[ного] просвещения меры стараются выставить перед государем опасными и вредными и что Сипягин, вероятно, не замедлит вооружить государя против него, Ванновского» [154]. В этот же день великий князь встречает варшавского генерал-губернатора Черткова и на вопрос его, как идут дела в Варшавском университете, ответил, что «Ванновский всех удивляет своим либерализмом и что он, Чертков, говорил об этом с государем, который согласился, что Ванновский пошел слишком далеко.

Вероятно, Сипягин преуспел в том, чего опасался Ванновский, мнение Черткова должно еще более насторожить государя» [155].

Таким образом, сипягины, чертковы вкупе с придворной камарильей — все обрушились на «либерала» Ван-

---

[152] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 13, л. 81. Запись за апрель 1901 г.

[153] См. мою книгу «Российское самодержавие в конце XIX столетия», стр. 309—366.

[154] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 49, л. 32.

[155] Там же, л. 32—33.

новского, и судьба его как министра была вскоре решена.

25 марта 1902 г. Николай II прислал Ванновскому следующее письмо. «Должен Вам откровенно сказать, — писал царь, — не лежит у меня сердце к этой быстрой ломке нашей школы, не столько по отношению к самому проекту, сколько к своевременности его — именно теперь в это и без того смутное время. Скорый пересмотр действующего положения средней школы, торопливая выработка нового проекта и внесение его в Государственный совет — все это носит характер какой-то вынужденности, даже уступки давлению так наз[ываемого] общественного мнения» [156]. Далее он указывает, что именно поэтому дальнейшее движение проекта представляется ему опасным. Тут же он приводит свою любимую стандартно-бессмысленную фразу: «На мне лежит страшная ответственность перед богом и перед Россией, тяжесть, которую я несу сознательно один». Затем он говорит комплимент Ванновскому, который «с чувством долга и преданности принял на себя «новую обузу»», а в заключение пишет: «Я решаюсь поэтому откровенно Вам сказать, что мы должны теперь расстаться. Возвращаю Вам оставшийся доклад, с сутью которого я не согласился» [157].

* * *

Алексей Николаевич Куропаткин обладал всеми качествами, нужными для занятия поста военного министра. Умный, образованный офицер Генерального штаба, имевший немалый боевой опыт, овеянный славой Скобелева, у которого служил начальником штаба, — таков был Куропаткин. Он имел два ордена Георгия Победоносца (4-й и 3-й степени) и был, бесспорно, человеком

---

[156] ЦГВИА, ф. Ванновского, д. 113, л. 11. Как всякий деспотически мыслящий и к тому же недостаточно умный человек, Николай II считал невозможным существование других точек зрения, a priori считая их ошибочными и вредными.

[157] Там же, л. 12—13. Как это парадоксально ни звучит, но кадетские корпуса, наиболее хорошо известные Ванновскому среднеучебные заведения, как уже говорилось выше, за время его пребывания на посту военного министра пришли в упадок. И этот же Ванновский пытается предпринять и чрезвычайно прогрессивную реформу гражданских учебных заведений — классических гимназий.

храбрым. К тому же он владел пером, являясь автором ряда серьезных работ на военные темы.

Профессор Редигер, бывший при Куропаткине директором канцелярии Военного министерства, а затем военным министром, характеризовал его весьма положительно: «Куропаткин очень любил военное дело, прилежно его изучал, он очень много читал и участвовал во всех бывших при нем походах русских войск [...], он обладал массой знаний теоретических и практических [...], он имел за собою славное боевое прошлое, отлично знал войска, их жизнь и нужды, любил солдат. Всегда спокойный, говоривший свободно и с большим апломбом, он производил на слушателей впечатление знающего свое дело, сильного человека. Добрый от природы, он, кроме того, желал быть любимым, прославляемым и потому относился к подчиненным снисходительно...» [158] Вместе с тем Редигер отмечает известную нетерпимость к чужим мнениям, а также некоторую нерешительность в проведении конкретных мер. Так же положительно характеризует Куропаткина вел. кн. Константин Константинович, познакомившийся с ним в 1896 г.: «Сколько в нем скромности, простоты и твердости» [159].

Однако Куропаткин был натурой весьма противоречивой. При всем своем уме он был нетерпим к чужим мнениям, а главное, он лишь казался сильным и твердым, а в действительности был человеком весьма и весьма нерешительным.

В этом отношении интересны отзывы о нем Скобелева, передаваемые Витте. «Я сам не слыхал отзывов Скобелева о Куропаткине, — пишет Витте, — но сестра Скобелева княгиня Белосельская-Белозерская рассказывала мне, что брат ее очень любил Куропаткина, но всегда говорил, что он очень хороший исполнитель и чрезвычайно храбрый офицер, но что он [...] как военачальник является совершенно неспособным во время войны, что он может только исполнять распоряжения, но не имеет способности распоряжаться; у него нет для этого надлежащей военной жилки, военного характера. Он храбр в том смысле, что не боится смерти, но труслив в том смысле,

---

[158] ЦГВИА, ф. Редигера, д. 3, л. 397.
[159] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 43, л. 28. Запись 4 марта 1896 г.

что он никогда не в состоянии будет принять решение и взять на себя ответственность»[160]. Жизнь показала справедливость этой характеристики. К тому же Витте говорит еще об одном качестве Куропаткина — его подобострастии перед «сильными мира сего», а также об отсутствии широкого образования и светского воспитания (лоска, знания иностранных языков)[161]. Последнее обусловливало то, что в придворной великосветской среде он был человеком чуждым. Об особенностях характера Куропаткина рассказывает в своих воспоминаниях Ф. К. Гершельман, сталкивавшийся с ним по должности начальника штаба Варшавского округа. Прежде всего, по словам Гершельмана, «Куропаткина трудно было переспорить — он упорно стоял в этих случаях на своем и возражений не любил»[162]. Далее он говорит, что Куропаткин обнаруживал «крайнюю неустойчивость взглядов на дело, способность легко менять решения, изыскивая лучшее, что приводило к нерешительности, отсутствие твердых принципиальных оснований в [...] решениях и способность отвлекаться частностями вопроса в ущерб главного, чем нередко вовсе искажался смысл дела»[163].

Итак, противоречивость натуры Куропаткина заключалась в том, что в нем причудливо уживались на первый взгляд совершенно противоположные качества: храбрость, с одной стороны, и нерешительность, подобострастие и трусость — с другой. Однако противоречие это лишь кажущееся. Военное и гражданское мужество —

---

[160] *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 2, стр. 156. Тот же Витте приводит свой разговор с А. А. Абазой, бывшим министром финансов Александра II. «Генерал Куропаткин, — сказал ему Абаза, — генерал умный, генерал храбрый, он [...] сделает громадную карьеру, он будет военным министром [...]. А знаете, чем все это кончится? — Нет, говорю, не знаю. — Кончится, говорит, тем, что все в нем разочаруются, а знаете, почему? [...] Потому, что, говорит, умный генерал, храбрый генерал, но душа у него штабного писаря» (там же, стр. 156—157). Эти слова, явившиеся пророческими, были сказаны не позднее первой половины 90-х годов, так как Абаза умер в 1895 г.

[161] См. *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 2, стр. 151—152. О недостаточной образованности Куропаткина говорит и Половцов. Так, в дневнике за 16 марта 1899 г. он пишет: «Военный министр Куропаткин, несомненно, весьма умный, но лишенный общего и в особенности финансового и экономического образования» («Красный архив», 1931, т. 3 (46), стр. 122).

[162] *Ф. К. Гершельман.* Указ. соч., т. IX, стр. 86.

[163] Там же, стр. 92—93.

вещи разные. Можно быть храбрецом, не боящимся смерти, презирающим ее, и вместе с тем человеком, лишенным самого элементарного гражданского мужества, человеком, не способным выразить самостоятельно свою точку зрения, в особенности если она шла наперекор высказываниям других людей. Презирать смерть легче, чем обладать гражданским мужеством. Куропаткин не боялся смерти, но страшно боялся взять на себя ответственность. Отсюда и его нерешительность, граничащая с трусостью[164]. Наконец, надо сказать, что Куропаткину не чуждо было понимание социальных противоречий, что было недоступно его коллегам. Так, в дневнике за 1901 г. он по поводу привлечения войск к подавлению волнений среди рабочих пишет: «Надо, усмиряя производящих беспорядки, усмирять капиталистов, заводчиков, фабрикантов, которые о нужде рабочих, как и ранее, думают мало, поглощенные заботами о наживе и борьбою на почве конкуренции с русскими и иностранными производителями тех же изделий, продуктов и товаров»[165].

К назначению Куропаткина на пост военного министра отнеслись положительно, но кое-кто с некоторой, как говорят, опаской. Так, Д. А. Милютин по поводу назначения его министром писал: «Исправляющим долж-

---

[164] О храбрости Куропаткина свидетельствует его поведение не только на русско-турецкой войне, но и в период военных действий с Японией, когда он являлся главнокомандующим. По многочисленным свидетельствам, его наблюдательный пункт всегда находился по крайней мере в зоне артиллерийского огня. Один из его штабных офицеров, капитан Генерального штаба Б. В. Геруа, рассказывает в своих воспоминаниях об одном эпизоде, происшедшем во время боев на реке Шахе в конце сентября 1904 г. «В последние дни операции, — пишет он, — нажим японцев в центре привел было к неустойке на фронте одного полка; тогда Куропаткин двинул в угрожаемом направлении свежий полк из оставшегося небольшого резерва и сам, спешившись, лично повел этот полк вперед. Вечерело. На фоне потухающих красок силуэт фигуры Куропаткина неторопливо покачивался на слегка согнутых немолодых ногах, ступавших по кочкам и жестким торчкам стеблей убранного гаоляна; посвистывали ружейные пули, и рвались то шрапнели над головой, то так называемые «шимозы» (гранаты) по полю, поднимая клубы черного дыма и земли. Невольно на память приходило описание Львом Толстым в «Войне и мире» Шенграбенского сражения и то место в нем, где картинно изображен Багратион, ведущий по пахоте пехотный полк в атаку «неловкой походкой кавалериста»» (*Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. 1, стр. 164).

[165] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871, л. 49.

пость министра назначен ген[ерал] Куропаткин [...]. Куропаткин выказал себя в Туркестане и Закаспийском крае отличным офицером, способным и дельным военным начальником; можно надеяться, что он справится с делом [...]. Вопрос может быть лишь в том, удастся ли ему занять подобающее военному министру положение в иерархии военного ведомства, так же как и в общем синклите высших государственных властей, иначе говоря, удастся ли ему поддержать престиж возлагаемого на него звания»[166]. Киреев первоначально весьма восторженно отнесся к назначению Куропаткина. 1 января 1898 г. он пишет: «Скромный рабочий, энергический, умный, доказавший на деле не только физическую храбрость перед смертью, но и высшую духовную, необходимую для военачальника в бою, чтобы не терять голову, впрочем, говорят, и тонкий. Лучшего выбора сделать было нельзя — раз Обручев отказался»[167]. Однако впоследствии он довольно сдержанно комментирует это событие и приводит при этом мнение фельдмаршала Гурко. В дневнике за ноябрь 1901 г. Киреев пишет: «Что воен[ным] министром назначили Куропаткина, а не Обручева, — в этом виноват Ванновский. Все серьезное и во время Ванновского делалось Обручевым. Если бы был назначен министром Обручев, это сейчас бы обнаружилось. Так думал Гурко, который считал лучшей комбинацией: Обручев министром, а Куропаткин к нему начальником штаба. Это была бы действительно лучшая комбинация»[168].

Сам Куропаткин в дневнике достаточно подробно рассказывает о своем назначении военным министром и беседах по этому поводу с Николаем II. Император довольно откровенно говорил с ним даже о том, как реагировали на его назначение великие князья. «Владимир обнял меня, — передает рассказ царя Куропаткин, — Сергей был очень рад, то же и Михаил Николаевич»[169].

Куропаткин, беседуя с царем по поводу своего назначения и рисуя в целом состояние армии в радужных

---

[166] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, к. 7, д. 4, л. 63. Запись 4 января 1898 г.

[167] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 12, л. 177.

[168] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 13, л. 110.

[169] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871, л. 9. Запись 24 декабря 1897 г.

красках, поставил перед Николаем II два вопроса: о крайне недостаточной обеспеченности офицеров, с чем император согласился, и о командном составе, на что Николай II ничего не ответил. «Я позволил себе, — пишет Куропаткин, — также указать государю, что многие служат в рядах армии чрезмерно старыми, больными, негодные к службе. Их не выгоняют, чтобы не сделать нищими. Мы слишком сердобольны. Аттестуем легко. Попадают в начальники негодные к тому же люди. Замедляют ход способным» [170].

Заметим, что поставленные Куропаткиным перед царем вопросы являлись одними из наиболее важных и требовали безотлагательных мер. Куропаткину удалось коечего добиться: было увеличено в 1898 г. содержание офицеров (для обер-офицеров от 22 до 61%), установлены несколько позднее новые квартирные оклады, изданы закон о предельном возрасте и новые правила производства обер- и штаб-офицеров [171]. Однако некоторые из этих мер фактически почти не были реализованы. К началу русско-японской войны высший командный состав оставался по-прежнему престарелым и в значительной мере никуда не годным. Это в большой степени зависело не от Куропаткина, а от царя, который на словах хотя и признавал необходимость омоложения генералитета, на деле же молчаливо противодействовал ему. Так, в дневнике за 21 июля 1898 г. Куропаткин записывает: «Докладывал государю о введении в нашей армии возрастного ценза. Государь горячо высказал мнение, что желает удержать за собою право делать отступления от ценза, дабы сохранить для службы полезных служак» [172]. В определении же «полезности» того или иного «служаки» решающее мнение принадлежало даже не столько самому царю, сколько его окружению.

17 января 1898 г. Николай II преподал новому военному министру программу его действий, которая состояла из трех пунктов: «Улучшение положения офицеров — это главное. 2) Улучшить состав начальствующих лиц. 3) Улучшить казарменное расположение войск» [173]. Эти

---

[170] Там же, л. 8—9. Запись того же числа.

[171] Подробнее см. главу «Офицерский корпус», стр. 206, 238—239.

[172] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871, л. 24. Запись 21 июля 1898 г.

[173] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1872, л. 2.

вопросы были действительно важны, однако они далеко не содержали в себе всего того, что необходимо было армии. Так, важнейший вопрос перевооружения артиллерии оказался вне поля зрения императора. Больше того, он тут же сказал приведенную нами выше фразу по поводу скорострельной артиллерии[174]. В фонде Куропаткина, как уже говорилось в источниковедческом обзоре, в одном из томов дневника содержатся «Приказания и указания государя императора по Военному министерству. 1897—1901»[175], дающие возможность в какой-то степени судить о руководстве им Военным министерством.

Все эти указания носят второстепенный характер (об офицерских браках, правилах о дуэли, порядке в кадетских корпусах — недопустимости оказывать поблажки детям привилегированных родителей и др.). Следует остановиться лишь на двух. Первое касается указания «обратить внимание на пулеметы»[176], т. е. на вооружение армии, на то, что, как говорилось выше, не являлось предметом его внимания, второе — предстоящих в 1902 г. Курских маневров. Утверждая план этих маневров, он «повелеть соизволил» и «в будущем во всех больших маневрах давать командующим сторонам возможно более свободы»[177]. По-видимому, это распоряжение было дано под влиянием (либо прямого, либо косвенного) высказывания самого Куропаткина, так как ранее подобных мыслей государю императору в голову не приходило, хотя он постоянно сталкивался с исключительным шаблоном в проведении различных маневров и сборов.

Анализируя ежегодные всеподданнейшие доклады, а также частично сохранившиеся конспекты еженедельных докладов Куропаткина царю, мы видим, что военный министр выдвигал перед ним много важных вопросов, однако не все они получали какое-либо движение.

Куропаткин подробно разрабатывает меры по развертыванию армии во время войны и переброски ее на театр военных действий (вопросы строительства страте-

---

[174] См. выше, стр. 47.

[175] По-видимому, в них не включены все «указания и распоряжения», так как общее их число составляет 14. Последнее датировано 21 апреля 1900 г.

[176] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1872, л. 13.

[177] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871, л. 68.

гических железных дорог), добивается некоторого улучшения боевой подготовки — анализирует недостатки в проведении сборов и маневров. Наконец, в период пребывания его на посту министра улучшается состояние дел (учебная и воспитательная работа) как в военных и юнкерских училищах, так и в кадетских корпусах.

В одном из конспектов своих докладов царю он, развивая мысли Драгомирова, ставил вопрос о необходимости обучения народа грамоте, однако и на сей раз безрезультатно. Говоря о деятельности Военного министерства, Суворин со слов генерала А. К. Пузыревского, помощника командующего войсками Варшавского округа, пишет в дневнике: «О Куропаткине говорит как о человеке, который действует бессистемно, подняв множество вопросов и ни одного не решив»[178]. Надо сказать, что большая доля правды здесь есть, однако далеко не все зависело от военного министра. Во многом это определялось противодействием Николая II.

При всей его серьезности Куропаткину было присуще и легкомыслие. Подтверждением этому является один факт, описанный им же самим. 28 февраля 1898 г. он заносит в дневник следующее: «Доложил государю, не будет ли своевременным поднять вопрос о военной конвенции с Австрией, дабы ни нам, ни австрийцам не вводить в наши армии в течение 10 лет полевые скорострельные пушки»[179]. Далее он говорит, что «такой великий почин» имеет огромное значение и император оставит в народе «великую память», так как это будет первый шаг по пути разоружения. Бессмысленность такого предложения ясна. Если представить, что Австро-Венгрия и согласилась бы на это предложение, то в данном случае ни на одну из граничащих с Россией стран (Германию, Турцию) и даже не граничащих (Японию) это, естественно, не распространилось бы, а следовательно, такое соглашение привело бы к дальнейшей технической отсталости русской армии. Самое главное заключалось в том, что к этому времени и Германия, и Франция уже начали перевооружать свою артиллерию скорострельными орудиями.

---

[178] «Дневник А. С. Суворина», стр. 255. Запись 28 января 1901 г. Об этом качестве Куропаткина говорит и Витте (см. его «Воспоминания», т. 2, стр. 179, 194).

[179] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871, л. 18.

В заключение надо остановиться еще на одной черте характера Куропаткина, отражавшейся на его деятельности. По утверждению одного из его ближайших помощников, начальника Канцелярии Военного министерства Редигера, работать с ним было нелегко. «Куропаткин, — пишет он в своих воспоминаниях, — докладов почти не слушал, а по поводу каждого дела сам говорил с безапелляционной самоуверенностью [...]. Куропаткин по поводу самых пустых дел подымал суету и склоку, мешавшую серьезной работе» [180]. К тому же он был еще и человеком тщеславным [181].

В сфере государственной, как военный министр, Куропаткин не пользовался у своих коллег большими симпатиями.

Так, Половцов, встречавшийся с ним на заседании Государственного совета, в своем дневнике пишет: «Куропаткин, весьма умный, благородный и исключительно по своей военной части образованный человек, не имеет понятия ни о государственном праве, ни о праве международном, ни о политической экономии и потому не только бесполезный, но опасный при обсуждении дел действительно государственных» [182].

В начале войны с Японией, в феврале 1904 г., Куропаткин был назначен командующим (фактически глав-

---

[180] ЦГВИА, ф. Редигера, д. 3, 283. В другом месте он пишет: «Спорить с ним было почти невозможно ввиду его самоуверенности» (л. 292).

[181] Куропаткин, по-видимому стремясь поднять престиж военного министра, распорядился весной 1898 г. приобрести два соседних дома на набережной Мойки под свою квартиру. «К зиме, — говорит Редигер, — [они] переделаны и обмеблированы. В общем это обошлось, кажется, в 700 с лишком тысяч. Квартира получилась роскошная (более 40 комнат), мебель была отличная, стены гостиных обтянуты дорогой шелковой материей» (ЦГВИА, ф. Редигера, д. 3, л. 293). Стремление жить в таком полудворце, по моему мнению, являлось своеобразным следствием «великосветской неполноценности» Куропаткина, а может быть, и просто жадности. Как рассказывает в своих воспоминаниях И. В. Гессен, ссылаясь на Витте и Коковцева, когда Куропаткин был назначен главнокомандующим, он ультимативно потребовал «такого же содержания, каким пользовался вел. кн. Николай Николаевич в русско-турецкую кампанию, а именно 100 000 рублей в месяц и фуражные деньги на 30 лошадей» (*И. В. Гессен.* В двух веках. Жизненный отчет. — «Архив русской революции», т. XXII. Берлин, 1937, стр. 204).

[182] «Красный архив», 1931, т. 3 (46), стр. 123. Запись 17 июня 1899 г.

нокомандующим) действующей армией[183]. Со стороны это выглядело вполне нормально и даже почетно: военный министр, к тому же боевой генерал, назначается командовать действующей армией. В феврале 1904 г. Киреев заносит в дневник: «Назначается Куропаткин на Дальний Восток с отчислением от должности. Это *прекрасное* назначение, едва ли не единственное»[184]. Как рассказывает в «Воспоминаниях» Витте, «это назначение последовало по желанию общественного мнения; общественное мнение единогласно требовало назначения Куропаткина, питая к нему большое доверие»[185].

Военным министром был назначен начальник Главного штаба генерал В. В. Сахаров. Однако вопрос о смене Куропаткина независимо от его назначения на Дальний Восток был предрешен задолго до этого. Как пишет в дневнике еще 4 сентября 1903 года вел. кн. Константин Константинович со слов вел. кн. Николая Михайловича, «Куропаткин скоро покинет пост военного министра и будет заменен Сахаровым»[186]. Непрочность своего положения чувствовал, как говорит Редигер, и сам Куропаткин: «Куропаткин также и сам не знал, что с ним будет: 29 октября он мне говорил, что он устал и останется, только если его будут просить [...]. Таким образом, под конец года на верхах Военного министерства царила полная неизвестность, предчувствовались перемены [...]»[187].

Дело было не в «усталости» Куропаткина, ни в каких-либо отдельных недочетах, обнаружившихся в военном ведомстве, ни даже во взаимоотношениях Николая II со своим военным министром, а в том, как к нему относи-

---

[183] Как рассказывает Сухомлинов, он сам видел у ген. Сахарова (преемника Куропаткина на посту военного министра) план, точнее, конспект предстоящих военных действий, составленный Куропаткиным. В этом конспекте были детально разработаны все периоды предстоящей кампании. «Последовательно, шаг за шагом, — пишет Сухомлинов, — он двигался вперед, перенося операции на Японские острова и кончая лаконической, эффектной фразой: «Пленение микадо!»» (см. указанные воспоминания, стр. 151). Это лишний раз подчеркивало легкомыслие Куропаткина, особенно если иметь в виду его поездку в 1902 г. в Японию и знакомство с тамошней армией.

[184] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 13, л. 297.

[185] *С. Ю. Витте*. Воспоминания, т. 2, стр. 293.

[186] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 51, л. 133.

[187] ЦГВИА, ф. Редигера, д. 3, л. 386.

лась придворная камарилья, и в первую очередь клика Безобразова — Абазы. Если вначале Куропаткин был сторонником некоторых агрессивных планов на Дальнем Востоке и в какой-то степени поддерживал безобразовские прожекты, то к 1903 г. он занял иную позицию. И в этом причина падения Куропаткина как военного министра[188].

Как пишет Куропаткин в своем отчете «Итоги войны», он уже 2 августа 1903 г. просил у царя отставки[189]. Такова крайне противоречивая фигура Куропаткина и характеристика его деятельности на посту военного министра. Тот факт, что ему не удалось сделать что-либо серьезное, касающееся положения в военном ведомстве, обусловливался не столько личными качествами военного министра, в частности его нерешительностью, сколько той общей обстановкой, которая определялась самодержавием, возглавляемым безвольно-упрямым Николаем II.

---

[188] См. *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 2, стр. 157—158, 178—181, 250.

[189] «Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина», т. 4, стр. 121.

Глава 2

Общая характеристика деятельности Военного министерства и реформа в области управления

Деятельность Военного министерства определялась в основном двумя факторами: во-первых, ростом вооружений европейских стран и, во-вторых, внешнеполитическими задачами правительства.

О гонке вооружений и увеличении численности армий европейских государств неоднократно говорится во всеподданнейших докладах по Военному министерству. Так, в докладе за 1887 г. Ванновский указывал, что «наиболее сильное напряжение в этом смысле обнаружили два государства — Германия и Франция. Первая, при населении в 47 млн., содержит налицо в мирное время армию в 470 тыс. человек, развивая свои вооруженные силы во время войны до 2 300 тыс. человек (не считая ландштурма). Вторая, при населении в 30 млн., содержит в мирное время армию в 525 тыс., развивая ее во время войны до 1 900 тыс. человек (не считая резерва территориальной армии). Если бы Россия, с ее 108 млн. населения, пожелала развить такое же напряжение своих вооружений, то ей следовало бы содержать в мирное время армию от 1 100 до 1 200 тыс. человек, а во время войны доводить ее численность, без ополчения, до $5^1/_2$ млн.» [1].

В докладе за 1894 г. Ванновский снова писал: «В то время как Россия [...] сократила (на 30 тыс. человек) мирный состав своей армии, наши западные соседи продолжали безостановочно развивать вооруженные свои силы, тратя на их содержание и усовершенствование материальной части громадные средства» [2]. Наконец, во

---

[1] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 147, л. 8—9.

[2] Там же, д. 154, л. 2.

всеподданнейшем докладе за 1895 г. говорилось о том, что «японо-китайская война изменила коренным образом политическое положение на берегах Тихого океана и наглядно выяснила рост военного значения Японии. Это обстоятельство, — говорилось в докладе, — заставило обратить более пристальное внимание на наше собственное военное положение на далекой окраине, значение которой, еще недавно второстепенное, все более и более увеличивается и выдвигается» [3].

Однако было бы неверным представлять, что увеличение численности русской армии и ряд других мер, принимавшихся для укрепления военной мощи, определялись только необходимостью, вызываемой ростом вооружения других стран. Здесь надо иметь в виду и внешнеполитические задачи самодержавия, носившие не только оборонительный характер. Однако лидерство в деле увеличения вооружений принадлежало, бесспорно, Германии. Не говоря уже об огромных затратах на строительство стратегических железных и шоссейных дорог, на техническое оснащение армии, даже в увеличении численности армии (пропорционально числу населения) Германия стояла на первом месте. Так, Куропаткин в конспекте всеподданнейшего доклада 5 января 1899 г. приводит цифры увеличения армий главных европейских стран за последние 18 лет [4]:

Россия — на 232 тыс.
Германия — на 153 тыс.
Франция — на 122 тыс.
Австро-Венгрия — на 73 тыс.

Вторым фактором, определявшим масштабы деятельности Военного министерства являлись финансовые возможности правительства. Тотчас же по назначении военным министром Ванновского Александр III поставил перед ним задачу всемерно сократить военные расходы. В соответствии с этим уже на 1882 г. смета была фактически сокращена почти на 20% по сравнению с 1881 г.

---

[3] Там же, д. 155, л. 5.

[4] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 559, л. 3. Увеличение русской армии происходит главным образом за счет роста пехотных и кавалерийских частей. Численность артиллерии увеличивается весьма медленно. Так, за указанный период число батарей в русской армии возросло на 146, в германской — на 233 (там же).

Отсутствие финансовых возможностей чрезвычайно затрудняло деятельность Военного министерства и крайне отрицательно сказывалось на состоянии армии. Н. Н. Обручев в одном из своих писем Милютину в 1884 г. писал: «Работаем мы много, но такая уж наша судьба, что двигаемся мы весьма черепашьими шагами. Нет денег. Поэтому везде проволочки [...]. Всю энергию напрягаем, чтоб двигаться. Строим помаленьку крепости, строим в виде опыта хозяйственным способом казармы [...]. Строим страт[егические] ж[елезные] дороги. Но что нужно бы сделать в 5—6 лет, то раскладываем на 15—20. А история на носу, не дает она нам и 6—7 лет, будем опять не готовы. Сколько же других потребностей. Разность офицеров по воен[ным] и мир[ным] штатам 14 т[ысяч], надо бы усилить состав, хотя бы полевых войск, но нет денег. Жалование солдат менее одной коп[ейки] в день, содержание офицеров нищенское, специальные войска еще далеко недоорганизованы [...]. Впрочем, это нескончаемая тема. О наши болести!»[5] — восклицает Обручев.

Однако такое положение было не только в начале 80-х годов, оно характеризовало финансовое состояние военного ведомства на протяжении всего изучаемого нами периода.

Ген. А. Ф. Редигер в своих «Воспоминаниях» пишет: «С воцарением императора Александра III ассигнования на военные нужды стали крайне недостаточными, особенно слабо было удовлетворение всяких технических нужд армии [...].

Увеличение военной сметы при каждом новом пятилетии казалось крупным, но на деле оно в значительной своей части поглощалось неуклонным вздорожанием всех текущих потребностей армии. Нужды армии, не получавшие удовлетворения в течение многих лет, все более росли, и на удовлетворение их уже требовались колоссальные суммы; перед каждым пятилетием происходил долгий спор с Министерством финансов о сумме новых ассигнований»[6]. Приведем данные о сметных и сверхсметных ассигнованиях, а также фактических рас-

---

[5] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Милютина, к. 71, д. 63. Письмо от 24 сентября 1884 г.

[6] ЦГВИА, ф. Редигера, д. 3, л. 380—381.

ходах Военного министерства за первые 14 лет, т. е. годы царствования Александра III[7]:

Годы	Ассигновано в млн.			Фактически израсходовано
	по росписи	сверх росписи	всего	
1881	210,0	46,4	256,4	253,6
1882	186,9	22,3	209,2	204,9
1883	196,1	11,2	207,3	201,8
1884	199,4	4,6	204,0	200,1
1885	204,3	17,8	221,1	216,3
1886	211,4	12,8	224,2	221,1
1887	214,2	1,1	215,3	214,6
1888	211,6	2,0	213,6	213,4
1889	219,7	10,2	229,9	227,7
1890	241,2	3,5	244,7	243,0
1891	253,5	1,4	254,9	254,7
1892	261,0	1,9	262,9	262,7
1893	270,5	5,0	275,5	275,1
1894	280,3	4,4	284,7	284,4

Таким образом, в первые три года, с 1882 по 1884, наблюдается непрерывное уменьшение военных расходов примерно на 25%. С 1885 г. начинается некоторый рост военного бюджета, причем только в 1891 г. сумма расходов достигает уровня 1881 г. В течение всего изучаемого периода Военное министерство испытывало серьезные финансовые затруднения.

За последующий период приведем бюджет Военного министерства по данным «Росписи»[8]:

1895 г. — 272,0	1900 г. — 324,3
1896 г. — 288,5	1901 г. — 324,0
1897 г. — 284,4	1902 г. — 322,6
1898 г. — 288,8	1903 г. — 329,9
1899 г. — 323,8	

[7] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894». СПб., 1903, стр. 321. Данные по государственной росписи доходов и расходов за некоторые годы не совпадают с приводимыми Военным министерством сведениями. Так, в 1881 г. — 206,7 млн.; 1890 г. — 225,7 млн.; 1891 г. — 231,0 млн.; 1892 г. — 228,9 млн.; 1893 г. — 232,9 млн.; в 1894 г. — 240,3 млн. (см. «Государственную роспись доходов и расходов» за соответствующие годы).

[8] См. «Государственная роспись доходов и расходов» за соответствующие годы (см. или отдельное издание, или публикацию «Росписи» в «Сенатских ведомостях»)

За изучаемый период сумма государственных расходов, согласно данным «Росписи», увеличилась почти втрое — с 762 млн. руб. до 2071 млн. руб. (с точностью до 1 млн.). Расходы же по основным статьям составляли (в млн. руб.) [9]:

	1882 г.	1903 г.	% увеличения
1. Расходы по долгам, внешним и внутренним	198,8	291,0	46
2. Высшее государственное управление:			
а) Синод	10,3	28,4	174
б) Министерство двора	36,9	57,4	55
в) Военное министерство	186,9	329,9	76
г) Морское министерство	28,2	115,6	410
д) Министерство финансов	94,8	369,4	388
е) Министерство гос. имуществ и с/хозяйства	19,7	49,0	249
ж) Министерство внутренних дел	65,2	99,7	53
з) Министерство народного просвещения	18,0	39,2	217
и) Министерство путей сообщения	38,7	458,4	1 084
к) Министерство юстиции	17,0	49,4	290

Таким образом, увеличение бюджета Военного министерства на 76% было весьма скромным по сравнению с ростом расходов других ведомств [10].

Естественно, что средств этих недоставало для удовлетворения необходимых нужд, вследствие чего как Ванновский, так и Куропаткин непрерывно, каждый год, добивались увеличения военного бюджета. Так, еще во

[9] См. «Роспись государственных доходов и расходов» (соответствующие годы). Если цифра десятков тысяч составляла более 50, то она округлялась в сторону увеличения, если менее — отбрасывалась.

[10] Ассигнование огромных сумм на усиление флота, не давшее к началу русско-японской войны каких-либо положительных результатов, непосредственно отражалось на финансировании военного ведомства.

Куропаткин в докладе 14 марта 1900 г. прямо об этом писал: «Усиление флота уже производится, и притом в значительной степени за счет тех кредитов, в которых отказано было военно-сухопутному ведомству для усиления нашего положения на западной границе. Ассигнование в 1898 г. значительных сумм на наш флот отразилось уменьшением отпуска кредитов на сухопутные силы» (ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 47).

всеподданнейшем докладе за 1892 г. говорилось: «Военное министерство вполне сознает, что финансовое положение империи не позволяет нам тягаться в вооружениях с нашими западными соседями, но положение во всяком случае настолько серьезно, что останавливаться на результатах, уже достигнутых, невозможно, а необходимы дальнейшие усилия и пожертвования для увеличения боевой готовности армии»[11]. Вследствие этого проведение в жизнь тех или иных мероприятий из года в год откладывалось. Только в начале второй половины 90-х годов было решено осуществить перевооружение полевой артиллерии скорострельными орудиями, увеличить численность войск на Дальнем Востоке. Вместе с тем важнейшие, неотложные меры откладывались из-за отсутствия денежных средств (повышенное содержание офицерам, улучшение довольствия солдат, строительство казарм, приобретение в собственность земли для артиллерийских полигонов и т. д.).

В 1898 г. Военное министерство затребовало сверх отпускаемых бюджетных ассигнований, так называемого предельного бюджета, на пятилетие 1899—1903 гг. дополнительно 565 млн. руб., а вместо этого ему было предоставлено 160 млн.[12]

* * *

Деятельность Военного министерства крайне затруднялась ограниченностью финансовых возможностей, в силу чего за изучаемый период обороноспособность страны отнюдь не находилась на том уровне, который соответствовал бы необходимым требованиям времени. Собственно, из наиболее крупных мероприятий было

---

[11] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 152, л. 8.

[12] Там же, д. 158, л. 3. Как рассказывает А. Ф. Редигер, бывший тогда директором Канцелярии Военного министерства, ему удалось «выторговать» у министра финансов еще по одному миллиону рублей в год (ЦГВИА, ф. Редигера, д. 3, л. 284). Трудно сказать, включались ли эти суммы в «Роспись государственных расходов». Судя по тому, что в 1898 г., как говорится во всеподданнейшем докладе по Военному министерству, ежегодный бюджет с 1899 по 1903 г. был для военного ведомства установлен в 297½ млн. руб. в год, а фактическая сумма расходов была бо́льшей, по-видимому, и эта дополнительная сумма фигурировала в «Росписи».

проведено перевооружение пехоты малокалиберными магазинными ружьями и было начато, но не завершено перевооружение полевой артиллерии скорострельными пушками[13]. Все же остальные нужды армии, как-то: строительство стратегических железных дорог, усовершенствование крепостей, строительство казарм, обеспечение полевой артиллерии орудиями большего калибра и другие — реализовывались крайне медленно и не были разрешены. Улучшение бытового положения офицерства откладывалось из года в год и только было частично осуществлено в конце 90-х годов[14]. Военное ведомство не имело возможности даже ввести «чайное довольствие» солдатам, вследствие чего питание их состояло только из обеда и ужина[15]. «Главным недостатком способа питания нашего солдата, — говорилось в статье, опубликованной в журнале «Разведчик», — является то, что до 12 часов дня, а иногда и позже солдат остается без теплой пищи [...]. Принимая во внимание привычку нашего крестьянина есть ранним утром, перед тем как приступить к работе, а также то, что с 6 часов вечера, т. е. с ужина, и до 12 часов следующего дня солдат ничего не ест, т. е. подвергается 18-часовому голоданию, мы легко увидим, насколько тяжелым и негигиеничным является такой способ питания солдата»[16].

---

[13] См. подробнее ниже, стр. 62—67.

[14] См. также ниже, стр. 226—228.

[15] Уже во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1897 г. Куропаткин, говоря о задачах министерства на следующее пятилетие, указывал на необходимость «введения чайного довольствия для нижних чинов» как на одну из первоочередных задач (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 1089, л. 5). Однако введено оно было только после 1905 г. В войсках, расположенных в Петербурге, оно было введено в 1891 г., в Туркестане и на юге Закавказья существовало и ранее.

[16] «Разведчик», 1902, № 603, стр. 432. Быт солдат был также неблагоустроен. До 1901 г., когда в казармах вводятся отдельные топчаны, солдаты спали на сплошных нарах. «На нарах, — рассказывает Деникин, — соломенные тюфяки и такие подушки без наволочек, больше ничего [...]. Это убогое оборудование на казенном языке носило название не постельной, а «подстилочной» принадлежности. Покрывались солдаты шинелями [...]. Шинели коротки, после учения грязны, пахнут прелой шерстью. «Насекомые» гуляли свободно по нарам» (*А. И. Деникин.* Старая армия, ч. II. Париж, 1929, стр. 126). Заметим, что в некоторых частях войск за счет экономии хозяйственных сумм, а также средств, полученных на так называемых «вольных работах» (см. ниже, стр. 285), одеяла и простыни существовали

Солдатское питание состояло в следующем. На день кроме «приварка» (крупа, картофель), отпускалось 3 фунта (1,2 *кг*) хлеба, $^1/_2$ фунта (200 *г*) мяса или рыбы и некоторое количество жиров.

Для характеристики общих задач, стоящих перед военным ведомством, большой интерес представляет «Всеподданнейший доклад военного министра в 1900 году», датированный 14 марта этого года [17]. В докладе даются краткие обзоры деятельности русской армии с 1700 по 1900 г. [18], военно-стратегических границ России, вооруженных сил главнейших государств и, наконец, подробно излагаются «Предположения Военного министерства», на чем мы и остановимся.

Прежде всего Куропаткин отмечает, что наступивший XX век приведет к дальнейшему увеличению вооруженных сил. «В особенности, — пишет он, — надо ожидать колоссального развития технических средств» [19]. В силу этого он обращает особенное внимание на этот вопрос: «В ближайшие годы наша главная забота по усилению

уже в рассматриваемый нами период, и это, по-видимому, было не редким исключением. Постельные принадлежности и одеяла были введены также только с 1905 г.

[17] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602. Печатный экземпляр.

[18] Представляют интерес приводимые в докладе цифры о росте численности армии, населения, а также о потерях в отдельных войнах за рассматриваемый им период. Приведем некоторые из них. В 1700 г. на 12 млн. населения было 56 тыс. войскового состава, в 1800 г. на 35 млн. — 400 тыс., в 1900 г. на 132 млн. населения — около 960 тыс. (там же, л. 9). Интересно отметить, что, по демографическим прогнозам, приводимым Куропаткиным, население России должно было составить в 1975 г. 315 млн., а в 2000 г. — 380 млн. (л. 13). Важно также привести данные о потерях в наиболее крупных войнах: так, в Отечественной войне 1812 г. общие потери (убитыми, ранеными, без вести пропавшими, больными) составляли 200 тыс. человек, из них больными — 90 тыс. (л. 8); в Восточной (Крымской) войне 1853—1856 гг. — всего 340 тыс., из них больными — 220 тыс.; в войне 1877—1878 гг. — 79 тыс. убитыми, ранеными и без вести пропавшими, а больными — 180 тыс., т. е. всего 259 тыс. Для характеристики состояния и условий службы в русской армии в царствование Николая I интересны следующие две цифры. Общие потери в двух войнах конца 20-х годов с Турцией и Персией составляли, включая и больных, $65^1/_2$ тыс., а умерло от различных болезней в мирное время за 25 лет (с 1825 по 1850 г.) 1 028 650 человек (см. «Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год. Сборник Русского исторического общества», т. 98. СПб., 1896, стр. 374).

[19] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, т. 46.

армии должна заключаться в перевооружении полевой артиллерии [...]. Весьма важным вопросом является также принятие для нашей армии пулеметов [...]. В состав действующих войск во всех главнейших европейских армиях предположено включить батареи тяжелой, так называемой позиционной артиллерии [...]. Поэтому следует ожидать, что в будущем и нам придется поставить на очередь вопрос о позиционной артиллерии, чтобы и в этом отношении не отстать от наших противников»[20].

Далее Куропаткин обращает внимание на необходимость развития железнодорожной сети на западе, имея в виду, что главными противниками России будут Германия и Австро-Венгрия. «Двухмиллионная масса, выставленная нами на нашей западной границе, — пишет военный министр, — не может быть ни своевременно сосредоточена, ни своевременно питаема, если в распоряжении ее не будет хорошо соображенная и достаточно развитая рельсовая сеть. Военное министерство считает своей главнейшей обязанностью усиленно ходатайствовать о необходимости дальнейшего усиления нашей стратегической железнодорожной сети»[21]. Именно в связи со слабым развитием железных дорог в докладе ставится вопрос о всемерном усилении крепостей. «Сравнительная медленность нашего сосредоточения на западной границе, предоставляя противнику все выгоды предупреждения в боевой готовности, — пишет он, — принуждает нас в начале войны держаться оборонительного образа действия, что придает нашим сухопутным крепостям чрезвычайно важное, большее, чем в других государствах, значение [...]. Между тем фортификационная сила наших крепостей далеко не достаточна. В большинстве крепостей успехи артиллерийской и инженерной техники требуют кроме возведения новых фортов скорейшего окончания бетонирования уже существующих фортов [...]. Хотя постепенное усовершенствование крепостей производится ежегодно, но по причине недостатка отпускаемых на это денежных средств фортификационное усиление крепостей подвигается крайне медленно»[22].

Большое внимание обращает Куропаткин на вопросы

---

[20] Там же, л. 48.
[21] Там же, л. 51.
[22] Там же, л. 50.

развертывания армии, развитие и организацию резервных и запасных войск, учитывая, что «в будущую войну, вследствие сосредоточения массовых армий в тесном пространстве, должно ожидать в войсках громадной убыли»[23].

Однако наряду с вопросами организации войск военный министр придает большое значение человеку — офицеру и солдату. Так, в докладе подчеркивается трудность комплектования офицерских кадров, а также указывается на изменение сословного состава офицерского корпуса, только половина которого принадлежала к потомственному дворянству[24]. Именно в силу всего этого он ставил вопрос о «подготовке с детства будущих офицеров», т. е. развития сети кадетских корпусов. Переходя к характеристике рядового состава, военный министр подчеркивает, что по своим нравственно-патриотическим качествам на солдата можно по-прежнему «возлагать самые смелые надежды»[25]. Однако «время берет свое, — продолжает он, — и не улучшает русского солдата ни в физическом, ни в нравственном отношении сравнительно с прошлым. Болезненность делает свое страшное дело. Особенно тяжело отражается на армии зараженность сифилисом и глазными болезнями. Недостаточно обеспеченное материальное положение массы земледельческого населения при недостаточности ее питания дают малый рост, плохое физическое развитие и худосочность большого числа новобранцев»[26]. Далее он говорит, что начавшееся в России промышленное развитие увеличило в армии процент рабочих, что, по его мнению, «не может способствовать улучшению армии в физическом и нравственном отношениях»[27]. «Таким образом, — резюмирует он, — развитие промышленности, необходимое для удовлетворения всех разнообразных нужд государства [...], отражается в то же время на ухудшении личного состава нижних чинов»[28]. Вместе с тем военный министр

---

[23] Там же, л. 49.

[24] Подробнее см. ниже, стр. 204—205.

[25] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 44.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Там же. С точки зрения самодержавия, не только увеличение числа рабочих в армии ухудшало ее состав, но и пребывание войск в промышленных центрах также отрицательно влияло на солдат. Так,

останавливается и на вопросе о различном национальном составе армии, в которой нерусские составляют 25,6%[29]. (В состав русских включались украинцы и белорусы).

В докладе Куропаткин ставит вопрос об улучшении материального положения солдат, что, как говорилось выше, осуществлялось крайне слабо или, точнее, вовсе не осуществлялось вследствие отсутствия финансовых возможностей. В заключение доклада военный министр указывал, что, несмотря на существенные недостатки, русская армия «готова к страшной борьбе и теперь, но, дабы успеть закончить огромной важности железнодорожную сеть, успеть перевооружить нашу артиллерию и привести в исполнение мероприятия по усилению наших резервных войск и по усилению и упрочению организации войск в азиатских округах, необходимо еще 5—6 лет времени мирной работы»[30].

Однако действительность показала, что этот срок был нереален. Больше того, последние пять лет, связанные с активной политикой самодержавия на Дальнем Востоке, привели к еще большему несоответствию между уровнем развития русской армии и армий Германии и Австро-Венгрии. Так, в заключении отчета «О мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898—1903 гг.» Куропаткин писал: «Можно признать, что мы недостаточно готовы к обороне не только против Германии, но даже против Австро-Венгрии. Мы не готовы и к наступлению против армий этих держав, в особенности против Германии. Самая опасная сторона нашей неготовности, — продолжал он, — заключается в медленности сосредоточения наших армий. Ранее мы хотя отчасти устраняли эту опасность, неуклонно развивая наши силы на Западном фронте. Поэтому приостановка такого развития в последние пять лет поставила нас в положе-

---

начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии доносил в 1882 г. командиру корпуса, что л.-гв. Гренадерский полк, окруженный фабриками и заводами, крайне нуждается в возможном разобщении нижних чинов от жителей прилегающей к казарме местности» (цит. по книге Л. Т. Сенчаковой, стр. 122).

[29] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 44. Анализируя подробно состояние рядового состава, Куропаткин ни слова не говорит о низком культурном уровне солдат, что крайне скверно отражалось на их боевой подготовке.

[30] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 52.

ние [...], относительно более тяжелое, чем то, в котором мы находились в 1898 году»[31].

Следовательно, ни программа строительства стратегических железных дорог и реконструкции крепостей, ни задача усиления армии вообще за последние пять лет почти не были реализованы.

* * *

Убийство Александра II народовольцами обусловило установление реакционного курса на весьма длительный период времени (почти целиком совпадающий с хронологическими рамками данного исследования).

Установление этого реакционного курса не могло не повлиять и на состояние военного ведомства. Уже сразу, еще до отставки Милютина, предпринимаются меры к реорганизации военного управления. Эта реорганизация ставила своей задачей придать ему характер, существовавший до реформы, частично даже до середины 30-х годов.

В результате реформы 60-х годов как центральное, так и местное управление получило стройную и четкую организацию. Военное министерство объединило в себе все функции военного ведомства. Ему подчинялись все отрасли военного управления, а также целиком и армия[32].

По Положению 1869 г. Военное министерство состояло из 11 частей: а) Императорской главной квартиры — учреждения, которое носило полуноминальный характер и роль которого в условиях мирного времени ограничивалась назначением дежурных чинов свиты, а также выполнением некоторых функций, связанных с императорскими путешествиями; б) Военного совета, обсуждавшего все вопросы законодательного и хозяйственного характера, а также ведавшего инспектированием войск.

---

[31] Там же, д. 832. Черновой вариант — машинописная заверенная копия. Датирована 1 января 1903 г., л. 2.

[32] В дореформенный период ряд отраслей военного управления (артиллерийское и инженерное ведомства) целиком не подчинялись Военному министерству. Не подчинялись ему и военно-учебные заведения. Из войск в непосредственном подчинении военному министру находились лишь части их, расположенные во внутренних губерниях (подробнее см. мою книгу «Военные реформы 1860—1870 годов в России». М., 1952, стр. 19—21).

Военный совет состоял из весьма почтенных по возрасту генералов. Так, в 1903 г. в его составе было моложе 65 лет только 5 человек (из общего числа 31). 16 человек были в возрасте свыше 71 года, причем старшему было более 90 лет[33]. Председателем Военного совета являлся военный министр; в) Канцелярии Военного министерства; г) Главного штаба, представлявшего собою мозг министерства и важнейший его орган. Главный штаб ведал вопросами комплектования армии, ее организации, боевой подготовки и мобилизационной готовности, а также включал в себя Генеральный штаб. Наконец, в составе Военного министерства находились семь Главных управлений: Интендантское, Артиллерийское, Инженерное, Военно-медицинское, Военно-учебных заведений, Казачьих войск и Военно-судное[34].

Еще ранее, в 1864 г., была проведена реформа местных военных учреждений. В результате этой реформы было образовано 15 военных округов, возглавлявшихся командующими войсками. Им подчинялись все войска, находившиеся на территории округа[35]. Управление округа представляло собою в миниатюре Военное министерство, которому непосредственно и подчинялось. Оно состояло из окружного штаба, военно-окружного совета и шести отделов: интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского и окружного инспектора военных госпиталей. Следовательно, в отличие от структуры Военного министерства здесь отсутствовали только два отдела: военно-учебных заведений и военно-судный[36]. Эти реформы, как центральная, так и местная, вызвали недовольство части наиболее реакционного генералитета во главе с наместником Кавказа кн. А. И. Барятинским[37].

---

[33] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 433, л. 127.

[34] См. «Свод военных постановлений 1869 года», ч. 1, изд. 2 (по 1 января 1893 г.), § 1—641.

[35] Как уже говорилось несколько выше, до этой реформы большинство войск не подчинялось Военному министерству. К ним относились: Гвардейский, Гренадерский, Кавказский, Оренбургский и другие корпуса, а также существовавшая в мирное время Действующая армия, расположенная на западных границах. Все эти части подчинялись непосредственно императору.

[36] Подробнее см. мою книгу «Военные реформы 1860—1870 годов в России», стр. 83—99.

[37] Барятинский был сторонником прусской организации военного управления, существовавшей и в России с 1815 по 1836 г. Она заклю-

Рекомендуя начальника штаба Кавказской армии Д. А. Милютина военным министром, сам Барятинский, являвшийся командующим этой армией, претендовал на пост начальника Главного штаба его императорского величества.

Вокруг кн. Барятинского сосредоточилась группа реакционно настроенного генералитета, а именно: ген. Р. А. Фадеев, редактор журнала «Русский мир» ген. М. Г. Черняев, шеф жандармов гр. П. А. Шувалов и, наконец, близкий наследнику престола ген. гр. И. И. Воронцов-Дашков, занимавший скромную должность члена Совета Главного управления государственного коннозаводства. Вся эта группа активно выступила против проведения реформы в области военного управления. Заметим, что эту группу поддерживал и наследник престола. Наибольшее недовольство вызывало у них наличие военных округов, подчинявшихся Военному министерству[38]. Военные округа в настоящем их виде должны были быть уничтожены и превращены в своеобразные военные канцелярии, которые должны были вести учет запасных и ополченцев, а также заведовать госпиталями и хранить военное имущество.

Таким образом, предполагалось восстановить такую организацию армии, которая существовала в России до 1836 г.

В этом духе выступал и журнал «Русский мир», в котором постоянно печатались статьи, направленные против существующей системы организации армии.

В начале 1873 г. было созвано секретное совещание, посвященное организации армии; на нем снова всплыл вопрос об изменении системы управления войсками, в частности ликвидации военных округов. Лидером оппозиции выступал фельдмаршал кн. Барятинский, а его ближайшим помощником — ген. Фадеев. Поддерживали

чалась в следующем: Военное министерство ведало лишь хозяйственными вопросами (артиллерийским, инженерным, интендатским). Все же войска в строевом отношении (за исключением артиллерии и инженерных войск) подчинялись начальнику Главного штаба его императорского величества, а номинально — императору. Строевая часть артиллерии и инженерных войск обособлялась в специальное ведомство во главе с великими князьями — генерал-фельдцехмейстером и генерал-инспектором инженерных войск.

[38] Подробнее см. мою книгу «Военные реформы 1860—1870 годов в России», стр. 289—293.

Барятинского великие князья Михаил и Николай Николаевичи. Наконец, сочувственно относился к предложениям Барятинского и наследник престола. Однако в конце концов Милютину удалось отстоять существующую организацию военного управления. Единственная мера, на которую ему пришлось согласиться, — это восстановление армейских корпусов, подчиненных целиком военным округам, что, впрочем, было весьма разумно с точки зрения боевой подготовки войск, способствуя обучению взаимодействия отдельных родов их. Это было крайне важно в военных условиях [39].

* * *

Как только выяснилось, что Милютин собирается подать в отставку, ген. Фадеев снова попытался активизировать свою деятельность в части реорганизации военного управления. Так, 9 мая 1881 г. он пишет по этому поводу письмо Воронцову-Дашкову, близкому человеку Александра III, назначенному вскоре министром императорского двора, намечая конкретную программу действий: «Совершить с успехом такое разделение (Военного министерства. — *П. З.*) может не кто иной, как военный министр, убежденно сочувствующий этому преобразованию [...]. Очевидно также, что министр, взявшийся за военное дело (т. е. преобразование. — *П. З.*), должен по совершению его немедленно устраниться от военного ведомства» [40]. «Известен ли Вам человек, — продолжал Фадеев, — способный на такое решение? Мне известен один во всей империи, и, кроме него, ни одного подходящего — граф П. Е. Коцебу. Этот человек удовлетворяет всем вышесказанным качествам, а, кроме того, в его лета [41] он, конечно, не будет думать о личном пользовании закладываемым им устройством. Взгляды Павла Евстафьевича известны — это взгляды покойного фельдмаршала Барятинского и наши» [42].

Таким образом, военным министром предполагался

---

[39] Подробнее см. там же, стр. 281—291.

[40] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Воронцова-Дашкова, разд. II, к. 51.

[41] Коцебу было 80 лет.

[42] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Воронцова-Дашкова, разд. II, к. 51, д. 3. Письмо от 9 мая 1881 г.

Коцебу. Когда же был назначен Ванновский [43], то, по-видимому, Воронцов-Дашков повлиял на Александра III в отношении назначения Коцебу руководителем комиссии по пересмотру вопроса о военном управлении.

Ровно через месяц после отставки Милютина по указанию Александра III была создана особая комиссия для рассмотрения вопросов реорганизации военного управления. 21 июня 1881 г. военный министр Ванновский писал командующему Одесским военным округом ген.-адъют. П. Е. Коцебу о назначении его председателем этой комиссии. В отношении указывалось, что император «повелел» «подвергнуть пересмотру основные начала существующей у нас системы высшего военного управления, центрального, местного и строевого, сравнив означенные начала с системою, принятой в Германии, а равно с порядком, который существовал у нас в начале нынешнего столетия при императоре Александре I» [44].

Далее сообщалось, что для этого осенью должна быть образована Особая комиссия под председательством его, Коцебу, «из высших чинов армии, известных своей опытностью и военными познаниями, для рассмотрения и разрешения важнейших вопросов, относящихся к этому делу» [45].

Ниже указывался перечень вопросов, подлежащих рассмотрению. Вопросов было десять. Остановимся подробнее на их содержании.

Первый из них касался недостатков, «какие существуют [...] в нынешнем устройстве центрального военного управления, т. е. Военного министерства» [46]. Второй относился к тому, насколько необходимо кардинальное изжитие существующих недостатков, либо их можно изменить путем частных мер, имея в виду, что сущность настоя-

---

[43] Особенно негодовал Фадеев по поводу назначения начальником Главного штаба Обручева. «Без сомнения, генерал Обручев, — писал он Воронцову-Дашкову в письме от 30 июня 1881 г., — давно бросил свой нигилизм и лично совершенно благонадежен; но может ли он преследовать людей, с которыми четверть века шел заодно, может ли порвать все связи с ними, все привычные отношения к среде, в которой взрос и в которой находит надежнейшую свою опору?» (там же). В другом письме, от 7 июля (без указания года), прямо говорит о «шайке Обручева».

[44] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 42, л. 1.

[45] Там же.

[46] Там же, л. 2.

щей системы военного управления состоит в том, что все отрасли управления войсками, хозяйственной частью и личным составом сосредоточены в Военном министерстве. Третий и четвертый вопросы касались целесообразности применения в России либо ныне существующей германской системы военного управления, либо той, которая существовала в царствование Александра I [47]. Все остальные шесть вопросов (5—10) касались военных округов. Так, в пятом требовалось ответить, «в чем состоят недостатки ныне существующей системы местного военного управления по военным округам и достигается ли в достаточной степени основная цель этой системы, т. е. децентрализация распорядительной деятельности Военного министерства» [48].

Следующие вопросы требовали ответа на целесообразность различных реформ военно-окружной системы. Шестой вопрос заключался в том, «возможно ли ныне, при существовании у нас корпусных управлений, отделить совершенно строевое управление полевых войск от управления местными войсками и от управлений заведующих хозяйственными делами в данном районе» [49]. Иными словами, это означало превратить военный округ в чисто административно-хозяйственный орган, который ведал бы вопросами заготовления и хранения «неприкосновенного запаса» (на случай войны), а также заве-

[47] Первая заключалась в том, что «в лице военного министра сосредоточены все распорядительные действия, касающиеся как войск, так и хозяйственных управлений, но в то же время непосредственными докладчиками императору, не подчиненными военному министру, являются два лица: 1) начальник Генерального штаба, ведающий специальные и военно-ученые работы этого корпуса, а также все высшие вопросы, касающиеся стратегических операций и подготовки средств для ведения войны, и 2) начальник военного кабинета, в котором сосредоточиваются делопроизводство по Императорской главной квартире и по назначениям на высшие военные должности» (там же). Эта организация, как мы видим, нарушала единство высшего военного управления и превращала военного министра в высшее чиновное лицо, лишенное реальной власти. Система, существовавшая при Александре I, как уже говорилось вкратце выше, «заключалась в разделении управления войсками от управления хозяйственной частью, причем первое находилось в ведении начальника Главного штаба его императорского величества, а последние в ведении военного министра, подчиненного нач[альнику] Гл[авного] штаба его величества» (там же, л. 2—3).

[48] Там же, л. 3.

[49] Там же.

довал бы институтом уездных и губернских воинских начальников с подчиненными им необходимыми командами местных войск. Седьмой — являлся по существу продолжением предыдущего вопроса, и в нем говорилось о том, что нужно сделать, если подобное разделение целесообразно, «какие в этом случае должны быть приняты меры для того, чтобы, с одной стороны, еще более развить децентрализацию распорядительной деятельности Военного министерства, а с другой — не нарушать необходимой связи и единства в действиях административных органов и строевых или командных управлений»[50]. Восьмой вопрос касался возможности применения в России прусской территориальной системы, при которой «местное военно-административное управление сливается в одном и том же органе с управлением тактическими подразделениями армии высшего порядка, т. е. командир корпуса в мирное время есть и начальник военного округа, в котором корпус его расположен»[51]. Наконец, девятый и десятый — являлись прямым развитием предыдущего вопроса и заключались в том, каким путем идти, если прусская территориальная система будет признана целесообразной: либо путем раздробления нынешних военных округов, или же «идти к той же цели обратным путем, т. е. посредством уменьшения числа нынешних округов и определения для каждого из них таких территорий, которые могли бы служить естественными театрами для операций самостоятельных армий»[52].

В начале октября Особая комиссия приступила к работе[53]. Комиссия, включая председателя, состояла из

---

[50] Там же.

[51] Там же.

[52] Там же, л. 3—4.

[53] В состав ее помимо Коцебу входили следующие лица: великие князья Михаил Николаевич, Николай Николаевич, Владимир Александрович; военный министр П. С. Ванновский, начальник Главного штаба Н. Н. Обручев, начальник Главного военно-судного управления св. кн. А. К. Имеретинский, начальник Главного интендантского управления Н. Н. Скворцов, товарищ ген.-фельдцехмейстера Л. П. Софиано, товарищ ген.-инсп. по инженерной части М. П. Кауфман, начальник Канцелярии Военного министерства А. А. Якимович, помощник начальника Главного управления военно-учебных заведений бар. Л. Л. Зедделер, состоящий по инженерному ведомству ген.-лейт. В. В. Фейхтнер, министр двора гр. И. И. Воронцов-Дашков, начальник Академии Генерального штаба М. И. Драгомиров; командующие войсками округов: А. Р. Дрентельн, гр. Э. И. Тот-

31 человека. Преобладающее число членов совещания составляли чины Военного министерства, командующие войсками отдельных округов, а также командиры корпусов.

Открытие Особого совещания произошло 6 октября и продолжалось до 7 ноября, т. е. ровно месяц. За это время, судя по протоколам, было проведено 9 заседаний.

На первом заседании, 6 октября, был поставлен общий вопрос — *Какие недостатки существуют в нынешнем устройстве центрального военного управления, т. е. в Военном министерстве?* [54] По этому общему вопросу была единогласно признана «необходимость децентрализации». При этом было высказано много различных предложений, весьма и весьма разнообразных. Наиболее крайняя точка зрения была выражена гр. И. И. Воронцовым-Дашковым. «Коренные недостатки ныне существующей военной организации, не излечимые никакими частичными улучшениями, — заявил Воронцов-Дашков, — суть следующие:

а) Смешение воедино военной администрации с полевым командованием [достигло] до такой степени, что последнее совершенно заслонено первой [...]

б) Невозможность для военного министра, какими бы качествами он ни был одарен, держать равновесие между административными заботами и вниманием к нравственной стороне военного дела [...]

в) Последствием исключительного преобладания администрации оказывается тот факт, что при самом высоком военном бюджете [...], при гораздо высшей численности войск, содержимых в мирное время, русские полевые силы уступают в итоге силам каждого первоклассного государства» [55]. Далее он указывал, что число

лебен, кн. Д. И. Святополк-Мирский, П. П. Альбединский, наказной атаман Войска Донского М. И. Чертков; помощник командующих войсками округов А. П. Костанда; начальники штабов округов: П. П. Павлов, Н. О. Розенбах; командиры корпусов: гвардейского — гр. Пав. А. Шувалов, армейских — Ф. Ф. Радецкий, М. Д. Скобелев, Х. Х. Рооп, Э. И. Деллинсгаузен, О. Б. Рихтер; начальник Первой гвардейской кавалерийской дивизии кн. И. Ф. Шаховской и помощник начальника Канцелярии Военного министерства ген.-лейт. П. А. Лобко.

[54] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 42, л. 3.

[55] Там же, л. 4—5.

штабных офицеров и военных чиновников немногим менее строевых офицеров, причем в строю остаются только те, кто не нашел еще способа «перебраться в администрацию»[56].

Таким образом, Воронцов-Дашков требовал коренной реорганизации высшего военного управления. Однако другие члены не были согласны с этим положением. Так, командующий войсками Киевского военного округа Дрентельн заявил: «Краски гр. Воронцова слишком густы, хотя недостатки в нынешнем устройстве военного управления есть»[57]. Наконец, то же мнение высказал и Обручев. «Действительно, недостатки, — заметил он — громадны, но они суть последствия всего государственного строя, а не только нынешней системы. Император Николай Павлович не изменил бы системы, если бы прежняя была хороша. Надо прежде хорошенько разобраться, какие недостатки, а затем искать средства для исправления»[58].

Второй вопрос: «Какие меры нужны: а) для децентрализации, б) чтобы приблизить войска к императору, в) чтобы уменьшить работу Военного министерства?» При этом предлагалось решить вопрос о целесообразности восстановить организацию высшего военного управления, введенную Александром I.

Почти все члены Особой комиссии высказались за сохранение целостности Военного министерства, хотя некоторые из них (Костанда, Радецкий) предлагали создать независимый от военного министра Главный штаб его величества[59]. Даже командующий Главной императорской квартиры ген.-адъют. Рихтер высказывался за сохранение целостности Военного министерства. Драгомиров опять-таки выступил против разделения власти Военного министерства. «Полагаю, — заявил он, — что, ничего не ломая, надо восстановить инспекторов, незави-

---

[56] Там же, л. 5—6.

[57] Там же, л. 6. В этом же духе выступали вел. кн. Михаил Николаевич и Драгомиров. Последний сказал: «Я не согласен с гр Воронцовым, что надо менять *корни*, но разделяю его мнение, что у государя должен быть представитель строевого элемента» (там же, л. 8).

[58] Там же, л. 8—9. По его мнению, эти недостатки были обусловлены громадностью государства и сложностью системы комплектования, прохождения службы, отчетности, контроля и т. д.

[59] Там же, л. 12.

симых от военного министра»[60], представлявших свои отчеты непосредственно императору. Собственно, за разделение власти Военного министерства Воронцов-Дашков выступал в единственном числе[61]. На этом и закончилось первое заседание, 6 октября.

На следующем заседании, 9 октября, Воронцов-Дашков[62] прочел указанную выше записку, которая вызвала оживленные прения. За предложение Воронцова-Дашкова выступил Рихтер, заявив, что он теперь, после выступления Обручева, указывавшего на существующие недостатки в центральном военном управлении[63], считает необходимым разделение Военного министерства и целиком поддерживает Воронцова-Дашкова. Выступление Рихтера не встретило поддержки других членов комиссии.

Обсуждение вопроса о центральном военном управлении продолжалось несколько заседаний, и после этого было предложено для голосования два предложения. Первое ставило вопрос о сохранении нынешней системы центрального военного управления[64]. Во втором говорилось, что члены совещания считают необходимым разделение военного управления на две части. С этой целью должна быть учреждена должность начальника Главного штаба его величества, который решает все вопросы, кроме хозяйственных, остающихся в ведении военного министра.

Хотя оба лица и не должны были быть подчинены

---

[60] Там же, л. 19.

[61] В фонде Воронцова-Дашкова сохранилась записка (автограф), в которой сформулирована его позиция (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Воронцова-Дашкова, разд. II, к. 61, д. 2, л. 10—11).

[62] Вообще Воронцов-Дашков пытался играть большую роль в работе комиссии. Так, в одном из писем к нему Фадеев писал: «Считая совершенно необходимым установление временной диктатуры над военным ведомством в лице Вашем, я никак не думал, что Вы могли взять на себя всю кропотливую работу, которой будет так много при выделении армии из-под нынешнего бюрократического всевластия» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Воронцова-Дашкова, разд. II, д. 51. Письмо от 16 октября 1881 г.).

[63] Обручев тут же заметил, что Рихтер, по-видимому, его неправильно понял. «Я говорил [...], — заявил Обручев, — о недостатках в нашей организации и не ожидал такого разъяснения, которое привел г.-ад. Рихтер» (там же, л. 26).

[64] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 49, л. 3 (Из отчета председателя Особой комиссии ген.-адъют. Коцебу).

друг другу, имея самостоятельные доклады императору, но военный министр должен был это делать «всегда в присутствии начальника Главного штаба» [65].

За первое предложение голосовал 21 человек [66], за второе — 9 [67]. Это решение Комиссии, принятое в середине октября, не удовлетворило Александра III, и в ноябре он предложил снова вернуться к обсуждению вопроса о центральном военном управлении. По-видимому, здесь сказалось давление Воронцова, весьма близкого императору человека.

Итак, как указывается в протоколе заседания 7 ноября, Александр III «соизволил выразить желание знать мнение членов Комиссии, высказавшихся по этому вопросу в пользу *единства* высшего военного управления, остаются ли они при своем мнении, т. е. за единство и в том случае, если во главе военного управления стоял начальник Главного штаба е. и. в., или же признают более полезным не подчинять военного министра, ведущего военно-хозяйственную часть, начальнику Главного штаба» [68]. И на этот раз большинство в 17 человек высказалось за сохранение единства, против — 1 [69].

На этом же заседании рассматривался вопрос о создании Высшего военного совета, который должен был обсуждать важные вопросы военной организации, наблюдать за уровнем боевой подготовки и т. д. За создание этого Совета высказалось 24 человека, против — 3 [70].

Следующий вопрос, подлежавший обсуждению, касался местного военного управления — военных округов. В заседаниях Комиссии во второй половине октября рассматривались именно эти вопросы. Для сведения воедино всех высказанных предположений была создана подко-

---

[65] Там же, л. 4.

[66] Великие князья Николай Николаевич, Михаил Николаевич, Владимир Александрович, а также Тотлебен, Дрентельн, Албединский, Кауфман 2-й, Скобелев, Ванновский, Чертков, Обручев, Софиано, Розенбах, Фейхтнер, Рооп, Деллинсгаузен, Павлов, Скворцов, Якимович, Зедделер и Лобко.

[67] Радецкий, Костанда, Рихтер, Шувалов, Имеретинский, Шаховской, Воронцов-Дашков и Драгомиров. Впоследствии к этому мнению присоединился и кн. Святополк-Мирский.

[68] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 46, л. 73.

[69] Там же, л. 73.

[70] Там же, л. 80. Однако Высший военный совет образован не был.

миссия под председательством кн. Святополк-Мирского. Подкомиссия сформулировала четыре точки зрения, имевшиеся у членов этой Комиссии.

Первая из них состояла из трех пунктов: а) уменьшить число существующих округов; б) увеличить самостоятельность корпусных командиров, оставив их, однако, в подчинении командующих войсками округов; в) увеличить права и значение командующих войсками округов, начальников окружных хозяйственных управлений, а также военно-окружных советов [71]. Это предложение безусловно было подписано 16 человеками [72] и условно — двумя [73].

Второе мнение предполагало: а) учредить в Европейской России четыре военных отдела (Северный, Южный, Западный и Внутренний), включив в них существующие военные округа; б) начальникам отделов предоставить значительно большие права и самостоятельность; в) расширить власть корпусных командиров и придать корпусам те органы и учреждения, которые составляют их принадлежность в военное время [74]. Это мнение безусловно подписали 7 лиц [75] и условно — 1 [76].

Третье мнение выражало точку зрения сторонников прусской организации как центрального, так и местного военного управления. Их предложение заключалось в следующем: «а) выделить корпуса из ведения начальников территориальных округов, предоставив корпусным командирам управление войсками корпуса во всех отношениях; б) на управление территориальных округов возложить управление только теми войсками, которые не принадлежат к составу полевых, местными военными учреждениями и снабжение войск, в территориальном

---

[71] Там же, д. 49, л. 17.

[72] Великие князья Владимир Александрович, Михаил Николаевич, генералы Костанда, Дрентельн, Альбединский, Кауфман 2-й, Скобелев, Ванновский, Фейхтнер, Обручев, Софиано, Павлов, Скворцов, Якимович, Розенбах, Лобко.

[73] Тотлебен — при условии «передать корпусам те органы, которые они должны иметь в военное время» (там же), а Драгомиров — при условии постепенного перехода «к местной корпусной системе».

[74] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 49, л. 18.

[75] Вел. кн. Николай Николаевич-старший, Святополк-Мирский, Радецкий, Рооп, кн. Имеретинский, кн. Шаховской 3-й, Зедделер.

[76] Тотлебен. При этом он выступил против некоторых частностей.

округе расположенных, всеми видами довольствия, кроме того, которое окажется возможным предоставить на попечение самих войск; в) число территориальных округов уменьшить, подчинив их непосредственно Военному министерству; г) создать должность высшего начальника, в характере инспектора, над известной группой корпусов и территориальных округов (по числу формируемых армий); д) при начальниках-инспекторах иметь штаб в виде кадров полевых управлений армий»[77]. Это мнение подписали 3 члена Комиссии[78]. Таким образом, это «третье» мнение явилось логическим продолжением воронцовского проекта разделения высшего военного управления на две части: Главный штаб е. и. в. и Военное министерство с оставлением ему чисто хозяйственных функций.

Наконец, четвертое мнение, выраженное одним Тотлебеном, ставило вопрос об увеличении прав начальников военно-окружных управлений и предоставлении большей самостоятельности корпусным командирам «посредством придания корпусам таких органов и учреждений, которые необходимы для них в военное время»[79].

Итак, большинство членов Особой комиссии высказались за сохранение военно-окружной системы по существу в том же виде, в каком она находилась. Резюмируя все эти мнения, председатель Комиссии гр. Коцебу высказал следующие соображения: «В принципе сохранить территориальную систему, имея в виду достигнуть со временем прусской организации, т. е. разделения ее на корпусные территории [...]»[80]. Руководствуясь этим, он рекомендовал следующее: а) сократить число округов, б) сохранить за командующим округом всю полноту власти как командующего всеми войсками и учреждениями в округе, в) увеличить права как начальника округа, так и начальников отделов окружного управления, г) корпусным командирам предоставить больше самостоятельности. Собственно, эти соображения и были утверждены Александром III. Один лишь вопрос был решен Комиссией единогласно — вопрос, касавшийся необ-

---

[77] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 49, л. 19.
[78] Шувалов 2-й, Воронцов-Дашков, бар. Деллинсгаузен.
[79] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 49, л. 20.
[80] Там же, л. 21.

ходимости коренного пересмотра существовавшего Положения о полевом управлении войск в военное время.

Подведем итоги. Никаких конкретных решений касательно изменения системы военного управления и военных округов по существу принято не было, за исключением вопроса о необходимости переработать Положение о полевом управлении армии в военное время.

Чем объяснить, что Александр III не пошел за Воронцовым, Фадеевым и другими сторонниками реорганизации военного управления? Надо думать, что здесь оказал влияние ряд обстоятельств. Во-первых, противодействие Ванновского и Обручева, во-вторых, мнение большинства генералитета, а главное, необходимость определенных финансовых затрат. Решающее слово принадлежало, естественно, Александру III, который, несмотря на свою ограниченность, не был, однако, лишен порою здравого смысла, и то, что казалось ему в 1873 г. правильным, в 1881 г. уже воспринималось иначе. Во всяком случае никаких изменений, кроме разработки нового Положения о полевом управлении армии в военное время, осуществлено не было.

Н. Н. Обручев, информировавший Милютина о деятельности Особой комиссии, писал ему еще до начала ее работы: «Созданное Вами здание такое грандиозное и фундаментальное, что исторический обозреватель и не заметит делаемых в нем поделок и переделок, скажет лишь: въехали новые жильцы, тут сняли перегородку, здесь поставили, развесили иначе драпировки, кое-где подкрасили или перекрасили их по своему вкусу. Палаццо же будет все стоять, и все будут знать, как его звать» [81]. И это было действительно так.

* * *

Положение о полевом управлении армией в военное время 1868 г., несколько переработанное в 1876 г., показало в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. свою непригодность, вследствие чего Особое совещание и пришло к единогласному решению о необходимости его коренной переделки. Положение о полевом управлении армии в военное время в целом отвечало задачам органи-

[81] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, к. 71, д. 61. Письмо 27 сентября 1881 г.

зации полевого штаба главного командования, однако один из важнейших разделов его — организация тыла армии — в ходе войны 1877—1878 гг. обнаружил свою полную несостоятельность.

На основе этого Положения снабжение армии должно было осуществляться через пограничные военно-окружные управления. «С удалением армии от границ империи [. . .], — говорилось в Положении, — учреждаются в занятых армией областях, по мере надобности, местные интендантские, артиллерийские и инженерные управления, которым присваивается наименование того города или пункта, где они находятся» [82].

Однако как должны были создаваться эти управления, как осуществлять связь с военными округами, а также с Военным министерством — об этом в Положении ничего не говорилось. Все это привело к тому, что в начале войны никаких местных управлений создано не было, а полевое управление не имело своей собственной базы снабжения, осуществляя его через Одесский военный округ. В ходе войны было поручено ген. Дрентельну разработать проект управления тыла армии, который и был наспех составлен осенью 1877 г. Лишь в ноябре того же года были открыты тыловые учреждения в Бухаресте, а в декабре — в Северной Болгарии. Все это, естественно, создавало большие трудности в снабжении армии и способствовало массовым злоупотреблениям и хищениям в данной области. Именно в силу этого вопрос о необходимости переработки Положения о полевом управлении армией встретил в Особой комиссии единодушное одобрение. Уже в начале 1882 г. приказом по военному ведомству было поручено составление проекта этого Положения помощнику начальника Канцелярии Военного министерства ген. Лобко.

По окончании разработки проекта, в ноябре 1885 г., было образовано совещание под председательством того же Лобко в составе генерал-майоров Кантакузена, Куропаткина и полковников Пузыревского и Редигера. Это совещание закончило свою работу к концу мая 1886 г. [83]

---

[82] «Свод военных постановлений», ч. I, кн. IV. СПб., 1869, стр. 204—205. Подробнее об этом см. мою книгу «Военные реформы 1860—1870 годов в России», стр. 115—119.

[83] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 42783, ч. I—II.

А. Ф. Редигер в своих воспоминаниях рассказывает по этому поводу: «Комиссия собиралась очень усердно на квартире у Лобко и с половины ноября до конца года имела 11 заседаний; закончила она свою работу (всего 40 заседаний) к лету следующего года. В этой комиссии работа шла хорошо, членов было немного, и все дельный народ, и лишь Куропаткин бывал многоглаголив»[84].

В течение второй половины 1886 и в 1887 г. проводилась работа по окончательному составлению проекта и рассылке его на обсуждение различным лицам. По разосланному проекту стали поступать замечания, из которых был составлен систематический свод.

После составления проекта и свода замечаний в январе 1888 г. была создана Особая комиссия для окончательного рассмотрения проекта. Председателем Комиссии был назначен вел. кн. Николай Николаевич-старший. Комиссия состояла из 13 членов. В процессе работы Особой комиссии в проект был внесен ряд существенных замечаний, в частности «она признала необходимым формировать несколько (частных) армий с полными полевыми управлениями, подчинив их главнокомандующему с небольшим штабом при нем»[85]. При этом было решено, что полевые управления должны формироваться из офицеров и чиновников штабов пограничных округов. Деятельность Особой комиссии закончилась в самом конце 1888 г., после чего исправленный проект был снова разослан на обсуждение в различные штабные инстанции.

26 февраля 1890 г. Положение о полевом управлении войск в военное время[86] было утверждено Александром III.

В первом параграфе Положения говорилось, что «войска, предназначенные к совокупному действию на одном театре войны, образуют одну или несколько армий [...]. Начальствование над каждой армией вверяется командующему армией, а общее начальство над несколькими армиями, действующими на одном театре войны [...], вверяется главнокомандующему...»[87]. Главноко-

---

[84] ЦГВИА, ф. Редигера, д. 2, л. 183. Как рассказывает Редигер, тогда шел вопрос об организации в случае войны одной армии и в соответствии с этим составлялся проект.
[85] Там же, л. 201.
[86] ПСЗ, 3 собр., т. X, № 6609.
[87] Там же, § 1.

мандующему подчинялись не только все войска, входившие в подчиненные ему армии, но и все гражданское управление всего театра войны, как внутри империи, так и во вне ее[88]. Главнокомандующий «облекался чрезвычайной властью, представляя собою лицо императора». «Главнокомандующий армиями, — говорилось в Положении, — есть высший полный начальник всех войск, управлений и чинов, принадлежащих к составу армий, не исключая и членов императорской фамилии, если они находятся при армиях»[89]. Главнокомандующий имел даже право «собственной властью заключать с неприятелем перемирие»[90]. Штаб главнокомандующего состоял из трех отделов, общее руководство которыми принадлежало начальнику Главного штаба.

Отделы эти были следующие: а) управление генерал-квартирмейстера, б) управление дежурного генерала, в) железнодорожный. Генерал-квартирмейстер являлся ближайшим помощником начальника штаба «по всем вопросам, касающимся стратегических операций, и вообще по специальным частям Генерального штаба»[91]. В соответствии с этим в управлении генерал-квартирмейстера сосредоточивались все оперативные вопросы, а также данные о противнике. Управление дежурного генерала ведало вопросами, касавшимися «численности и личного состава армии». В нем сосредоточивались «также сведения о степени обеспечения армий различного рода запасами и предметами довольствия»[92]. Это управление состояло из двух частей — инспекторской и хозяйственной, а также канцелярии. При дежурном генерале состоял также заведующий военно-судной частью. Железнодорожный отдел ведал общей эксплуатацией всей сети железных дорог, расположенных на театре военных действий. Таким образом, штаб главнокомандующего был не очень обширен, и вся детальная разработка вопросов оперативного (тактического) характера, а также все обеспечение армии всеми видами снабжения лежали на полевом управлении армии.

---

[88] Там же, § 5.
[89] Там же, § 21.
[90] Там же, § 26.
[91] Там же, § 55.
[92] Там же, § 64.

* * *

Командующий войсками пограничного округа назначался командующим армией, а все начальники военно-окружных отделов — начальниками соответствующих отделов полевого управления армии[93]. Пограничный округ после создания штаба армии возглавлялся помощником командующего войсками, а отдельные окружные управления — помощниками начальников соответствующих отделов.

Пограничный округ должен был находиться в подчинении командующего армией. Так, довольствие и снабжение вверенной ему армии «осуществляло управление армией и подчиненное ему окружное управление пограничного военного округа»[94].

Как и главнокомандующему, командующему армией подчинялись не только все войска и военные учреждения, расположенные в районе действия армии, но и вся территория в полицейском отношении[95].

Полевое управление армии состояло из полевого штаба. Полевой штаб состоял из трех отделов, аналогично штабу главнокомандующего: Управление генерал-квартирмейстера, Управление дежурного генерала и Управление начальника военных сообщений. Непосредственным помощником командующего армией являлся начальник штаба, который в Положении именовался как «ближайший сотрудник». На него возлагалась непосредственная координация всех частей полевого управления армии.

Управление генерал-квартирмейстера ведало всеми вопросами оперативного, разведывательного и топографического характера. Генерал-квартирмейстер являлся первым помощником начальника штаба[96].

Функции управления дежурного генерала были обширнее, нежели в штабе главнокомандующего. Обязанности дежурного генерала заключались в решении вопросов, касавшихся не только «численности личного состава и внутреннего устройства армии»[97], но и санитар-

[93] Начальник штаба округа — начальником штаба армии, окружной интендант — армейским интендантом и т. д.

[94] ПСЗ, 3 собр., т. X, № 6609, § 89.

[95] См. там же, § 104.

[96] Там же, § 204.

[97] Там же, § 226.

ного состояния армии. В силу этого Управление дежурного генерала армии состояло из двух частей: Дежурства армии и Канцелярии дежурного генерала по санитарной части.

Кроме того, к Управлению дежурного генерала принадлежали: заведующий военно-судной частью, комендант главной квартиры, полевой главный священник, адъютант и ряд других лиц.

Наконец, на третье управление полевого штаба — начальника военных сообщений возлагались следующие функции: «а) заведование устройством и эксплуатацией военных дорог, а равно почтовых и телеграфных линий в районе действия армии; б) наблюдение за охранением на всем этом пространстве безопасности, порядка и благоустройства и в) временное управление занятыми армией по праву войны частями неприятельского края, до учреждения в них особого местного управления»[98]. Таков состав и функции полевого штаба, отвечавшего в основном задачам современной организации армии.

Помимо полевого штаба полевое управление армией состояло из пяти главных отделов, подчинявшихся непосредственно командующему армией. Этими отделами были: а) управление интенданта армии, б) управление инспектора артиллерии, в) управление инспектора инженерных войск, г) управление полевого главного казначея и д) управление полевого главного контролера[99].

Следовательно, полевое управление армии состояло из восьми главных отделов (трех частей штаба) и пяти указанных управлений, а также одного второстепенного — канцелярии.

Таким образом, структура полевого управления армии, включая учреждения, обеспечивающие все виды снабжения армии, была довольно четкой и полной[100].

---

[98] Там же, § 308.
[99] Там же. § 89.
[100] В 1892 г. преобразовали штабы западных пограничных округов, «устроив их так, чтобы они уже и в мирное время заключали в себе кадры для всех главных и большей частью второстепенных отделов полевого штаба» («Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 71). В связи с этим в окружных штабах Варшавского, Виленского и Киевского округов были введены должности генерал-квартирмейстеров и дежурных генералов.

Новое Положение о полевом управлении, бесспорно, являлось значительным шагом вперед по сравнению с предшествующими Положениями 1868 и 1876 гг.

Однако вскоре оно должно было претерпеть известные изменения вследствие увеличения числа армий. В 1903 г. план развертывания предполагал создание уже семи армий, в то время как пограничных округов было только четыре [101]. В силу этого нарушалась вся стройная система подчинения армии пограничного округа. К тому же в 1903 г. вводилась еще одна инстанция главного командования — верховного главнокомандующего и его штаба.

В заключение надо сказать об одном весьма вредном, на наш взгляд, положении, существовавшем в этом законе и касавшемся прав командующего армией [102]. В разделе «Степень и пределы власти командующего армией» указывалось, что «командующий армией имеет право временно изменять, по своему усмотрению, состав подчиненных ему войсковых соединений и для выполнения разных военных предприятий соединять части войск в отряды» [103].

В будущей русско-японской войне это получило чуть ли не массовое распространение, когда не только корпуса и дивизии действовали в разных отрядах, но даже и батальоны тех или иных полков [104]. Это вносило полную дезорганизацию в управление войсковыми соединениями.

* * *

Рассмотрим реформу Главного штаба. В начале 1866 г. Управление Генерального штаба и Инспекторский департамент были объединены в одно управление под названием Главный штаб [105]. Как писал Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях», «учреждение это в составе Военного министерства получало значение, вполне соответствующее общему понятию о штабах армий, округов, корпусов и т. д., т. е. таких учреждениях, которые ведают

---

[101] Подробнее см. ниже, стр. 149.

[102] Впрочем, это существовало и в предшествующих Положениях.

[103] ПСЗ, 3 собр., т. X, № 6609, § 121.

[104] Подробнее см. ниже, стр 344—345.

[105] Приказ по военному ведомству от 31 декабря 1865 г.

всеми вообще делами по составу войск, устройству их и службе»[106].

В Положении о Военном министерстве 1869 г. говорилось, что в Главном штабе сосредоточиваются «а) полные сведения о войсках [...], б) дела по личному составу и комплектованию войск [...], в) дела по устройству, службе, размещению, образованию и хозяйству войск [...]»[107].

Наряду с этим Главный штаб составлял дислокацию войск, ведал всеми геодезическими работами военного ведомства, военно-статистическими описаниями, а также сбором разведывательных данных. Главный штаб состоял из шести отделений, азиатской и судной части[108].

Если реформа Главного штаба в целом имела бесспорно положительное значение, то функциям собственно Генерального штаба уделялось небольшое место. Лишь одно из шести его отделений ведало этими вопросами. С течением времени функции Главного штаба усложнялись, много места отводилось планам развертывания войск в период мобилизации, разработке стратегических предположений, и структура его уже не соответствовала насущным требованиям. Еще в 1894 г. Обручев представил детальный план преобразования Главного штаба на основе опыта последних войн. По его мнению, Главный штаб должен был «выполнять работы и высшего стратегического порядка, относительно распределения войск по театрам войны, образования армий, составления планов их сосредоточения и первоначальных действий, подготовки полевого управления в пограничных округах, организации сбора сведений о неприятеле и проч.»[109].

Однако этот проект так и остался проектом и дальнейшего движения не получил[110].

В 1897 г., незадолго до своей отставки, Обручев делает вновь представление о частичной реорганизации Главного штаба и увеличении его штата. Однако и это

---

[106] Цит. по моей книге «Военные реформы 1860—1870 годов в России», стр. 100.

[107] Там же, стр. 101.

[108] Подробнее см. там же, стр. 100—101.

[109] *А. Г. Кавтарадзе.* Из истории русского Генерального штаба. — «Военно-исторический журнал», 1971, № 12, стр. 77.

[110] Об этом подробнее см. там же, стр. 78.

представление, по-видимому, также не было реализовано [111].

В феврале 1900 г. Военный совет обсуждал представление нового начальника Главного штаба Сахарова о реорганизации этого учреждения. В начале представления говорилось о возросшей роли Главного штаба: «Громадное развитие вооруженных сил соседей и все возраставшая готовность их к войне потребовали и со стороны России чрезвычайных напряжений [...]. Все эти потребности непосредственно отразились на работе и устройстве Главного штаба» [112]. Далее отмечалось, что не только аппарат штаба «расширился, усилился и утяжелился труд существовавших с 1867 г. отделений, но к сим отделениям пришлось добавлять и совершенно новые органы, как, например, Мобилизационный комитет, Отдел по перевозке войск и по продвижению грузов [...], Особое восьмое отделение для учета запасных нижних чинов, запасных офицеров и классных чинов [...]. Со всеми этими новообразованиями и возложением на Главный штаб новых задач совершенно изменилось его положение в ряду прочих главных управлений Военного министерства» [113]. В силу этого автор проекта, прежде изложения его сущности, ставил вопрос об изменении положения начальника Главного штаба. Эти изменения должны были заключаться в следующем: а) начальник Главного штаба «как ближайший сотрудник военного министра по всем важнейшим вопросам, касающимся устройства вооруженных сил и обороны государства, должен был бы считаться товарищем военного министра» [114], а следовательно, и замещать во время отсутствия его, председательствуя также и в Военном совете; б) все вопросы, касающиеся мероприятий по обороне государства и «боевой готовности войск», должны «предварительно доклада военному министру [...] передаваться на заключение начальника Главного штаба» и, наконец, в) предоставить начальнику Главного штаба «право личного доклада императору» с санкции военного министра [115].

---

[111] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 56 378.

[112] ЦГВИА, ф. Военного совета, оп. 1, д. 826, л. 481—482.

[113] Там же, л. 482.

[114] Там же, л. 483.

[115] См. там же.

Предлагаемая организация Главного штаба подразделяла его на пять управлений: Управление первого генерал-квартирмейстера, Управление второго генерал-квартирмейстера, Управление дежурного генерала, Управление военных сообщений и военно-топографическое. Каждое управление подразделялось на отделы, а последние — на отделения. Если круг вопросов, подлежавших рассмотрению последних двух управлений, более или менее ясен, то функции первых трех требуют пояснения.

Управление первого генерал-квартирмейстера должно было быть подразделено на два отдела. Первый из них должен был заниматься вопросами обучения войск, а также областью дел Генерального штаба. Второй — ведать военным и отчасти гражданским (военно-народным) управлением азиатских округов и Кавказа.

Управление второго квартирмейстера также предполагалось подразделить на два отдела. Первый должен был заниматься вопросами военной статистики, т. е. в первую очередь изучением предполагаемого театра войны, а также сбором сведений разведывательного характера, и, наконец, разработкой оперативных вопросов. Второй отдел — мобилизационный.

Управление дежурного генерала должно было состоять также из двух отделов. Одного — ведавшего «строевую и инспекторскую часть», т. е. учетом личного состава, награждений, назначений, производств и т. д. Другой отдел должен был заниматься хозяйственными вопросами. Таковы основные части Главного штаба, как это представлялось в проекте.

Военный совет прежде всего ополчился против особых прав, которыми предполагалось наделить начальника Главного штаба. Так, по вопросу о предоставлении ему права личного доклада царю и председательствовании в Военном совете в отсутствие военного министра Военный совет единогласно высказался против. Что касается пункта проекта, в котором указывалось на необходимость представлять начальниками управлений свои соображения по некоторым вопросам на рассмотрение начальника Главного штаба до представления по этому поводу доклада военному министру, то по нему большинство (13 человек) также высказалось против.

Военный министр в своей записке царю по поводу обсуждения вопроса о реорганизации Главного штаба в Во-

енном совете указывал, что он согласен с решением Совета (как единогласным, так и его большинства). «Но затем, — писал Куропаткин, — не могу согласиться с предположением поставить начальника Главного штаба в одинаковое во всех отношениях с прочими начальниками главных управлений положение, полагая придать этой должности первенствующее значение, установив, что в отсутствие военного министра исправление его обязанностей (за исключением председательствования в Военном совете) возлагается на начальника Главного штаба, если (императором) не будет для сего назначено особое лицо»[116]. С этой точкой зрения Николай II согласился. В отношении же самой реорганизации Главного штаба Военный совет «нашел, что для окончательного суждения о том, насколько испрашиваемые изменения штата соответствуют действительной потребности, необходимо прежде всего составить и рассмотреть Положение о Главном штабе, а между тем Положение это еще не составлено»[117]. Таким образом, вопрос о реорганизации Главного штаба остался открытым.

В том же 1900 г. «ввиду современных осложнений на Дальнем Востоке» была учреждена генерал-квартирмейстерская часть в уменьшенном составе»[118]. В том же году вместо отдела по передвижению войск и грузов было создано Управление военных сообщений[119]. Только в апреле 1903 г. был издан Приказ по реорганизации Главного штаба[120] в соответствии с изложенным выше проектом. Помимо пяти управлений (первого генерал-квартирмейстера, второго генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, военных сообщений и военно-топографического) при самом начальнике штаба создавался «своеобразный штаб», состоящий из 19 штаб- и обер-офицеров, а также двух генералов, выполнявших те или иные поручения. Кроме того, в качестве отделов существовали Канцелярия Главного штаба со штагом в 24 человека, а также три комитета: а) комитет Главного штаба (бывший военно-ученый), б) мобилизационный и хозяйственный.

---

[116] Там же, л. 472—473.
[117] Там же, л. 474—475.
[118] Приказ по военному ведомству № 282 за 1900 г.
[119] Приказ по военному ведомству № 366 за 1900 г.
[120] Приказ по военному ведомству № 133 за 1903 г.

Реорганизация Главного штаба имела, бесспорно, положительное значение, создавая наилучшие возможности для выполнения лежащих на нем функций. Образование внутри Главного штаба Квартирмейстерской части и Управления дежурного генерала, казалось бы, на первый взгляд возвращало организацию высшего военного управления (в какой-то его части) к дореформенной, однако в первой половине XIX в. они существовали изолированно друг от друга.

Таковы реформы, осуществленные в области военного управления.

Глава 3

Комплектование, численность, состав и вооружение русской армии

Комплектование русской армии в рассматриваемый нами период производилось на основе Устава о воинской повинности от 1 января 1874 г.[1] с некоторыми изменениями, происшедшими в изучаемое нами время. Как и ранее, призванные в армию зачислялись в войска по жребию (так как число призываемых было более потребного контингента). Лица, получившие образование, могли поступать в армию добровольно — вольноопределяющимися на сокращенный срок службы. Воинская повинность являлась личной, а потому никто не мог откупаться от нее[2]. Остановимся на наиболее существенных изменениях Устава о воинской повинности. Во-первых, увеличивался на один год возраст призываемых. Призыву подлежали лица, достигшие 21 года[3]. Во-вторых, изменялся общий срок службы. Если ранее, по Уставу 1874 г., общий срок службы определялся в 15 лет (6 лет действительной службы и 9 лет запаса), то в 1888 г. общий срок службы устанавливался в 18 лет (5 лет действительной службы

[1] ПСЗ, 2 собр., т. XLVIII, № 52 983, а также см. мою книгу «Военные реформы 1860 — 1870 годов в России». М., 1952.

[2] Однако в 1872 и 1873 гг., т. е. до издания закона 1874 г., было выпущено большое число зачетных квитанций, дававших право откупа от военной службы. Оставшиеся у населения зачетные квитанции после издания закона о всеобщей воинской повинности не были аннулированы и продолжали оставаться действующими, будучи только закреплены за определенными семьями. Те лица, которые предъявляли указанные квитанции, освобождались от военной службы. С каждым годом число зачитываемых при ежегодных наборах квитанций уменьшалось. Так, в 1881 г. была предъявлена 391 квитанция, в 1886 г. — 181, в 1891 г. — 119, в 1896 г. — 45 (см. *А. Редигер.* Комплектование и устройство вооруженной силы. Изд. 3, испр. и доп. А. Гулевич. СПб., 1903, стр. 93).

[3] ПСЗ, 3 собр., т. XIII, № 9260.

и 13 лет запаса)[4]. После нахождения указанного числа лет в запасе эти лица перечислялись в ополчение. Туда же зачислялись и те, кто по тем или иным причинам освобождался от действительной военной службы. По Уставу 1874 г. не привлекалось к призыву население Закавказского и Туркестанского краев, Амурской и Приморской областей и отдаленных частей Сибири, а также нерусское местное население всей Сибири, Северного Кавказа, Астраханской и Архангельской губерний, Тургайской и Уральской областей[5]. В рассматриваемый период воинская повинность была распространена на оседлое население Семиреченской обл., на население Закавказья и часть местного населения Северного Кавказа.

Льготы по семейному положению оставались прежними. По семейному положению устанавливалось три разряда льгот: первый разряд — для единственных в семье сыновей либо единственных способных к труду сыновей при нетрудоспособных родителях либо деде или бабки; второй разряд — при единственном способном к труду сыне при отце, также способном к труду, и братьях, неспособных к нему (малолетних либо больных); третий разряд — для лиц, следующих непосредственно за братом, находящимся на военной службе. Все эти лица не зачислялись на действительную службу, а определялись прямо в ополчение. Льготы, точнее, отсрочки до двух лет по имущественному положению оставались также прежними. Так как и после предоставления льгот по семейному положению число лиц, необходимых для пополнения армии, было меньше числа лиц, подлежащих призыву, то вопрос о том, кто должен быть зачислен на действительную службу, как указывалось выше, решался жеребьевкой.

Наиболее серьезные изменения, произведенные в 1886 г. в Уставе о воинской повинности, касались срока службы лиц, получивших образование. Приведем данные об изменении этих сроков[6]:

Мера эта, казалось, должна была иметь с точки зрения подготовки офицеров запаса бесспорно положитель-

---

[4] ПСЗ, 3 собр., т. VIII, № 5345.

[5] Население Финляндии и казачьих областей отбывало воинскую повинность на основании особых законов.

[6] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894». СПб., 1903, стр. 7.

Учебное заведение	Вольноопределяющиеся		Поступающие по жребию	
	по уставу 1874 г.	по закону 1886 г.	по уставу 1874 г.	по закону 1886 г.
Университет и другие высшие учебные заведения	3 месяца	1 год	6 месяцев	2 года
Средние учебные заведения (гимназии не менее шести классов и др.)	1/2 года		1 1/2 года	
Низшие учебные заведения	2 года	2 года	3 года	3 года
Начальные учебные заведения	—	—	4 года	4 года

ное значение: за трех- или шестимесячный срок подготовить офицера было довольно трудно. Однако она имела и оборотную медаль — уменьшение числа вольноопределяющихся, имея особенно в виду, что число лиц, оканчивавших высшие и средние учебные заведения, за указанный период значительно возросло. Так, исходя из данных погодных всеподданнейших докладов Военного министерства за 1881, 1886 и 1903 гг., в 1881 г. вольноопределяющихся было 8665 человек, в 1886 г. — 8679, а в 1903 г. — 6898[7].

Чем же объяснить это уменьшение числа вольноопределяющихся, в то время как за изучаемый нами период число лиц, окончивших высшие и средние учебные заведения, значительно увеличивается? Нам представляется, что причиной этого было увеличение срока службы для лиц данной категории. В результате указанного закона лица со средним и высшим образованием, имевшие льготы по семейному положению, по-видимому, предпочитали пользоваться таковыми и быть зачисленными в ополчение рядовыми. Иного объяснения, пожалуй, найти трудно.

Обратимся к анализу ежегодных призывов. Надо сказать, что число лиц, подлежащих призыву, как уже говорилось, значительно превышало потребный контингент набора, который составлял примерно 25—30% призываемых. Вследствие этого наибольшая часть призываемых перечислялась прямо в ополчение и призывалась только на учебные сборы. Куропаткин во всеподданнейшем отче-

[7] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 139, л. 7; д. 146, л. 9; д. 163, л. 5

Приведем данные призывов по пятилетиям [3]:

Годы	Число лиц призывного возраста	Контингент набора			Получили льготы по семейному положению			Отсрочка по имущественному положению	Зачислено в ополчение
		основной	дополнительный *	всего	I разряд	II разряд	III разряд		
1881	779 951	190 000	22 000	212 000	207 090	157 660	45 760	147	502 282
1886	836 395	185 000	50 000	235 000	213 662	177 233	42 595	128**	530 876
1891	968 122	240 000	20 000	260 000	208 736	179 053	44 770		534 640
1896	1 063 158	275 324		275 324	226 669	189 774	53 179		566 355
1901	1 141 590	303 722		303 722	235 674	202 229	57 024		578 585
1903	1 156 051	314 791		314 791	232 987	203 626	57 869		586 149

* Дополнительный контингент зачислялся «для образования полного запаса, потребного в военное время», и служил всего лишь один год. С 1896 г указывается не контингент набора, а число призванных в армию, так как с этого времени дополнительный контингент не призывался. Разность между контингентом призыва и действительным числом призванных составляла менее 1%.

** После 1887 г. данные о числе лиц, получивших отсрочку по имущественному положению, не приводятся.

[3] Данные заимствованы из всеподданнейших отчетов по Военному министерству за период с 1881 по 1903 г. (СПб., 1883—1905). Данные о контингенте набора из кн. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 4.

те «О мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898—1902 гг.», анализируя результаты призывов, указывал на обширное развитие «у нас льгот по семейному положению и по образованию, [с] соответственн[ым] понижени[ем] требований, предъявляемых к физическим качествам новобранцев. По семейному положению у нас освобождается до 48% призываемых, тогда как в Германии и Австро-Венгрии по этой причине получают освобождение 2—3%, а во Франции — никто. По физической негодности, — продолжал он, — у нас ежегодно бракуется около 17% призываемых; в Австро-Венгрии же бракуется 50%, а в Германии — 37%» [9]. Приведенные цифры достаточно убедительны, особенно последняя, так как жизненный уровень населения Германии был неизмеримо выше, нежели в России, и в то же время процент физически неполноценных был в 2 с лишним раза выше, чем в России. Это, бесспорно, свидетельствовало, что среди призванных на действительную службу было немало лиц, обладавших физическими недостатками.

Вместе с тем надо сказать, что за рассматриваемый нами период — почти четверть века — несколько изменяется и состав призываемых. Увеличивается число представителей городского населения — фабричных рабочих. Ухудшается физическое состояние новобранцев. «Наконец, — писал Куропаткин в одном из докладов, — есть отдельные сведения, что процент недостаточно религиозных людей в армии все увеличивается» [10].

Таким образом, крайне тяжелое материальное положение основной массы населения — крестьянства обусловливает ухудшение физического состояния русского солдата. Развитие промышленности, как уже говорилось выше, способствовало увеличению в рядах армии числа фабричных, что, с точки зрения интересов самодержавия, ухудшало ее в нравственном отношении. В начале 900-х годов значительно увеличивается число солдат, привлекавшихся по обвинению в принадлежности к революционному движению (в то время как в 80-х и 90-х годах подобные случаи были редки). Так, по данным ежемесяч-

---

[9] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 1140, л. 7.

[10] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 44. Печатный экземпляр.

ных записок Куропаткина Николаю II, за 1903 г. число лиц, привлеченных к ответственности за разные проступки, связанные с участием в революционном движении, составляло 154 человека[11] (из них 104 человека — за революционную деятельность до призыва в армию и 50 — за период пребывания в рядах войск). Заметим, что из этих 154 человек было всего лишь 6 офицеров.

* * *

Остановимся на вопросе комплектования армии по национальному составу. Как во время очередных призывов, так и при мобилизации комплектование проводилось таким образом, чтобы в каждой отдельной части войск 75% солдат были русскими (в дореволюционном понимании этого слова, включая украинцев и белорусов), а остальные 25% комплектовались из представителей национальных меньшинств. С этой целью вся Европейская Россия была подразделена на две части: с русским населением и «инородческим»[12].

Рассмотрим вопрос об ополчении, или, как оно официально именовалось, государственном ополчении. Контингѐнт ратников ополчения составлялся из следующих категорий: 1) лица, физически не вполне способные к во-

---

[11] ЦГВИА, ф. Главного военно-судного управления, оп. 4/64, 1903 г., V отд., д. 26/17, л. 2—25. В общий итог не включены 12 человек, «следствие о которых за недостатком улик было прекращено, и 2 человека, которые продолжали оставаться под следствием». Таким образом, общее число привлеченных составляло 168 человек. В 1902 г., по этим же данным, было привлечено к ответственности 49 человек (из них за деятельность до призыва в армию — 40 человек и в рядах войск — 9 человек) (л. 2). Следует отметить, что в годовых отчетах Главного военно-судного управления число лиц, привлекавшихся по обвинению «в государственных преступлениях», ничтожно мало. Так, в 1902 г. был привлечен к ответственности 1 человек, в 1903 г. — 4 (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 65352, л. 15). Это объясняется, как писал Куропаткин в одной из ежемесячных записок, тем, что «дела о государственных преступлениях военнослужащих, кроме лишь тех редких случаев, когда таковые выступления были совершены в самих казармах или тому подобных местах, состоящих в исключительном ведении военного начальства, разрешаются по всеподданнейшим докладам министра юстиции, военный министр дает лишь свое о них заключение» (ЦГВИА, ф. Главного военно-судного управления, оп. 4/64, 1903 г, V отд., д. 26/17, л. 13).

[12] См. *С. К. Добророльский.* Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение. М., 1929, стр. 16.

енной службе (ограниченно годные); 2) лица, получившие льготы по семейному положению; 3) лица, вытянувшие жребий, по которому они освобождались от действительной службы и зачислялись в ополчение, и, наконец, 4) лица, отбывшие 18-летний срок службы (действительной и запаса).

Предельный возраст ратника устанавливался в 43 года. В 1888 и 1891 гг. было установлено несколько иное разделение ратников на два разряда. К 1-му разряду были отнесены: а) неслужившие в войсках, но физически абсолютно годные, кроме имевших льготу первого разряда по семейному положению; б) отбывшие срок действительной военной службы и перечисленные из запаса в ополчение. Ко 2-му разряду — остальные, т. е. имевшие льготу по семейному положению 1-го разряда — единственные сыновья и физически неполноценные. Ратники 1-го разряда могли быть призываемы во время войны как в ополчение, так и для пополнения действующих войск. Ратники 2-го разряда предназначались лишь для пополнения ополченских частей. Четыре младших возраста ратников 1-го разряда состояли на военном учете и (за исключением уже служивших в армии) могли призываться на 6-недельные учебные сборы до двух раз.

* * *

Наиболее сложной и по существу так и оставшейся нерешенной задачей являлось комплектование армии унтер-офицерами. Прежде всего надо сказать, что унтерофицеры, как правило, набирались не из наиболее развитых и грамотных солдат, каковыми являлись обычно городские жители, а главным образом из крестьян. Первые считались малонадежными и, как правило, в учебные команды не брались. На одном из еженедельных докладов Николаю II военный министр прямо указывал, что «он сам обращал внимание, как в учебную команду попадают иногда плохие солдаты: фабричные, городские, заводские». Эти «плохие» солдаты, обладая «пронырливостью», становятся унтер-офицерами, и их предпочитают людям, взятым «от сохи»[13].

---

[13] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1872. Дневник, л. 15. Запись 10 октября 1900 г.

Естественно, что большинство вышедших из деревни были неграмотными и подготовка их вызывала большие трудности. Так, командующий войсками Варшавского военного округа ген. Гурко в своем отчете за 1883 г. писал: «Затруднения встречались при выборе людей для учебных команд вследствие [...] малой развитости новобранцев вообще и недостаточно быстрого обучения грамоте в ротных школах [...]. Вследствие этого часто приходилось назначать в учебные команды людей, почти совершенно неграмотных, что затрудняло их дальнейшее обучение» [14]. Вполне понятно, что подобные унтер-офицеры даже при должной военной подготовке в учебных командах не могли соответствовать своему назначению, и тот же Гурко указывает, что «их влияние в среде нижних чинов нередко оказывалось весьма слабым» [15]. В таких условиях унтер-офицер мог быть подготовлен лишь на третий год своей службы [16].

Наряду с этим существовала еще и другая трудность, касавшаяся обеспечения армии унтер-офицерами. На протяжении всего означенного периода в войсках не было необходимого количества унтер-офицеров.

Уже во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1882 г. Ванновский указывал, что привлечение на сверхсрочную службу унтер-офицеров до сих пор не дало каких-либо заметных результатов и число их едва составляет 25% положенного штата их [17]. В 1882 г. вследствие отсутствия унтер-офицеров-сверхсрочников Военное министерство задержало унтер-офицеров, состоявших на действительной службе, вопреки закону еще на один год [18].

---

[14] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 40458, ч. 2, л. 147.

[15] Там же.

[16] Один год — обучение в школе грамоты, второй — в учебной команде. К тому же, как говорит в этом отчете Гурко, унтер-офицерское звание присваивалось, как правило, «не ранее 5—6 месяцев по выходе из учебной команды» (там же).

[17] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 142, л. 29. В 1874 и 1877 гг. сверхсрочным были даны некоторые преимущества, однако они не достигли цели: вместо 32 тыс. сверхсрочных, предусмотренных штатами 1874 г., в среднем в армии было 5730 человек, или 17% (см. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 10—11).

[18] Там же, д. 138, л. 30.

Ген. Редигер, которому Ванновский поручил разработать вопрос о создании особых унтер-офицерских школ, в своих «Воспоминаниях» рассказывает, что он высказался против создания этих школ, «так как сначала надо улучшить положение сверхсрочных, чтобы состоявшие уже на службе оставались служить сверх срока [...]»[19]. Кроме того, Редигер тут же говорит и о второй мысли, высказанной им по поводу унтер-офицеров, лучших из которых можно было бы производить в офицеры, что, естественно, стимулировало бы желание остаться на сверхсрочной службе. Однако ему было передано, что «Ванновский не согласен давать ход унтер-офицерам»[20]. В конце 80-х годов начали приниматься меры по улучшению материального положения сверхсрочных унтер-офицеров и фельдфебелей[21]. Эти меры лишь несколько увеличили число сверхсрочных. Так, в 1888 г. их было 4988, в 1889 г. — 7181, в 1890 г. — 7368[22].

Однако дальнейший рост числа сверхсрочных снова приостановился. Так, во всеподданнейшем докладе за 1897 г военный министр писал: «Меры, предпринимаемые для улучшения состава унтер-офицеров путем привлечения их на сверхсрочную службу, не привели к желаемым результатам»[23]. Из потребных 16 734 человек сверхсрочных было всего 8325 человек[24].

В 1903 г. Куропаткин во всеподданнейшем докладе отмечал: «В настоящее время по существующим штатам в войсках определено содержать 23 943 сверхсрочно служащих унтер-офицера. Между тем к концу минувшего

---

[19] ЦГВИА, ф. Редигера. д. 2, л. 175. «Ванновский, — как указывает Редигер, — остался недоволен этим заключением».

[20] Там же.

[21] В 1888 г. было установлено единовременное пособие в 150 руб. за первые 2 года службы сверх срока. В 1890 г. было утверждено новое положение о сверхсрочных, по которому было увеличено жалованье, введены отличия — шевроны, сокращен срок носки обмундирования (см. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 11).

[22] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 150, л. 11.

[23] Там же, д. 156, л. 19.

[24] ЦГВИА, ф Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 156, л. 20. В 1897 г была установлена еще одна привилегия для сверхсрочных. Прослужившие 5 лет сверх срока получали на льготных условиях место сидельца, т. е. продавца в винной лавке, «место по казенной продаже питей» (там же).

года (т. е. 1903 г. — *П. З.*) таковых унтер-офицеров состояло всего 12 109 человек, т. е. 46% положенного числа, и это, несмотря на ряд мер, принимавшихся Военным министерством в течение уже многих лет для увеличения сверхсрочнослужащих»[25].

Таким образом, Военному министерству за изучаемый нами период не удалось добиться укомплектования даже половины штата сверхсрочных унтер-офицеров и фельдфебелей, несмотря на целый ряд предпринимаемых мер и уменьшение штатного количества сверхсрочных с 32 000 в 1874 г. до 23 943 человек в 1903 г. Единственным объяснением здесь могут быть только тяжелые условия службы в армии, так как к концу изучаемого периода материальное положение их было отнюдь не плохим.

В заключение остановимся на сравнении численности унтер-офицерского состава в русской и иностранных армиях. Так, в Германии на роту (включая и занимающих хозяйственные должности) приходилось около 12 сверхсрочных, во Франции — 6[26], в Австро-Венгрии — 3, в России — 2[27].

* * *

Численность армии за рассматриваемый период претерпела также известные изменения.

Приведем данные на 1 января 1881 и 1904 гг.[28]:

	1881 г.	1904 г.
Генералы и офицеры	30 768	41 079
Военные чиновники (включая военных врачей)	9 824	9 931
«Нижние чины» (без вольноопределяющихся)	844 396	1 066 894

Однако эти крайние цифры не характеризуют изменения численности войск за весь рассматриваемый пери-

[25] Там же, д. 163, л. 14.

[26] И еще 6 капралов.

[27] См. *А. Редигер.* Комплектование и устройство вооруженной силы, стр. 206.

[28] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 141, л. 5; д. 163, л. 5.

од. В связи с уменьшением сметы на военные расходы уже в 1881 г. произошло сокращение численности войск. В том же 1881 г. штатная численность войск была сокращена на 1363 генерала и офицера, 151 военного чиновника и 87 500 «нижних чинов»[29]. В 1882 г. было произведено дальнейшее уменьшение численности войск, а именно на 167 офицеров, 203 военных чиновника и 11 927 «нижних чинов»[30]. Таким образом, за 1881—1882 гг. численность армии была сокращена на 1530 генералов и офицеров, 354 военных чиновника и 99 427 «нижних чинов».

Как указывал Ванновский во всеподданнейших докладах за 1881 и 1882 гг., уменьшение состава армии производилось за счет сокращения небоевого элемента. С 1883 г. начинается очень незначительное увеличение численности армии. Только к концу 1890 г. численность армии достигла уровня января 1881 г., составив 33 786 генералов и офицеров[31], 8795 военных чиновников и 844 982 «нижних чина»[32]. Вопрос о необходимости увеличения армии был поставлен в 1888 г., и только к 1890 г., как указывалось выше, армия достигла уровня 1881 г.

Указывая на необходимость дальнейшего роста армии, Ванновский во всеподданнейшем годовом докладе за 1894 г., говоря об итогах предшествующих лет, писал, что в то время как Россия даже сократила (на 30 тыс.) мирный состав своей армии, наши западные соседи продолжали безостановочно развивать свои вооруженные силы, тратя на их содержание и на усовершенствование материальной части громадные средства. При таком положении дела, — продолжал он, — дальнейшее замедление в ходе наших вооружений в 1888 г. было признано опасным; намеченные меры к усовершенствованию вооруженной силы решено было вести энергичнее, увеличив для сего военный бюджет[33]. Особенное отставание обнаружилось в вооружении, в частности в численности артил-

---

[29] Там же, д. 140, л. 5.

[30] Там же, д. 141, л. 5.

[31] Число офицеров увеличилось почти на 10% при сохранении в том же объеме рядового состава, что являлось следствием увеличения офицерских штатов, дабы обеспечить армию офицерами на случай войны (см. подробнее главу 4).

[32] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 150, л. 8.

[33] Там же, д. 154, л. 2—3.

лерии[34]. Во всеподданнейшем докладе за 1893 г. Ванновский указывал, что в отношении обеспеченности пехоты артиллерийскими орудиями Россия стоит на последнем месте. Так, на каждый батальон пехоты приходилось орудий[35]:

Франция	4,22
Германия	3,01
Австро-Венгрия	2,85
Россия (в войсках, расположенных в Европейской России и на Кавказе)	2,52

Рост численности армии и ее перевооружение начинаются с 90-х годов. Численный состав войск по штатам мирного времени за рассматриваемый период — почти четверть века — увеличился по отношению к генералам и офицерам на 33%, военных чиновников — немногим более 1% и рядового состава — на 26%.

* * *

Состав армии на случай войны значительно возрос за счет накопления как обученного запаса (для развертывания собственно армии), так и необученного (ополчения)[36].

Вопрос о мобилизационном расписании (план призыва запасных, потребных для развертывания армии по штатам военного времени) был поставлен еще в середине 60-х годов, и на его разработку потребовалось 4 года. Расписание № 1 «О призыве на службу отпускных нижних чинов и назначении их в войска» имело ограниченное значение, так как обученного запаса в полном смысле этого слова не имелось, а речь шла лишь о временно и бессрочно отпускных солдатах.

Собственно только во второй половине 80-х годов накопился достаточный запас обученных солдат, достаточный для укомплектования развертывания армии, не при-

---

[34] Подробнее см. ниже, стр. 148.

[35] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 153, л. 6. Общая обеспеченность пехоты артиллерийскими орудиями, включая войска, расположенные в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке, была еще более низкой.

[36] Точнее, частью обученного — за счет перечисления из запаса армии в ополчение лиц, пробывших в кадрах армии в общей сложности 18 лет.

бегая к призыву необученных ратников. Так, мобилизационное расписание № 12, введенное в действие 1 апреля 1887 г., давало возможность полностью укомплектовать обученными солдатами, прошедшими школу действительной службы, действующие войска и частично — резервные и запасные [37].

Только мобилизационное расписание № 13, принятое в 1889 г., полностью обеспечивало обученным запасом все действующие, резервные и запасные войска [38]. Последнее мобилизационное расписание № 18, принятое в 1903 г., определяло общий состав армии военного времени (без Приамурского военного округа и Квантунской обл.) в 3 004 тыс. человек. Для приведения армии в военный состав требовалось призвать 1 992 тыс. запасных. В наличии же имелось (принимая во внимание скидку 15% на неявившихся) [39] 2 081 264 человека запасных [40]. Таким образом, здесь имелся даже излишек около 100 тыс. человек.

Во всеподданнейшем докладе от 14 марта 1900 г. Куропаткин, сопоставляя численность войск главнейших европейских стран по штатам военного времени (без ополчения), второстепенных команд и запасных войск [41], приводил следующие данные [42]:

	(в тыс. человек)		(в тыс. человек)
Россия	2 561	Франция	2 210
Австро-Венгрия . .	1 112	Турция	713
Германия	1 860	Англия	390

[37] Состав армии по штатам военного времени определялся в 2 200 тыс. человек (без азиатских окраин), на службе находилось 692 тыс., а обученного запаса имелось 1 524 250 человек. Сбрасывая 15% «на могущих не явиться к призыву и оказаться неспособными», в войска распределялись 1 304 тыс. человек и 250 тыс. ратников 1-го разряда (см. всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1886 г. (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 146, л. 13—14, 9) и книгу С. К. Добророльского «Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение», стр. 23)

[38] См. *С. К. Добророльский*. Указ. соч., стр. 24.

[39] Опыт пробных мобилизаций показал, что скидка на неявку 15% слишком велика.

[40] См. *С. К. Добророльский*. Указ. соч., стр. 42.

[41] Запасные войска создавались в военное время для пополнения убыли на театре военных действий. Незначительные кадры их в некоторых родах оружия имелись и в мирное время (см. ниже, стр. 148—152).

[42] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 12.

Таким образом, боевые силы России (войска первой очереди) составляли более $2^1/_2$ млн. человек. Однако эта цифра все же была на 400 тыс. менее, нежели силы двух наиболее вероятных противников — Австро Венгрии и Германии. Но дело было не только и не столько в этом, а в тогдашней технической отсталости России, и особенно в слаборазвитой сети ее железных дорог, дающей возможность вероятным противникам России сосредоточить свои войска на границах в более короткий срок.

В цитированном выше докладе Куропаткин писал: «Если мы приостановились ныне на некоторое время в развитии наших вооруженных сил, то тем с большей энергией мы должны усиленно работать, дабы в смысле боевой готовности приблизиться к нашим соседям. С этой целью нам крайне необходимо увеличивать провозоспособность железных дорог, имеющих стратегическое значение, а равно необходимо дальнейшее развитие рельсовой сети, направляющейся к западной границе.

Для сосредоточения нашей армии к западу у нас имеется всего 7 главных железнодорожных линий (11 колей), которые дают возможность пропускать до 167 поездов в сутки, и то с 10-го дня мобилизации. В Германии же к нашей границе подходит 17 сквозных линий (23 колеи), а в Австро-Венгрии — 8 линий (10 колей). Эти линии, — продолжал Куропаткин, — позволяют уже с 3-го дня мобилизации ежедневно доставлять к границе по 812 поездов» [43].

Все это создавало огромное преимущество для германской и австро-венгерской армий, значительно большее, нежели численное превосходство в 400 тыс. человек.

В заключение характеристики войсковой мобилизации остановимся на учете и учебной подготовке запасных. Еще Устав о воинской повинности предусматривал призывы на учебные сборы лиц, состоявших в запасе армии, однако до 1887 г. они не производились. В этом же году

---

[43] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 37. При этом Куропаткин ставил вопрос о развитии сети стратегических железных дорог. Наиболее крупные линии, которые он рекомендовал строить, были: Киев — Ковель; Барановичи — Бобруйск — Могилев на Днепре; Бобруйск — Шепетовка — Проскуров; Раздельная — Николаев — Херсон — Джанкой и, наконец, вторые пути линии Брянск — Брест (там же).

было издано «высочайшее повеление» о призыве запасных на 11-м году службы, отбывавших службу в пехоте, пешей и крепостной артиллерии, сроком на 3 недели. Для запасных, служивших на действительной службе всего один год, учебные сборы устанавливались дважды — на 5-м и 11-м годах службы, на тот же срок [44]. Число запасных, проходивших учебные сборы, составило:

1887 г. — 52 971	1892 г. — 30 618	1899 г. — 120 250
1888 г. — 98 080	1893 г. — 115 129	1900 г. — 138 500
1889 г. — 105 425	1894 г. — 112 134	1901 г. — 137 000
1890 г. — 94 416	1896 г. — 155 000	1902 г. — 132 000 **
1891 г. — 112 830 *	1898 г. — 130 560	

* По данным всеподданнейшего доклада по Военному министерству за 1891 г., число призванных на учебные сборы запасных составило 100 тыс. человек (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 151, л 12).

** Данные за период 1887—1894 гг. приводятся по кн.: «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 6; за 1896 г. — по всеподданнейшему докладу Военного министерства (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 155, л. 10); данные за 1898—1902 гг. — по всеподданнейшему отчету Военного министерства о мероприятиях, выполненных за пятилетие 1898—1902 гг. (там же, д. 1140, л. 11).

Таким образом, число запасных, проходивших учебные сборы, не превышало 50% ежегодного контингента увольняемых в запас. Наряду с учебными сборами проводились с конца 80-х годов и поверочные, на которые являлось подавляющее число лиц, находившихся в запасе. Так, в 1897 г. процент явки составлял 90, в 1898 г. — 94, в 1899—1901 гг. — 89 и в 1902 г. — 87,2 [45].

С 1890 г. стали производиться ежегодные учебные сборы ратников ополчения 1-го разряда. В 1890 г. было призвано 88 тыс. человек, в 1891 г. — около 200 тыс., в

[44] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 5. Первоначально, по Уставу о воинской повинности, предполагалось призывать запасных два раза сроком на 6 недель. Однако «для сокращения расходов» срок этот был уменьшен и, кроме того, призыву на сборы не подлежали служившие в кавалерии и инженерных войсках (там же).

[45] Данные за 1897—1901 гг. приводятся по всеподданнейшему отчету Военного министерства о мероприятиях, выполненных за пятилетие 1898—1900 гг. (там же, л. 11), за 1902 г. — по всеподданнейшему докладу по Военному министерству за 1903 г. (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 162, л. 8). По этому поводу в докладе говорилось: «Но, принимая во внимание, что из общего числа неявившихся около 4% приходится на занимающих должности, освобождающие от личной явки, можно считать число явившихся равным 91,2%» (там же).

1896 г. — 400 тыс., в 1902 г. — 190 тыс. человек[46]. Все это в какой-то степени способствовало улучшению качества запаса.

* * *

Военные силы России в 1881 г. состояли из войск регулярных и иррегулярных. Войска в свою очередь подразделялись на полевые, крепостные, казачьи и милицию, резервные, запасные, местные и вспомогательного значения. Помимо этого в военное время дополнительно могло быть призвано ополчение и ополчение казачьих войск[47]. Все полевые войска составляли 19 корпусов, являвшихся высшим тактическим соединением[48]. Корпуса состояли из двух-трех пехотных дивизий[49], соответственно двух-трех артиллерийских бригад 6-батарейного состава[50], одной кавалерийской дивизии, состоявшей из четырех полков: драгунского, уланского, гусарского и донского казачьего полка. Кроме того, в кавалерийской дивизии находились, ей также организационно не подчиненные, две конноартиллерийские батареи[51].

Таким образом, общий состав корпуса имел: от 32 до 48 пехотных батальонов, 12 эскадронов, 6 казачьих сотен, 2—3 артиллерийские бригады и 2 конноартиллерийские батареи. Ряд частей войск не входил в состав тех или иных корпусов, подчиняясь непосредственно военным округам (некоторые пехотные дивизии, стрелковые бригады, отдельные батальоны, инженерные войска и др.).

Резервные войска состояли только из двух родов оружия — пехоты и артиллерии. Резервная пехота состояла из 96 армейских батальонов 5-ротного состава и одного

---

[46] Данные за указанные годы помещены во всеподданнейших докладах по Военному министерству за соответствующие годы (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, 1890 г., д. 150, л. 13; 1891 г., д. 151, л. 12; 1896 г., д. 156, л. 12; 1902 г., д. 162, л. 6).

[47] Состав войск дается на основании «Расписания сухопутных войск, исправленного на 25 июля 1881 г.».

[48] Наименования корпусов были следующие: Гвардейский, Гренадерский, I—XV армейские, I и II Кавказские армейские корпуса.

[49] Состоящих из четырех полков, по четыре батальона каждый.

[50] Придававшихся пехотным дивизиям, но им не подчиненных.

[51] В Гвардейский корпус, имевший в своем составе две кавалерийские дивизии, входила 6-батарейная конноартиллерийская бригада.

4-ротного гвардейского батальона, а также одного крепостного батальона; артиллерия — из шести артиллерийских бригад 6-батарейного состава. Каждый из резервных батальонов должен был в случае мобилизации развернуться в 4-батальонный полк и один батальон, остающийся на месте для несения внутренней службы (т. е. каждая рота развертывалась в батальон) [52]. Полки из развернувшихся резервных батальонов должны были быть сведены в 24 пехотные дивизии [53]. Из шести резервных артиллерийских бригад (36 батарей) при мобилизации должно было быть сформировано 144 батареи (одна батарея развертывалась в четыре). Из этого числа батарей 96 сводились в 24 артиллерийские бригады (4-батарейного состава) для обеспечения формируемых из резервных батальонов 24 пехотных дивизий, а остающиеся 48 батарей превращались в запасные [54].

Наконец, резервные инженерные войска, которых в мирное время не существовало, должны были быть сформированы в количестве 20 саперных рот из пятых рот 10 саперных батальонов.

Запасные войска в мирное время, за исключением кавалерии и конной артиллерии, не существовали [55]. В случае войны должны были формироваться запасные пехот-

---

[52] Сведения о развертывании резервных и запасных войск сообщаются по данным, помещенным в книге «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 25—26.

[53] 5-й батальон, остававшийся на месте, должен был со временем быть сменен частями ополчения. В результате этого можно было сформировать еще шесть пехотных дивизий.

[54] В первой половине 80-х годов недостаточное количество запасных не могло обеспечить развертывание резервных войск. В силу этого из пяти формировавшихся батальонов, развертывавшихся из каждого резервного батальона, два должны были развертываться за счет укомплектования запасными, а остальные три — необученными ратниками. То же касалось и резервной артиллерии, половина которой должна была комплектоваться необученными ратниками.

[55] В мирное время имелось семь запасных кавалерийских бригад 6-эскадронного состава и Кавказская запасная кавалерийская бригада 4-эскадронного состава. Все эскадроны носили наименования своих полков. Кроме того, при восьми гвардейских полках (из общего числа 10) были запасные эскадроны, входившие в состав своих полков (казачьи полки не имели запасных сотен). Каждый запасной эскадрон при мобилизации формировал по два маршевых эскадрона. Для конной артиллерии в мирное время имелись две запасные батареи 6-орудийного состава.

ные батальоны из расчета по одному на пехотный полк и стрелковую бригаду. Общее число этих батальонов должно было равняться 199[56]. Запасные части пешей артиллерии, как уже говорилось выше, должны были образовываться при мобилизации из части резервных артиллерийских бригад. Наконец, запасные инженерные части в период войны должны были быть сформированы из пятых рот саперных батальонов, образовав пять запасных батальонов.

Местные войска были по своему составу весьма незначительны, составляя 17 батальонов и 686 местных конвойных команд. К войскам вспомогательного значения относились: жандармские, учебные, дисциплинарные части и команды при различных заведениях и учреждениях военного ведомства (госпитали, военно-учебные заведения и проч.).

Рассмотрим состав отдельных родов войск[57] и те изменения, которые произошли в организации их за изучаемый нами период.

Пехота

В 1881 г. пехотные части полевых войск состояли из 48 пехотных дивизий (трех гвардейских, четырех гренадерских, 1—41-й пехотных[58]), девяти стрелковых бригад 4-батальонного состава[59] и 42 отдельных батальонов — восьми стрелковых финских и 34 линейных (2 оренбургских, 17 туркестанских, 4 западносибирских, 4 восточносибирских и 7 кавказских).

В общей сложности в 1881 г. насчитывалось в пехотных войсках 948 батальонов[60]. К иррегулярным частям

---

[56] Кадры для этих батальонов при мобилизации должны были быть выделены частично гвардией и стрелковыми бригадами, частично резервными батальонами. Переменный состав их должен был быть укомплектован ратниками ополчения.

[57] Состав войск дается по «Расписанию сухопутных войск на 25 апреля 1881 г.» (СПб., 1881) и «Расписанию сухопутных войск на 1 мая 1903 г.» (СПб., 1903).

[58] В рассматриваемый нами период никаких различий в организации гвардейских, гренадерских и пехотных полков не было.

[59] Гвардейской, 1—5-й, кавказской, туркестанской и восточносибирской.

[60] 192 пехотных полка, сведенные в дивизии, составляли 768 батальонов, 10 стрелковых бригад — 40 батальонов и 42 отдельных ба-

пехоты надо отнести три пеших казачьих батальона и две дружины милиции, каждая из которых приближалась по своему составу к батальону.

За рассматриваемый период происходит известное увеличение пехоты по числу рядов в роте, а следовательно, и по численности полка и отдельного батальона. Численный состав рот отдельных пехотных частей был весьма различен (от 40 до 84 рядов, т. е. от 80 до 168 человек в роте). При этом на протяжении изучаемого времени наблюдается увеличение ротных рядов (до 48, 58, 64 и 84). Увеличение это происходит неравномерно, преимущественно касаясь тех полков и стрелковых батальонов, которые были расположены в пограничной полосе.

Наряду с этим происходит увеличение и пехотных частей. Так, к 1903 г. количество пехотных дивизий увеличилось на четыре путем развертывания четырех резервных бригад в действующие, т. е. первоочередные дивизии. Общее число пехотных дивизий достигло цифры 52. Увеличилось число стрелковых бригад более чем вдвое (1903 г. — 24). Это увеличение произошло главным образом за счет формирования новых бригад на окраинах. Так, в 1881 г. была одна туркестанская стрелковая бригада, в 1903 г. — восемь, соответственно восточносибирских — одна и шесть. Надо при этом сказать, что состав части этих бригад существенно изменился. Так, в 14 стрелковых бригадах вместо четырех отдельных батальонов имелось четыре полка 2-батальонного состава (1 — 5-я стрелковые бригады, 1 — 2-я финляндские и все восточносибирские)[61]. Таким образом, численный состав этих бригад удвоился. Это увеличение частично произошло за счет уничтожения линейных батальонов.

К числу полевых войск пехоты надо причислить 21 кре-

тальона (стрелковых и линейных). Таким образом, в полевых войсках общее число батальонов равнялось 850. Кроме того, как указывалось выше, имелось 98 резервных батальонов, что составляло вместе 948 батальонов пехоты (местные и конвойные батальоны, как не имевшие боевого характера, в расчет не принимаются). Помимо регулярной пехоты пешие части находились также и в казачьих войсках: в Кубанском — два пластунских батальона, в Забайкальском — два пеших батальона и ряд отдельных сотен, принадлежавших к Амурскому войску, и, наконец, пешие части национальной милиции на Кавказе и в Закавказье.

[61] В гвардейской стрелковой бригаде помимо отдельных батальонов имелся один 2-батальонный полк.

постной полк и 13 отдельных крепостных батальонов. Все они к концу рассматриваемого периода составляли 59 батальонов.

Наибольшие изменения произошли в составе резервной пехоты. Прежде всего часть резервных батальонов общим числом 21 была переименована в крепостные для обеспечения постоянными гарнизонами существующих крепостей. (В свое время было сделано обратное: для увеличения резервных войск пехотные крепостные части были упразднены.) Почти все резервные батальоны были сведены в резервные бригады. Таких в 1903 г. было 26. Важно отметить, что их нумерация начиналась с 46-й (пехотных дивизий было 45, кроме гвардейских и гренадерских)[62]. Каждый полк или батальон получил определенное наименование, а также номер. При этом номер резервных частей начинался со 181-го (последний полк 45-й действующей пехотной дивизии был 180-м). Это ясно говорило о том, что впоследствии резервные бригады предполагалось превратить в действующие пехотные дивизии[63].

Кроме того, имелось еще четыре отдельных резервных батальона.

Итак, в полевых войсках пехоты был 1041 батальон и в резервных — 126. Следовательно, насчитывалось 1167 батальонов пехоты (полевой и резервной)[64].

Запасных пехотных частей в мирное время не существовало. В военное время проектировалось формирование 279 запасных батальонов[65].

---

[62] С 46-й по 66-ю, две туркестанские бригады и три сибирские; семь из них состояли из четырех полков 2-батальонного состава (восемь рот). Остальные — из четырех отдельных батальонов. В каждом батальоне имелось от пяти до семи рот. Таким образом, в первых было по 32 роты, во вторых — от 20 до 28.

[63] Действительно, семь резервных бригад (46—52-я) были после русско-японской войны развернуты в пехотные дивизии.

[64] В 208 полевых пехотных полках — 832 батальона; в 13 стрелковых бригадах 4-полкового состава по два батальона в каждом — 104 батальона и в 11 стрелковых бригадах (гвардейская, две кавказские и восемь туркестанских) — 46 батальонов. В крепостных войсках было 59 батальонов. Итого в полевых войсках насчитывался 1041 батальон. Кроме того, в резервных — 126 батальонов (в резервных бригадах 122 и четыре в отдельных батальонах). Мы не учитываем в составе резервных войск трех кадровых обозных батальонов и одной обозной роты, не имевших боевого значения.

[65] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 28, л. 101.

В заключение вопроса об организации пехоты следует сказать, что летом 1901 г. было сформировано впервые пять пулеметных рот (по восемь пулеметов в каждой). Они были приданы 4, 6, 8 и 16-й пехотным дивизиям, подчинялись в некоторых случаях начальникам штаба дивизии, в других — командирам одного из полков дивизии. 5-я рота была придана 3-й восточносибирской стрелковой бригаде, квартировавшей в Порт-Артуре. Таким образом, накануне русско-японской войны в русской армии было 40 пулеметов [66].

Кавалерия

В 1881 г. кавалерия насчитывала 20 дивизий (18 кавалерийских дивизий армейской кавалерии и две — гвардейской). В число 18 дивизий армейской кавалерии входили 1—14-я, три кавказские и 1-я Донская казачья. За исключением кавказских и Донской казачьей, дивизии имели следующий состав: один полк драгунский, один уланский, один гусарский и один донской казачий. Кавказские кавалерийские дивизии имели в своем составе по одному-два драгунских полка, а остальные два или три полка были казачьими, принадлежащими Терскому или Кубанскому войску.

1-я гвардейская дивизия состояла из четырех полков: Кавалергардского, л.-гв. Конного и двух кирасирских — «ее величества» и «его величества», именовавшихся в просторечии «синими» и «желтыми» кирасирами. 2-я гвардейская кавалерийская дивизия состояла из семи полков: л.-гв. Конно-гренадерского, двух л.-гв. уланских, л.-гв. Драгунского, л.-гв. Гусарского, л.-гв. Сводного казачьего полка и л.-гв. Гродненского гусарского полка, а также отдельного Уральского казачьего эскадрона. Каждая кавалерийская дивизия делилась на две бригады (за исключением 2-й гвардейской, подразделявшейся на три). Кавалерийский полк состоял из четырех эскадронов. Таким образом, в составе кавалерийских дивизий находилась и регулярная и иррегулярная конница [67].

---

[66] См. «Расписание сухопутных войск на 1 мая 1903 г.», а также статью Федорова «Из жизни одной пулеметной роты» в журнале «Военный сборник», 1904, № 10.

[67] Как уже говорилось выше, имелись еще запасные кавалерийские части (см. стр. 130).

Помимо указанных частей войск имелись еще казачьи конные полки (не входившие в состав кавалерийских дивизий). Так, в Донском войске таковых полков было два, Кубанском — три, Терском — три, Астраханском — один, Оренбургском — шесть, Уральском — два, Сибирском — один, Забайкальском — один, Амурском — один, т. е. всего 20 полков, преимущественно 6-сотенного состава[68]. Общее число кавалерии считалось явно недостаточным и несоответствующим численности ее будущих вероятных противников (Германии и Австро-Венгрии)[69]. Именно в силу этого уже с начала 80-х годов численность ее была значительно увеличена.

В 1882 г. была создана специальная комиссия по вопросам организации кавалерии, которая возглавлялась вел. кн. Николаем Николаевичем-старшим и решения которой летом 1882 г. были утверждены. «Все кавалерийские полки, — говорилось по этому поводу во всеподданнейшем докладе по военному ведомству за 1882 г., — кроме кирасирских, обращаются из четырех эскадронных в шестиэскадронные. Этим число действующих эскадронов регулярной кавалерии увеличивается на 104 (с 224 до 328), т. е. почти на 50%, и таким образом в значительной степени уменьшается несоразмерность нашей регулярной кавалерии как по отношению к прочим родам оружия, так и сравнительно с численностью кавалерии, содержимой в соседних европейских государствах»[70].

Как указывалось во всеподданнейшем докладе Военного министерства за 1883 г., создание пятых и шестых эскадронов привело к сокращению численности их на $^1/_4$[71]. Однако в 1886 г. прежняя численность эскадронов

[68] Помимо этого часть казачьих полков находилась на льготе — своеобразном запасе, но в значительной степени более организованном. Личный состав данных полков был точно зафиксирован (как офицеров, так и казаков). Все они являлись обмундированными, со своими лошадьми. Таким образом, развертывание льготных казачьих полков проходило значительно быстрее. Число полков, находившихся на льготе, было вдвое, а порой и втрое более служивших. Так, в Войске Донском служило 20 полков, на льготе находилось 40.

[69] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 35.

[70] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 141, л. 7.

[71] Там же, д. 143, л. 4. Вследствие сокращения числа рядов в эскадроне с 16 до 12.

была восстановлена[72]. Наряду с изменением числа эскадронов была проведена реформа, изменившая характер кавалерийских полков. «Все армейские гусарские и уланские полки обращаются в драгунские, вооруженные винтовками со штыками, — говорилось во всеподданнейшем докладе военного министра за 1882 г. — Такое же вооружение получают гвардейские кирасирские, гусарские и уланские полки. Этой решительной мерой, — указывалось далее, — значительно усиливается способность кавалерии к действию огнестрельным оружием». Далее сообщалось, что в результате этой меры вместо 8700 карабинов и 10 240 винтовок на вооружении действующей кавалерии будет состоять 45 590 винтовок[73]. Эта реформа имела, бесспорно, положительное значение с точки зрения боевого использования кавалерии, однако доведена до конца она не была[74]. Преобразование всех кавалерийских полков в драгунские по существу приближало кавалерию к пехоте, посаженной на коня. В условиях, когда роль огня приобретала все большее и большее значение, подобная мера была необходима.

Известные изменения были внесены и в организацию запасных частей кавалерии. Вместо запасного эскадрона для каждого кавалерийского полка создавалось лишь отделение кадра кавалерийского запаса. Три таких отделения образовывали кадр, а два кадра составляли бригаду кавалерийского запаса. В 1903 г. имелись три бригады запаса, составлявшие восемь 6-эскадронных полков, один гвардейский запасной кавалерийский дивизион 3-эскадронного состава. Следует сказать, что за рассматриваемый нами период несколько увеличился состав действующей кавалерии: было сформировано вновь несколько дивизий. Так, в 1903 г. имелось не 14, а 17 армейских кавалерийских дивизий (1 — 15-я, Сводная и Кавказская), а также шесть казачьих. Таким образом, число кавалерийских дивизий вместе с гвардейскими составляло 25. Кроме того, были сформированы две кавалерийские бригады по два полка в каждой.

---

[72] Там же, д. 146, л. 9.

[73] Там же, д. 141, л. 7.

[74] В смысле боевой подготовки. Кавалерийские офицеры были очень недовольны этой реформой, приписываемой ген. Обручеву и проф. Академии Генерального штаба Сухотину. Многие офицеры из состоятельных в знак протеста вышли в отставку (см. «Воспоминания А. Сухомлинова». Берлин, 1924, стр. 61—62).

Артиллерия и инженерные войска

В 1881 г. имелось 48 артиллерийских бригад полевой пешей артиллерии[75], каждая из которых придавалась соответствовавшей ей по номеру или по названию пехотной дивизии[76]. Все эти бригады состояли из шести батарей по восьми орудий каждая. Каждая из этих бригад обеспечивала огнем свою дивизию, что составляло по $1^1/_2$ батареи на полк, или по три орудия на батальон[77]. Стрелковые батальоны, стоявшие в Европейской России, вовсе не были обеспечены артиллерией. Помимо указанных артиллерийских бригад было еще три: одна восточносибирская 3-батарейного состава и две туркестанские, состоявшие обе из семи батарей, а также одна западносибирская батарея. Они предназначались для обеспечения восточносибирских и туркестанских стрелковых и линейных батальонов. Таким образом, общее число батарей полевой пешей артиллерии составляло 300 (299 и одна учебная гвардейская батарея). Резервная пешая артиллерия состояла из 6 артиллерийских бригад по 6 батарей каждая, имевших на вооружении по 4 орудия в батарее.

Конная артиллерия состояла из двух артиллерийских бригад[78] и 29 конноартиллерийских отдельных батарей, придававшихся кавалерийским дивизиям[79].

Всего в 1881 г. в полевой артиллерии всех видов (пешей и конной, действующей, резервной и запасной) было $387^1/_4$ батарей[80]. Наконец, имелось небольшое количество

[75] Гвардейские, гренадерские и 1—41-я полевые артиллерийские бригады.

[76] Однако, как говорилось уже выше, не входившей в ее состав.

[77] Как указывалось во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1890 г., численность орудий из расчета на один батальон по сравнению с 1873 г уменьшалась. По штатам 1873 г. полагалось иметь по четыре орудия на батальон. Впоследствии в полках были сформированы четвертые батальоны, а проектируемые в связи с этим седьмые и восьмые батареи артиллерийских бригад образованы не были. Число орудий на один батальон уменьшилось до трех (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 150, л. 6).

[78] 6-й батарейной Гвардейской и 5-батарейной Кубанской артиллерийских бригад.

[79] Помимо этого имелись одна учебная гвардейская конная батарея и, как указывалось выше, две запасные конноартиллерийские батареи.

[80] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 53.

крепостной и осадной артиллерии: первой — 35 батарей и 10 рот; второй — три осадных парка, состоящие из ряда отделений каждый [81]. К артиллерии относились также и артиллерийские парки, которые снабжали артиллерию снарядами. Таковых было 48 дивизионных летучих и 13 подвижных, состоящих каждый из четырех отделений.

К концу 80-х годов численность артиллерии оставалась прежней, а число конных батарей даже несколько уменьшилось. Так, по данным Главного артиллерийского управления, «вся полевая артиллерия в империи состояла из 51 действующей и 5 резервных пеших артиллерийских бригад, 40 отдельных батарей, 9 пеших, 3 горных и 28 конных, что в общем давало 363 батареи с 3746 орудиями» [82].

На протяжении 80-х годов, несмотря на увеличение пехотных частей, численность артиллерии, как мы видим, оставалась прежней, а в расчете на один батальон пехоты даже уменьшилась. Так, во всеподданнейшем докладе за 1890 г. Ванновский писал: «Дальнейшее усиление пехоты образованием резервных частей не сопровождалось соответствующим увеличением численности артиллерии, так что резервные дивизии имеют лишь по 2 орудия на батальон, резервные же части второй очереди даже получают по одному орудию на батальон. Наконец, некоторые войсковые части, как, например, стрелковые бригады, и все резервные войска Кавказского военного округа вовсе не обеспечены артиллерией» [83].

«Явствующая из этих цифр, — говорилось во всеподданнейшем докладе за указанный год, — относительная малочисленность нашей артиллерии является элементом слабости нашей армии, которая может гибельно отозваться на ее действиях в военное время, парализируя результаты всех прочих мер, принимаемых для увеличения боевой ее готовности» [84].

В связи с этим Военное министерство настаивало на усилении артиллерии и ассигновании на это особых средств.

---

[81] Первый и третий — из 10 отделений и второй — из 12.

[82] ЦГВИА, ф. Секретарской части при военном министре, оп. 4, д. 10, л. 21.

[83] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 153, л. 6.

[84] Там же.

Увеличение численности артиллерии начинается с 1889 г., наиболее высоких темпов оно достигло во второй половине 90-х годов. Во-первых, это нашло свое выражение в появлении нового типа полевых орудий — мортир, а следовательно, и новых подразделений артиллерийских частей. Во-вторых, как уже говорилось, увеличение числа резервной пехоты, развертываемой в случае войны в 30 пехотных дивизиях (15 — первой очереди и 15 — второй) [85], требовало обеспечения их артиллерией. К тому же существовавшие стрелковые бригады также не были обеспечены артиллерией. И в-третьих, «чрезвычайное развитие пешей артиллерии во всех главнейших западных государствах [...] вызвало настоятельную надобность в увеличении пешей полевой артиллерии, дабы иметь возможность если не сравниться, то по крайней мере приблизиться к той норме артиллерии, придаваемой пехоте, которая уже давно установилась в западных государствах Европы, а именно чтобы на 1000 человек было около 4-х орудий, действующих в войсках» [86].

В связи с этим были сформированы 52 пешие артиллерийские батареи, распределенные между артиллерийскими бригадами неравномерно, таким образом, чтобы в каждом армейском корпусе имелось дополнительно по две батареи (в силу чего в некоторых артиллерийских бригадах появились 7-я и 8-я батареи). Увеличение артиллерии потребовало разработки отдельного плана, предусматривавшего в период с 1895 по 1898 г. сформировать новых 108 батарей [87].

В результате осуществленных мер к концу 90-х годов, точнее, к 1899 г. по сравнению с концом 80-х полевая артиллерия увеличилась на 157 батарей, имевших на вооружении 1786 орудий [88]. На 1 января 1899 г. в армии находилось 530 батарей и 5532 орудия [89].

---

[85] ЦГВИА, ф. Секретарской части военного министра, оп. 4, д. 10, л. 22. Дивизии подразделялись на очереди в зависимости от их готовности к военным действиям.

[86] Там же, л. 24.

[87] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 156, л. 65.

[88] ЦГВИА, ф. Секретарской части военного министра, оп. 4, д. 10, л. 26.

[89] Там же. Общий итог неверен: не 5532, как указано в тексте, а 5516.

Батареи действующей пешей полевой артиллерии имели на вооружении по 8 орудий, резервные — по 32 орудия, запасные — в среднем около 31 орудия; конные, горные и мортирные батареи — по 6 орудий, а вылазочные [90] — в среднем свыше 25 орудий.

Состав артиллерии на 1 мая 1903 г. представлялся в следующем виде. Полевая пешая артиллерия состояла из 56 артиллерийских бригад 4-, 6-, 7-, 8- и 9-батарейного состава [91]. Помимо того к пешей артиллерии принадлежали четыре отдельных артиллерийских дивизиона 2- и 3-батарейного состава, восемь полков 4-батарейного состава [92] и пять пеших вылазочных батарей, находившихся в различных крепостях. Кроме того, в артиллерии казачьих войск имелось 10 батарей. Резервная пешая артиллерия состояла из семи резервных артиллерийских бригад [93], одного 2-батарейного дивизиона и одной отдельной батареи. Наконец, запасная пешая артиллерия состояла из трех бригад 3-батарейного состава и пяти запасных батарей. Итак, общее число всех пеших артиллерийских батарей равнялось 498.

Конная артиллерия состояла из одной 6-батарейной артиллерийской бригады, 17 отдельных конных дивизионов [94] 2-батарейного состава, 5-батарейной Кубанской конноартиллерийской бригады, трех отдельных конных батарей [95]. Таким образом, число батарей пешей и конной артиллерии составляло 546.

Итак, число батарей по сравнению с 1881 г. увеличилось более чем на 40%, что произошло главным образом во второй половине 90-х годов. Надо при этом отметить, что помимо увеличения числа батарей увеличивается непропорционально и число орудий за счет резервных батарей, которые имели на своем вооружении вчетверо

---

[90] Находившиеся в крепостях и предназначенные для поддержки гарнизона крепости на случай наступательных (вылазочных) действий.

[91] 4-батарейных — одна; 6-батарейных — 28; 7-батарейных — две; 8-батарейных — 23; 9-батарейных — две.

[92] Один артиллерийский полк в Финляндии и 7 мортирных в различных военных округах. 6-й и 7-й мортирные полки имели 2-батарейный состав.

[93] Три бригады 6-батарейного, 3—5-батарейного и одна — 7-батарейного состава.

[94] В том числе один конно-горный.

[95] В том числе одной конно-горной и одной запасной.

большее число, нежели в действующей полевой артиллерии.

Остановимся на изменении, происшедшем в организации артиллерийских бригад. С 1894 г. артиллерийские бригады подразделялись на дивизионы, состоявшие из двух или трех батарей[96].

Одним из серьезных недостатков полевой артиллерии было отсутствие тяжелой артиллерии, в то время как в Германии на каждый из 12 армейских корпусов в случае войны должен был быть сформирован полк тяжелой артиллерии, в котором полагалось иметь 43 орудия[97]. Следовательно, германская артиллерия была более мощной.

Значительно увеличивается и крепостная артиллерия. В 1903 г. она состояла из 184 крепостных артиллерийских рот, как отдельных, так и сведенных в артиллерийские батальоны. Всего к концу 1903 г. в сухопутных крепостях по штатам полагалось иметь 7076 орудий, в наличии же было 6831. Таким образом, не хватало всего 245 орудий, однако собственно орудий тех калибров, коих положено по нормальной табели, недоставало 1274. То же положение наблюдалось и в приморских крепостях, где из 3432 орудий соответствовало необходимым калибрам только 2433[98].

Куропаткин в своем всеподданнейшем докладе от 14 марта 1900 г., характеризуя состояние крепостной артиллерии, писал, что «по вооружению крепостей мы также отстали: крепостная артиллерия содержит в себе массу орудий устаревших образцов»[99].

Осадная артиллерия к концу рассматриваемого периода состояла из пяти осадных артиллерийских парков

---

[96] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 154 л. 5

[97] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 461, л 107. Справка о числе артиллерийских орудий на дивизию пехоты и корпус Германии... 1 декабря 1903 г., л. 107. В пехотную дивизию германской армии входили два артиллерийских полка по шесть батарей в каждом, имевших на вооружении по шесть орудий на батарею. Таким образом, пехотная дивизия поддерживалась огнем 72 орудий (там же). Пехотная же дивизия русской армии располагала огнем 48 и только в незначительной мере 64 полевых орудий (одной 6- или 8-батарейной артиллерийской бригады, каждая из батарей имела на вооружении восемь орудий).

[98] ЦГВИА, ф. Канцелярия Военного министерства, оп. 2, д. 163, л. 36.

[99] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602, л. 38.

4-ротного состава. Увеличилось и число артиллерийских парков: летучих было 78[100], местных — 91[101].

* * *

В 1881 г. инженерные войска не входили в состав тех или иных воинских соединений, находясь в подчинении преимущественно пограничных военных округов. Инженерные войска состояли из пяти саперных бригад[102]. Состав бригады был многообразен. В нее входило: три саперных, два понтонных и один железнодорожный — всего шесть батальонов, два военно-телеграфных парка, полевой и осадный инженерные парки[103]. Кроме перечисленных частей инженерных войск в Туркестанском военном округе находился саперный полубатальон, а в Восточно-Сибирском — саперная рота. В Кавказском военном округе был расквартирован 1-й резервный железнодорожный батальон. Помимо саперных бригад существовали в составе инженерных войск вспомогательные нестроевые части, а также две минные роты — в Кронштадте и Керчи.

За рассматриваемый период в численности и организации инженерных войск произошли некоторые изменения[104]. Так, в 1884 г. при каждом из 17 саперных батальонов было сформировано по две резервные саперные роты; в 1886 г. была образована отдельная железнодорожная бригада (путем выделения из саперных бригад некоторых железнодорожных батальонов). На протяжении 80-х — начала 90-х годов было увеличено число телеграфных парков (с 10 до 17). В 1894 г. в организации инженерных войск произошли серьезные изменения как с точки зрения увеличения численности войск, так и с точки зрения их организации. В основу этой организации был положен принцип обеспечения инженерными войсками армейских корпусов и пехотных дивизий из расчета один саперный батальон на армейский корпус и одна саперная рота на пехотную дивизию. Изменился также

[100] В том числе восемь резервных.

[101] В том числе семь мортирных.

[102] 1—4-й и Кавказской.

[103] В некоторых саперных бригадах не было осадных инженерных парков, а в Кавказской саперной бригаде — понтонных и железнодорожного батальонов.

[104] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 40—42.

и состав саперных батальонов. Они состояли из трех саперных рот, одной телеграфной с придачей двум саперным ротам легких мостовых парков, т. е. понтонных команд. Таким образом, саперные батальоны приобретали в какой-то степени универсальный характер. Однако по-прежнему все инженерные войска входили в состав саперных бригад и подчинялись командованию округа.

Общее число инженерных войск по числу батальонов с 1881 по 1894 г. возросло с $29^1/_4$ до $46^1/_4$[105]. В 1903 г. инженерные войска состояли из семи саперных бригад 5—7-батальонного состава[106]. В числе этих батальонов были: саперные, понтонные, железнодорожные. Саперные батальоны в свою очередь состояли обычно из трех саперных рот и одной телеграфной. Помимо указанных саперных бригад имелись отдельные саперные батальоны и роты в войсках Восточной Сибири и Туркестана, а также крепостные саперные и минные роты общим числом 23. Кроме того, к инженерным войскам относились две речные минные роты, крепостные военные телеграфы, крепостные воздухоплавательные отделения и крепостные военно-голубиные станции. Наконец, к этому роду оружия принадлежали и железнодорожные войска. Итак, инженерные войска состояли из 47 батальонов и 28 отдельных рот, что равнялось в свою очередь еще 7 батальонам. Таким образом, общее число строевых единиц (не считая инженерных парков, воздухоплавательных отделений и крепостных военных телеграфов) составляли 54 батальона.

В связи с ростом общей численности армии и сформированием новых частей войск различных родов оружия увеличилось и количество корпусов, являвшихся по-прежнему высшим соединением полевых войск. Если в 1881 г. было 19 корпусов, то в 1903 г. их уже насчитывалось 29[107] и, кроме того, два кавалерийских. Таков был состав армии накануне русско-японской войны.

Надо заметить, что существующая организация армии страдала серьезным недостатком. Резервные войска

---

[105] См. там же, стр. 52.

[106] За исключением 5-й саперной бригады, состоявшей из трех батальонов, и Кавказской — из двух. Помимо этого в каждой бригаде находился инженерный парк.

[107] Гвардейский, гренадерский, 1—21-й, два кавказских, два туркестанских и два сибирских.

значительно отличались от действующих вследствие того, что в этих войсках был менее подготовленный офицерский состав, их боевые качества были ниже, что обнаруживалось особенно в условиях военного времени. В военное время, как уже говорилось выше, каждая резервная бригада развертывалась в дивизию или две, т. е. каждый батальон в 4 или 8 батальонов, причем пополнялись они запасными более ранних сроков службы, т. е. пробывшими в запасе 10—15 лет. «Самые плохие — это запасные старых (т. е. ранних. — *П. З.*) сроков службы», — замечает один из командиров пехотной дивизии на русско-японской войне, развернутой из резервной бригады, ген. М. С. Столица, в своих письмах с театра военных действий. «Неправильная организация войск, — говорится в другом письме, — дала себя чувствовать: наши резервные войска оказались весьма плохи [...]. С такими войсками наступать невозможно» [108].

* * *

Организация государственного ополчения также претерпела за рассматриваемый период известные изменения. В начале 80-х годов государственному ополчению «придавалось значение вспомогательной части вооруженных сил, формируемых лишь при необходимости крайнего напряжения всех сил и средств государства» [109]. Отсюда, естественно, на ополчение не обращалось должного внимания, особенно имея в виду, что мобилизационная готовность регулярных войск была далеко еще не обеспечена как личным составом, так и материальной частью.

В конце 80-х годов были произведены существенные изменения в личном составе и организации ополченских частей [110]. С 1890 г., как уже указывалось выше, стали производиться учебные сборы ополченцев четырех младших возрастов [111]. В этом же году принято решение о раз-

---

[108] «Военный сборник», 1908, № 7, стр. 76, 85.

[109] «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 46.

[110] См. выше, стр. 120.

[111] В 1881 г. из 1 873 тыс. ратников 1-го разряда около половины были неспособны к несению строевой службы по физическим недостаткам, 750 тыс. имели льготу по семейному положению. Следова-

вертывании ополченских частей в случае войны в 40 пехотных дивизий, 20 конных полков и 80 батарей [112]. Тогда же был создан кадр ополченских частей в составе 2880 человек из расчета по два человека на каждую роту или батарею [113]. Этот кадр, состоявший в основном из унтерофицеров, должен был находиться при уездных воинских начальниках.

Во второй половине 90-х годов было составлено подробное расписание для формирования ополчения первой очереди [114], предусматривавшее развертывание не только пехотных, кавалерийских частей и полевых артиллерийских батарей, но и крепостных артиллерийских рот и саперных дружин.

Обратимся к анализу этого расписания. Оно предполагало развертывание 320 пеших дружин и одной полуроты, сводившихся в 20 пехотных дивизий обычного 16-батальонного состава. На формирование этих дивизий требовалось 314 683 человека, из которых 169 523 человека, т. е. несколько более 50%, проходили действительную службу в армии и были по истечению срока пребывания в запасе перечислены в ополчение [115]. По этому расписанию создавалось также 80 сотен кавалерии, сводившихся, по-видимому, в 13 кавалерийских полков. Общее количество ополченцев, потребных для этих кавалерийских частей, составляло 12 480, из которых почти все — 12 004 человека — проходили действительную службу в кавалерии [116].

Формирование артиллерийских и саперных частей предполагало развертывание 40 полевых артиллерийских

тельно, за их исключением, могло быть призвано всего 356 тыс. ратников (из них 156 тыс. — перечисленные из запаса армии). К середине 90-х годов положение изменилось: все ратники 1-го разряда (1 267 500 человек) могли быть призваны в случае войны в ряды ополчения (из них 865 500 человек — состоявшие из четырех младших возрастов, и 402 тыс. — перечисленные из армейского запаса) (см. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование Александра III», стр. 9).

[112] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, д. 150, л. 14. Из них 20 дивизий, 10 конных полков и 40 батарей — первой очереди и остальные — второй.

[113] Там же, л. 13.

[114] Это расписание действовало до конца рассматриваемого нами периода, т. е. до 1904 г.

[115] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 17, л. 9.

[116] Там же, л. 13—15.

батарей, 20 артиллерийских крепостных рот и 5 саперных дружин. Из 7720 человек, необходимых для формирования полевых батарей, перечисленных из запаса артиллерии было 6760 и не проходивших военной службы — 960. Таким образом, почти 90% ополченцев были квалифицированными артиллеристами [117]. Из потребных для крепостных артиллерийских рот 6600 ополченцев проходили службу в артиллерии 4190, а 2410 человек вовсе не служили в армии. Наконец, для пяти саперных дружин требовалось 4885 человек, из которых 153 вовсе не проходили военной службы, 2835 служили в инженерных войсках, 1897 несли службу в пехоте [118].

Итак, первая очередь ополчения создавалась в значительной своей степени из лиц, прошедших действительную военную службу, и процент не служивших в армии, за исключением пехоты, был невелик. Следовательно, в 90-х годах организация ополчения получила четкость и планы ее формирования были в достаточной степени разработаны. Планы же формирования ополчения второй очереди, которое должно было составить также 20 пехотных дивизий, не были составлены, и никакого кадра в мирное время для них не имелось.

* * *

Остановимся на вопросах развертывания армии.

Увеличение численности армии в военное время достигалось, с одной стороны, увеличением числа действующих частей за счет призыва запасных и, с другой — развертыванием резервных частей пехоты и артиллерии. Каждая из существующих резервных бригад, состоявшая из четырех батальонов, развертывалась в одну-две дивизии. Так, 21 резервная бригада (46—66-я) развертывалась в случае войны в 35 пехотных дивизий (46—81-я). При этом 46 — 74-я дивизии являлись дивизиями первой очереди, а 75 — 81-я — второй [119]. Каждая артиллерийская резервная батарея развертывалась в четыре батареи (потому-то в мирное время на вооружении этих артиллерийских батарей было не по восемь, а по 32 орудия).

---

117 Там же, л. 16.
118 Там же, л. 15.
119 Там же, д. 433, л. 103—108.

Кавалерия увеличивалась за счет находившихся на льготе (в запасе) казачьих полков. Так, в Войске Донском в мирное время находилось на службе 17 казачьих полков, а 35 — на льготе [120]. То же самое имело место и в других казачьих войсках: в Кубанском войске в мирное время на службе находилось 11 полков, на льготе — 22 [121], в Оренбургском — соответственно 6 и 18. Таким образом, численность казачьей кавалерии увеличивалась более чем вдвое. Наконец, как говорилось уже выше, в случае надобности создавалось 40 пехотных ополченских дивизий (20 — первой очереди и 20 — второй).

Надо сказать, что планы развертывания и сосредоточения армии были наиболее разработаны на случай войны с Германией и Австро-Венгрией, что находило свое выражение в мобилизационных расписаниях, периодически изменяемых. Так, с 1 января 1903 г. было введено мобилизационное расписание № 18, которое мы и рассмотрим.

По этому расписанию на западных границах против Германии и Австро-Венгрии могло быть сосредоточено 1472 батальона пехоты, 1035 эскадронов и сотен кавалерии, 4558 орудий, 32 пулемета, 175 инженерных рот, 64 роты пограничной стражи и 47½ крепостных артиллерийских батарей. В случае же нейтралитета Турции войска, расположенные на западных границах, получали дополнительно 64 батальона пехоты, 44 эскадрона и сотни кавалерии, 220 орудий и 4 инженерные роты [122]. Таким образом, в этом случае Россия располагала для полевых действий (помимо гарнизонов крепостей) 1402 батальонами пехоты, 1079 эскадронами и сотнями кавалерии, 4650 орудиями, 32 пулеметами, 15 ротами пограничной стражи и 149 инженерными ротами.

---

[120] См. «Расписание сухопутных войск (на 1 мая 1903 г.)».

[121] В Кубанском войске пехотные части (пластуны) также увеличивались втрое за счет находившихся на льготе пластунских батальонов.

[122] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 433, л. 59. Доклад по Главному штабу 22 октября 1902 г. (отпуск). В том числе войска гарнизонов крепостей: 140 батальонов пехоты, 52 роты пограничной стражи, 128 орудий, 30 инженерных рот и 47½ крепостных артиллерийских батарей. Заметим, что в указанном докладе имеются некоторые цифровые неточности (возможно вкравшиеся в отпуск). Так, если от 64 отнять 52, то должно получиться 12, а не 15, как указывается в тексте (дело идет о числе пограничных рот).

Противник располагал (Германия, Австро-Венгрия, а также Румыния) в случае первоначального удара на Францию 1048 батальонами пехоты, 553 эскадронами кавалерии с 4028 орудиями [123]. Если бы первоначальный удар наносился по России, то в этом случае союзники располагали бы 1415 батальонами пехоты, 734 эскадронами кавалерии и 5428 орудиями. Следовательно, во втором случае противники получали некоторое, весьма небольшое, преимущество в пехоте — на 13 батальонов, а Россия сохраняла довольно существенный перевес в кавалерии — на 345 эскадронов. Что касается артиллерии, то в русской армии было бы на 778 орудий меньше [124]. В случае же первого удара по Франции Россия имела бы значительное превосходство в силах.

Однако основной вопрос, обеспечивавший успех военных действий, особенно в первые месяцы войны, заключался не в определении соотношения сил вообще, а в сосредоточении их на театре войны. «Главное преимущество наших противников, — писал в своем докладе Куропаткин, — заключается не столько в численном превосходстве их войск, сколько в быстроте мобилизации и сосредоточения благодаря широко развитой сети железных дорог, богато снабженных подвижным составом и начинающих с 3-го дня мобилизации работу по полному воинскому графику военного времени (наши дороги переходят к такой работе только на 9—10 день мобилизации). К 12-му дню мобилизации германские армии, а к 16-му дню австрийские могут уже начать наступательные действия, в то время когда нами еше не [будет] окончено сосредоточение всех полевых войск и совершенно не приступлено к перевозке резервных и казачьих второй очереди. Эта отсталость в деле развития железнодорожных средств, — говорилось в докладе, — неизбежно подчиняет первоначальную форму стратегического развертывания наших сил идее обороны» [125].

Развертывание армий требовало новых формирова-

---

[123] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 433, л. 59. Доклад по Главному штабу 22 октября 1902 г.

[124] Обеспеченность артиллерийским огнем батальонов пехоты в разных армиях была различной. Так, в русской она составляла на батальон пехоты 3,3, в германской — около 5, в австро-венгерской — 3,0. Расчет произведен на основе данных, приводимых в указанном докладе.

[125] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 433, л. 10.

ний. Из резервных частей сформировывались по мобилизационному расписанию № 18 31 пехотная дивизия и 10 армейских корпусов (XXII — XXX и финляндский), а также один конный из трех казачьих дивизий[126]. Вместе с тем должно было быть сформировано семь армий, а в случае войны с Турцией — и 8-я Кавказская. Эти семь армий образовывали два фронта — германский и австро-венгерский, во главе которых должны были стоять главнокомандующие, которые в свою очередь подчинялись верховному главнокомандующему.

Небезынтересно остановиться на вопросе о первоначальном составе намечавшихся командующих армиями и главнокомандующих фронтами. Во-первых, надо сказать, что верховным главнокомандующим, согласно «высочайшему» рескрипту от 4 февраля 1903 г., должен был быть сам Николай II, главнокомандующим германским фронтом — вел. кн. Николай Николаевич, а австро-венгерским — Куропаткин[127]. 17 июня того же 1903 г. Николай II назначил командующих армиями: I — командующего войсками Виленского военного округа ген. Гриппенберга; II — пом. командующего Варшавского военного округа ген. А. К. Пузыревского; III — командующего войсками Московского округа вел. кн. Сергея Александровича; IV — командующего войсками Киевского округа ген. Драгомирова; V — командующего войсками Одесского округа ген. Мусина-Пушкина; VII[128] — вел. кн. Владимира Александровича с титулом главнокомандующего[129].

Рассмотрим подробнее этот состав. Во-первых, надо сказать, что из девяти человек четверо являлись членами императорской фамилии, причем трое из них не имели никакого военного образования, за исключением того, которое получили, как говорилось во всех послужных списках, «под наблюдением августейших родителей», причем их опыт в военном деле ограничивался парадами на Марсовом поле и парадно-стандартными учениями в Кра-

---

[126] Там же, д. 452. Докладная записка от 8 января 1903 г., л. 2.

[127] Там же, д. 433, л. 131.

[128] В отношении командующего VI армией вопрос оставался открытым.

[129] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 433, л. 132. Собственно, в этом документе указаны не фамилии, а занимаемые должности, за исключением командующего VII армией.

сносельских лагерях; четвертый — вел. кн. Николай Николаевич окончил Академию Генерального штаба и к тому же приобрел известный боевой опыт, участвуя в войне 1877—1878 гг. и состоя при Драгомирове. Такова была треть лиц, предназначавшихся для командования вооруженными силами России на случай войны.

Кандидат в командующие I армией 65-летний ген. Гриппенберг не получил никакого военного образования, приобрел его «на службе». Правда, это в какой-то степени компенсировалось значительным командным стажем, начиная с командира роты до армейского корпуса включительно, а также участием как в Крымской, так и в русско-турецкой войнах[130] (в первой в чине прапорщика). Ген. Пузыревский, предполагаемый командующий II армией, в прошлом проф. Академии Генерального штаба, хотя и мало командовал строевыми частями, однако прошел хорошую практическую школу под руководством ген. Гурко, состоя начальником штаба Варшавского военного округа, а затем занимая пост помощника командующего войсками того же округа. Он вполне соответствовал должности командующего армией. К тому же по возрасту он был одним из самых молодых кандидатов, имея от роду всего только 56 лет. Ген. М. И. Драгомиров, долженствующий командовать IV армией, был выдающимся генералом и командиром. Однако возраст его был значителен: ему было 73 года[131]. Наконец, командующий войсками Одесского военного округа, будущий командующий V армией ген. А. И. Мусин-Пушкин был весьма

---

[130] Данные о кандидатах на посты командующих армиями приводятся по «Списку генералам». СПб., 1903.

[131] По-видимому, первоначально список был иным. Подтверждением этому является находящаяся в приводимом нами деле и подписанная ген. Я. Г. Жилинским записка «Основные руководящие соображения для развертывания армии на западной границе» (ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 433). В этой записке, предназначавшейся, по всей вероятности, начальнику Главного штаба ген. Сахарову, говорилось: «Считаю долгом обратить внимание Вашего превосходительства на то, что в числе лиц, о коих Вы изволили упоминуть как о предполагаемых к командованию I, II, IV, V, VI армиями (т. е. кроме III и IV, которыми должны были командовать великие князья), нет ни одной русской фамилии. Казалось бы, — продолжал Жилинский, — что при нынешнем политическом положении на это обстоятельство следовало бы обратить внимание» (там же, л. 130). Таким образом, Драгомиров, а также и Мусин-Пушкин в этом первоначальном списке фигурировать не могли.

почтенного возраста: ему было 76 лет. Окончив Пажеский корпус, он значительную часть своей жизни прокомандовал гвардейскими кавалерийскими частями, а также в течение длительного времени был командиром 5-го армейского корпуса.

Из вновь формируемых на случай войны 10 армейских корпусов вопрос о назначении командиров их был положительно решен только для трех: 25-го, 27-го и 28-го. 25-м должен был командовать 68-летний член Военного совета ген. М. И. Батьянов, в недавнем прошлом (до конца 1902 г.) командир 16-го армейского корпуса, участник русско-турецкой войны, имевший большой стаж командования строевыми частями, начиная от батальона и кончая армейским корпусом, но не получивший высшего военного образования. 27-м корпусом предназначался командовать помощник командующего войсками Одесского военного округа ген. А. В. Каульбарс, 58 лет от роду; он был командиром различных кавалерийских подразделений и соединений и при этом имел высшее военное образование, окончив Академию Генерального штаба. И наконец, 28-м корпусом должен был в случае войны командовать ген. А. Н. Ридигер, инспектор стрелковой части в войсках, человек немолодого возраста — 65 лет, имевший большой опыт командования, начиная от роты до отдельной стрелковой бригады. Высшего военного образования он не имел [132].

---

[132] Как ни странно, Куропаткин в своем докладе Николаю II предлагал «для командования формируемыми при мобилизации корпусами [...] привлекать лиц, состоящих в числе членов Военного совета, Александровского Комитета о раненых, состоящих в распоряжении военного министра и других, чтобы не отвлекать из рядов войск в наиболее важное время генералов, командовавших в мирное время дивизиями» (ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 433, л. 124). Исходя из этого, он рекомендовал на должности командиров корпусов или стариков, заседавших в Военном совете либо Комитете о раненых, или таких лиц, как начальник императорской охоты кн. Д. Б. Голицын либо дворцовый комендант П. П. Гессе. Надо заметить, что Голицын не имел никакого военного образования, обладал очень небольшим командным опытом, занимая наивысшую строевую должность командира полка в течение пяти месяцев, последние же 14 лет он ведал императорской охотой. Гессе окончил Пажеский корпус, и высшей должностью, которую он занимал в течение семи месяцев, было командование кавалерийским полком, после чего он служил по дворцовому ведомству. По-видимому. Куропаткин здесь руководствовался только одним — желанием угодить императору (там же).

Подведем итоги. Итак, мы располагаем возможностью проанализировать данные о 12 лицах, начиная от кандидата на пост верховного главнокомандующего и кончая тремя предполагаемыми командирами корпусов. Прежде всего надо заметить, что из этих 12 человек имели высшее военное образование пять. Остальные семь (в том числе три члена императорской фамилии) либо вовсе не имели такового, либо получили его в дореформенном кадетском корпусе. Командного стажа в полном смысле этого слова не имели четыре человека (четыре члена императорской фамилии, командовавшие в значительной степени номинально гвардейскими частями). Наконец, возраст, не считая членов императорской фамилии, у намеченных кандидатов был немалый. Так, трое были в возрасте от 55 до 60 лет (Куропаткин, Пузыревский и Каульбарс), от 65 до 70 лет — также трое (Гриппенберг, Батьянов и Ридигер) и двое — от 73 до 76 лет (Драгомиров и Мусин-Пушкин). Таким образом, состав намеченных лиц почти целиком не отвечал интересам обороноспособности государства.

Остановимся на вопросе развертывания армии на Дальнем Востоке, которое должно было в начале 900-х годов осуществляться по мобилизационному расписанию № 8, распространявшемуся на войска Сибирского и Приамурского военных округов, а также Квантунской области. Так, по расписанию сухопутных войск на 1 мая в этих округах значилось: 77 батальонов и 7 рот пехоты, 33 эскадрона и сотни кавалерии, 156 орудий (из них 20 запряженных) и ряд мелких подразделений (команд). По мобилизационному же расписанию № 8 боевая сила по штатам военного времени всех частей войск Сибирского и Приамурского военных округов (включая и войска Квантунской области) составляла: 127 батальонов пехоты, 212 орудий, 81 эскадрон и сотню кавалерии[133]. Увеличение числа войск осуществлялось, так же как и в Европейской России, за счет развертывания резервных частей и укомплектования действующих частей запасными по штатам военного времени. Надо отметить, что обеспеченность пехоты огнем артиллерии была значительно ниже, чем в Европейской России. Здесь на батальон пехоты приходилось всего лишь 1,7 орудия.

---

[133] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 4, д. 648, л. 7—8.

Таким образом, были и мобилизационное расписание, и планы развертывания, и кандидатуры главнокомандующих фронтами, командующих армиями и командиров корпусами. Плана же военных действий не было. В этом отношении большое значение имеет свидетельство ген. Ф. К. Гершельмана, назначенного весною 1901 г. начальником штаба Варшавского военного округа. Получив назначение, он отправился в Петербург в Главный штаб, чтобы ознакомиться с планами боевых действий войск округа в случае войны с Германией и Австро-Венгрией. «В Петербурге, — пишет он, — я провел около 10 дней и за это время немало занимался в Главном штабе, знакомясь с перепиской и разными соображениями по вопросам обороны нашей западной границы, предполагавшегося плана действий в случае европейской войны. Перечитать пришлось немало всяких записок, представлений и соображений. Занятия эти открыли мне «святая святых», познакомили с общим положением дела, с нашими средствами и видами. Но должен сказать, что во всем прочитанном я не нашел ничего законченного, не нашел разработки дела до конца. Все это составляло скорее разные частные предположения, какие-то обрывки без сводки их в одно стройное целое, без окончательной выработки затронутых вопросов. По этой причине и я не мог себе составить общей картины дела, извлечь из прочитанного окончательных решений, а только лишь ознакомился с возможными решениями его, и то решениями частных задач, но не общей» [134].

Подобное положение продолжало оставаться и позднее. Так, тот же Гершельман, вспоминая весенний приезд в Варшаву в 1902 г. Куропаткина, пишет: «В делах по обороне западной границы не было ничего определенного, ничего законченного. Мы разбрасывались в массе нередко противоречивых предположений, хватались за все, ни на чем не останавливались и порождая в себе только полную неуверенность к своим решениям, которые менялись постоянно [...]. При этом условии мы совершенно были не готовы к войне на Западном фронте, и вместо того, чтобы подвигаться в этом вперед, мы удалялись от желанного конца» [135].

---

[134] *Ф. К. Гершельман.* Воспоминания пережитого, ч. IX, стр. 1—2.

[135] Там же, стр. 93—94.

Такое же положение было и в Киевском военном округе. Так, Куропаткин 5 марта 1903 г. заносит в дневник следующее: «Вчера вечером у меня собрались в первый раз Сухомлинов, Соболев, Протопопов, Гершельман, Маврин, Жилинский для выслушивания моих указаний в качестве будущего, в случае войны, главнокомандующего о задачах III, IV и V армий. [. . .]. Еще раз на заседании подтвердилась наша неготовность к наступлению. Ни по одной из армий соображений о наступлении не составлено. Но и по обороне лучше других армий обставлена только четвертая армия, но в ней позиции наши у Ровно, Луцка и Дубно скорее только обозначены, чем укреплены. [. . .]. В III армии в оборонительном отношении ничего не сделано, и между тем на эту армию могут обрушиться очень большие силы австрийцев и понудить III армию к отступлению к Бресту» [136].

* * *

Обратимся к вопросам вооружения. Вооружение пехоты в 1881 г. было весьма различным. В 1868 г. была принята на вооружение малокалиберная 4,2-линейная скорострельная винтовка системы Бердана с откидным затвором и металлическим патроном. Такой винтовкой — их было изготовлено 30 тыс. — были вооружены в начале 70-х годов только стрелковые части (в силу этого данная винтовка получила название стрелковой). В 1870 г. вместо данного образца была принята на вооружение улучшенная винтовка этой же системы под названием Бердана № 2 и того же калибра, лишь с измененным затвором (вместо откидного скользящий) [137]. Эта винтовка должна была заменить собой 6-линейные винтовки системы Крнка и Карле [138]. Однако к началу русско-турецкой войны 1877—1878 гг. перевооружение еще не было закончено и только $^1/_3$ пехотных дивизий была вооружена винтовками системы Бердана. Даже к 1881 г. перевооружение пехоты не было еще окончательно завершено и на вооружении находилось около

[136] «Красный архив», 1922, т. 2, стр. 35.

[137] По этой же системе были изготовлены кавалерийские (драгунские и казачьи) винтовки и кавалерийские карабины.

[138] Подробнее см. мою книгу «Военные реформы 1860—1870 годов в России», стр. 169—179.

300 тыс. (299 659) винтовок системы Крнка и Карле[139]. Однако все полевые и резервные части были снабжены малокалиберными винтовками Бердана № 2 по штатам военного времени. Кавалерия была уже полностью обеспечена драгунскими и казачьими винтовками системы Бердана.

Вооружение артиллерии также было не однородным. На вооружении полевой артиллерии находились частью медные, заряжавшиеся с казны нарезные орудия (4- и 9-фунтовые по весу заряда)[140], частью же стальные. Медные, заряжающиеся с казны нарезные пушки были приняты на вооружение в русской армии во второй половине 60-х годов[141]. Однако в начале 70-х годов в иностранных армиях появились стальные орудия, обладавшие лучшими баллистическими свойствами, в частности настильностью огня, и большей прочностью. Подобное орудие, обладавшее большим весом (4-фунтовая утяжеленная пушка), было сконструировано проф. Маиевским еще в 1869 г.[142] На протяжении первой половины 70-х годов артиллерийское ведомство вело дальнейшую работу по усовершенствованию образца орудия Маиевского, однако на вооружение оно принято не было. Таким образом, к началу войны с Турцией, к 1877 г., русская армия не имела на вооружении новых образцов полевых орудий, принятых в других армиях, что являлось главным образом результатом отсутствия необходимых финансовых средств. Уже в ходе войны, когда обнаружилось превосходство турецких орудий германского образца 70-х годов перед состоявшими на вооружении в русской армии, была образована особая комиссия по перевооружению артиллерии под председательством ген. Баранцова.

Комиссия приняла на вооружение орудие, сконструированное Маиевским и отличавшееся значительно луч-

---

[139] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 137.

[140] 4-фунтовые орудия именовались легкими, 9-фунтовые — батарейными. В каждой артиллерийской бригаде имелись батареи обоих калибров. Обычно 1, 2 и 3-я батареи имели на вооружении 9-фунтовые пушки, последующие — легкие.

[141] Перевооружение ими всей артиллерии было закончено только в середине 70-х годов.

[142] См. подробнее мою книгу «Военные реформы 1860—1870 годов в России», стр. 163—164.

шими данными по дальности, меткости и настильности огня[143]. Орудия, принятые на вооружение полевой артиллерии, были двух калибров: малого калибра, соответствующего 4-фунтовым пушкам, и большого — 9-фунтовым.

Однако в 1881 г., несмотря на установленный трехлетний срок, перевооружение полевой артиллерии закончено не было. Даже не все батареи действующей полевой артиллерии имели на вооружении новые образцы орудий[144]. К перевооружению крепостной и осадной артиллерии стальными орудиями приступили несколько позднее, в 1880 г., и, естественно, к 1881 г. оно не было еще закончено.

Рассмотрим меры в области вооружения и перевооружения армии, осуществленные за изучаемый нами период. Обратимся к стрелковому оружию. В 1884 г. было закончено перевооружение всей армии и первой очереди ополчения ружьями системы Бердана[145]. Одновременно с этим разрабатывались меры по усовершенствованию этих ружей (увеличение дальности, меткости стрельбы). Это было достигнуто введением нового вида пороха с бурым углем, что увеличило начальную скорость пули, а также меткость попадания.

Уже с конца 70-х годов в заграничных армиях начались опыты над разработкой нового типа ружья — магазинного, что увеличивало скорость стрельбы. Главное артиллерийское управление занялось этим вопросом с 1880 г. Вместе с тем выяснилась необходимость дальнейшего уменьшения калибра ружья, что значительно улучшило бы его свойства.

Однако отсутствие денежных средств заставляло артиллерийское ведомство действовать весьма осторожно. «Несмотря на то что в 1886 г. большинство государств Западной Европы приступило уже к перевооружению своих армий, — говорилось в отчете о перевооружении армии, — нам приходилось из осторожности терпеливо выжидать выработки вполне надежного и [...] совершенного образца винтовки с той целью, чтобы уже принять его окон-

---

143 Подробнее см. там же, стр. 157—164.

144 ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 139, л. 67.

145 См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 138—139.

чательно, не прибегая к перевооружению армии сначала магазинными винтовками [. . .], а затем уже винтовками уменьшенного калибра, т. е. совершать дважды перевооружение, как сделано было Германией и Австрией»[146].

В 1888 г. при Оружейном отделе Артиллерийского комитета была создана особая опытная комиссия для изыскания наилучшей системы магазинного ружья, а в 1889 г. ей было поручено «выработать образец винтовки калибра уменьшенного против 4,2». Одновременно с этим 11 октября того же 1889 г. Александр III предложил начать работы по перевооружению армии «винтовками уменьшенного калибра и патронами с бездымным порохом». С этой целью были образованы две комиссии: Главная распорядительная под председательством военного министра Ванновского и Исполнительная под председательством товарища генерал-фельдцехмейстера ген. Л. П. Софиано. На Главную распорядительную комиссию возлагалось общее руководство, на Исполнительную — «а) изыскание способов к скорейшему изготовлению винтовок, патронов и пороха; б) все распоряжения к безостановочному ходу дела; в) наблюдение за точным исполнением как казенными, так и частными заводами принятых на себя обязательств»[147] и т. д. Таким образом, на Исполнительную комиссию возлагалась вся организация и руководство работой по перевооружению армии винтовками нового образца.

Первоначально проектировалась однозарядная винтовка калибра 3, 15-линейная, а затем 3-линейная.

Одновременно с этим проводилась работа по изысканию лучшего образца магазинной (пачечной) винтовки. «Среди винтовок этой группы[148] наибольшее внимание обратила на себя винтовка, представленная в 1889 г. бельгийским оружейным фабрикантом Леоном Наганом [. . .]. Одновременно с этим капитану Мосину[149] удалось

---

[146] ЦГАОР, ф. Николая II, д. 441, л. 4. Подлинный отчет о перевооружении армии за период с 1890 по 1896 г. С резолюцией царя.

[147] Там же, л. 1—3

[148] Были представлены две группы магазинных винтовок, из которых винтовка одной группы была забракована вследствие возможности одновременной подачи в канал ствола двух патронов.

[149] Артиллерийскому приемщику Тульского оружейного завода. См. книгу В Н. Ашуркова «Конструктор С. И. Мосин (1849—1902). Краткий очерк. Жизнь и деятельность изобретателя русской магазинной винтовки». С предисловием А. А. Благонравова. Тула, 1949.

выработать образец пачечной винтовки, сходной только несколькими своими частями с винтовкой Нагана, но имеющей ствол по образцу, проектированному опытной комиссией[150] [. . .]. По рассмотрению результатов испытания всех приведенных систем предпочтение отдано было пачечной винтовке, предложенной капитаном Мосиным, как по более простому ее устройству и по сравнительной дешевизне изготовления, так и потому, что с принятием ее наши оружейные заводы могли скорее приступить к валовому изготовлению»[151]. Эта винтовка была утверждена Александром III 16 апреля 1891 г. под названием «3-линейная винтовка образца 1891 г.» и находилась на вооружении армии свыше 50 лет, выдержав испытание двух величайших войн — первой мировой и Великой Отечественной.

Эта винтовка пехотного образца весила вместе со штыком 11 фунтов, или 4,5 *кг*, на $1^1/_2$ фунта (или 624 *г*) была легче прежней и на 5 дюймов короче[152]. Патрон к винтовке был изготовлен «совершенно самостоятельно на нашем патронном заводе», причем пуля имела мельхиоровую оболочку. «Пробивная способность пули, — говорилось в отчете, — увеличилась против прежнего втрое, так что в отношении меткости, настильности стрельбы и пробивного действия пуль винтовка наша не уступает винтовкам лучших иностранных образцов»[153]. Вместе с тем Охтенским пороховым заводом был изготовлен особый вид бездымного пороха «типа пироксилиновых порохов».

Для изготовления новых винтовок потребовалось переоборудовать существующие оружейные заводы таким образом, чтобы при трехсменной работе они могли ежегодно давать до 500 тыс. винтовок (Тульский — 250 тыс., Ижевский — 200 тыс. и Сестрорецкий — 50 тыс.)[154]. Требовалось также переоборудование Петербургского патронного завода и строительство нового — Луганского.

---

150 За образец проектированного опытной комиссией ствола винтовки был принят ствол французской винтовки Лебеля.

151 ЦГАОР, ф. Николая II, д. 441, л. 5.

152 Там же. Максимальный прицел был рассчитан на 2700 шагов (примерно 2 *км*).

153 Там же, л. 6, 7.

154 Там же. Кроме того, было заказано во Франции изготовление 503 тыс. ружей (там же, л. 9).

Наконец, подлежали переустройству и пороховые заводы. В 1897 г. тремя этими заводами было изготовлено 629 123 пуда пороха [155].

План перевооружения предполагал осуществить это в две очереди. Первая очередь — изготовление 2 млн. винтовок, вторая — 1 290 тыс. «В первую очередь, — говорилось в отчете, — вошли все действующие и резервные войска, большая часть запасных батальонов, а также вся действующая кавалерия и инженерные войска и казаки» [156]. К началу 1897 г. перевооружение первой очереди было почти закончено. На 1 января 1897 г. уже имелось 1 974 500 винтовок [157]. В связи с этим во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1896 г. говорилось о том, что с окончанием перевооружения первой очереди «признано возможным несколько ослабить деятельность наших оружейных заводов» [158]. Уже к началу 1903 г. общий план перевооружения был значительно перевыполнен. Так, к этому времени оружейными заводами было изготовлено более 3 млн. винтовок [159], а всего на вооружении имелось следующее число их:

Пехотных	3 133 375
Драгунских	412 025
Казачьих	187 572
Учебных	54 135
Итого	3 787 107 [160]

Таким образом, число изготовленных винтовок превышало более чем на 500 тыс. цифру, предусмотренную планом перевооружения.

* * *

На протяжении 80-х годов завершалось перевооружение пешей и конной артиллерии. Собственно, в 1881 г.

---

[155] Там же, л. 23.

[156] Там же, л. 1.

[157] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 156, л. 65. В связи с этим 1 января 1897 г. Главная распорядительная и Исполнительная комиссии были закрыты.

[158] Там же, л. 3.

[159] В том числе во Франции было изготовлено 503 539 винтовок (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 162, л. 29).

[160] Там же.

было завершено перевооружение полевых батарей: резервная артиллерия получила стальные орудия в 1884—1885 гг., горная — в 1885—1886 гг. и, наконец, запасная — в 1887—1890 гг.[161] Таким образом, перевооружение всех видов полевой артиллерии (пешей, конной и горной) было завершено на рубеже 80—90-х годов. Вместе с тем Артиллерийский комитет производил различные исследования в отношении дальнейшего совершенствования типов артиллерийских орудий.

Наибольший успех был достигнут в отношении испытания полевых мортир (орудий, предназначенных для навесной стрельбы, т. е. для поражения сверху). Мортиры обычно предназначались для осады крепостей, однако распространение различного рода инженерных сооружений в полевой войне вызвало к жизни необходимость применения этого рода мортир и в маневренных условиях. К тому же, ведя навесный огонь из мортиры, можно было действовать с совершенно закрытых позиций. В результате произведенных испытаний лучшие результаты дала мортира 6-дюймового калибра. Однако включение мортир в полевую артиллерию затруднялось отсутствием лафета для передвижения. (Для осадных мортир, занимавших постоянные позиции, этой трудности не существовало.)

Именно в силу этого Главное артиллерийское управление всячески противилось включению мортир в состав полевой артиллерии. Существовало широко распространенное мнение, что стрельба из мортиры с колес, т. е. с лафета, невозможна. «Откровенно сознаюсь, — писал М. И. Драгомиров в одной из своих статей, — что и я всецело был подчинен этому убеждению [. . .], ибо кто не знает, что мортира существует несколько сот лет и никому в голову не приходило, чтобы иначе как со станка она могла действовать. Но нашелся чудак [. . .] — генерал А. П. Энгельгардт[162]: он заставил мортиру стрелять с колес, а уже после этого заставить ее маневрировать, как всякую полевую пушку, было не трудно, т. е., собственно говоря, он надул мортиру, так как удар при встряске

---

[161] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 152.

[162] Служивший в Главном артиллерийском управлении инспектором артиллерийских приемок.

передается не на колеса, а на тумбу, в высшей степени остроумно приложенную на резиновых буферах и шарнирах к боевой оси»[163]. В другой своей статье Драгомиров рассказывает о своей встрече с А. П. Энгельгардтом: «По поводу убеждения, что из мортиры с колес стрелять нельзя, со мной случился такой анекдот: когда генерал Энгельгардт, давнишний мой знакомый и даже ученик по Академии Генерального штаба, пришел мне сказать, что он проектировал лафет под мортиру, я поправил: «Вероятно, станок?» — «Нет, лафет», — возразил генерал Энгельгардт [. . .]. Тогда я спросил: «Есть у Вас чертежи?» — «Нет, он построен». — «Как построен?» — «Да, и выдержал 500 выстрелов». — «А колеса как выдержали?» — «Даже спицы не подались». Тогда я невольно воскликнул: «Ну, А[лександр] П[етрович], Вы и сами не знаете, что Вы сделали, я предсказываю Вашему орудию великую будущность»»[164]. Надо сказать, что в русской армии полевые мортиры были введены ранее всех других армий мира.

В середине 90-х годов состав и число орудий, находившихся на вооружении, по сравнению с 1881 г. значительно изменились.

Приведем данные Военного министерства.

а) В полевой артиллерии состояло[165]:

	1881 г.	1894 г.
Стальных батарейных пушек	448	784
» легких »	1 176	1 680
» конных »	424	450
» горных »	—	190
» 2½-дюймовых пушек Барановского	8	—
Стальных 6-дюймовых мортир	—	96
Медных 9-фунтовых пушек	656	—
Медных 4-фунтовых пушек	124	—
Итого	2 836	3 200

[163] *М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет. Сборник статей, кн. II. СПб., 1909, стр. 47—48.

[164] Там же, кн. I, стр. 156—157.

[165] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 155—156.

б) В резервной, запасной и вылазочной артиллерии состояло пушек:

	1881 г.	1894 г.
Стальных батарейных	—	160
» легких . . .	—	864
» конных . .	—	192
» горных . .	—	12
Медных 9-фунтовых . .	576	—
» 4-фунтовых .	576	—
Итого . . .	1 152	1 228

Таким образом, во всех видах артиллерии было в 1881 г. 3988 орудий, а в 1894 г. — 4428.

Итак, за этот период было снято с вооружения 1932 медные пушки и вновь изготовлено 2372 стальных орудия.

Кроме того, с 1886 по 1894 г. был создан «запас военного времени», состоявший из 15% находившихся на вооружении орудий, лафетов и зарядных ящиков. К концу 1894 г. имелось в этом запасе 117 батарейных, 429 легких, 106 конных, 36 горных орудий и 8 полевых мортир с лафетами, передками и зарядными ящиками[166].

В середине 90-х годов вновь возник вопрос о перевооружении полевой артиллерии, на этот раз скорострельными орудиями. «В ближайшем будущем Военному министерству, — говорилось во всеподданнейшем докладе за 1896 г., — вероятно, представится еще новая, весьма обширная задача, а именно по перевооружению полевой артиллерии скорострельными пушками. Огромность потребных на то средств, при неудовлетворительности имеющихся пока образцов полевых скорострельных пушек, задерживает еще введение последних на вооружение как нашей, так и других армий Европы [. . .]. Наша артиллерия должна будет, без сомнения, последовать примеру артиллерий западных армий, дабы не уступить им в вооружении и действительности огня; но перевооружение артиллерии представит для нас большие затрудне-

[166] См. там же, стр. 156.

ния как по значительности потребных на то средств, так и в особенности вследствие малой производительности наших заводов и невозможности выполнить на них заказ большого количества орудий, лафетов и снарядов в сколько-нибудь короткий срок»[167].

На протяжении 90-х годов как в западноевропейских армиях, так и в русской производились различные опыты над скорострельными орудиями. «Имея в виду обеспечить свою готовность к принятию нового образца пушек к тому времени, когда одна из держав первая подаст пример к такому перевооружению полевой артиллерии [. . .], все правительства поступали и в этом случае так же, как и перед перевооружением пехоты, т. е. выжидали, когда какая-либо из первоклассных держав подаст первый пример в введении новых пушек. В минувшем году та же Германия, которая первая двинула остальные государства ко введению магазинных ружей, вновь подала первый пример к перевооружению полевой артиллерии»[168].

Действительно, в 1897 г. в германской армии была принята на вооружение скорострельная пушка образца 1896 г.[169] Это и заставило Главное артиллерийское управление с 1898 г. форсировать работы по изысканию лучших систем скорострельных орудий.

В конце 90-х годов на Путиловском заводе была сконструирована 3-дюймовая скорострельная пушка — «буферная, по идее генерала Энгельгардта». В 1899 г. она испытывалась в войсках и в начале 1900 г. была довольно поспешно принята на вооружение. Комиссия под председательством генерал-фельдцехмейстера вел. кн. Михаила Николаевича, в которую входил и Куропаткин, в январе 1900 г. вынесла положительное решение о качествах этой пушки. «1) Благодаря своей большой скорости, — гово-

---

[167] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 156, л. 4.

[168] ЦГВИА, ф. Секретарской части при военном министре, оп. 4, д. 10, л. 2. См. также «Краткие сведения о полевой артиллерии в главнейших европейских государствах и перевооружении скорострельной артиллерии». Записка полковника фон дер Ховена (там же, л. 2—9).

[169] По данным этой записки, орудие, принятое на вооружение германской армией, обладало следующими качествами: изготовлено из никелевой стали, калибр — 7,76 *см*, вес снаряда — 6,85 *кг*, длина тела орудия — 2,2 *м*, вес — 410 *кг* (там же, л. 4).

рилось в решении комиссии, — (1950 ф-т с[е]к[унду]) обладает значительно большей меткостью сравнительно с меткостью ныне принятой легкой пушки (начальная скорость 1460 ф-т в с[е]к[унду]). Таким образом, 3-дюймовая пушка дает на расстоянии 1000 сажен (2 верст=2,2 *км.* — *П. З.*), например, такие поражения, какие при легкой пушке достигались лишь на 500 сажен.

2) [. . .] Большая настильность траектории новой 3-дюймовой пушки в сильной степени повысила боевую действительность стрельбы, облегчила пристрелку [. . .] и позволила с успехом производить стрельбу по подвижным целям на такие расстояния, на которых стрельба из легкой пушки была бы напрасной тратой снарядов.

3) [. . .] Орудие это позволяет производить стрельбу шрапнелью на расстоянии до 5 верст, в то время как при легкой пушке шрапнельный огонь ограничен расстоянием около 3 верст.

4) Скорость стрельбы из 3-дюймовой пушки Путиловского завода оказалась в пределах от 5 до 20 выстрелов в минуту из орудия. Первая цифра относится к стрельбе на сыпучем песке, а последняя — к грунту твердому» [170].

В силу всего этого комиссия признала целесообразным принять эту пушку на вооружение полевой артиллерии [171].

---

[170] ЦГВИА, ф. Секретарской части Военного министерства, оп. 4, д. 10, л. 213. В действительности эта пушка, как будет видно из дальнейшего изложения, давала в среднем 10 выстрелов в минуту.

[171] ЦГВИА, ф. Секретарской части Военного министерства, оп. 4, д. 10, л. 213. Однако о качестве этой 3-дюймовой пушки имелись и другие суждения. Так, начальник Главного артиллерийского полигона ген. Валицкий в своем отношении от 22 февраля 1899 г. писал: «Путиловская пушка не удовлетворяет требованиям истинно скорострельной артиллерии, которые уже осуществлены в образце, допущенном во Франции [. . .]. Вследствие этого путиловская система является устаревшей, отсталой и т. д.» (л. 72). Действительно, во Франции в 1897 г. была принята скорострельная пушка, дававшая до 20—22 выстрелов в минуту. Куропаткин также высоко оценивал французскую пушку. Так, в резолюции по поводу описания этой пушки 24 мая 1899 г. он писал: «Весьма важные и интересные сведения. Впечатление таково, что наш путиловский образец далеко отстает от французского. В особенности поразительна неподвижность лафета при стрельбе» (л. 123). Эту мысль он повторяет и в записке товарищу генерал-фельдцехмейстера. 8 августа того же года он писал: «Меня не удовлетворяет путиловская система лишь по одному пункту, но по в[есьма] важному. При выстреле орудие подпрыгивает» (л. 169).

Николай II 9 февраля 1900 г. утвердил заключение комиссии, и 3-дюймовая скорострельная пушка Путиловского завода образца 1900 г. была принята на вооружение. В 1900 г. было заказано Путиловскому заводу изготовить 1500 таких орудий, а в 1902 г. — еще 900 [172].

Рассмотрим свойства принятой на вооружение путиловской пушки в сравнении со скорострельными орудиями, находившимися на вооружении в германской и французской армиях [173]:

	Путиловская	Германская	Французская
Число пуль в шрапнели	300	260	260
Число выстрелов в минуту	5*/10	8/14	22—23
Начальная скорость, в футах	1 950	1 525—1 590	1 800
Дальность полета шрапнели, в саженях	3 000 (6,6) **	2 500 (5,5)	2 700 (5,94)

* В числителе — при точной наводке, в знаменателе — при грубой.
** В скобках в переводе на километры.

Таким образом, путиловская пушка обладала отнюдь не наилучшими качествами.

Есть основания полагать, что принятие на вооружение путиловской пушки, далеко недоведенной до совершенства, было вызвано обстоятельствами совершенно иного порядка. Надо сказать, что Путиловский завод был заводом частным и Главное артиллерийское управление всемерно покровительствовало ему и всячески игнорировало завод казенный — Обуховский. Это было настолько явно, что вызвало недоумение государственного контролера Лобко, направившего специальное письмо по этому поводу военному министру. Письмо было связано с тем, что в 1902 г. Путиловским заводом был предложен новый образец 3-дюймовой пушки образца 1902 г., и в этом же году Обуховский завод также представил свой образец. Лобко просил «приостановить решение вопроса

[172] Там же, л. 287, 297.
[173] Там же, л. 63—64.

об образце скорострельной пушки [. . .] и закончить испытание 3-дюймовой полевой скоростной пушки, разработанной Обуховским сталелитейным заводом и представленной на испытание в октябре 1902 г.»[174]. Таким образом, имелось два образца орудий.

Однако Главное артиллерийское управление поспешило принять новый образец путиловской пушки, увеличивавшей скорострельность с 10 до 15 выстрелов в минуту, но обладавшей тем же недостатком, что и прежняя[175], и по совершенно непонятной причине игнорировало обуховский.

Вместе с тем даже из объяснения Главного артиллерийского управления видно, что образец обуховской пушки обладал рядом преимуществ.

В своем отзыве государственному контролеру Главное артиллерийское управление писало: «За поздним временем Комиссия по испытанию скорострельных орудий [. . .] могла произвести только начальные опыты с целью выяснения основных свойств этой системы, причем такие опыты не могли производиться систематично и непрерывно вследствие обнаружившихся недостатков и неисправностей в отдельных частях ее. Однако этими предварительными опытами в достаточной мере было выяснено, что новая система Обуховского завода не представляет каких-либо резких и существенных преимуществ перед испытанной системой Путиловского завода образца 1902 г.[176] Возможные же незначительные преимущества обусловляются такими изменениями конструкции некоторых деталей и затвора, которые требуют настоятельных, весьма продолжительных полигонных и войско-

---

[174] ЦГВИА, ф. Секретарской части военного министра, оп. 4, д. 10, л. 292.

[175] ЦГВИА, ф. Секретарской части военного министра, оп. 4, д. 10, л. 287. По мнению Главного артиллерийского управления, добиваться большей скорострельности нет основания, «так как питание снарядами скорострельных батарей представит, несомненно, громадные затруднения» (там же).

[176] Однако преимущества были весьма существенны. Представитель государственного контроля заявил, что система скорострельных орудий «допускает возможность ввести такие усовершенствования, что на среднем грунте лафет будет совсем непрыгающий, и что на лафете Путиловского завода никаких усовершенствований для уменьшения прыжков лафета сделать нельзя, ввиду того что в этой системе откат происходит не по оси орудия» (ЦГВИА, ф. Секретарской части военного министра, оп. 4, д. 10, л. 293—294).

вых испытаний для решения вопроса о допустимости их для службы в полевой артиллерии» [177].

Далее указывалось, что если производить опыты над системой Обуховского завода, то они могут быть закончены только к концу 1904 г. [178], когда уже будет заказано $^2/_3$ потребных орудий.

Таким образом, здесь имело место стремление со стороны Главного артиллерийского управления во что бы то ни стало принять на вооружение путиловскую пушку, хотя и обладавшую худшими качествами. Вполне естественно, что это имело свои особые причины. По данным всеподданнейших докладов, по Военному министерству в 1901 и 1902 гг. было заказано 1500 скорострельных орудий образца 1900 г. На январь 1903 г. было изготовлено 1083 орудия. В начале 1902 г. были заказаны орудия образца 1902 г., которых было изготовлено к началу 1904 г. 1500 [179].

Следовательно, к концу изучаемого периода, к началу русско-японской войны, было получено войсками около половины потребных скорострельных орудий как образца 1900, так и образца 1902 г. [180] Следствием этого являлось то, что в войсках эта пушка не была еще освоена. «Артиллеристы наши, — писал в своих воспоминаниях полковник Генерального штаба, командир Великолуцкого пехотного полка М. В. Грулев, — пошли на войну, почти совершенно не зная свойств своей новой пушки» [181].

Надо сказать, что принятая на вооружение скорострельная пушка выдержала испытание временем. Она находилась на вооружении до начала 40-х годов нашего столетия. Ее основной недостаток — подпрыгивание лафета при выстреле — был вскоре ликвидирован.

---

[177] ЦГВИА, ф. Секретарской части военного министра, оп. 4, д. 10, л. 293.

[178] В действительности это было не так. Для испытаний на полигонах и в войсках требовалось несколько месяцев, а не полтора-два года.

[179] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 1140, л. 47; д. 80, л. 31; д. 163, л. 33.

[180] По данным всеподданнейшего доклада по Военному министерству за 1902 г., всего для перевооружения всей полевой артиллерии требовалось 6831 полевое орудие (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 75, л. 33).

[181] *М. В. Грулев.* В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка, ч. I. СПб., 1909, стр. 185.

Глава 4

Офицерский корпус

Русский офицерский корпус еще с начала XVIII в., т. е. с создания регулярной армии, подразделялся на три категории: обер-офицеров (младший офицерский состав), штаб-офицеров (старший офицерский состав) и генералов [1].

В 1884 г. произошла реформа воинских чинов, в результате которой был уничтожен чин майора. Таким образом, число штаб-офицерских чинов сократилось с трех до двух [2]. В июле того же года был уничтожен чин прапорщика, а в кавалерии соответствовавший ему чин корнета был приравнен к чину подпоручика, который, таким образом, в кавалерии ликвидировался [3]. При этом

---

[1] К обер-офицерам принадлежали: в пехоте, артиллерии и инженерных войсках — прапорщики, подпоручики, поручики, штабс-капитаны (этот чин, введенный в конце XVIII в., в царствование Павла I, являлся по существу ненужным, о чем неоднократно писалось в военной периодической печати) и капитаны; в кавалерии — корнеты, подпоручики, поручики, штаб-ротмистры и ротмистры; в казачьих войсках — хорунжии, сотники, подъесаулы и есаулы.

К штаб-офицерским чинам — майоры (за исключением гвардии, артиллерии и инженерных войск, где этот чин отсутствовал), подполковники (за исключением гвардии; подполковники в казачьих войсках именовались войсковыми старшинами) и полковники.

Генеральских чинов было четыре: генерал-майоры, генерал-лейтенанты, генералы и генерал-фельдмаршалы. Генералы именовались по роду войск: «от инфантерии», «от артиллерии», «от кавалерии» и «инженер-генерал». При переходе из гвардии в армию офицер, как правило, повышался на один чин. При переходе же из армии в гвардию, наоборот, соответственно понижался.

[2] См. Приказ по военному ведомству № 132 от 6 мая 1884 г. При этом обер-офицерские чины по табелю о рангах были повышены на один класс: прапорщики и корнеты вместо XIV класса были отнесены к XIII, подпоручики — к XII, поручики — к X, штабс-капитаны и штаб-ротмистры — к IX и капитаны и ротмистры — к VIII классу.

[3] Приказ по военному ведомству № 244 от 30 августа 1884 г.

вводился чин прапорщика запаса для лиц, имеющих высшее, среднее или незаконченное среднее образование, сдавших экзамены на офицерский чин и зачислявшихся в запас.

Уже с 70-х годов офицерский корпус комплектовался лишь лицами, окончившими или военное или юнкерское училище. Для поступления в военное училище требовалось законченное среднее образование, и пополнялись эти училища за счет главным образом оканчивающих кадетские корпуса. В юнкерские же училища поступали молодые люди, не получившие среднего образования и имевшие познания в объеме 4—6 классов гимназии или уездного училища. Первые, т. е. окончившие военные училища, выпускались офицерами, вторые — подпрапорщиками (в пехоту), эстандарт-юнкерами (в кавалерию) и подхорунжиями (в казачьи части).

После пребывания в частях войск[4] в этом звании в течение одного — трех, а то и более лет они производились в офицеры. На протяжении рассматриваемого периода постепенно увеличивался выпуск офицеров из военных училищ и уменьшался из юнкерских. Это достигалось путем создания при юнкерских училищах специальных военно-училищных курсов по программе военных училищ, а в дальнейшем преобразования ряда юнкерских училищ в военные. Так, в 1881 г. было выпущено из военных училищ и специальных классов кадетских корпусов[5] 710 человек, а из юнкерских училищ — 1175[6]. Таким образом, процент окончивших военное училище составлял лишь 37,2. В конце XIX — начале XX в. соотношение уже было другим. Приведем данные о числе лиц, произведенных в офицеры за пятилетие 1898—1902 гг., содержащиеся во всеподданнейшем отчете Военного министерства «О мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898—1902 гг.»[7]:

---

[4] Набор в юнкерские училища производился из числа «нижних чинов», имевших соответствующее образование, и они после выпуска из училища снова возвращались в свои части.

[5] В двух корпусах — Пажеском и Финляндском помимо общеобразовательных существовали и специальные классы, из которых выпускались офицеры.

[6] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 137, л. 35—36.

[7] Там же, д. 1140, л. 31.

	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
Из военных училищ	1 118	1 106	1 159	1 307	1 468
% к общему числу	51	54	55	60	55
Из юнкерских училищ	1 086	960	936	859	1 173
% отношения	49	46	45	40	45
Всего выпущено офицеров	2 204	2 066	2 095	2 166	2 641

Следовательно, несколько большая часть офицеров выпускалась к концу рассматриваемого периода из военных училищ.

Соотношение офицеров, окончивших военные юнкерские училища, по сведениям на 1882 г., в различных родах войск было неодинаковым. «По статистическим данным видно, — говорилось в одной из записок, — что на каждого обер-офицера из военного училища в пехоте приходится около 10 офицеров из юнкерских училищ, но вообще в корпусе состоит на 1 офицера из военных училищ только по 2 из юнкерских училищ. Офицеры из юнкерских училищ наполняют армию только в низших офицерских чинах, а затем покидают ее для других, не военных родов деятельности» [8].

То же наблюдалось в более поздний период. Так, по данным всеподданнейшего отчета командующего Варшавским военным округом за 1896 г., процент офицеров, окончивших военные училища, составлял [9]:

Гвардейская пехота	86,33
Гвардейская кавалерия	94,5
Гвардейская артиллерия	100,0
Армейская пехота	18,93
Полевая и крепостная артиллерия	91,37
Стрелковая пехота	43,69
Резервная пехота	10,84
Крепостная пехота	8,07
Инженерные войска	97,64

В юнкерских училищах готовились офицеры только двух родов войск — пехоты и кавалерии. Для подготовки

[8] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 20, к. 379, д. 111, л. 130.

[9] Там же, оп. 35, к. 696, д. 75, л. 10.

офицеров артиллерии имелось до 1894 г. лишь одно Михайловское артиллерийское училище, обеспечивавшее потребность в офицерах около 25% [10], остальные либо выпускались непосредственно из пехотных военных училищ, либо переводились из пехотных частей [11]. Константиновское пехотное училище в 1894 г. было преобразовано в артиллерийское, кроме того, было расширено Михайловское артиллерийское училище, и выпуск в артиллерию из пехотных училищ значительно уменьшился [12]. Для инженерных войск офицеров готовило Николаевское инженерное училище, удовлетворявшее потребность в офицерском составе в саперных частях.

Таким образом, к началу русско-японской войны среди обер- и штаб-офицеров не было лиц, не получивших военного образования. Только среди генералов, начинавших службу в дореформенный период, в 50-е или в первой половине 60-х годов, встречались лица, у которых в графе «образование» значилось «на службе».

На протяжении рассматриваемого периода численность офицерского корпуса непрерывно возрастала. Это являлось следствием, с одной стороны, общего роста численности армии, с другой — некоторого увеличения корпуса офицеров по штатам мирного времени [13].

---

[10] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 151, л. 31—32. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1893 г.

[11] Небольшой процент юнкеров по окончании курса пехотного училища переводился в старший класс артиллерийского. Надо сказать, что юнкера, выпускавшиеся из пехотных училищ в артиллерию, получали в этой области весьма скромные познания. Только с 1888 г. юнкера, предназначенные к выпуску в артиллерию, в период лагерного сбора (перед производством в офицеры) изучали артиллерийское дело путем участия в одной подготовительной и двух учебных стрельбах (ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 26, к. 531, д. 16, л. 6—7).

[12] Однако все же имел место. Так, ген. В. Н. фон Дрейер в своих воспоминаниях «На закате империи» рассказывает, что в 1896 г. он по окончании Павловского пехотного училища был выпущен в офицеры в артиллерию (см. *В. Н. фон Дрейер.* На закате империи. Мадрид, 1965, стр. 18). В конце 90-х годов крепостная артиллерия в значительной степени пополнялась офицерами, окончившими пехотные училища (см. «Разведчик», 1900, № 493, стр. 294).

[13] Во всеподданнейших докладах по Военному министерству почти из года в год указывалось, что лучшим средством обеспечения армии офицерами на случай войны является увеличение численности их по штатам мирного времени. Это постепенно и осуществлялось. Так, по штатам 1881 г. полагалось в пехотном полку офицеров

Итак, с 1881 по 1903 г. общее число офицеров возросло с 30 768 человек [14] до 41 079 [15] человек, т. е. на 33,3% [16]. Надо при этом отметить, что число военных чиновников [17] за этот период почти не возросло. Так, в 1881 г. их численность — 9824 человека [18], а в 1903 г. — 9931 [19], т. е. увеличение составляло около 1%.

Помимо военных и юнкерских училищ, дававших систематическое образование будущим офицерам, существовали три офицерские школы (стрелковая, кавалерийская и артиллерийская), представлявшие собою своеобразные курсы повышения военной квалификации, а также военные академии, дававшие высшее военное образование.

Обратимся к офицерским школам. Офицерская стрелковая школа ставила своей задачей «подготовление капитанов [...] теоретическим и практическим путем к самостоятельному выполнению обязанностей, лежащих на батальонном командире» [20]. Продолжительность пребывания в школе — один год. В школу принималось ежегодно 160 капитанов в возрасте не старше 45 лет, прокомандовавших ротою не менее двух лет подряд. Офицерская кавалерийская школа не имела столь определенного конкретного назначения, как стрелковая. Она ставила своей задачей «совершенствовать офицеров ка-

---

в мирное время 63, военное — 79 (Приказ по военному ведомству № 243 от 30 августа 1881 г.). По штатам на 1893 г. число офицеров в мирное время увеличивалось до 70, а число офицеров на период войны сохранялось прежним (см. «Свод штатов военно-сухопутного ведомства 1893 г.», кн. 2. СПб., 1893, стр. 29).

[14] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 139, л. 10.

[15] Там же, д. 163, л. 5. Кроме того, 884 должности были вакантные, т. е., выражаясь официальной терминологией, «имелся некомплект». Надо сказать, что непосредственно в войсках состояло 774 генерала и имелось 20 вакансий, т. е. всего 794, и было 33 519 штаб- и обер-офицеров и имелось 866 офицерских вакансий, т. е. 34 385 человек. Таким образом, из 41 965 человек генералов и офицеров находилось в войсках около 84% (там же, л. 7).

[16] Подсчет автора.

[17] Медицинских и ветеринарных врачей, фельдшеров, оружейных и орудийных мастеров и различных чиновников военных управлений, не являвшихся офицерами и имевших гражданские чины и несколько иную военную форму (главным образом погоны).

[18] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 139, л. 10.

[19] Там же, д. 163, л. 5.

[20] Приказ по военному ведомству № 185 от 1898 г.

валерии в важнейших отделах кавалерийских знаний, согласно с общим ходом развития кавалерийского дела, а езды и выездки лошадей в особенности. Способствовать применению в кавалерии правил выездки и езды во всех ее видах и подготовлять руководителей для фехтования»[21]. Однако в действительности школа подготавливала эскадронных командиров. Ежегодно в нее направлялось 64 офицера (40 из полков гвардейской и армейской кавалерии и 24 от казачьих частей). Обучение в школе было рассчитано на два года. Школа состояла из двух офицерских отделов — общеармейского и казачьего[22], отдела наездников, подготавливавшего «сведущих наездников унтер-офицерского звания», «учебной кузницы для подготовки сведущих кузнецов». Наконец, третьей школой была «Офицерская артиллерийская школа стрельбы», имевшая своей задачей «подготовление старших офицеров артиллерии теоретическим и практическим путем к самостоятельному выполнению обязанностей, лежащих на батарейном командире»[23], т. е., иными словами, школа подготавливала офицеров к командованию батареей. Время пребывания в школе определялось семью месяцами и девятью днями.

Никаких других школ или курсов усовершенствования для подготовки полковых командиров, начальников дивизий, командиров корпусов не существовало. Это очень скверно отражалось на качестве высшего командного состава. «До войны (1904—1905 гг. — *П. З.*), — писал в своих воспоминаниях Деникин, — начальник, начиная с должности командира полка[24], мог пребывать спокойно с тем научным багажом, который был вынесен им когда-то из военного или юнкерского училища, мог не следить вовсе за прогрессом военной науки и никому в голову не приходило поинтересоваться его познаниями[25]. Как рассказывает в своих воспоминаниях протопресвитер[26] русской армии и флота Г. Шавельский, быв-

---

[21] Приказ по военному ведомству № 240 от 1898 г.

[22] Казачий отдел имел помимо всего перечисленного конкретную задачу — готовить командиров сотен.

[23] Приказ по военному ведомству № 82 от 1882 г.; № 15 от 1897 г.; № 113 от 1900 г.

[24] Точнее, с командира батальона.

[25] *А. И. Деникин.* Старая армия (ч. I). Париж, 1929, стр. 23.

[26] Главный священник.

ший на русско-японской войне, «в 1905—1906 гг. командующий Приамурским военным округом ген. Н. П. Леневич, увидев гаубицу, с удивлением спрашивал: что это за орудие?»[27] Тот же Леневич не умел как следует читать карты и не понимал, что такое движение поездов по графику. «А среди командиров полков и бригад, — замечает далее Шавельский, — иногда встречались полные невежды в военном деле. Военная наука не пользовалась любовью наших военных»[28].

Действительно, это было так. Интерес представляет в этом отношении история создания «Общества ревнителей военных знаний», возникшего в 90-х годах в Петербурге. Инициатором его был офицер Генерального штаба Е. Ф. Новицкий. О создании этого общества рассказывал ген. В. И. Доманевский: ««Молодой литовец»[29], окончив Академию первым с медалью в 1892 г., искал «научного подвига». Ему было мало полученных знаний [. . .]. Е. Ф. Новицкий, тогда старший адъютант штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии, организовал «вечерние бдения», на которых его единомышленники часто горячо разбирали научные вопросы не вполне разрешенные в академии. Е. Ф. Новицкого интересовала особенно военная психология»[30]. Постепенно число участников кружка увеличивалось. «Перешли к организации настоящих «докладов» с «прениями» [. . .]. О собрании начали говорить. Забеспокоилось «начальство», далеко не бывшее склонным к делу покровительства «жажды знаний» [. . .]. В результате на одном из заседаний был обнаружен агент тайной полиции.

Это обстоятельство послужило толчком к «легализации кружка»»[31]. Удалось добиться расположения к кружку начальника штаба гвардейского корпуса ген. Васмунда[32], а через него и главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа вел. кн. Владимира Александровича.

---

[27] *Г. Шавельский.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота, т. I. Нью-Йорк, 1954, стр. 98.

[28] Там же.

[29] Офицер л.-гв. Литовского полка.

[30] «Часовой», 1929, № 5—6, стр. 16.

[31] Там же.

[32] Главным ходатаем за создание Общества был командир 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии ген. Бибиков.

В 1898 г. Куропаткин утвердил устав «Общества ревнителей военных знаний», ставившего своей задачей «распространение среди офицерства военных и общих знаний» [33]. Однако многие из генералитета отнеслись к вновь созданному обществу отрицательно. Так, Ванновский, встретив ген. Бибикова, сказал ему: «Ну, батенька, счастье Ваше, что я больше не министр. Я бы ни за что не разрешил этого общества». Еще более категорично высказался начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии кн. Оболенский. «Не понимаю, — сказал он, — где Вы найдете дураков, которые будут слушать Ваши дурацкие лекции» [34]. Первоначально Общество не пользовалось популярностью и отделения его удалось организовать только в трех городах: Вильно, Минске и Риге, однако к 1905 г. число членов его достигло уже 3000 человек [35].

* * *

В качественном отношении офицерский корпус был неоднороден. Как уже говорилось выше, около 40% выпускаемых офицеров в 80-е и несколько более 50% в 90-е годы заканчивали военные училища. То были лица, имевшие среднее образование и в подавляющей своей части окончившие кадетские корпуса. Эта часть офицерского корпуса, за небольшим исключением, состояла из лиц, считавших военную службу своим призванием [36]. Другая часть офицерского корпуса заканчивала юнкерские училища.

Характеризуя состав офицерского корпуса, Куропаткин писал: «С течением времени комплектование офицерского корпуса все более затрудняется. С открытием большого числа новых путей для деятельности лиц энергичных, образованных и знающих в армию идут наряду с людьми, имеющими призвание к военной службе, также неудачники, которым не повезло на других дорогах, люди,

---

[33] «Часовой», 1929, № 5-6, стр. 16. Его принцип: «В деле науки нет «начальников» и «подчиненных». Есть только «знающие» и «незнающие»» (там же, стр. 17).

[34] Там же, стр. 16, 17.

[35] Там же, стр. 17.

[36] Лица, оканчивавшие кадетские корпуса, не были обязаны поступать в военные училища, однако число таких было невелико, составляя примерно 8—10% выпуска.

не имевшие возможности окончить даже 6 классов гимназического курса»[37]. Под последними Куропаткин имел в виду офицеров — выпускников юнкерских училищ, имевших, как правило, 4-классное образование.

Примерно также характеризует эту часть офицерства и командующий Киевским военным округом Драгомиров. В своем всеподданнейшем отчете за 1898 г. он писал: «Пехотные и кавалерийские полки получают офицеров преимущественно из юнкерских училищ. В юнкерские училища поступают в большинстве кое-как окончившие 4 класса гимназии и выдержавшие очень немудрый экзамен, которым они приобретают права вольноопределяющегося 2 разряда. Эти молодые люди — слабохарактерные, не способные к работе и недостаточно развитые; в военную службу они идут потому, что всякая другая деятельность, обеспечивающая их существование, для них закрыта. Таким взрослым неудачникам, — продолжал он, — по моему убеждению, не место в армии. Помочь делу — можно было бы увеличить для них образовательный ценз»[38]. Эта характеристика резка, как обычно все произносимое Драгомировым, и в основном правильна, однако только в основном. Действительно, с точки зрения образования эта категория офицеров была неудовлетворительна. Однако нельзя себе представлять, что все офицеры, окончившие юнкерские училища, «были слабовольными недоучками»[39]. О том, что среди офицеров, окончивших юнкерские училища, было немало толковых свидетельствует и тот факт, что некоторые из них впоследствии заканчивали даже Академию Генерального штаба[40].

Таким образом, офицерский корпус состоял из двух групп. Первая — лица, пошедшие в армию по призванию

---

[37] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 602. Всеподданнейший доклад военного министра 14 марта 1900 г., л. 43.

[38] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д 511, л. 2.

[39] Так, лица, оказавшиеся не способными выдержать бессмысленную в значительной своей степени зубрежку древних языков в классических гимназиях, естественно, оставались недоучками, но едва ли все они были людьми слабовольными и неудачниками в жизни (подробнее см. ниже, стр. 342—346).

[40] По списку Генерального штаба, на 1 января 1902 г. 67 офицеров, или 6% общего состава офицеров Генерального штаба, были выходцами из юнкерских училищ (см. «Список генералам»).

к военной службе или в силу семейной традиции. Это были офицеры, которые окончили военные училища и которых даже к концу рассматриваемого периода было немногим больше половины в офицерском корпусе. Они составляли лучшую его часть. Так, командующий Варшавским военным округом И. В. Гурко в отчете за 1892 г. писал: «За последние годы уровень как общего, так и специального образования офицеров пехоты значительно поднялся благодаря бывшим выпускам юнкеров из военных училищ по преимуществу в армейские части и образованию военно-училищных курсов при некоторых юнкерских училищах» [41]. Вторую группу составляли офицеры, окончившие юнкерские училища. Образование их было недостаточным, но среди них была небольшая часть способных и волевых людей. Однако большинство окончивших юнкерские училища действительно были неудачниками, подчас людьми слабовольными, попавшими на военную службу случайно. Надо заметить, что и из этой категории нередко выходили хорошие, толковые офицеры.

Военное министерство понимало недостатки образования большей части офицерского корпуса, так как неоднократно в своих отчетах, отмечая высокие нравственные качества офицеров, вместе с тем указывало, что «умственное [. . .] развитие признается в общем лишь удовлетворительным» [42]. Именно в силу этого, как уже отмечалось выше, предпринимались меры к поднятию образовательного уровня офицеров путем создания дополнительного общеобразовательного курса юнкерских училищ, с одной стороны, и увеличения числа военных училищ — с другой.

За рассматриваемый период значительно возросло число офицеров с высшим военным образованием, и в частности офицеров Генерального штаба. Так, на 10 ноября 1882 г. числился 661 офицер Генерального шта-

---

[41] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 329, л 18.

[42] Там же, д. 163, л. 13. Всеподданнейший доклад за 1903 г. В докладе за 1886 г. говорилось то же самое: «Относительно умственного развития офицеров отзывы не столь благоприятны, хотя, собственно, по специальному военному образованию состав корпуса офицеров признается вообще удовлетворительным» (там же, д. 146, л. 16).

ба[43], а на 1 января 1904 г. — 1232[44]. В связи с этим все руководящие должности в штабах, начиная с отдельных бригад, были замещены офицерами Генерального штаба.

Большинство офицеров Генерального штаба, занимая штабные должности, довольно быстро превращались в своеобразных канцеляристов, забывая свое основное призвание. «Научиться на «текущей» переписке, как водить войска, хотя бы мелкие, было трудно. Даже летом, в лагере, когда шло полевое обучение войск, капитан Генерального штаба корпел за своим письменным столом, составляя какие-нибудь «срочные» ведомости и донесения или ответы на пустяковые будничные запросы. Со всем этим мог справиться любой штабной офицер без высшего образования, — говорит в воспоминаниях офицер Генерального штаба Б. В. Геруа. — А между тем, — продолжает он, — несколько лет такого бумажного опыта постепенно превращали офицера, который готовился принадлежать к «мозгу армии», в рядового канцеляриста. Знания утрачивались, ум обращался к мелочам, к форме и казуистике»[45]. Об этом же говорят и другие офицеры Генерального штаба. Так, В. Н. Доманевский пишет: «Служба офицера Генерального штаба имела мало общего с его специальностью и с полученными знаниями. «Моменты»[46] очень скоро превращались в «военных чиновников»[47].

В армии офицеры Генерального штаба составляли довольно замкнутую касту, среди них было немало заносчивых людей, и в силу этого любовью строевых офицеров они не пользовались[48].

К концу рассматриваемого периода среди командиров армейских полков было немало офицеров Генерального штаба. С 1896 г. было увеличено число вакансий на должность командиров полков для лиц этой категории ($^1/_3$ ва-

---

[43] См. «Список Генерального штаба на 10 ноября 1882 г.». СПб., 1882. В числе их — 46 причисленных к Генеральному штабу по окончании Академии, но еще не включенных в состав его.

[44] См. «Список Генерального штаба на 1 января 1904 г.». СПб., 1904 г. В числе 1232 человек — 138 «причисленных к Генеральному штабу».

[45] *Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 151.

[46] Таково было прозвище офицеров Генерального штаба.

[47] «Часовой», 1929, № 5—6, стр. 15.

[48] Надо заметить, что ученые артиллеристы и инженеры, т. е. лица, окончившие Михайловскую и Николаевскую академии, держали себя иначе, не составляя никакой особенной группы.

кансий должна была заполняться офицерами Генерального штаба)[49]. На 1 мая 1903 г. из 262 командиров пехотных полков[50] имели высшее образование 78, что составляло 29,8% (76 окончили Академию Генерального штаба и 2 — Николаевскую военно-инженерную академию).

Значительное число командиров полков были офицерами гвардии (62 из 262, т. е. 23,6%), переведенными в армию со значительным служебным преимуществом. Эта мера нарушала нормальный ход продвижения по службе армейских штаб-офицеров, с одной стороны, и усиливала в армейских частях плац-парадные традиции, которые были сильны в гвардии, — с другой.

Всего на май 1903 г. в армии находилось 2668 полковников. Из них на строевых должностях было 1252, или 47%. Из числа полковников 775 человек, или 29%, имели высшее образование, а именно: 343 окончили Академию Генерального штаба, 177 — Военно-инженерную, 137 — Военно-юридическую и 118 — Артиллерийскую академию[51].

Наименее удовлетворительной частью командного состава был высший генералитет, начиная от командиров бригад. Ген. Драгомиров во всеподданнейшем отчете за 1894 г., характеризуя высший командный состав, писал: «По-прежнему не могу, к сожалению, [не] доложить [. . .], что между старшими войсковыми начальниками, начиная с бригадных командиров, все еще много таких, которые в мирное время бесполезны, а в военное будут вредны. Слабый состав высших войсковых начальников, значительную часть которых нельзя считать ни достаточно подготовленными, ни достаточно способными, на мой взгляд, требует серьезного внимания»[52].

---

[49] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 156, л. 19.

[50] Данные заимствованы из «Списка полковникам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.». СПб., 1903. Учтены командиры всех видов полевой пехоты (действующие, резервные и стрелковые полки).

[51] См. *П. Режепо*. Статистика полковников. СПб., 1903, стр. 5, 12.

[52] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 507, л. 1. Надо сказать, что отчеты Драгомирова, а также ген. Гурко резко отличаются от отчетов других командующих округами, представлявших собою стандарт, в котором отсутствовала всякая живая мысль. Так, командующий войсками С.-Петербургского военного

Интересно отметить, что из 30 характеристик генерал-лейтенантов и генерал-майоров, даваемых при ежегодной аттестации Драгомировым, 13 резко отрицательны. Эти характеристики по своей яркости и своеобразности приближаются к афоризмам. Приведем некоторые из них. Так, ген.-лейт. Домантович характеризуется следующим образом: «Был конь, да уездился»; ген.-майор кн. Путятин аттестуется одним словом: «Ненормален»; ген.-лейт. Лесовой — «Усерден, но со времени орудий нарезных первого типа не ушел вперед по части подготовки артиллерии»; ген.-лейт. Засс — «Мягок, чтобы не сказать слаб. В умственном отношении скромен»; ген.-лейт. бар. Зеделер — «Усерден, болезнен. Более претензий, нежели содержания»; ген.-майор Отфиновский — «Давно по дряхлости нуждается в покое»[53]. Ряд характеристик нельзя отнести ни к положительным, ни к отрицательным, например характеристика ген.-лейт. Зверева: «Честен, предан делу, добросовестен. Книжник. Молится на немцев. В поле теряется». Примерно к такому же типу относится характеристика ген.-майора Воинова: «Настойчив, мягок. Симпатично вкрадчив, тактичен. К нежному полу прилежен»[54]. Вместе с тем ряд аттестаций характеризует генералов с лучшей стороны — таких восемь[55].

По данным офицера Генерального штаба П. Режепо, занимавшегося статистикой офицерского корпуса, на 1 декабря 1902 г. из 1386 генералов занимали строевые должности 661 человек. Из них полных генералов 20—22% от общего числа их, генерал-лейтенантов 182—

округа вел. кн. Владимир Александрович в своем отчете за 1903 г. по поводу командного состава писал: «Все начальствующие лица находятся на высоте своего положения, прилагая всю свойственную им энергию и опыт, являются моими знающими и полезными помощниками» (там же, д. 288, л. 1). О неудовлетворительности высшего командного состава см. многочисленные воспоминания о русско-японской войне.

[53] ЦГАОР, ф. Николая II, оп. 1, д. 428, л. 1—4. Характеристики представлены в копиях, заверенных в 1909 г.

[54] Там же.

[55] Приведем несколько этих характеристик. Ген.-майор Гловацкий аттестуется следующим образом: «Хороший служака и разумный человек. Незаменим на поручениях, выходящих из заурядной рутины»; ген.-лейт. Сукин — «Исполнителен. Энергичен, знает дело отлично. Пылок не по годам», ген.-лейт. Плаксин — «Отличный начальник дивизии, будет таким же корпусным, если бог веку даст» (там же).

47% [56] и генерал-майоров 451, или 52%. По образованию лиц, окончивших военные академии, было среди полных генералов 59,6% [57], генерал-лейтенантов — 56 и генерал-майоров — 45% [58].

Обратимся к анализу высшего командного состава, занимавшего строевые должности командиров корпусов и начальников дивизий [59].

Начнем его с начальников пехотных дивизий. По образованию эти лица представляли собою следующее: окончивших Академию Генерального штаба — 23, Михайловскую артиллерийскую — 1 и Николаевскую инженерную — 2. Таким образом, лиц с высшим военным образованием было 26 [60], что составляло 56,5%. Из остальных 18 имели среднее образование (военные училища или дореформенный кадетский корпус) и двое получили военное образование «на службе», т. е. такового не имели [61]. Надо сказать, что из этих 20 человек 13 (65% их числа или 28,8% всех начальников дивизий) начинали свою службу в гвардии. Это отнюдь не всегда определялось какими-либо выдающимися способностями, а обусловливалось привилегией, существовавшей для гвардейских офицеров [62]. Вообще генералитет мог проявить свои способности на войне либо на крупных маневрах, где высшим войсковым начальникам должна была предоставляться широкая инициатива. В действительности же из-за отсутствия войн в рассматриваемый период и подобных маневров назначения на высшие командные должности определялись в большинстве своем другими обстоятельствами (отношением императора, влиянием придворного окружения и др.).

---

[56] *П. Режепо.* Статистика генералов, стр. 6.

[57] В тексте источника ошибочно 77%.

[58] См. *П. Режепо.* Статистика генералов, стр. 13.

[59] Учитываются все командиры армейских корпусов, а также начальники всех армейских дивизий общим числом 49 (45 пехотных и 4 гренадерские дивизии) (число анализируемых лиц составляет 46: 3 вакансии были не замещены).

[60] См. «Список генералам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.». СПб., 1903.

[61] См. там же. Анализ возрастного состава генералитета.

[62] Надо, однако, заметить, что среди гвардейских офицеров было немало способных людей. Из военных училищ в гвардию выходили лучшие по отметкам юнкера (при наличии, как правило, дворянского происхождения и собственных средств).

Основной порок высшего командного состава обусловливался не столько отсутствием у многих высшего образования, сколько неимением командного ценза.

Возвратимся к начальникам пехотных дивизий. Проанализируем их командный ценз [63].

Из 46 начальников пехотных дивизий вовсе не командовали [64]:

Ротами	22
Батальонами	14
Полками	8
Бригадами	13

Отсутствие достаточного строевого ценза особенно характерно для офицеров Генерального штаба [65]. Так, например, начальник 23-й дивизии ген.-майор М. С. Андреев, окончивший Академию Генерального штаба, не занимал ни одной строевой командной должности [66]; начальник 10-й пехотной дивизии ген.-лейт. Н. П. Шатилов командовал лишь батальоном в течение шести месяцев, остальное же время служил в должности начальника юнкерского училища и был директором кадетского корпуса [67]. Начальник 11-й пехотной дивизии ген.-лейт. Е. Н. Какурин не командовал ни ротой, ни батальоном, ни полком, занимая лишь должность командира бригады в течение трех лет [68].

С другой стороны, встречаются начальники дивизий, всю жизнь прослужившие в специальных родах войск. Так, начальник 19-й пехотной дивизии ген.-лейт. Марьянов [69], окончивший Николаевскую инженерную академию, находился на строевых должностях свыше восьми лет, командуя последовательно саперной ротой, саперным батальоном и саперной бригадой. Поскольку отсутствовали

---

[63] Командование в течение нескольких месяцев до полугода во внимание не принимается из-за явной недостаточности этого срока для приобретения каких-либо познаний.

[64] См. «Список генералам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.».

[65] В конце XIX столетия был введен для офицеров Генерального штаба обязательный ценз командования ротою в течение двух лет и батальонами в течение лагерного сбора.

[66] См. «Список генералам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.», стр. 395.

[67] См. там же, стр. 501.

[68] См. там же, стр. 392.

[69] См. там же, стр. 428.

какие-либо курсы переподготовки, соответствовать в этих условиях должности начальника пехотной дивизии было довольно трудно.

К тому же надо заметить, что и в процессе командования приобрести какие-либо необходимые навыки было также довольно трудно, так как отсутствовали какие-либо специальные сборы, а маневры проводились стандартно. За исключением Драгомирова, никто из командующих военными округами, а тем более военный министр в своем всеподданнейшем докладе не ставил вопроса о проведении тех или иных занятий с высшим командным составом. «Считаю долгом своим доложить, — писал Драгомиров во всеподданнейшем отчете командующего Киевским военным округом за 1893 г., — что, не обладая ни достаточно избранным, ни достаточно подготовленным составом крупных войсковых начальников, по моему искреннему убеждению, надо обратить особенное внимание на то, чтобы дать им серьезную практику, которой они лишены ныне при отсутствии прежних войсковых сборов» [70].

Такова краткая характеристика образовательного и командного ценза начальников дивизий, которая в какой-то степени дает представление об их деловых качествах.

Однако лишь в какой-то степени, имея в виду чрезвычайную сложность человеческой натуры и невозможность заключить характеристику ее в определенные статистические рамки [71].

Рассмотрим образовательный ценз высших артиллерийских строевых командиров — инспекторов артиллерии округов и корпусов. Из инспекторов артиллерии округов имело высшее артиллерийское образование всего 50%, а из числа инспекторов артиллерии гвардейского и армейских корпусов — только 28,6% [72]. Такой низкий процент

---

[70] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 506, л. 3.

[71] Нередко лица, имевшие большой командный ценз, в боевых условиях оказывались абсолютно неспособными. Бывало и наоборот. Так, А. А. Брусилов прокомандовал эскадроном четыре месяца и был начальником учебной команды около двух лет, вовсе не командуя ни батальоном, ни полком, ни бригадой, а являясь лишь командиром кавалерийской дивизии и армейского корпуса (см. «Список генералам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.», стр. 1031, и «Список генералам, составленный на 1 мая 1914 г.»).

[72] Данные составлены на основе анализа «Списка генералам, составленного на 1 мая 1903 г.».

лиц, имевших высшее артиллерийское образование, говорит о том, что большинство оканчивавших Михайловскую артиллерийскую академию избирали не строевую службу, а техническую.

Обратимся к командирам корпусов. На 1903 г. в армии было 28 армейских корпусов, следовательно, 28 корпусных командиров. Из них пять человек, или 17,9%, не окончили никакого военно-учебного заведения, получив образование «на военной службе»; у семи, или 25%, было среднее образование, а у 16, т. е. 57,1%, — высшее. Из них окончили Академию Генерального штаба 12[73], Инженерную — двое и двое — Артиллерийскую.

По командному цензу ротой и батальоном не командовали шесть человек, полком — девять и дивизией — восемь человек. Надо отметить, что отдельные командиры корпусов вообще ничем не командовали. Так, например, печально известный по русско-японской войне ген. от кавалерии А. А. Бильдерлинг командовал три месяца эскадроном и девять месяцев кавалерийским полком[74]. Командир 2-го Туркестанского армейского корпуса ген. Е. Е. Уссаковский командовал только батальоном, и всего лишь один год[75]. Командир 10-го армейского корпуса ген.-лейт. К. К. Случевский в течение всей своей службы не командовал никакими общевойсковыми подразделениями, частями и соединениями, последовательно занимая посты командира саперной роты, саперного батальона и саперной бригады и не имея при этом даже общевойскового образования[76]. То же можно сказать и

[73] См. «Список генералам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.».

[74] См. там же, стр. 135. С 1878 по 1890 г. он был начальником Николаевского артиллерийского училища, а затем последующие 14 лет служил в Главном штабе.

[75] См. «Список генералам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.», стр. 385.

[76] См. там же, стр. 271. Это, естественно, не могло не сказаться во время войны. Представитель германской армии на театре военных действий в период русско-японской войны бар. фон Теттау так характеризует Случевского: «. . .ему в особенности свойственен был недостаток *прилипать к позициям* [. . .]. Дело в том, что ген. Случевский всю свою службу провел в инженерных войсках, пехотной дивизией никогда не командовал и поэтому питал особенную слабость ко всяким укрепленным позициям [. . .]. Картина наступательного боя, поддерживаемого огнем, для ген. Случевского была совершенно непонятна; в его представлении даже наступательный бой должен

о командире 1-го Туркестанского корпуса ген.-лейт. Д. А. Топорнине, окончившем Михайловское артиллерийское училище и командовавшем в течение всей своей жизни артиллерийскими частями: батареей, дивизионом и артиллерийской бригадой [77]. Среди корпусных командиров были также лица, которые командовали только кавалерийскими частями: командир 5-го армейского корпуса ген.-лейт. Н. М. Вонлярлярский [78], 13-го армейского корпуса ген. от кавалерии А. М. Ребиндер [79], 14-го армейского корпуса ген.-лейт. Р. А. Хрещатицкий [80]; наконец, командир 16-го армейского корпуса ген.-лейт. М. Ф. Ореус [81] не командовал никакими пехотными частями, занимая посты командиров конных батарей, кавалерийского полка и артиллерийской бригады.

Если учесть, как уже говорилось выше, что не было какой-либо переподготовки, а также весьма почтенный возраст этих командиров, то картина будет далеко не отрадной. Самым существенным недостатком было отсутствие в командном составе какой бы то ни было инициативы, что являлось наиболее пагубным для командира свойством. «Русская армия воспитана в отсутствии самодеятельности и личного почина, — писал в своих воспоминаниях барон фон Теттау, — начальники привыкли к постоянной опеке, поэтому для самостоятельной мысли и инициативы нет места. Вспоминаю об инструкциях и приказаниях в одном из военных округов, в котором самостоятельность начальников была совершенно изгнана» [82]. К сожалению, это было «не в одном из военных округов», а во всех, кроме Киевского и Варшавского, где командующими войсками были генералы М. И. Драгомиров и И. В. Гурко.

Переводчик цитированной выше книги, командир пехотного полка во время русско-японской войны, полк.

был вестись из-за закрытия» («Куропаткин и его помощники. Воспоминания барона фон Теттау, состоявшего во время войны при русской армии». Пер. с нем. М. Грулева. СПб., 1913, стр. 358).

[77] См. «Список генералам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.», стр. 313.

[78] См. там же, стр. 235.

[79] См. там же, стр. 108.

[80] См. там же, стр. 190.

[81] См. там же, стр. 281.

[82] «Куропаткин и его помощники. Воспоминания барона фон Теттау», стр. VII—VIII.

М. В. Грулев, в предисловии к ней писал: «. . .отсутствие инициативы и самодеятельности, пассивная роль нашего командного состава, полагавшего возможным руководить войсками в бою только на основании нехитрого кодекса «слушаю» и «как прикажете», — кто не сознавал у нас этого недуга задолго еще до злосчастной войны?» [83]

Таким образом, наиболее слабой частью офицерского корпуса было его высшее звено — генералитет. На него в большей мере, чем на другую часть офицерства, давила обстановка политической реакции и бездумья, характеризовавшая 80—90-е годы. Это с одной стороны. С другой — плац-парадные николаевские традиции, не изжитые в армии и в период милютинских реформ, они в эти годы снова получают большое распространение, что в первую очередь оказывало влияние на высший командный состав.

Наименее благополучной частью командного состава были командующие войсками военных округов. Назначение на эту должность определялось далеко не военными способностями, а в большинстве случаев личными симпатиями царя, камарильи и т. д. Чем можно, например, объяснить назначение в 1901 г. командующим войсками Варшавского военного округа, округа, самого ответственного в военном отношении, 72-летнего старца ген. М. И. Черткова, в течение последних 20 лет находившегося не у дел и проживавшего в своем имении [84]. Характеризуя Черткова, его начальник штаба ген. Гершельман писал: «Он действительно был совершенно не освоен с современным состоянием военного дела вообще, а тем более с вопросами обороны границ, стратегическими соображениями в смысле мобилизации и сосредоточения армий, развертывания и взаимодействия их, выработки планов действий, крепостными вопросами. Во всем этом он не имел своего взгляда, доверяя тому, что ему доказывали, и не давал никаких указаний» [85]. Ответить на вопрос, почему Чертков стоял во главе Варшавского округа, руководствуясь здравым смыслом, трудно.

---

[83] Там же, стр. XV.

[84] Анализируя служебный путь Черткова, видим, что, собственно, с 1861 г. он занимал губернаторские и генерал-губернаторские должности, совмещая последнюю в течение трех лет (1878—1881 гг.) с должностью командующего войсками Киевского военного округа.

[85] *Ф. К. Гершельман.* Воспоминания пережитого, ч. IX, стр. 31.

Этот пример был далеко не единственным. Так, в 80-е и 90-е годы командующими войсками Московского военного округа были поочередно старцы Бреверн де Лягарди и Костанда, по своей дряхлости уже не способные ни к какому руководству войсками. Ф. К. Гершельман, бывший в те годы начальником Тверского кавалерийского юнкерского училища, рассказывая о Ходынских лагерях, куда приходило его училище, и вспоминая о Костанде, пишет: «Старик Костанда не мог уже принимать участие в полевых занятиях войск [. . .]. В общем во время командования войсками Костанды московский лагерь как-то заснул. Внимание больше уделялось церковным церемониям. В лагерь не раз приезжал митрополит, причем Костанда приказывал офицерам Сумского полка сопровождать его верхом от Москвы и обратно» [86].

Таким образом, в назначении высшего командного состава далеко не всегда руководствовались деловыми качествами.

* * *

Исследуем возрастной состав офицерского корпуса. Одной из особенностей русской армии рассматриваемого периода являлось крайне замедленное чинопроизводство, особенно в основном роде войск — армейской пехоте. Как правило, служба в обер-офицерских чинах продолжалась 25—30, а в отдельных случаях и более лет [87]. Командование ротами длилось нередко более 10 и даже 20 лет [88].

---

[86] Там же, ч. V, стр. 130.

[87] См. «Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен на 15 марта 1903 г.», ч. I—II. СПб., 1903. Так, капитан 5-го пехотного Калужского полка П. И. Иванов находился в обер-офицерских чинах 36 лет (см. там же, ч. I, стр. 170).

[88] Даже среди командиров полков — категории, наиболее благополучной с точки зрения чинопроизводства, — были лица, командовавшие ротами весьма длительное время. Так, командир Порт-Артурского крепостного полка полк. А. К. Селлинен прокомандовал ротой 18 лет 4 месяца (см. «Список полковникам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.», стр. 493). Командир 16-го стрелкового полка полк. И. Г. Моторный командовал ротой $16^1/_2$ лет (см. там же, стр. 424). Подобные примеры не единичны. Командование батальонами продолжалось также долго, правда, несколько менее продолжительно, чем ротами. Однако известен факт, когда командир 196-го резервного Заславского полка Н. П. Красинский прокомандовал батальоном 16 лет и 8 месяцев (см. там же, стр. 486). Таким образом, чинопроизводство даже в обер-офицерских чинах проходило очень медленно.

Дабы составить представление о возрастном составе офицеров дивизии в целом, приведем данные, опубликованные в журнале «Военный сборник» в 1892 г. в статье «Данные о возрастном составе одной из армейских пехотных дивизий». К 1 января 1892 г. в дивизии было 25 штаб-офицеров и 266 обер-офицеров. Возрастной состав их характеризовался следующими данными[89].

Средний возраст офицерского состава

Полковники от 45 до 54 лет	50
Подполковники от 40 до 55 лет	45
Капитаны от 34 до 55 лет	42
Штабс-капитаны от 30 до 50 лет	38
Поручики от 23 до 41 года	30
Подпоручики от 19 до 30 лет	25

При этом продолжительность пребывания офицеров этой дивизии в последнем чине была (в среднем):

Полковники	от 7 до 14 лет
Подполковники	7 лет
Капитаны	15 лет
Штабс-капитаны	12 лет
Поручики	8 лет
Подпоручики	4 года

4452[90] капитана армейской пехоты, состоявшие в строевых частях (полках и отдельных батальонах), т. е. являвшиеся командирами рот[91], по возрасту распределялись:

А. И. Куропаткин в своем дневнике за 1902 г. рассказывает, что в связи с 25-летием русско-турецкой войны были произведены в подполковники «140 заслуженных капитанов, наиболее отличившихся в прошлую войну» (см. «Красный архив», т. 2, 1922, стр. 10). Таким образом, эти «наиболее отличившиеся» на войне офицеры пробыли в обер-офицерских чинах 25 и более лет.

[89] См. «Военный сборник», 1892, № 6, стр. 361—362. Один подполковник в возрасте 33 лет и один поручик 55 лет в расчет не приняты.

[90] См. «Список капитанам армейской пехоты. Составлен на 1 января 1903 г.». СПб., 1903.

[91] Среди них имелось некоторое число капитанов, заведовавших хозяйством в отдельных батальонах. По штатам 1893 г. эту должность занимал капитан. Общее число этих отдельных батальонов равнялось 130. Это составляет около 3% рассматриваемого числа капитанов. По данным, хранящимся в фонде Куропаткина, 65% капитанов не имели возможности получить штаб-офицерский чин и должны были быть уволены в отставку по достижении предельного возраста (ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 5294, л. 8).

Возраст	Количество	%
От 26 до 30 лет	5	0,1
» 31 » 35 »	92	2,1
» 36 » 40 »	976	22
» 41 » 45 »	1 918	43
» 46 » 50 »	1 230	27,6
» 51 » 55 »	228	5,1
» 56 » 60 »	3	0,06

Итак, почти одна треть, около 32,7%, лиц имели возраст свыше 46 лет и 77,7% — свыше 41 года. Так было в среднем. В отдельных же частях состав ротных командиров был еще более пожилым. Об этом рассказывает Е. И. Мартынов[92] в своей книге «Воспоминания о японской войне командира пехотного полка». «Офицерский состав, — пишет он, — был очень старый. Средний возраст штаб-офицеров составлял около 50 лет, средний возраст ротных командиров — 46 лет, причем семь ротных командиров были в возрасте около 50 лет и даже более»[93].

Объяснялось подобное положение прежде всего тем, что возможностей для получения штаб-офицерского чина вследствие ограниченности соответствующих должностей было немного (в полку было 17 рот, следовательно, 17 капитанов; четыре батальона, т. е. четыре подполковника, плюс пятый — заведующий хозяйством полка). Эти естественные причины усугублялись еще целым рядом обстоятельств: сравнительно медленным увеличением численности армии[94], увеличением числа офицеров

[92] Командир 140-го пехотного Зарайского полка.

[93] *Е. И. Мартынов*. Воспоминания о японской войне командира пехотного полка, стр. 24. Продвижение по службе в артиллерии было более быстрым, чем в пехоте. Здесь на одну штаб-офицерскую должность приходилось 5 обер-офицеров, а в пехоте — 10 (см. «Разведчик», 1899, № 455, стр. 528). Батарею большинство артиллерийских офицеров получало на 23—25-м году службы. Это означало, что в 42—45 лет артиллерийский офицер становился подполковником, большинство же капитанов в пехоте, как указывалось выше, вовсе не достигали этого чина, а если достигали, то в среднем не ранее 50 лет.

[94] С 1881 по 1903 г. общая численность армии увеличилась на 22,2%, а офицерского корпуса — на 33,5% (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 138, л. 5 и д. 163, л. 5).

против штатов мирного времени, а также тем обстоятельством, что на высших ступенях служебной лестницы (начиная от командиров полков) дальнейшее продвижение по службе в значительной степени преграждалось офицерами Генерального штаба (что было совершенно естественно) и гвардейскими офицерами (последнее едва ли могло быть справедливым).

Так, по данным на 1 сентября 1900 г.[95], из 253 командиров полков 50 окончили Академию Генерального штаба и 71, или 28%, перешли из гвардии в армию с повышением в чине. Соответственно всему этому и возраст назначенных командирами полка был весьма различен:

Возраст	Армейские офицеры		Офицеры Генерального штаба		Гвардейцы	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%
До 40 лет			5	10		
От 41 до 45 лет	5	3,8	30	60	22	31
» 46 » 50 »	62	47	12	24	38	53,6
» 51 » 55 »	60	45,4	3	6	11	15,4
» 56 » 60 »	5	3,8				
	132		50		71	

Следовательно, пехотные армейские офицеры, за небольшим исключением, получали полк после 46 лет, а половина их — старше 50, в то время как свыше 70% офицеров Генерального штаба становились полковыми командирами до 45 лет. Офицеры, перешедшие из гвардии, по сравнению с армейскими получали полк в более молодом возрасте.

Примерно такое же положение было и в кавалерии. Среди 302 ротмистров армейской кавалерии, проходивших службу в армейских драгунских полках, т. е. являвшихся командирами эскадронов, было[96]:

От 30 до 35 лет	12
» 36 » 40 »	128
» 41 » 45 »	126
» 46 » 50 »	34
Свыше 50 лет	2

[95] См. «Список полковникам по старшинству. Составлен на 1 сентября 1900 г.». СПб., 1900.

[96] См. «Список ротмистрам армейской кавалерии по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.». СПб., 1903.

Свыше 95% всех командиров эскадронов были в возрасте свыше 35 лет. Продолжительность командования эскадроном была различна. Так, анализируя прохождение службы командирами кавалерийских полков, мы встречаем командира 37-го драгунского Военного ордена полка К. Я. Зандера[97], прокомандовавшего эскадроном 15 лет и 2 месяца; командира 50-го драгунского Иркутского полка М. М. Мезенцова[98], бывшего командиром эскадрона 14 лет и 7 месяцев. По-видимому, командовали эскадронами и еще более длительный срок, так как указанные лица, дослужившиеся до командиров полков, в смысле продвижения по службе не принадлежали к неудачникам. Вместе с тем мы встречаем и другое: так, командир 44-го Нижегородского полка кн. А. И. Багратион-Мухранский[99] командовал эскадроном всего лишь 2 года и 1 месяц.

Среди 54 командиров армейских кавалерийских драгунских полков было окончивших Академию Генерального штаба 11, пришедших из гвардии 9 (не считая гвардейцев, причисленных к Генеральному штабу).

Из командиров этих полков, состоявших на 1 мая 1903 г., получили эту должность[100]:

Возраст	Армейские офицеры	Перешедшие из гвардии	Офицеры Генерального штаба
До 40 лет	1	1	1
От 41 до 45 лет	6	4	10
» 46 » 50 »	18	4	—
» 51 » 53 »	9	—	—

Таким образом, кавалерийские офицеры получали должности командиров полков в более раннем возрасте[101].

[97] См. «Список полковникам по старшинству. Составлен на 1 мая 1903 г.», стр. 428.

[98] См. там же, стр. 207.

[99] См. там же, стр. 110.

[100] См. там же. Приводятся данные о 54 полковниках. Возраст двух не указан.

[101] Среди командиров полков — армейских офицеров было 14 награжденных иностранными орденами, что говорило в большинстве случаев об известном привилегированном их положении (среди них были адъютант военного министра, состоявший в прошлом для осо-

Обратимся к генералитету. По данным П. Режепо, на конец 1902 г. средний возраст генералов (или, как их именовали в просторечье, полных генералов) составлял 69,8 лет с колебаниями от 55 до 92 лет; генерал-лейтенантов — 61,8 с колебаниями в пределах от 45 до 85 лет. Возраст генерал-майоров колебался от 42 до 80 лет[102].

Проанализируем возрастной состав начальников дивизий (45 пехотных и 4 гренадерские)[103]. На 1 мая 1903 г. мы имеем следующее:

От 41 до 46 лет	1 (вел. кн. Николай Михайлович)
» 46 » 50 »	—
» 51 » 55 »	9
» 56 » 60 »	20
» 61 » 65 »	14
» 66 » 70 »	2

78,3% всех начальников дивизий были старше 56 лет, а 34,8% — старше 61 года.

Обратимся к командирам корпусов. Из 28 командиров армейских корпусов было[104]:

От 51 до 55 лет	1
» 56 » 60 »	8
» 61 » 65 »	14
» 66 » 70 »	4
Свыше 75 лет	1

Итак, 67,8% всех корпусных командиров были в возрасте свыше 61 года.

Следовательно, возрастной состав офицерского корпуса, начиная от командиров рот и эскадронов, был далеко не молодым, что крайне скверно отражалось на его качестве.

А. Ф. Редигер в своих воспоминаниях рассказывает, как «в 1896 г., на коронации государя, около 20 полко-

---

бых поручений при военном министре, два командира жандармских полевых эскадронов). Надо заметить, что почти все указанные командиры полков занимали эту должность от нескольких месяцев до трех лет (47 человек).

[102] См. *П. Режепо.* Статистика генералов, стр. 6.

[103] Не считая гвардии. При этом общее число анализируемых лиц составляет 46. В трех дивизиях вакансии не были заполнены.

[104] См. «Список генералам. Составлен на 1 мая 1903 г.».

вых командиров, прослуживших в чине полковника [не менее] 16 лет, были произведены в генералы с оставлением в должностях. Такой застой, — замечал Редигер, — давал армии престарелых вождей, едва терпимых в мирное и вовсе негодных в военное время»[105]. Подобное положение, естественно, требовало принятия каких-либо мер. В силу этого командующим Киевским военным округом ген. Драгомировым во всеподданнейшем отчете за 1897 г. был поставлен вопрос о введении предельного возраста. «Введение предельного возраста, при соответствующем обеспечении увольняемых, считаю мерою, необходимой для улучшения состава начальствующих лиц [. . .]. Благодаря отсутствию предельного возраста встречаются бригадные командиры в возрасте от 65 до 72 лет, а командиры полков — в возрасте 62—63 лет»[106]. По мнению Драгомирова, для начальников дивизий и инспекторов артиллерии округов и корпусов предельный возраст нужно было установить 70 лет, для командиров бригад — 65, а для командиров полков и артиллерийских дивизионов — 62 года[107].

В соответствии с этим предложением в 1899 г. были выработаны «Временные правила о предельном возрастном цензе для состоящих на службе генералов, штаб- и обер-офицеров. . .». Эти правила устанавливали для командиров корпусов предельный возраст 67 лет, начальников дивизий — 63, командиров полков пехотных и отдельных батальонов — 58, кавалерийских — 56, строевых обер-офицеров — 53 года[108]. Однако эта мера не принесла каких-либо существенных изменений, и число уволенных по достижении предельного возраста было невелико.

В связи с медленностью чинопроизводства были осуществлены в этой области некоторые изменения, не принесшие, впрочем, каких-либо серьезных изменений.

В 1900 г. были разработаны новые правила производства обер-офицеров[109]. Согласно этим правилам, подпоручик производился в поручики, а поручик в штабс-капи-

---

[105] ЦГВИА, ф. Редигера, д. 3, л. 269.

[106] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 510, л. 4—5.

[107] Там же.

[108] См. *В. П Зайцев.* Руководство для адъютантов, изд. 9. СПб., 1904, стр. 452—453

[109] См. Приказ по военному ведомству № 145 от 1900 г.

таны, прослужив в соответствующем чине четыре года. Однако производство в капитаны обусловливалось только наличием вакансии, соответствующей этому чину (в пехоте — командир роты или заведующий хозяйством отдельного батальона). Исключение предоставлялось офицерам за боевые отличия, получившим чин вне зависимости от имеющейся вакансии. Собственно, изданные правила вносили новое только в отношении производства поручиков в штабс-капитаны, так как подпоручики и ранее производились в следующий чин, прослужив четыре года [110]. Еще в 1896 г. были разработаны и утверждены правила о производстве в штаб-офицерские чины [111]. По этим правилам «50% всех вакансий замещается производимыми по старшинству» [112] и «50% [. . .] по избранию начальства, причем из числа сих последних выделяется 10% их числа для представляемых к производству «за особые отличия» (вне правил) [113]; 20% для капитанов, кончивших (по 1-му и 2-му разряду) курс высшего военного образования в старшем классе одной из военных академий [. . .], остальные 70% для капитанов, представленных к производству по избранию» [114].

Для производства подполковников в полковники принцип старшинства уже не играл роли, так как по закону «производство подполковников армейских пехотных и кавалерийских войск в полковники совершается за отличие по службе выбором достойнейших и способнейших подполковников и *не иначе как на вакансии*» [115].

Таким образом, начиная с производства в капитаны,

[110] Производство поручиков в штабс-капитаны ранее осуществлялось тремя способами: на вакансию, за отличие по службе и по выслуге, т. е. по старшинству. Новые правила предусматривали при условии неравномерности открытия вакансий капитанской должности возможность перевода из одной части в другую в пределах корпуса, а в исключительных случаях — округа, так как «производство в капитаны (ротмистры) совершается по вакансии по каждой отдельной строевой части» (ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 75/678, 4-е отд., 1-й стол, 1899 г., д. 212, л. 61).

[111] См. Приказ по военному ведомству № 187 от 21 июля 1896 г.

[112] Там же.

[113] Для строевых капитанов только за боевые отличия.

[114] См. приказ по военному ведомству № 187 от 21 июля 1896 г.

[115] Цит. по кн.: *В. И. Зайцев.* Руководство для адъютантов, стр. 216. Для артиллерии производство в полковники осуществлялось по этому же принципу. Гвардейские же капитаны производились в полковники (чин подполковника, как уже указывалось, в гвардии отсутствовал) по старшинству.

принцип старшинства постепенно терял свое значение, а главную роль играла аттестация, а мера эта, казалось бы, не могла не иметь положительного значения [116].

В 1898 г. были изданы особые правила для производства в чины георгиевских кавалеров, число которых было ничтожно [117].

По этим правилам строевые капитаны — георгиевские кавалеры производились в чин подполковника «на тех же основаниях, какие предоставлены капитанам, окончившим курс Николаевской академии Генерального штаба, по прослужении в настоящем чине не менее трех лет и с тем, что если при вакансионном общем производстве не окажется штаб-офицерских вакансий, то лица сии удостаивались бы к производству в подполковники сверх комплекта» [118]. Производство подполковников в полковники также осуществлялось на льготных условиях. Подполковники, служившие в строевых частях, в случае положительной аттестации их начальством производились «в полковники вне нормы наград, если они выслужили к 26 ноября (празднику георгиевских кавалеров. — *П. З.*) 4 года в настоящем чине, приравняв сих штаб-офицеров по производству в чины к подполковникам Генерального штаба без соблюдения требований закона относительно возраста» [119].

[116] Однако аттестации часто не соответствовали истине. «Аттестации мирного времени, — писал Куропаткин, — во многом оказывались несоответствующими при боевом испытании. Начальники, которые проходили службу всюду с отметками «выдающийся», «вне очереди», на боевом поле по физическим и духовным качествам не выдерживали боевого испытания. Наоборот, проходившие служебный путь незамеченными в боевой обстановке неожиданно развертывали свои глубокие духовные силы, обнаруживали выдающиеся военные качества. К числу последних принадлежит и незабвенный герой Порт-Артура генерал Кондратенко («Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина», т. IV. Варшава, 1906, стр. 198). Справедливость требует сказать, что подобные просчеты бывали всегда. Надо еще раз повторить, что назначения на высшие командные должности производились «по высочайшему усмотрению».

[117] К этому времени георгиевских кавалеров в армии было всего 188 человек, или 0,47% офицерского корпуса. Из них 2-й степени — 3, 3-й — 16, 4-й — 169 (см. всеподданнейший доклад военного министра от 14 ноября 1898 г. — ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 72/675, 4-е отд., 2-й стол, д. 197, л. 34—38).

[118] Там же, л. 106.

[119] Там же. Эти правила предусматривали также льготные условия для получения должности командира полка или отдельных батальонов.

* * *

Обратимся к вопросу о национальном составе офицерского корпуса. Выяснение этого вопроса представляет некоторые трудности, так как в дореволюционной России, как известно, в анкетных документах графа «Национальная принадлежность» отсутствовала. В силу этого для решения вопроса о национальном происхождении приходится руководствоваться данными графы «Вероисповедание» [120].

Дополнительная трудность состоит также в том, что обобщенных данных о религиозной принадлежности офицерского корпуса или даже отдельных категорий офицерства нет. В силу этого я анализирую списки офицеров трех групп чинов офицерского корпуса: капитанов армейской пехоты, полковников всех родов войск и генералов всех рангов — в общей сложности около 8500 офице-

---

[120] Это почти с исчерпывающей точностью дает возможность установить национальную принадлежность для большинства представителей тех или иных народов. Так, русские (в дореволюционном понимании этого слова: великороссы, украинцы, белорусы), а также грузины (последние легко определяются по фамилиям) — православные. Немцы — лютеране, за очень редким исключением, так как прибалтийские немцы, из которых рекрутировались офицерские кадры российской армии, — сплошь протестанты. Поляки же, опять-таки за очень редким исключением, — католики. Армяне определялись по принадлежности к армяно-грегорианскому вероисповеданию. Сложнее с магометанами, среди которых были представители различных народов. Наибольшую трудность представляет собой определение национальности лиц, принадлежавших к православному вероисповеданию, но носящих немецкие или польские фамилии, а иногда и отчества. В данном случае я отношу их к русским, так как критерий отбора здесь совершенно неясен. Что представляет собою это лицо: русского с иностранной фамилией или немца или поляка, числящегося православным? Наибольшее число таких лиц относится к офицерам с немецкими фамилиями. Это надо иметь в виду при определении окончательного процента лиц немецкой национальности. С другой стороны, среди офицеров и генералов с немецкими фамилиями и лютеранским вероисповеданием встречаются шведы, национальность которых, по-видимому, не всегда удавалось установить. В качестве примера приведем ген. Гриппенберга, который по национальности был швед.

Однако подобных случаев настолько мало, что это не может иметь какого-либо существенного значения. Наконец, в заключение данного вопроса надо сказать, что к лютеранам мы причисляем все направления протестантизма (кроме принадлежащих к англиканской церкви) — лютеранского, евангелически-лютеранского, евангелически-реформатского и реформатского.

ров, что составляет несколько более 20% общей численности офицерского корпуса[121].

Обратимся к анализу первого списка — «Списка капитанам армейской пехоты по старшинству»[122]. По этому списку числится 4636 капитанов, однако у 382 не обозначена религиозная принадлежность, вследствие чего анализируются данные о 4254 лицах. Из них:

	Число	%
Католиков (поляков)	549	12,9
Лютеран (немцев)	180	4,24
Магометан	38	0,89
Армян	48	1,13
Грузин	63	1,48
Караимов	1	0,02

Итак, лиц нерусской национальности — 879 человек, или 20,66%, русских (в дореволюционном понимании этого слова) — около 80%.

Национальный состав полковников несколько иной. Из 2679 лиц, помещенных в «Списке полковникам по старшинству»[123]:

	Число	%
Католиков (поляков)	160	5,9
Лютеран (немцев)	198	7,3
Магометан	20	0,7
Грузин	17	0,63
Армян	9	0,33
Прочих *	1	0,05**

* Принадлежащих к англиканской церкви.

** Данные П. Режепо в его книге «Статистика полковников» (стр. 19) несколько иные: лютеран — 8%, католиков — 6,1, магометан — 1%.

[121] Все данные приводятся на 1903 г., последний год исследуемого мною периода.

[122] См. «Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен на 15 марта 1903 г.», ч. I, II. СПб., 1903.

[123] См. «Список полковникам по старшинству. Составлен на 15 мая 1903 г.». СПб., 1903.

Следовательно, процент русских здесь несколько увеличивается, примерно на 5,5%. Вместе с тем падает более чем вдвое процент католиков и увеличивается более чем на 60% число лютеран.

Данные о генералах всех рангов следующие. Всего в «Списке генералам по старшинству» помещено 1476 лиц, из них 8 — представители иностранных царствующих фамилий, числящиеся шефами полков. Следовательно, анализируются данные о 1468 лицах.

Из них *:

	Число	%
Лютеран (немцев)	151	10,3
Католиков (поляков)	55	3,8
Магометан	9	0,6
Грузин	5	0,3
Армян	6	0,4
Шведов	2	0,1

* См. «Список генералам по старшинству составлен на 1 мая 1903 г». Данные Режепо на основе этого списка несколько иные: генералов лютеран — 16%, католиков — 2,3; генерал-лейтенантов лютеран — 12, католиков — 4,4; генерал-майоров лютеран — 8,9, католиков — 3,1% (см. *П. Режепо.* Статистика генералов, стр. 20).

Следовательно, среди генералов представителей нерусских национальностей 15,5%.

Наконец, проанализируем отдельно состав полных генералов, которых было 136. Четыре представителя иностранных владетельных фамилий в расчет не принимаются. Из 132 человек:

	Число	%
Лютеран (немцев)	20	14,7
Католиков (поляков)	5	3,6
Грузин	3	1,5
Армян	1	0,6
Шведов	1	0,6

Процент нерусских здесь увеличивается, составляя 21.

Итак, процент нерусских в офицерском корпусе колеблется для различных анализируемых категорий от 15 почти до 21. Резко возрастает процент лютеран — от 4,2% среди капитанов до 14,7% среди полных генералов. Если к тому же учесть, что среди этой категории мы встречаем православных с фамилиями фон дер Лауниц, бар. Мейендорф, Бильдерлинг, Цеймер и др.[124], то фактический процент немцев будет еще более высоким. Вместе с тем резко падает в обратной пропорции процент католиков, т. е. поляков. То и другое имеет свои причины.

Высокий процент немцев среди генералитета объяснялся, с одной стороны, исконными симпатиями императорской фамилии к немцам, а особенно к остзейскому дворянству с времен Павла I и Александра I. Исключение представлял лишь Александр III, как известно, не жаловавший немцев. С другой стороны, была еще весьма серьезная причина: значительное число офицеров немецкой национальности имело высшее военное образование. Так, на 1 января 1902 г., согласно «Списку Генерального штаба», из 348 генералов, окончивших Академию Генерального штаба, 44, или 12,6%, были лютеранами[125].

Отношение к полякам было иным еще со времени восстания 1863 г. Уже в 1864, 1865 и 1874 гг. были введены ограничения для лиц польской национальности. Надо сказать, что это касалось не только поляков, но и «лиц всех прочих исповеданий, женатых на католичках польской национальности»[126]. Эти ограничения распространялись и на всех русских офицеров, женатых на польках. Согласно данным ограничениям, общее число лиц данной категории не должно было превышать 20% в гвардейских и армейских пехотных полках, кроме Варшавского военного округа, крепостей Европейской России и Кавказа[127], где вовсе запрещалось пребывание офицеров польской национальности, а точнее, «католиков, уроженцев Царства Польского, западных и юго-западных губер-

---

[124] Многие из них имели и лютеранские отчества.

[125] См. «Список Генерального штаба». СПб., 1902, стр. 1—110, 342—352.

[126] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 69/672, 4-е отд., 3-й стол, 1888 г., д. 182. «Об иноверцах в войсках: в военных управлениях, заведениях и учреждениях», л. 1.

[127] Там же, л. 1—2. Это касалось и военных врачей, чиновников и вольноопределяющихся.

ний»[128]. Полякам запрещалась также служба в ряде частей инженерных войск и в постоянном составе военно-учебных заведений. По существу поляки были лишены возможности получать высшее военное образование. Еще с 1864 г. прием их в Академию Генерального штаба практически был прекращен. Не принимались они также и в Военно-юридическую академию. В Михайловскую артиллерийскую и Николаевскую инженерную академии разрешалось принимать только по одному поляку на курс[129].

В 1888 г. была издана секретная инструкция «Расписание войск, военных управлений, заведений и учреждений с показанием допускаемого в составе их числа офицеров, классных медицинских чиновников и немедицинских чиновников и вольноопределяющихся, принадлежащих к иноверческому населению»[130]. В этой инструкции сохранялись все существовавшие ограничения для поляков, но вводились и некоторые новые, в частности запрещение находиться на службе в штабах корпусов. Кроме того, сохранялись, а также вводились вновь ограничения для других национальностей. Так, в войсках, расположенных в прибалтийских губерниях, могло быть не более 20% уроженцев этих местностей — «немцев, латышей, эстонцев, шведов, рассчитывая их вместе, общим числом»[131]. Финнам разрешалось служить офицерами только в Финляндии, в финских войсках. Ограничивалось 20% число офицеров-армян в Кавказском военном округе. Общее число «иноверцев» в войсках не должно было превышать 30%[132]. Евреи не допускались вовсе в состав

---

[128] Там же.

[129] Там же, л. 3—4.

[130] Там же, л. 1—8.

[131] Там же, л. 6.

[132] Следует отметить, что в Кавказском корпусе процент офицеров нерусской национальности был очень велик вследствие того, что грузины, как православные, никаким ограничениям там не подвергались. Как писал вел. кн. Николай Михайлович, являвшийся начальником кавказской гренадерской дивизии, военному министру Ванновскому, в 43-м драгунском полку среди офицеров было всего 7 русских. «У нас в гренадерской дивизии на 24 штаб-офицера половина туземцев или полутуземцев, т. е. матери туземки. Это результат, — замечает он, — постепенный за время управления корпусом кн. З. Чавчавадзе и особенно теперь при кн. Амилахвари» (ЦГАОР, ф. вел. кн. Николая Михайловича, д. 133, л. 1—2).

офицерского корпуса[133]. Собственно, вопрос о допущении евреев в состав офицерского корпуса был решен положительно в 1874 г., в период подготовки закона о воинской повинности. Вопреки мнению Комиссии о воинской повинности Особое присутствие Государственного совета во главе с его председателем вел. кн. Константином Николаевичем признало необходимым предоставить евреям право быть офицерами, мотивируя это тем, что «если на поприще этом (т. е. гражданской службы. — *П. З.*) они могут достигать высших ступеней служебной иерархии, то едва ли представляется какое-либо основание стеснять их в получении офицерского чина. Такая мера была бы тем более несправедлива, — говорилось в решении Государственного совета, — что по дарованию и умственному развитию, коими бесспорно обладают евреи, от привлечения их в армию можно ожидать только пользы»[134]. Однако в действительности практического значения это почти вовсе не имело. Уже в декабре 1875 г. последовало «высочайшее повеление» о запрещении «вольноопределяющихся и вообще нижних чинов еврейского закона» допускать в военные и юнкерские училища[135], а для получения офицерского звания они должны были сдавать экстерном экзамены при этих училищах. Это, естественно, сильно усложняло возможность получения офицерского звания[136]. По справке, составленной в Главном штабе в декабре 1886 г., за все время были произведены в офи-

---

[133] Это касалось собственно евреев, исповедовавших иудейскую религию, так как в исследуемый мною период никаких ограничений для евреев христиан не существовало. Заметим, что караимы, исповедовавшие религию, являвшуюся одной из разновидностей иудейства, не подвергались почти никаким ограничениям. Число их, включая военных чиновников и военных врачей, лишь не должно было превышать 20% общего офицерского состава части.

[134] *П. А. Зайончковский.* Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952, стр. 324. Подробнее об этом вопросе см. там же, стр. 309—310, 323.

[135] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 68/671, 4-е отд., 1-й стол, д. 998, л. 14.

[136] Генерального штаба ген.-майор Грулев в своих воспоминаниях («Записки генерала-еврея») рассказывает, как в 1878 г. он был направлен из полка в Виленское юнкерское училище для сдачи вступительных экзаменов, но был возвращен в полк в связи с его иудейским вероисповеданием, однако он вскоре поступил в Варшавское юнкерское училище, предварительно приняв православие (см. Указ. воспоминания, стр. 95).

церы три еврея, а в войсках находились два из них[137]. Однако в том же 1886 г. был произведен в офицеры еще один еврей. Эстандарт-юнкер бар. Гинцбург, сын известного банкира, возбудил ходатайство о производстве его в первый офицерский чин корнета, по-видимому после сдачи им соответствующего экзамена. Этот факт и послужил поводом для запрещения производства в офицеры евреев. При всей своей ненависти к евреям Александр III не мог отказать сыну бар. Гинцбурга (с банкирами ссориться было нельзя), однако он был последним. «Эстандарт-юнкера барона Гинцбурга, — писал в резюме Александр III, — согласно представлению начальства произвести в корнеты, а затем не допускать более вольноопределяющихся из евреев к держанию экзамена на офицерский чин ни в военных, ни в юнкерских училищах, ни в особых комиссиях»[138].

* * *

Рассмотрим сословный состав офицерского корпуса. В середине 90-х годов Главный штаб затребовал от военных округов данные о сословной принадлежности офицеров, находившихся в частях войск данного округа. В соответствии с полученными данными была составлена сводная таблица «О сословном происхождении офицеров частей войск к 15 мая 1895 г.»[139] (см. табл. на стр. 204—205).

---

[137] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 68/671, 4-е отд., 1-й стол, д. 998, л. 19. Как указывалось в этой же справке, в запасе, по не совсем точным данным, числилось девять офицеров евреев. Эта неточность обусловливалась тем, что «список чинам запаса по вероисповеданию вести не положено» (там же). Если считать этих офицеров запаса, то общее число произведенных в офицеры евреев будет составлять 12.

[138] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 68/671, 4-е отд., 1-й стол, д. 998, л. 20.

[139] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 72/675, 4-е отд., 3-й стол, 1894 г., д. 75, л. 33. Таблица эта составлена несколько сумбурно. По-видимому, полученные из отдельных округов сведения механически соединялись, в силу чего одна и та же сословная группа фигурирует под различными названиями: «Потомственные дворяне», «Дворяне Вел. кн. Финляндского», «Дворяне Ц. Польского», «Духовного звания», «Сыновья пасторов» и т. д. Первоначально приведем таблицу в ее первородном виде, а затем данные ее систематизируем. Надо сказать, что таблица включает сведения о 31 350 офицерах, в то время как, по данным всеподданнейшего доклада по

Таким образом, потомственных дворян всех категорий[140] было 15 938 человек, или 50,8%. В остальные категории входили представители различных групп разночинцев.

Обратимся к потомственному дворянству. Число его в различных родах войск неодинаково. Наиболее высокий процент был в гвардейской кавалерии, где больше, чем в каких-либо других частях войска, было представителей богатых аристократических фамилий[141]. Здесь этот процент составлял 96,3; в гвардейской пехоте ниже — 90,5; в гвардейской артиллерии — 88,7[142]. Низкий процент дворянства был в армейской пехоте, составляя 39,6.

Что же представляло собою дворянство в конце XIX — начале XX в.? Можно ли ставить знак равенства между дворянами и помещиками? Для решения вопроса о классовом составе армии этот вопрос чрезвычайно важен. Еще с начала XVIII в., со времен введения табели о рангах, дворянство определялось не только «породой», т. е. происхождением, но и службой и, как правило, вовсе не было связано с получением земельных владений. В XIX в., до 1845 г., потомственное дворянство приобре-

---

Военному министерству за 1894 г., к концу отчетного года состояло в войсках 29 714 офицеров и генералов из общего числа 35 212, состоящих на действительной службе (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 154, л. 14 и 11). Таким образом, в приведенную таблицу включена некоторая часть офицеров, находившихся в военных управлениях или военно-учебных заведениях.

[140] Включая дворян Финляндии, Царства Польского и одного шляхтича.

[141] Служба здесь требовала больших средств.

[142] Стремление недворян в гвардию росло с каждым годом. Так, среди 75 офицеров, выпущенных в гвардию с 1898 по 1901 г. из двух военных училищ — Московского и Киевского, потомственных дворян было 20, детей офицеров, чиновников и духовных лиц — 24, детей купцов, мещан и крестьян — 8. Кроме того, происхождение 23 офицеров было неизвестно за неимением послужных списков (ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 76, 4 отд., 1-й стол, 1902 г., д. 156, л. 124—126). Это стремление особенно усилилось в 1901 г., когда, согласно приказу по военному ведомству, был «установлен прямой выпуск в гвардию на основании результатов выпускного экзамена из военных училищ» (Приказ по военному ведомству № 166 от 1901 г.). Однако через год этот приказ был отменен, и лиц недворянского происхождения, несмотря на получение ими на выпускных экзаменах «гвардейских», т. е. наиболее высоких, баллов, в гвардию не направляли. Надо при этом заметить, что законодательство не ограничивало право недворян поступать офицерами в гвардию.

О сословном происхождении офицеров частей войск к 15 мая 1895 г.

Из какого сословия происходит	Род войск: Гвардейская пехота	Гвардейская кавалерия	Гвардейская артиллерия	Полевая и крепостная артиллерия	Инженерные войска	Армейская кавалерия	Армейская пехота	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Потомственные дворяне	989	596	185	3 084	767	1 860	8 443	15 924
Личные дворяне	22	10	11	517	181	384	5 788	6 913
Почетные граждане	29	5	4	165	71	84	1 246	1 604
Личные граждане	—	—	—	13	—	1	143	157
Купцы	20	4	4	49	16	89	399	581
Духовного звания	14	2	—	107	20	49	1 662	1 854
Мещане	9	1	2	119	46	83	1 911	2 171
Крестьяне	1	1	—	40	14	19	997	1 072
Солдатские дети *	—	—	—	25	32	54	386	497
Сыновья штаб- и обер-офицеров	—	—	—	2	—	4	115	121
Казаки	—	—	—	16	—	148	59	223
Дворяне Вел. кн. Финляндского	4	—	—	—	—	—	6	10
Дворяне Ц. Польского	—	—	—	—	—	—	3	3
Сыновья актеров	—	—	—	—	—	—	2	2
Канцелярские служители	—	—	—	1	1	—	15	17

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Придворные служители	—	—	—	—	—	—	1	1
Чиновники	—	—	—	1	4	2	91	98
Приказные служители	—	—	—	1	—	—	3	4
Классные художники	—	—	1	—	—	—	—	1
Иностранные подданные . . .	—	—	—	4	7	6	27	44
Свободные состояния	—	—	—	1	—	—	13	14
Сыновья пасторов	—	—	—	1	—	—	—	1
Горские племена	—	—	—	1	1	4	12	18
Колонисты	—	—	—	—	—	—	5	5
Сельские обыватели	—	—	—	—	—	—	4	4
Шляхтичи	—	—	—	—	—	—	1	1
Цеховые	—	—	—	—	—	—	3	3
Фельдшерские дети	—	—	—	—	—	—	1	1
Киргизы	—	—	—	—	—	—	4	4
Поселяне	—	—	—	—	—	1	1	2
Итого . . .	1 088	619	207	4 147**	1 160	2 788	21 341	31 350

* Солдатские дети — дети призванных по рекрутскому набору. Крепостной, призывавшийся рекрутом, становился свободным, и его дети, рожденные после этого, образовывали особое свободное сословие солдатских детей.

** В тексте ошибочно написано «5148», вследствие чего общий итог составлял в таблице на 1001 человека более, чем в действительности, а именно 32 351.

талось получением первого обер-офицерского чина (прапорщик) [143]. На гражданской службе потомственное дворянство достигалось получением чина VIII класса — коллежского асессора. До получения этого чина данный чиновник являлся личным дворянином, а его дети причислялись к званию потомственных почетных граждан (к этому же званию причислялись в некоторых случаях и купцы). Потомственное дворянство достигалось также получением орденов и, наконец, беспорочной службой отца и деда «в течение 20 лет каждого, если они являлись личными дворянами» [144].

В июне 1845 г. был издан закон, по которому возможности для получения потомственного дворянства значительно суживались. Для получения потомственного дворянства по военной службе необходимо было получить штаб-офицерский чин (обер-офицеры являлись личными дворянами), а по гражданской службе — чин V класса — статского советника [145]. Гражданские чины от XIV до X класса получали личное почетное гражданство, а с IX класса (титулярного советника) — личное дворянство.

Наконец, в декабре 1856 г. снова был издан закон, еще более ограничивающий возможность получения потомственного дворянства. Потомственное дворянство достигалось на военной службе получением чина полковника (даваемого не при отставке), а по гражданскому

[143] Дети, рожденные до получения отцом потомственного дворянства, составляли особую сословную категорию обер-офицерских детей, причем одному из них по ходатайству отца могло быть дано потомственное дворянство.

[144] См. «Свод законов Российской империи», т. IX, ст. 33. СПб., 1842.

[145] ПСЗ, 2-е собр., т. XX, № 19086. Награждение орденом Георгия Победоносца (офицерским Георгиевским крестом) также давало потомственное дворянство. Надо заметить, что солдатская награда, называвшаяся в просторечии солдатским Георгиевским крестом, официально именовалась Знаком военного ордена Георгия Победоносца и только незадолго до первой мировой войны, в августе 1913 г., была названа официально Георгиевским крестом в отличие от офицерского ордена Георгия Победоносца. Эта солдатская награда никаких сословных прав не давала (ПСЗ, 3-е собр., т. XXXIII, № 40135). До 1900 г. потомственное дворянство получали также лица, награжденные орденом Владимира 4-й степени (он давался за 25 лет «беспорочной» военной службы и 35 лет гражданской). После 1900 г. потомственное дворянство получали лишь награжденные Владимиром 3-й степени.

ведомству — чина IV класса (действительного статского советника) [146].

Налицо стремление правительства суживать возможности получения потомственного дворянства. Однако процент служилого, беспоместного дворянства, значительная часть которого являлась фактически разночинцами, был все же высок.

К сожалению, никаких точных не только обобщенных, но и разрозненных данных о численности и соотношении этих двух категорий дворянства — дворян-помещиков и беспоместных служилых дворян — не существует. Данные об имущественном положении офицеров (родовой недвижимой собственности, собственности жены или благоприобретенной) содержатся только в послужных списках, сохранившихся, кстати, далеко не полностью [147]. Вследствие невозможности изучить все формулярные списки, что явилось бы плодом специального многолетнего исследования, я попытался рассмотреть вопрос о наличии земельной собственности у двух высших категорий офицерского корпуса — генерал-лейтенантов и полных генералов. В этой группе было наибольшее число землевладельцев, исключая, пожалуй, офицеров гвардейской кавалерии и первых двух пехотных полков 1-й гвардейской дивизии, наиболее аристократичных по своему составу.

По «Списку генералам по старшинству» [148] числилось 417 генерал-лейтенантов. Из них 7 человек — члены императорской фамилии либо члены иностранных владетельных фамилий — не принимаются в расчет. Таким образом, исходим из цифры 410. Послужных списков этой

---

[146] ПСЗ, 2-е собр., т. XXXI, № 31236. Поместное дворянство решительно выступало против предоставления дворянского звания лицам, достигшим определенного чина или получившим орден Владимира 4-й степени за «беспорочную» службу. В марте 1896 г. министром внутренних дел Горемыкиным было созвано совещание губернских предводителей дворянства, которое решительно выступило против существующего порядка получения дворянского звания, настаивая на том, чтобы вместо этого принимались в дворянское сословие крупные земельные собственники (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 54580, л. 28—31). Однако это осуществлено не было.

[147] Коллекция послужных списков хранится в ЦГВИА. Кроме того, послужные списки имеются в фонде Главного штаба, однако в очень небольшом количестве.

[148] Составлен на 1 мая 1903 г.

категории генералов сохранилось 266, что составляет 64,8% всех генерал-лейтенантов. Из них потомственных дворян 255, или 96,0% [149]; не имеют никакой земельной собственности 215 человек, или 80,8% [150]. Данные о наличии собственности отсутствуют в 11 послужных списках [151]. Родовая собственность имелась у 27 человек — 10,2%; родовая собственность у жен — у пяти человек (1,9%); благоприобретенная или пожалованная — у восьми лиц (3,1%). Следовательно, земельная собственность всех видов имелась только у 15,2% всех генерал-лейтенантов.

Рассмотрим размер земельных владений, исходя в этом случае из всех ее видов (родовая; родовая, принадлежащая жене; благоприобретенная или пожалованная) (в дес.) [152]:

	Число владельцев
До 25	1
От 25 до 100	2
» 100 » 500	4
» 500 » 1 000	6
» 1 000 » 5 000	11
» 5 000 » 10 000	4
» 10 000 » 50 000	3
Свыше 50 000	1
Без указания размера	8 *

* Один из них, ген.-лейт. гр. Стэнбок-Фермор, одновременно являлся владельцем Верхне-Исетских железоделательных заводов.

Крупных помещиков, владевших 1000 десятинами земли, — 19 человек из 32, т. е. около 60%.

149 Недворян 10. Из них: обер-офицерских детей — 4, из духовного звания — 2, мещан — 1, придворных лакеев — 1, казаков — 1, и у одного не заполнена графа о сословности.

150 Благоприобретенная собственность до 10 дес. (11 *га*) во внимание не принимается, так как это является просто дачей. Кстати, таковая имелась только у жены небезызвестного ген. Стесселя ($8^1/_2$ дес. в Верейском у. Московской губ.). Из перечисленных 215 лиц у пяти были собственные дома в городах.

151 Либо прочерк, либо графа не заполнена, либо, наконец, написано «Неизвестно».

152 В том случае если имение находилось в совместном владении с братьями и сестрами, принимается в расчет половина его площади.

Обратимся к данным имущественного положения генералов. Итак, на 1 мая 1903 г. числилось в списках 140 генералов. Из них не учитываются 10 человек — лица императорской фамилии и других династий. Следовательно, в расчет принимаются 130 человек. Послужные списки сохранились, по нашим данным, у 80, т. е. у 61,5%. Из них потомственных дворян 78, или 97,5% [153].

Анализируя эти списки, мы видим, что у 47 человек, или у 58,7%, вовсе не было земельной собственности [154]. Родовая собственность имелась у 17 лиц, или у 21,2%, родовая собственность жен — у 5, или 6,3%, благоприобретенная и пожалованная — у 6, или 7,5%. Наконец, у пяти человек в послужных списках данные о наличии собственности не приводятся. Все виды земельной собственности имелись у 28 генералов, т. е. у 35,0%.

Руководствуясь тем же принципом, рассмотрим размеры этой собственности (в дес.):

	Число владельцев
До 25	1
От 100 до 500	1
» 500 » 1 000	2
» 1 000 » 5 000	12
» 5 000 » 10 000	1
Свыше 10 000	3
» 50 000	1 *
Без указания размера	7

* Кроме того, каменный дом в Петербурге.

В этой категории крупных земельных собственников (более 1000 десятин) 17 человек из 21, или 83,8%.

Итак, анализируя имущественное положение двух наивысших категорий офицерского корпуса, мы видим, что в первой из них — генералов процент земельных собственников всех видов составил 35,0%, а во второй — генерал-лейтенантов 15,2%. При этом процент крупных соответственно в первом случае значительно выше, чем во втором.

Проанализируем в этом же отношении еще одну категорию офицерства — генерал-майоров и полковников

[153] Из недворян: один — сын обер-офицера, другой — купца.
[154] У одного из них был каменный дом в Петербурге.

Генерального штаба, представлявших собой мозг армии [155].

Обратимся к генерал-майорам. Из 208, числившихся по списку офицеров Генерального штаба на 1 января 1904 г., послужные списки отсутствуют у 21; кроме того, необходимые сведения отсутствуют в двух послужных списках. Следовательно, анализируются 185 послужных списков, или 88,8% всех генерал-майоров Генерального штаба. По сословной принадлежности они составляют:

	Число	%
Потомственные дворяне	159	85,4
Потомственные почетные граждане	10	
Дети чиновников и обер-офицерские дети	8	
Духовного звания	2	
Солдатские дети . . . . Дети мещан и крестьян	4	
Дети купцов	2	

Итак, состав генерал-майоров Генерального штаба в подавляющем числе дворянский. Недвижимая же собственность принадлежит 13 лицам из 159 [156].

Процент имеющих недвижимую земельную собственность составляет (по отношению к общему числу анализируемой категории) 8,1. Кроме того, 4 человека, или 2,1%, имели собственные дома. Следовательно, 89,8% генерал-майоров Генерального штаба не имели никакой собственности.

Примерно такое же положение характерно и для полковников Генерального штаба. Из 308 полковников послужные списки имеются на 286 человек. В трех списках отсутствуют сведения о наличии недвижимой собственности, следовательно, мы располагаем данными 283 послужных списков.

[155] Приношу глубокую признательность кандидату военных наук А. Г. Кавтарадзе, оказавшему мне помощь в обработке послужных списков генерал-майоров и полковников Генерального штаба. Из 473 послужных списков им обработано 285.

[156] Имения этих 13 человек по размерам распределялись следующим образом: у шести — от 500 до 1 000 дес.; у пяти — от 1 000 до 3 000 дес., и у двух размер имений не обозначен.

Среди анализируемой категории офицеров процент потомственных дворян ниже, чем среди предшествующей, составляя 74,2%, или 210 человек. Остальные сословные группы представлены следующим образом:

Дети чиновников и офицеров — непотомственных дворян	43
Из купцов	6
» потомственных граждан	4
» крестьян и солдат	4
» мещан	6
» духовного сословия	6
» иностранцев	2
» казаков	2

Как мы видим, и здесь подавляющую часть составляют потомственные дворяне. Однако земельную собственность имели 12 человек, или 4,2%, и, кроме того, у трех имелись собственные каменные дома. Следовательно, собственники всех видов составляли 5,2%, а 94,8% всех полковников Генерального штаба не имели никакой собственности.

Результаты анализа послужных списков дают нам право полагать, что подавляющая часть офицеров — потомственных дворян (за исключением гвардии, и то не всей) не имела никакой собственности. Надо отметить, что среди гражданских чиновников, соответствующих по рангу генералам, процент помещиков был значительно выше [157].

Обратимся к другим сословным категориям офицерского корпуса, помещенным в анализируемой нами таблице. Как уже говорилось выше, личные дворяне — это либо дети чиновников, либо обер-офицеров после 1845 г. и частично штаб-офицеров после 1856 г. Таким образом, мы объединяем их с категориями «Дети штаб- и обер-офицеров», а также «Дети чиновников». Сюда же мы от-

---

[157] В своей книге «Российское самодержавие в конце XIX столетия» (М., 1970) я анализирую имущественное положение высших гражданских чинов (см. там же, стр. 112—117).

Как уже говорилось выше, приводимые нами на основе послужных списков данные нельзя считать абсолютно точными. В процессе работы мне удалось обнаружить одну неточноеть. В послужном списке ген. А. Н. Куропаткина в графе о наличии земельной собственности значится «не имеет», в то время как у него было родовое имение в Холмском у. Псковской губ. и благоприобретенное — в Финляндии.

носим и детей потомственных и почетных граждан, так как таковые являются в некоторых случаях детьми чиновников и офицеров недворянского происхождения, в некоторых же случаях детьми купцов. Таким образом, все эти категории мы объединяем в одну категорию — дети разночинцев (офицеров, чиновников, купцов) [158]. Третью группу образуют лица духовного звания, к которым присоединены дети пасторов. Четвертая категория — городские низы (мещане, цеховые). Пятая — сельские сословия (крестьяне, солдатские дети, лица свободного состояния, горские племена, киргизы, сельские обыватели, колонисты и поселенцы). И наконец, шестая категория — прочие (иностранные подданные).

Изобразим это в таблице:

1. Потомственные дворяне	15 938
2. Разночинцы	9 500
3. Духовного звания	1 855
4. Городские низы	2 174
5. Сельские сословия	1 839
6. Прочие	44
	31 350

Несомненно, интерес вызывает вопрос: в какой степени офицерство было вовлечено в капиталистическое предпринимательство? К сожалению, никакими данными мы не располагаем, да и располагать не можем, за исключением сведений о владении заводами, фабриками и другими промышленными предприятиями [159]. Участие же в различных акционерных предприятиях, банках и т. д. нигде не фиксировалось. Для этого мы располагаем лишь одним документом — письмом военному министру Куропаткину одного из его товарищей по Павловскому пехотному училищу. Автор письма [160] называет министра на «ты» и пишет ему, «как павлон павлону» [161].

[158] Сюда же мы относим сыновей актеров и фельдшеров, канцелярских служителей, приказно- и придворнослужителей и художников.

[159] Подобный факт зафиксирован, как уже говорилось выше, только в одном послужном списке — владение Верхне-Исетским железоделательным заводом.

[160] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 480, л. 95—98. Письмо в копии без подписи.

[161] Так именовали себя лица, учившиеся в этом училище.

В начале письма он сообщает о нищенском положении офицерства, а затем обращается к вопросу об офицерском предпринимательстве: «Наложи снова veto на участие офицеров (главным образом гвардия, ибо есть чуть деньги) в биржевых конторах, «Уралметах» (даже бывший командир корпуса Адамович), нефтяных и т. д.; потребуй через Витте сведения, не говоря о портнихах, где мужья офицеры при скандалах с покупателями своим офицерским мундиром смягчают мошенничество своей жены, содержащей магазин» [162].

Бесспорно, данное явление имело место, однако численность этих капиталистических предпринимателей в офицерском мундире была ничтожна. Оно касалось либо представителей крупной аристократии, располагавшей большими деньгами, либо офицеров, женившихся на богатых купчихах. «Только купчиха и мошна, покупая изредка офицеров, — говорилось в цитированном выше письме павлона, — могли позволять себе роскошь участия в различных акционерных предприятиях».

Таким образом, офицерский корпус, состоявший наполовину из потомственных дворян (в подавляющей своей части не поместных, а служилых), был разночинным. Это отмечали и современники. Так, генерал Киреев, человек весьма консервативных воззрений, в прошлом адъютант вел. кн. Константина Николаевича, в своем дневнике за октябрь 1896 г. с грустью замечает: «Низкий уровень нашего офицерства, в особенности в пехоте арм[ейской]. Там дворян *очень* мало, в некоторых полках все разночинцы. И они-то и составляют те суды чести, которым придется судить «недоразумения» между офицерами» [163].

Представитель другого направления общественной мысли — демократического П. Пильский, автор статьи «Армия и общество», опубликованной в 1906 г. в журнале «Мир божий», писал: «Сами офицеры большей частью нищи, незнатны, многие из крестьян и мещан, дьяконовых детей [. . .]. А между тем, — замечает он, — тихое и затаенное почтение к дворянству и особенно к титулу так велико, что даже женитьба на титулованной женщине кружит голову, туманит воображение, поднимает

[162] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 480, л. 95.
[163] Отдел рукописей ГБЛ, ф. А. А. Киреева. К. 12, л. 88.

фонд, увеличивает уважение. Так велика глупая и трусливая боязнь уронить себя и «испачкать мундир», что женитьба, например, на мещанке или крестьянке строжайше запрещается»[164].

Действительно, разночинный состав офицерского корпуса отнюдь не означал господства среди них разночинной идеологии.

Правительство, однако, было обеспокоено «ухудшением» состава корпуса офицеров. Следствием этого отчасти явилось издание в 1903 г. закона о создании дворянских кадетских школ. Проект этого закона обсуждался в Государственном совете и был утвержден Николаем II в апреле 1903 г.[165] Согласно Положению о дворянских кадетских школах, они ставили своей целью «доставлять сыновьям недостаточных потомственных дворян, предназначаемым к военной службе в офицерском звании, соответствующее будущему назначению воспитание и подготовлять их к поступлению в юнкерские училища»[166]. При этом важно отметить, что здесь имелись в виду не дети потомственных дворян вообще, а дети дворян-помещиков, которые в кадетские школы должны были определяться предводителями и депутатами дворянства тех губерний, по ходатайству коих открыта школа[167].

По объему знаний пятилетние школы, являвшиеся закрытыми учебными заведениями, должны были соответствовать пяти классам кадетских корпусов, так как лучшие из окончивших эти школы должны были приниматься в VI классы кадетских корпусов. Однако кадетские школы созданы не были, так как дворянство, как оказалось, не удовлетворял этот тип учебных заведений, не дававших среднего образования. Позднее юнкерские училища были преобразованы в военные, куда принимались лица с законченным средним образованием, и, таким образом, надобность в дворянских школах этого типа сама собою отпала.

---

[164] «Мир божий», 1906, № 7, стр. 222. Имеется в виду не законодательное запрещение, а разрешение командира части, дававшего согласие на брак.

[165] Приказ по военному ведомству № 208 от 27 мая 1903 г.

[166] Там же.

[167] См. там же. Надо иметь в виду, что в кадетские корпуса, кроме Пажеского, принимались дети почти всех сословий, но преимущественно дети офицеров.

* * *

Вопрос об обеспечении армии офицерами на случай войны непрерывно стоял в центре внимания Военного министерства. При этом надо отметить, что в бытность военным министром Д. А. Милютина он все же решен не был. Уже во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1881 г. говорилось о недостатке 14 656 офицеров [168] в случае развертывания армии в период войны.

В 1882 г. было издано Положение об офицерских чинах запаса армии, которое пыталось упорядочить вопрос об обеспечении армии офицерами в военное время. Согласно правилам, пребывание в запасе подразделялось на обязательное и добровольное. «Обязательному пребыванию в запасе,— говорилось в указанном Положении,— подлежат те из офицерских чинов, поступавших в военную службу по жребию или в качестве вольноопределяющихся, которые зачисляются в запас на основании Устава о воинской повинности до истечения полных сроков службы» [169]. Те же, кто по истечении этого срока не подал просьбу об отставке, считаются состоящими в добровольном запасе — обер-офицеры до 40 лет, штаб-офицеры до 50 лет [170].

Это Положение не вносило по существу ничего нового и не могло, естественно, повлечь за собой какие-либо существенные изменения. Причин отсутствия в запасе достаточного числа офицеров было несколько. Во-первых, для лиц, получивших соответствующее образование, сдача экзамена на офицерский чин была необязательна. Во-вторых, существующий устав о воинской повинности предусматривал чрезвычайно широкие льготы по семейному положению, вследствие чего освобождалось около 50% призываемых. В результате этого примерно только половина лиц, получивших необходимое для сдачи офицерского экзамена образование, привлекалась в ряды армии [171].

---

[168] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 140, л. 10.

[169] Приказ по военному ведомству № 211 от 3 июля 1882 г.

[170] См. там же.

[171] Вообще контингент ежегодно призванных в армию, как указывалось выше, составлял примерно 1/3 подлежащих призыву. Помимо льгот по семейному положению некоторая часть призывников освобождалась по жребию.

В 1886 г. было издано временное Положение о прапорщиках запаса пехоты и кавалерии[172]. В Положении говорилось, что «вольноопределяющимся I разряда (как с высшим, так и со средним образованием), а равно жеребьевым и охотникам соответствующих степеней образования, не предназначающим себя для постоянной службы в офицерских чинах в армии в мирное время, но желающим занимать офицерские места в войсках военного времени, предоставляется достигать во время первоначальной обязательной службы их в строю чина прапорщика запаса армии — путем выдержания ими особо *льготного* экзамена из военных наук и предметов строевого образования»[173]. Это Положение послужило началом создания института офицеров военного времени, однако недостатком его было то, что оно не предусматривало для лиц с соответствующим образованием обязательной сдачи экзамена. Именно в силу этого Положение в первые годы не имело широкого распространения.

Однако Военное министерство придавало большое значение вопросу об обеспечении армии офицерами на случай войны.

Так, во всеподданнейшем докладе за 1886 г. по этому поводу говорилось: «Пополнение текущей убыли в офицерском составе в мирное время не озабочивает Военное министерство, так как оно легко может быть покрыто выпусками из военно-учебных заведений [. . .]. В противоположность этому пополнением офицерского состава для надобностей военного времени Военное министерство сильно озабочено ввиду крайне незначительного числа *офицеров запаса*. К концу отчетного года запас офицеров всех родов оружия, — говорилось в докладе, — достиг цифры 3360 [. . .]. Если же отсюда исключить до 450 человек, занимающих должности, освобождающие от призыва, и до 350 человек, дальнейшее оставление коих в запасе по нравственным их качествам крайне нежелательно, то остается всего 2560 человек, между тем как общая мобилизационная потребность по утвержденному

---

[172] См. Приказ по военному ведомству № 55 от 13 апреля 1886 г. Позднее это Положение было распространено и на другие рода войск.

[173] Там же.

расчету достигает 13—14 тыс. человек»[174]. «Столь крупная недостача офицеров, — отмечалось далее, — настоятельно побуждает Военное министерство изыскивать, всеми мерами развивать источники их пополнения в военное время»[175].

Далее указывалось, что закон о продлении срока службы для лиц, имеющих образование, а также изданное Положение о прапорщиках запаса имеют большое значение. «При благоприятных условиях, — говорилось в докладе, — действием этого «Положения» числительность офицерского запаса может быть постепенно поднята до 6 тыс. человек. Но этого результата можно ожидать не скоро, лет через 9—10»[176]. Единственной действенной мерой, по мнению Военного министерства, было увеличение числа офицеров по штатам мирного времени. Однако эта мера не могла разрешить вопрос об обеспечении армии офицерами на случай войны, не говоря уже о том, что это, как уже отмечалось выше, замедляло нормальный ход чинопроизводства. Через семь лет, в 1893 г., число офицеров запаса увеличилось вдвое, достигнув почти 7 тыс., точнее, 6967. Однако потребность в них также росла. По расчетам Военного министерства, для развертывания армии требовался уже 20 291 офицер. При этом опять-таки в том же докладе отмечалось, что средством для уменьшения некомплекта «послужит намеченное для настоящего пятилетия увеличение числа офицеров в резервной пехоте по штатам мирного времени на 1693 человека»[177]. В целях стимулирования сдачи офицерских экзаменов лицами, имевшими соответствующее образование, предоставлялась возможность сокращения срока их службы в армии на 1—4 месяца[178].

В 1895 г. был издан приказ об обязательной сдаче экзамена на чин прапорщика запаса всеми лицами, имевшими образование не ниже шести классов среднего учебного заведения, т. е. пользовавшихся льготами по обра-

---

[174] Этот расчет вовсе не предполагал восполнения убыли в период боевых действий.

[175] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 146, л. 11—12.

[176] Там же, л. 12.

[177] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 153, л. 15.

[178] См. «Свод военных постановлений 1869 г.», т. VII. СПб., 1896, прим. к ст. 214.

зованию I разряда[179]. Это имело весьма существенное значение для роста кадров офицерского запаса.

Еще в 1891 г. в целях увеличения состава офицеров военного времени была принята одна мера — было издано Положение о зауряд-прапорщиках армии, предоставлявшее право «допускать к исполнению субалтерн-офицерских[180] должностей: а) унтер-офицеров из вольноопределяющихся 1-го разряда, а также жеребьевых и охотников высшего, среднего, хотя бы и незаконченного образования; б) не обладающих означенным [. . .] образовательным цензом фельдфебелей (вахмистров) и старших унтер-офицеров — преимущественно из сверхсрочно служащих или сверхсрочно служивших. Всем таким лицам присваивается, со времени утверждения в офицерской должности, звание зауряд-прапорщика»[181].

Если первый пункт этого Положения после 1895 г., когда был введен обязательный экзамен на чин прапорщика запаса, почти терял свое значение, то второй создавал широкие возможности для роста численности офицеров военного времени. Однако здесь было одно существенное «но». Дело в том, что обеспеченность армии унтер-офицерским составом на случай войны была явно недостаточна. Таким образом, производство унтер-офицеров увеличивало бы численность офицеров, но одновременно с этим уменьшило бы число унтер-офицеров.

К концу рассматриваемого периода, к исходу 1902 г.[182], в результате принятых мер число офицеров запаса несколько увеличилось, составив в общей сложности 12 806 человек[183], из них 4776 — отставные офицеры, числившиеся в запасе, и 8030 — прапорщики запаса. Однако потребность в офицерах военного времени определялась в 40 тыс. человек[184]. Если принять во внима-

---

[179] См. Приказ по военному ведомству № 171 от 1895 г. и № 47 от 1902 г. В 1902 г. были установлены денежные премии офицерам за успешную подготовку указанных лиц к экзамену на чин прапорщика запаса (Приказ по военному ведомству № 450 от 1902 г.).

[180] Т. е. младших офицеров до командира роты включительно.

[181] Приказ по военному ведомству № 137 от 1891 г.

[182] Данные за 1903 г. мною не обнаружены.

[183] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 1140, л. 8.

[184] Здесь учитывалось количество офицеров, не только потребное для развертывания армии, но и необходимое «для пополнения ожидаемой убыли на театре военных действий». Об этом впервые го-

ние, что в самом идеальном случае из находившихся в запасе могло явиться не более 80% (болезни, освобождение от мобилизации по должности и т. д.), то число офицеров запаса составляло примерно 25% потребного их количества.

Таким образом, вопрос об обеспечении армии офицерами на случай войны решен не был.

* * *

Материальное положение офицеров на протяжении 80—90-х годов XIX столетия и начала XX было весьма и весьма незавидным. Оклады денежного содержания были определены еще в 1859 г. и, несмотря на непрерывный рост цен, оставались почти неизменными. Вопрос о необходимости увеличения офицерского жалованья ставился почти в каждом всеподданнейшем ежегодном докладе военного министра. «...Непрерывный и в высшей степени тяжелый труд офицеров, — писал Ванновский в своем докладе за 1882 г., — не вознаграждается сколько-нибудь удовлетворительно, не только по сравнению со всеми другими профессиями, но даже по отношению к самым ограниченным повседневным потребностям офицерского быта. Тяжесть экономического положения офицеров особенно резко стала сказываться в последние годы вследствие непомерно возросшей дороговизны»[185]. Однако ограниченные средства Военного министерства не давали возможности осуществить это мероприятие, на протяжении 80-х годов Военному министерству удалось добиться лишь немногого. В 1881 г. были увеличены столовые оклады офицерам, служившим в строевых частях[186]. В 1886 г. было увеличено жалованье на 10% командирам батальонов и примерно на 40% ротным командирам[187]. Никакие другие категории офицеров повышения окладов содержания не получили. Таким образом, повы-

---

ворит Куропаткин во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1899 г., определяя это число около 40 тыс. человек (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 159, л. 6).

[185] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 138, л. 29. Об этом же говорится и во всеподданнейших докладах за 1885 и 1886 гг.

[186] См. Приказ по военному ведомству № 244 от 30 августа 1881 г.

[187] ПСЗ, 3-е собр., т. VI, № 3756.

шение содержания коснулось только отдельных групп строевых офицеров.

Во второй половине 80-х годов оклады содержания (в год) представляли собой следующее (после 1886 г.):

Виды содержания	Командир корпуса	Начальник дивизии	Командир полка	Командир батальона	Командир роты	Младшие офицеры-подпоручики
Жалованье	1 695	1 356	687	531	366	294
Столовые	3 000	2 400	1 824	849	666	—
Добавочные . . .	2 400	1 500	1 200	—	—	183
Итого . . .	7 095	5 256	3 711	1 380	1 032	477

Надо прежде всего отметить несоразмерность офицерского содержания — крайне низкий уровень его до командира батальона включительно. Младший офицер получал в месяц 39 р. 75 к.[188], командир роты — 96 руб., а командир батальона — 115 руб. Командир полка получал почти в три раза больше командира батальона — 309 руб., начальник дивизии — 436 руб., а командир корпуса — 591 руб.[189] Следовательно, содержание обер-офицеров, включая и первый штаб-офицерский чин, было ничтожно[190].

---

[188] При этом поручик в пехоте получал в год 495 руб., т. е. 41 р. 25 к. в месяц, штабс-капитан (не командир роты) — соответственно 43 р. 50 к. Надо заметить, что обер-офицерское содержание было немногим выше среднего заработка мастерового в Петербурге. По данным М. Балабанова, за период 1891—1901 гг. заработок мастеровых на 15 крупных заводах Петербурга (Путиловском, Обуховском и др.) составлял от 21 р. 70 к. в месяц и выше (см. «Очерки по истории рабочего класса в России», ч. 3. М., 1926, стр. 124). На 1896 г. средняя годовая заработная плата рабочих механических и машиностроительных заводов в Петербургской губернии составляла 362 руб. (см. там же, стр. 132).

[189] Командир корпуса получал в 15 раз больше, нежели подпоручик.

[190] Артиллерийские офицеры получали несколько больше. В артиллерии 64% всех офицеров получали столовые деньги, в пехоте — только 38%, начиная с командиров рот (см. «Разведчик», 1899, № 455, стр. 582). В начале 90-х годов подпоручики артиллерии получали жалованье в размере 51 руб. в месяц. Гвардейские офицеры получали несколько выше армейских (разница в окладе на один чин, имея в виду соотношение чинов гвардии и армии).

Обратимся к анализу бюджета холостого офицера. Мы располагаем на этот счет двумя документами. Первый — описание минимального офицерского бюджета, опубликованное в журнале «Разведчик» за 1898 г.[191], и второй — данные о том же, хранящиеся в личном архиве А. И. Куропаткина и затребованные им в связи с изучением вопроса об увеличении офицерского содержания.

Рассмотрим первый документ, изложенный в виде анонимного «Письма к приятелю» за подписью «Подпоручик». «Нужно иметь в виду, — пишет анонимный автор, — что я 4 года офицером, не пью, не курю, ни во что не играю [. . .]. Жизнь веду вполне нормальную: полк наш расположен в глуши, где нет никаких увеселительных мест, нет даже театра, в отпуск езжу один раз в два года[192]. Получаю я всего содержания 39 руб. 75 коп. Квартиру и отопление получаю казенные. На освещение 30—60 копеек в месяц»[193]. Таким образом, перед нами образец исключительно скромных потребностей. Свои расходы автор делит на три группы: расходы обязательные, необходимые и нужные. Первые равнялись 7 р. 70 к. в месяц. Они включали:

Членский взнос в собрание	25 коп.
» » на библиотеку	25 »
» » на аптеку*	35 »
Расходы на ремонт походных вещей	10 »
Обязательный взнос в заемный капитал (кассу взаимопомощи. — *П. З.*)	2 р. 00 к.
Уплату долга в капитал	4 р. 00 к.
% за ссуду из капитала	75 коп.

* Вследствие стоянки в глуши офицеры полка организовали общественную аптеку.

[191] В связи с разработкой вопроса о повышении офицерского содержания в конце 90-х годов было «высочайше» разрешено обсуждение этого вопроса на страницах «Разведчика» (ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1872, л. 3. Дневник).

[192] Согласно существующим законам, офицеры пользовались отпуском продолжительностью 28 дней один раз в 2 года. С 1901 г. для штаб-офицеров, а также для капитанов, ротмистров и военных чиновников (не ниже коллежского асессора) был установлен ежегодный отпуск в размере 28 дней (см. Приказ по военному ведомству № 389 от 1901 г.).

[193] «Разведчик», 1898, № 388, стр. 255.

Вторая группа «необходимых расходов составляла 30 руб., а именно: портному полковому — 7 руб.[194]; в собрание только за обед — 9 руб.; в полковую булочную за булки и хлеб (заменяющие часто ужин) — 2 руб.; в полковую лавку — 7 руб. (чай, сахар, вакса, керосин, марки, бумага, лимон); полковому сапожнику — 3 руб.; прачке за стирку белья — 2 руб.»[195]. Итого эти два вида расходов составляли 37 р. 70 к. Оставалось 2 р. 05 к., из которых нужно было заплатить: за товарищеские обеды (проводы товарищей, по подписке на елку, на пасху, полковой праздник взамен визитов) — 1 р. 50 к.; бритье, стрижка — 60 коп.; баня (2 раза) — 40 коп.; офицерские вещи (перчатки, шарфы, погоны, эполеты, темляк) — 1 р. 50 к. Это в сумме составляло 4 руб. Следовательно, месячный дефицит равнялся по этим двум видам расходов 1 р. 95 к.

Обратимся к третьему виду расходов, расходов «нужных».

Они составляют: а) ужин (хотя бы через день) — 3 руб.; б) закуска во время стрельб, маневров (когда «уходишь на целый день из дома») — 1 р. 50 к.; в) любительский спектакль (концерт) — 50 коп.; г) газеты, журналы, книги — 1 руб.; на белье (в среднем). — 2 р. 50 к. Итого эти расходы составят 8 р. 50 к. Следовательно, общий месячный дефицит составлял 8 р. 50 к. + 1 р. 95 к., т. е. 10 р. 45 к.[196]

Таким образом, при самых скромных расходах офицер не имел возможности даже нормально питаться (завтрак — чай с хлебом, а ужин — через день). Офицерский бюджет должен был составлять не менее 50 руб. в месяц.

Рассмотрим официальные данные, составленные по поручению военного министра. Они мало отличаются от изложенного выше. Если в первом случае минимальный

---

[194] Обмундирование офицера приобреталось на его собственный счет. Перед производством в офицеры, т. е. по окончании военного или юнкерского училища, единовременно выдавалась определенная сумма: до 1899 г. окончившим военное училище — 225 руб., юнкерское — 150 руб.; после 1899 г. и тем и другим — по 300 руб. (см. «Разведчик», 1899, № 455, стр. 583, а также «Свод военных постановлений 1869 г.», т. XV. СПб., 1907).

[195] «Разведчик», 1898, № 388, стр. 255.

[196] См. там же.

бюджет определяется в 600 руб. в год, то во втором случае он составляет 653 р. 94 к.[197]

Первая группа расходов (обязательные вычеты на библиотеку, офицерское собрание, взносы в офицерский заемный капитал) составляет 39 р. 60 к. в год[198]. Дальнейшие расходы представляют следующее: стол (считая обед и ужин) — 197 р. 50 к.; чай, сахар, булки — 60 р. 45 к.; обмундирование — 93 р. 60 к.[199]; обувь — 23 руб.[200]; офицерские вещи — 32 р. 79 к.[201]; белье — 18 р. 65 к.; стирка и чистка — 30 р. 75 к.; уставы, наставления, инструкции, письменные принадлежности — 17 руб.; баня и купание — 2 руб.; туалетные принадлежности — 10 руб.; ремонт кровати, тюфяка, подушки, самовара, чайной и столовой посуды, уборка квартиры — 10 р. 10 к.; табак — 25 руб.; перевозка вещей в лагерь и обратно — 3 р. 50 к.; извозчики и непредвиденные расходы — 60 руб.[202]

Как говорилось уже выше, общая сумма бюджета в этом случае составляла 653 руб., превышая более чем на 35% получаемое подпоручиком содержание. Примерно в таком же положении оказывался и поручик, а также штабс-капитан (если последний не командовал ротой). Их годовой оклад не достигал указанной суммы. Надо отметить, что при бюджете в 653 руб. офицер не мог позволить себе такую роскошь, как завтрак, ограничиваясь чаем с булкой[203]. Подобные расчеты офицерского бюд-

---

[197] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 510, л. 17.

[198] Там же. В данном случае сумма на этот вид расходов более чем вдвое меньше, чем в первом случае. Здесь не принимается в расчет погашение ссуды, которая в первом бюджете составляет 48 руб. в год.

[199] Считая мундир на 3 года — 15 руб.; сюртук на 2 года — 16 руб.; шаровары — 11 р. 50 к.; брюки — 9 р. 25 к.; пальто утепленное — 14 р. 50 к.; летнее — 12 руб.; пальто-плащ — 3 руб.; тужурка — 4 руб.; китель — 10 руб. (цена пальто, мундира, сюртука, тужурки, естественно, была выше, но так как они носились не один год, то стоимость их определялась с точки зрения годичного расхода). Таким образом, обмундирование было весьма дорогим: мундир стоил 45 руб., сюртук — 32 руб.

[200] Высокие сапоги — 10 руб.; опойковые — 5; штиблеты — 5; галоши — 2 руб.

[201] Погоны — 3 руб.; эполеты — 2; фуражка — 7 руб.; портупея — 2 р. 60 к.; 2 шарфа (парадных пояса) — 2 р. 35 к.; три пары перчаток — 7 руб.

[202] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 510, л. 17.

[203] В этих условиях положение унтер-офицера было, пожалуй, более обеспеченным. Он жил в казарме, получал бесплатное питание,

жета можно привести еще [204]. Надо сказать, что это крайне нищенское материальное положение офицера отягощалось еще дороговизной квартир, особенно в столицах и крупных городах. На это указывалось в различных официальных докладах, об этом же много писалось в военной периодической печати [205].

«Не смею не доложить о тяжелом положении офицеров [. . .], — писал во всеподданнейшем докладе за 1896 г. командующий войсками Киевского военного округа Драгомиров. — Содержание он получает такое, что живет в нужде и почти в бедности [. . .]. Видя мелких служащих других ведомств более обеспеченными, офицер не может не находить в этом как бы подтверждение, что он лишь терпимое зло. Тем более, что даже старшие начальники, как командиры корпусов, не говоря уже о начальниках дивизий, получают много меньше губернаторов, а в губернаторы назначаются молодые генералы и командиры полков» [206].

В том же 1896 г. об этом говорил и Ванновский в своем всеподданнейшем докладе Николаю II. «Наиболее настоятельным, — писал он, — является вопрос об увеличении содержания и пенсий офицерским чинам, так как существующие оклады в настоящее время при увеличивающейся дороговизне жизни уже не удовлетворяют даже скромным потребностям военнослужащих. Недостаточное содержание ставит офицеров, а особенно семейных, в бедственное положение, не позволяя им жить соответственно потребностям общественного их положения» [207]. Даже те же офицеры, но состоящие в пограничной страже и подведомственные Министерству финансов, получали значительно больше. Так, корнет (помимо квартирных) получал обыкновенный оклад в сумме

обмундирование, и оклад его без всяких вычетов составлял 18 руб. в месяц (см. «Разведчик», 1898, № 348, стр. 546).

[204] См. «Разведчик», 1897, № 348. Статья К. Бунина.

[205] См. «Разведчик», 1893, № 120; 1897, № 348, и др. Квартирные оклады, так же как и оклады содержания, были установлены в 1859 г., а с того времени цены значительно возросли. Как говорилось в одной из корреспонденций в «Разведчике» за 1895 г., в Москве квартирных хватало обер-офицеру «разве только на дрова» («Разведчик», 1895, № 263, стр. 1009).

[206] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 509, л. 6—7.

[207] Там же, д. 156, л. 5.

857 руб., а усиленный — 1083 руб.; поручик — соответственно 935 и 1101 руб.; ротмистр — обыкновенный 1158 руб., усиленный — 1443 руб.[208] Таким образом, эти оклады значительно превышали содержание младших офицеров (корнета и поручика).

Из всех офицеров европейских армий русские офицеры получали наименьшее содержание.

Приведем данные об окладах содержания офицеров русской и иностранных армий, сохранившиеся в личном фонде А. И. Куропаткина и датированные июлем 1898 г.[209]:

Чины и должности	Россия	Германия	Австро-Венгрия	Франция
Подпоручик	677	895	915	936
Поручик	695	1 071	1 017	1 044
Штабс-капитан (командир роты)	1 305	1 884	1 397	—
Капитан	1 332	2 421	1 550	1 512
Подполковник (командир батальона)	1 880	3 318	2 530	2 635
Полковник (командир полка)	4 511	4 449	3 526	4 103
Генерал-майор (командир неотдельной бригады)	4 717	5 669	4 668	6 326
Генерал-лейтенант (начальник дивизии)	6 756	8 838	6 953	10 615
Полный генерал (командир корпуса)	10 595	14 694	11 934	11 938

Таким образом, оклады содержания офицеров почти всех рангов, особенно младших, во всех главнейших странах были выше, нежели в русской армии. Во второй половине 90-х годов вопрос о материальном положении офицерского корпуса приобретает особую остроту. «Ван-

[208] См. «Разведчик», 1899, № 455, стр. 578.

[209] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 510, л. 2. Эти данные, вероятно, были подготовлены в Главном штабе в период разработки вопроса о повышении офицерского содержания в Комиссии ген. Любовицкого. Данные об окладах в русской армии по сравнению с приводимыми выше окладами содержания несколько выше. По-видимому, помимо включения квартирных здесь учитываются средние оклады по всем родам войск, а для полного генерала выведен средний оклад по всем должностям, так как оклад командира корпуса со включением максимума квартирных будет составлять 9500 руб.

новский говорил государю, — заносит в дневник Куропаткин 27 декабря 1897 г., — что главная нужда армии — увеличение содержания офицеров. Сиделец в кабаке более офицера получает. Государю я говорил о том же и говорил, что в Москве офицеры стреляются из-за растраты в 150 рублей» [210].

В конце 90-х годов, как уже говорилось выше, была создана особая комиссия для рассмотрения этого вопроса. 15 июня 1899 г. [211] был издан приказ о повышении окладов содержания (жалованья и столовых) строевым офицерам.

Приведем данные о новых и старых окладах:

	Старый оклад	Новый оклад	Прибавка, в руб.	% прибавки
Подпоручик	477	660	183	38
Поручик	495	720	225	45
Штабс-капитан	522	840	318	61
Капитан (командир роты)	1 032	1 260	228	22
Подполковник (командир батальона)	1 380	1 740	360	26
Полковник (командир полка)	3 711	3 900	189	5
Генерал-лейтенант (начальник дивизии)	5 256	6 000	744	14
Полный генерал (командир корпуса)	7 095	7 800*	705	10

* Командир корпуса получал еще 1500 руб. на представительство. Таким образом, общая сумма годового его содержания составляла 9300 руб., т. е. увеличение равнялось 32%.

Надо сказать, что в 1902 г. были увеличены также оклады содержания офицерам и чиновникам, служащим в главных управлениях, и военным врачам [212].

Наконец, в 1898 г. были увеличены квартирные деньги. Так, по приказу военного ведомства от 15 мая 1898 г., согласно решению Государственного совета, определя-

[210] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871, л. 13.

[211] См. Приказ по военному ведомству № 141. Данные об офицерском содержании с 1859 по 1909 г. см. в Военной энциклопедии (изд. Сытина, т. IX. СПб., 1912, статья «Довольствие войск»).

[212] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 162, л. 11, Всеподданнейший доклад Военного министерства за 1902 г.

лись новые квартирные оклады[213]. Эти оклады устанавливались в зависимости от местности (вся территория России подразделялась на 8 разрядов) и составляли:

Для	младших офицеров	от	70	до	250 руб.
»	командиров рот	»	100	»	400 »
»	штаб-офицеров	»	150	»	600 »
»	командиров полков и отдельных частей	»	250	»	800 »
»	генерал-майоров	»	300	»	1 000 »
»	генерал-лейтенантов	»	400	»	1 500 »
»	полных генералов	»	500	»	2 000 »

Однако и после всех этих мер материальное положение офицеров продолжало оставаться весьма напряженным, особенно семейных. Надо сказать, что по сравнению с иностранными армиями, в частности германской, в русской армии офицерские оклады оставались ниже[214].

Хорошо знавший военный быт, главный священник армии и флота в своих воспоминаниях, характеризуя армию после японской войны, писал: «Офицер был изгоем царской казны [. . .]. Офицер получал нищенское содержание, не покрывавшее всех его неотложных расходов. И если у него не было собственных средств, то он — в особенности если был семейным — влачил нищенское существование, не доедая, путаясь в долгах, отказывая себе в самом необходимом»[215].

Анализ материального положения офицерства касается лишь армии, да и то за исключением кавалерии, где, так же как и в гвардии, служили в большинстве своем люди со средствами. В гвардии, точнее, в гвардейской кавалерии, где находилось много представителей аристократии, жалованье само по себе не имело почти никакого значения. Так, в полках 1-й гвардейской кавалерийской дивизии месячный бюджет офицера составлял 200 и бо-

---

[213] Приказ № 124. Квартирные оклады включали в себя расходы на отопление и освещение. Существовавшие ранее квартирные оклады были установлены в 1872 г. В 1902 г. Государственный совет снова рассматривал вопрос о квартирных окладах офицеров, при этом размер их был незначительно увеличен.

[214] *Hans Peter Stein*. Der Offizier des russischen Heeres im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861—1905). Berlin, 1967, S. 418.

[215] *Г. Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота, т. I, стр. 94.

лее руб. (кроме жалованья). Особенно много средств требовалось для службы в л.-гв. Гусарском полку. Средства эти расходовались на различные товарищеские кутежи — званые обеды в полковых собраниях, на «представительство» (например, офицеры гвардейской кавалерии не ездили на извозчиках, а лишь на шикарных лихачах, занимали в театрах наиболее дорогие места и т. д.). Много денег требовалось на покупку лошадей. В гвардейской пехоте офицер также не мог обходиться без дополнительных средств. Б. В. Геруа, служивший в л.-гв. Егерском полку, в своих воспоминаниях по этому поводу пишет: «Даже в скромных гвардейских полках, к каковым принадлежал и л.-гв. Егерский, нельзя было служить, не имея никаких собственных средств или помощи из дому. В некоторых же полках, ведших важный и широкий образ жизни, необходимый добавок к жалованию должен был превышать последнее в 3—4 раза и больше. В л.-гв. Егерском полку можно было обойтись 50 руб. и даже меньше»[216].

Жизнь офицера в армейской кавалерии также требовала известных дополнительных средств.

В 1902 г. была создана особая комиссия, которая, в частности, занималась также и изучением вопроса об условиях жизни офицеров армейской кавалерии. В журнале заседания по этому вопросу говорилось следующее: «Офицеры кавалерии, получая одинаковое содержание с офицерами других родов оружия, имеют такие расходы, которых те не имеют, как, например, на лошадь[217], сидельный убор и проч., и не могут обойтись получаемым от казны содержанием. Кто не имеет 350—400 руб. дохода в год, тому крайне трудно служить в кавалерии»[218].

* * *

Обратимся к вопросу о пенсиях. В конце 90-х годов пенсии офицерам и генералам были несколько увели-

---

[216] *Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 65.

[217] Естественно, кавалерийскому офицеру полагалась казенная лошадь, однако считалось неприличным не иметь своей собственной. Артиллерийские же офицеры ездили на казенных лошадях.

[218] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебными заведениями, оп. 40, к. 819, д. 16, л. 29—30. Помимо средств на приобретение лошади кавалерийскому офицеру требовались деньги на покрытие расходов по организации различных полковых званых обедов, ужинов, т. е. в миниатюре на то, что было и в гвардии.

чены. Как указывалось во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1897 г., была создана специальная комиссия, ставившая своей задачей увеличение пенсий. Это и было осуществлено в 1898 г. Пенсии были увеличены на 16—28%[219].

Надо сказать, что пенсии слагались из двух источников, а иногда из трех — собственно пенсии, средств эмеритальных касс[220] и инвалидного капитала (для лиц, получивших увечье либо на войне, либо на службе).

Приведем данные о размере пенсии и эмеритуры в сопоставлении с пенсиями в иностранных армиях после 1898 г. (в руб.)[221]:

	Русская армия			Французская армия	Германская армия
	Пенсия	Эмеритура	Всего		
Полный генерал	1 430	2 145	3 575	—	7 635
Генерал-лейтенант . . .	1 145	1 713	2 858	3 834	5 356
Генерал-майор	860	1 290	2 150	2 997	4 153
Полковник	575	863	1 438	2 248	3 237
Подполковник	430	645	1 075	1 873	1 884
Капитан	345	473	818	1 236	1 440

[219] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 1089, л. 20.

[220] Эмеритальный капитал составлялся как из «высочайших», т. е. царских, пожертвований, обычно в связи с восшествием на престол (так, в 1896 г. в связи с коронацией капитал эмеритальной кассы должен был пополниться до 1 200 000 руб. в год — Приказ по военному ведомству № 101 от 14 мая 1896 г.), так и из ежемесячных 6% взносов с оклада содержания офицеров. Право на получение эмеритальной пенсии имели лишь те офицеры, которые состояли в кассе не менее 20 лет, причем общий срок службы был бы при этом не менее 25 лет. Эти офицеры имели право получать эмеритальную пенсию в размере низшего оклада. Высший оклад могли получать те, кто прослужил в офицерских чинах не менее 35 лет и такое же время вносил эмеритальные взносы. Высший размер эмеритальной пенсии более чем вдвое превышал низший. Между высшим и низшим окладами существовало несколько промежуточных (см. «Военный сборник», 1903, кн. 4, стр. 160). Пенсия из инвалидного капитала в зависимости от увечья была двух классов — I и II. Эта пенсия являлась дополнительной к двум основным. Так, для полковника она составляла 510 руб. — I класса и 305 руб. — II класса; для капитана — соответственно 450 и 255 руб. (см. там же).

[221] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 5294, л. 3. Эмеритура вычислена по высшему окладу.

Следовательно, пенсии в русской армии, как и оклады содержания, были значительно ниже, чем в других армиях.

* * *

Тяжелое материальное положение младших офицеров, едва-едва сводивших концы с концами, определяло и законодательные меры, направленные к ограждению их браков.

Прежде всего офицер не имел права вступать в брак до 23 лет, и при этом если он прослужил в данной части менее двух лет. Согласно закону от 7 февраля 1881 г.[222], офицеры, вступающие в брак в возрасте от 23 до 28 лет и получающие менее 100 руб. в месяц, должны были вносить реверс (своеобразный залог), дающий ежегодный доход в сумме 250 руб. Позднее, в 1901 г., этот закон несколько изменен и уточнен. «Имущественное обеспечение может быть представлено, — говорилось в приказе за этот год, — а) в виде недвижимого имущества, приносящего чистый доход не менее 300 руб., или б) в виде единовременного вклада 5000 руб. деньгами или процентными бумагами; в последнем случае офицеру предоставляется получать ежегодно из капитала не более 300 руб. в год...»[223], т. е. проценты. Это должно было служить добавлением к получаемому жалованью. В том же 1901 г. условия вступления в брак в смысле внесения реверса были также изменены. Реверс обязаны были вносить все офицеры независимо от возраста, если они получали менее 1200 руб. в год.

Таким образом, практически без внесения реверса мог жениться только командир роты примерно в возрасте 35—40 лет. Однако под влиянием общественного недовольства этот закон был отменен, а по закону от 4 марта 1903 г.[224] необходимость внесения реверса опять-таки ограничивалась 28 годами. Необходимость внесения реверса крайне затрудняла для офицера возможность вступить в брак. К взносу реверса в различных частях отно-

---

[222] ПСЗ, 2 собр., т. LV, № 61843.

[223] Приказ по военному ведомству № 102 от 19 марта 1901 г.

[224] См. Приказ по военному ведомству № 82. Как видно из дневника Куропаткина, этот новый закон был вызван тем, что правила 1901 г. были «очень несочувственно приняты в армии» («Красный архив», 1922, т. 2, стр. 28).

сились по-разному: в некоторых командиры требовали внесения всей суммы, в других допускалась заведомая фикция в виде купчей на не имеющую никакой цены недвижимость. Это порождало различные уродливые явления. Так, офицер, не имевший возможности внести реверс, вступал в фактический брак, заводил семью и оформлял свои юридические отношения с женой, достигнув 28-летнего возраста. При этом дети, рожденные до узаконения брака, продолжали именоваться «внебрачными» [225].

Обратимся к другой стороне того же вопроса об офицерских браках. Разрешение вступать офицеру в брак давалось высшим его начальством (по приказу 19 марта 1901 г.) — начальником дивизии, при этом невеста должна быть «пристойна», обладать «доброй нравственностью и благовоспитанностью», а также рекомендовалось принимать во внимание «общественное положение невесты».

Что означало понятие «общественное положение невесты»? В различных частях войск оно определялось поразному. В некоторых, и в большинстве их, определялось происхождением, в других — интеллигентностью, в третьих — нравственными качествами.

По данному вопросу на страницах журнала «Разведчик» печаталось много статей, в которых ставился вопрос о недопустимости рассматривать понятие «благопристойности» лишь с точки зрения происхождения. Так, в 1896 г. в одной из статей, посвященных этому вопросу,

---

[225] Как рассказывает Деникин, на этой почве произошла буквально тяжелая драма. «Полковник пограничной стражи, получивший бригаду в новом месте, где его не знали, и страдая душой за судьбу своих детей, решился сделать в своем послужном списке изменения, изъяв отметку об их «внебрачности». Преступление было обнаружено [...], и полковник был предан суду за служебный подлог. Военно-окружной суд приговорил его к исключению со службы с лишением чинов [...]. Семья оставалась без средств к существованию. Но, на счастье полковника, его делом заинтересовался В. Дорошевич. В «Русском слове» появилась одна из самых ярких его статей, в которой он с потрясающей силой изобразил драму осужденного отца. Общество откликнулось на статью так быстро и так бурно, что уже через несколько дней бывший полковник писал в редакцию, что «судьба его устроена»» («Старая армия», т. 2, стр. 112). Только законом 3 июня 1902 г. (ПСЗ, 3-е собр., т. XXII, № 21566) этот порядок был отменен. Дети, рожденные до оформления брака, признавались законными.

автор, скрывавшийся под псевдонимом поручик С. Л-ов, писал: «Вопрос этот уже возбуждался в «Разведчике», причем доказано, что законодатель совершенно не имел в виду «пристойность» ставить в зависимость от сословия, к которому принадлежит невеста офицера; между тем традиция, быть может имевшая основание когда-то, не задумываясь долго, определяет «пристойность» сословностью: брак офицера может быть с дочерью дворянина, духовного, чиновника и купца первых двух гильдий. Не лучше ли было бы, — заключает автор, — рассматривать слово «пристойность» только лишь с нравственной стороны, наконец, отчасти со стороны образования, но никак не иметь в виду сословность» [226].

Об этом же писалось в «Разведчике» и в 1898 г. в связи с подготовкой нового закона об офицерских браках. Говоря о неопределенности понятия «пристойность», автор пишет: «Из подобного затруднения командиры полков выходят довольно просто — приняв за мерило пристойности звание невесты: если невеста дворянка, купчиха или почетная гражданка, брак с нею признается пристойным и офицеру дается разрешение. [...]. О пристойности в зависимости от звания закон ничего не говорит, но это было принято когда-то [...], а потом перешло в традицию, не имеющую под собой ни логической, ни легальной почвы. Благодаря этой традиции получается следующее: сестра офицера из крестьян или мещан бывает в офицерском собрании, как девушка образованная, она принята везде в обществе, и никому в голову не приходит справляться о ее звании, но если кто-либо из товарищей брата вздумает сделать ей предложение, то брак признается непристойным» [227].

Тот факт, что на страницах военного журнала «Разведчик» весьма широко критиковались бытовавшие по традиции понятия «пристойности», свидетельствует о стремлении некоторой части офицерства к демократизации существующих понятий и нравов. Однако традиционные представления брали нередко верх. Большое значение наряду с происхождением невесты придавалось и другим сторонам ее жизни. Так, нередко не разрешалась женитьба на разведенной, взявшей при разводе вину на

---

[226] «Разведчик», 1896, № 307, стр. 762.
[227] «Разведчик», 1898, № 415, стр. 895.

себя. Такой случай произошел, например, в 1894 г. в л.-гв. Преображенском полку. «У нас очень огорчены тем, что общий в полку любимец Казакевич должен уходить, — пишет вел. кн. Константин Константинович, командовавший Преображенским полком, Николаю II. — Я тебе сказывал про его женитьбу [...]. Она состоялась на днях, а я не могу допустить, чтобы офицер вступил в брак с разведенной, которая при разводе добровольно взяла вину на себя. Казакевич в отчаянии, все мы тоже, но обстоятельства сильнее нас, и мы, скрепя сердце, должны им покоряться»[228]. Надо при этом отметить, что вел. кн. Константин Константинович отнюдь не был Скалозубом, а был человеком образованным и гуманным[229].

* * *

Рассмотрим вопросы офицерской идеологии, а также понятия о чести. С детских лет в корпусе или юношеских в училище будущие офицеры воспитывались в духе преданности вере, царю и любви к отечеству. Эта триединая формула «за веру, царя и отечество» определяла собою официальную политическую идеологию офицерства. «Государственный строй, — говорит Деникин, — был для офицерства фактом предопределенным, не вызывающим ни сомнений, ни разнотолков — «За веру, царя и отечество». Отечество воспринималось горячо, как весь комплекс бытия и народа — без анализа, достаточного знания его жизни. Офицерство не проявляло особенного любопытства к общественным и народным движениям и относилось с предубеждением не только к левой, но и

---

[228] ЦГАОР, ф. Николая II, д. 1268, л. 44.

[229] В иностранных европейских армиях существовали примерно аналогичные законы, определявшие условия вступления офицеров в брак. Так, во Франции невеста офицера должна была иметь годовой доход 1200 фр. и обладать должной нравственностью и общественным положением. В Пруссии невеста младшего офицера, до капитана включительно, должна была обязательно располагать средствами, а также обладать надлежащими нравственными качествами. В Австро-Венгрии имели место те же условия, да к тому же, согласно закону 11 июля 1887 г., число женатых офицеров не могло превышать 1/4 их общего числа (до издания этого закона 1/6). Во всех армиях офицеры должны были получать разрешение командования на вступление в брак (см. *Довбор.* Очерк бывших и действующих законоположений о браках офицеров в России, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1898).

к либеральной общественности»[230]. Действительно, русское офицерство было абсолютно не осведомлено о политической жизни страны, и все общественные вопросы, волновавшие интеллигентную молодежь того времени, проходили мимо него. Однако были исключения. Так, в начале 80-х годов в армии возникла народовольческая группа «Военная организация Народной воли», состоявшая из нескольких десятков человек и возглавляемая подполковником Ашенбренером[231]. В начале 90-х годов среди офицеров и солдат революционных организаций обнаружено не было. Некоторое весьма небольшое число офицеров привлекалось за революционную деятельность. Так, Куропаткин в дневнике указывает, что за 5 лет (с 1898 по 1903 г.) было арестовано за революционную деятельность 8 офицеров[232]. Известны также отдельные случаи революционных настроений в военно-учебных заведениях. Однако они были единичны.

* * *

Понятия об офицерской чести и морали складывались еще в корпусе и училище. Прежде всего они заключались в необходимости блюсти честь мундира, т. е. звание офицера в общем и честь воинской части в частности. При этом символом воинской чести являлись погоны[233].

---

[230] *А. И. Деникин.* Путь русского офицера, стр. 78.

[231] В личном фонде Ванновского (ЦГВИА) хранится список офицеров, уволенных из армии по обвинению в государственных преступлениях за период с 1881 по ноябрь 1883 г. В нем содержится 42 фамилии. Список носит официальный характер. Препроводительная записка подписана начальником Главного штаба Н. Н. Обручевым (ЦГВИА, ф. Ванновского, д. 23, л. 3—4). О военной организации народовольцев см.: *М. Ю. Ашенбренер.* Военная организация Народной воли. М., 1925.

[232] См. «Красный архив», 1922, т. 2, стр. 52. Запись за 10 августа 1903 г. Число же солдат, арестованных за революционную деятельность, в начале 900-х годов с каждым годом возрастало. См. выше, стр. 131.

[233] Самым тяжелым наказанием за бесчестный поступок в кадетском корпусе являлся срыв погон, обставляемый весьма торжественно-драматически: перед строем роты ротный командир срывал у виновного погоны под барабанную дробь. После этого виновный кадет шествовал за ротой, в нескольких шагах от левого фланга. Это имело огромное воспитательное значение. Автор настоящих строк, учась в предреволюционные годы в Первом Московском кадетском корпусе, был свидетелем подобной экзекуции. Заметим, что офицер,

Офицер, подвергшийся оскорблению действием, т. е. избитый (хотя бы это было совершено напавшими на него пьяными хулиганами), немедленно должен был подать в отставку, что чрезвычайно строго соблюдалось [234].

Приведем также случай, происшедший с инспектором классов Петровско-Полтавского кадетского корпуса полк. Липеровским. В начале 900-х годов начальник Главного управления военно-учебных заведений вел. кн. Константин Константинович наметил Липеровского на должность директора Оренбургского кадетского корпуса. Однако военный министр Куропаткин решительно воспротивился этому. Как видно из письма вел. кн. Константина Константиновича к Ванновскому, бывшему тогда министром народного просвещения, дело было в следующем: «Липеровский, будучи еще очень молодым офицером, вследствие ссоры с товарищем подвергнулся от него оскорблению действием. Это обстоятельство побудило генер[ала] Куропаткина, — писал великий князь, — отклонить назначение Липеровского. Последний, правда, после случившейся с ним в юные годы беды оставил было службу, но очень скоро был принят на службу в другую воинскую часть [...] и служит и поныне безукоризненно. Приключившаяся ему невзгода никому не известна, участники ссоры иные умерли, иные разбрелись по всему свету, и сорокалетняя без малого давность должна была бы за-

---

а также юнкер и кадет ни при каких условиях не считали возможным показаться где-либо без погон.

[234] Ген. Киреев в своем дневнике за 1897 г. приводит следующий факт: «Два офицера л.-гв. Гродненского полка, находившиеся в состоянии опьянения, уличили хозяина трактира в мошенничестве и избили его. Хозяин в свою очередь, созвав лакеев, избил офицеров. Офиц[еры], — пишет Киреев, — конечно, уволены немедленно в отставку» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 12, л. 166). Ген. Драгомиров в своих отчетах командующего Киевским округом неоднократно сообщает о случаях нападения на отдельных офицеров ночью и избиения их группой молодежи, происходивших в небольших местечках. Офицеры принуждены были после этого подавать в отставку. Однако это не всегда соблюдалось в среде, близкой ко двору. Тот же Киреев рассказывает о драке, происшедшей между двумя свитскими генералами кн. Дондуковым-Корсаковым и кн. Белозерским-Белосельским, которые в ресторане подрались из-за какой-то дамы полусвета и оборвали друг другу погоны. «...Генерал-адъютант князь Дондуков остался ген[ерал]-адъютантом, Белосельский-Белозерский вышел в отставку, но теперь опять в свите!» (там же, К. 13, л. 5). Здесь есть неточность: оба они в свите не были.

ставить позабыть случившееся»[235]. И все-таки пост директора корпуса он так и не получил, и великий князь, обращаясь к Ванновскому, просил устроить своего протеже по ведомству Министерства народного просвещения.

В основе офицерской морали лежало выполнение воинского долга, и в этом отношении русское офицерство изучаемого нами периода было на высоте. Свидетельством этому были как русско-турецкая война 1877—1878 гг., так и русско-японская, где офицерство выполняло честно свои воинские обязанности.

Высокую оценку поведению офицеров дает Куропаткин в своем отчете «Итоги войны»: «Наши офицеры, за немногим исключением, вели себя доблестно, теряли большой процент убитыми и ранеными (значительно больший, чем нижние чины)»[236]. Действительно, процент потерь среди офицеров был значительно выше. Так, по официальным данным, с ноября 1904 г. по сентябрь 1905 г. процент убитых, раненых и пропавших без вести среди офицеров составлял 30%, а среди солдат — 20%. При этом процент убитых среди офицеров составлял 4,1, среди солдат — 2,5[237].

Так же оценивает поведение офицеров и полковник германской службы Гедке, бывший военным корреспондентом на театре военных действий: «Русских офицеров не раз обвиняли в том, что на поле битвы они не выказывали необходимой твердости и геройского презрения к смерти [...]. Это обвинение красноречиво опровергается цифрами потерь: на самом деле храбрые офицеры не щадили своей крови [...], в общем русский офицер никому не уступит в личной храбрости»[238]. Однако справедливость требует сказать, что наблюдались и другие факты. Тот же Куропаткин в своем отчете указывает, что «с прибытием на театр военных действий между офицерами обозначалась болезненность, превосходившая болезненность среди нижних чинов»[239]. Об этом же говорит в своих записках «На японской войне» и В. В. Вересаев,

---

[235] ЦГВИА, ф. Ванновского, д. 97, л. 2—3.

[236] «Итоги войны». Отчет генерал-адъютанта Куропаткина, т. 4. Варшава, 1906, стр. 192.

[237] Там же, стр. 297.

[238] «Братская помощь», 1907, т. 10, стр. 91.

[239] «Итоги войны». Отчет генерал-адъютанта Куропаткина, т. 4, стр. 192.

приводя многочисленные примеры, когда офицеры по существу дезертировали, скрываясь во время активных боевых действий в госпиталях под видом больных [240].

Надо сказать, что чувство товарищества среди офицеров, всячески культивировавшееся как в кадетских корпусах, так и в военных училищах, даже в пределах своей части было не всегда на высоте. Об этом говорит целый ряд авторитетных свидетельств. Примеров нарушения товарищеской этики среди офицеров можно, естественно, привести немало. «Войсковое товарищество [...], — говорит военный писатель Егор Егоров (артиллерийский офицер Г. Г. Ельчанинов), — да где же оно, разве что в книжках? Система аттестаций сделала свое дело: все бросились решать задачу о курьерах! Кто скорее доедет из города А в город Б (по дороге спихнув в придорожную канаву зазевавшегося из заснувших от утомления соревнователей» [241]. В осуществление «более быстрого достижения города Б» нередко практиковались различные комбинации, как, например, переход на несколько лет в военно-учебные заведения, где система чинопроизводства была более быстрой, а затем, обогнав своих товарищей, снова возвращение в свою часть, «садясь им на головы». О том же говорит полковник германской службы Гедке. По поводу этого он писал: «Разнохарактерность офицерского состава создала отсутствие между офицерами тесной связи и строго кастового объединения, а также весьма слабо развито чувство общеофицерской чести. Среди русских офицеров мало заметно чувство товарищества, и сознание взаимной ответственности им совершенно чуждо» [242]. К этому высказыванию надо отнестись весьма критически. Действительно, в русской армии, к ее счастию, не было развито, как в германской, той кастовости, за исключением разве отдельных гвардейских полков, которая превращала германских офицеров в каких-то особых сверхчеловеков. Но вместе с тем нельзя не признать, что, по-видимому, автор в какой-то степени был прав. Надо думать, что здесь извест-

---

[240] *В. В. Вересаев*. Собр. соч. в пяти томах, т. 3. М., 1963, стр. 133—135. См. также статью Глинского «Воскресшие покойники» в журнале «Разведчик» (1906, № 828).

[241] *Егор Егоров*. Третий сборник (Армейские рассказы, очерки, шаржи). СПб., 1914, стр. 192—193.

[242] «Братская помощь», 1907, № 10, стр. 89—90.

ную роль играл разносословный состав офицерского корпуса. Однако было бы неверным отрицать отсутствие чувства товарищества среди русских офицеров. На мой взгляд, следует говорить лишь об ослаблении этого чувства. Можно предполагать, что и ход социально-экономического развития опосредствованно мог оказывать на это свое влияние. Однако корпусные и училищные традиции — известная обособленность офицерства от других групп населения, а главное, характер военной деятельности — все это не могло ликвидировать чувства офицерского товарищества и в мирное время.

Необходимо отметить одну особенность, присущую русскому офицерству, — презрение к угодничеству перед начальством и в кадетском корпусе, и в военном училище, и в войсковой части. Это было действительно так. Вместе с тем надо сказать и о другой, близкой к указанной выше черте офицерского характера — ненависти к доносительству, фискальству. Это качество пользовалось в офицерской среде полным презрением. Потому-то офицеры, переходившие в корпус жандармов, вызывали у своих товарищей гадливое чувство, и в офицерское собрание они не приглашались [243].

* * *

Говоря о представлениях, касающихся чести мундира, отметим, что эти понятия порой приобретали весьма отрицательные свойства.

Прежде всего надо сказать о противопоставлении офицерства лицам гражданским, которые презрительно именовались или «шпаками», или «штафирками» [244]. В силу своего особого положения офицеры считали воз-

---

[243] Надо заметить, что и само высшее жандармское начальство не всегда уважительно относилось к чинам своего ведомства. Как рассказывает А. Ф. Кони, в начале 70-х годов он как представитель судебного ведомства вел следствие по одному уголовному делу совместно с жандармами. Вызвавший его по этому делу в III отделение шеф жандармов гр. П. А. Шувалов обратился к нему с вопросом: «Ну, а что мои скоты?», имея в виду своих жандармских офицеров (см. *А. Ф. Кони.* Собр. соч., т. 5. М., 1968, стр. 283—284). Об отношении офицеров к жандармам см. также в воспоминаниях В. Г. Короленко «История моего современника» (*В. Г. Короленко.* Собр. соч., т. 6. М., 1954, стр. 193).

[244] Это противопоставление военных штатским существовало издавна, однако к концу XIX в. оно приняло более резкие формы. А. И. Куприн в своей повести «Юнкера» вспоминает об одной ста-

можным допустить по отношению к «шпаку» любую нетактичность, а то и просто оскорбить его.

Вполне естественно, что это презрительное отношение к штатским было распространено далеко не среди всего офицерства. Оно обусловливалось рядом причин: сословным составом, традициями, наконец, уровнем образования и культуры. Данное явление было распространено сильнее всего в кавалерии, особенно в гвардейской. Именно здесь фанфаронские традиции были чрезвычайно живучи. В артиллерии и инженерных войсках, где офицерство было более образованно, подобное явление не имело массового распространения. Не было оно широко развито и в пехоте, по-видимому, вследствие наиболее демократического состава офицеров этого рода оружия. Военный писатель Егор Егоров в одном из своих рассказов зло высмеивает это «превосходство» военных над гражданскими. «Вот наши преимущества перед вами,— говорит герой рассказа, офицер, своему родственнику Коко Штафиркину.— Вы ходите и ездите, мы «следуем»; вы едите и пьете, мы «довольствуемся»; вы ходите в город, мы «увольняемся со двора» [...]; вы носите рубашку и кальсоны, мы «тельную рубаху» и «исподние брюки»; вы женитесь, мы «вступаем в брак»; вы покупаете вещи, мы их «искупаем»; вы шьете одежду и обувь, мы ее «строим»; когда они готовы, вы примеряете, а мы «пригоняем»; вы нанимаете прислугу, мы получаем «довольствие денщиком в натуре или в деньгах» [...]; вы ходите в баню, моетесь, чешетесь, мы соблюдаем «правила для содержания себя в чистоте и порядке»; вы, положим, пьянствуете, безобразите, мы нарушаем «общественное в публичном месте благочиние» [...]»[245]. Эти «преимущества» были

ринной песенке, которую распевали юнкера Александровского военного училища в конце прошлого столетия. В ней были следующие куплеты:

Терпеть я штатских не могу
И называю их шпаками,
И даже бабушка моя
Их бьет по морде башмаками.
Зато военных я люблю,
Они такие, право, хваты,
Что даже бабушка моя
Пошла охотно бы в солдаты.

(*А. И. Куприн.* Собр. соч., т. 6. М., 1953, стр. 247.)

[245] *Егор Егоров.* Военные рассказы (Рассказы, шаржи и статьи, заметки), изд. 3. Пг., 1915, стр. 8.

настолько велики, что Коко Штафиркин был буквально «поражен» и очень сожалел, что по возрасту не может поступить вольноопределяющимся в полк.

В чем причина подобных представлений о превосходстве военных над гражданскими? Надо думать, что известная обособленность офицерской жизни[246], с одной стороны, и особый характер ее профессии — с другой, не могли не иметь здесь определенного значения, однако вместе с тем было и другое — влияние прусских дворянских традиций, получивших в германской армии большое распространение.

Одним из показателей этого влияния явился закон 20 мая 1894 г.[247], вводивший офицерские дуэли[248].

Именно закон о дуэлях имел большое значение для утверждения в сознании офицеров своего превосходства как людей особого рода, которым разрешается то, что другим запрещено. Остановимся подробнее на этом вопросе. Основные положения этого закона заключались в следующем. Первый его пункт гласил: «Командир полка о всяком оскорблении, роняющем достоинство офицерского звания, нанесенном офицером своему товарищу, а равно нанесенном офицеру посторонним лицом или офицером другой части, передает на рассмотрение суда общества офицеров»[249]. Далее указывается, что «суд об-

---

[246] Германский военный историк Х. Р. Штейн в своей книге «Der Offizier des russischen Heeres im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861—1905)» полагает, что большую роль в обособлении русского офицерского корпуса сыграли офицерские собрания, которые начали возникать в середине 70-х годов. В свою очередь в прусской армии они открываются сразу же после наполеоновских войн (S. 426—428). С этим мнением нельзя не согласиться. Однако это не единственная причина.

[247] См. Приказ военного ведомства № 118 от 20 мая 1894 г.

[248] Этот закон был заимствован в Германии, где аналогичное законодательство было принято 2 мая 1874 г. (в свою очередь закон 1874 г. только изменил прусский закон по этому вопросу, изданный 20 июля 1843 г. Надо заметить, что прогрессивная германская общественность вела упорную борьбу, в том числе и в рейхстаге, против дуэлей. В этом отношении интересна запись в дневнике Киреева о своей беседе с германским ген. Ганке. «Как и все германские военные, и Ганке, — заносит в дневник Киреев, — завидует нашему правительству, которое может принимать все надлежащие меры для организации и усовершенствования армии, не стесняясь тем, что говорят разные журналисты, не опасаясь парламентарных крикунов и того ложного общественного мнения, которое выражается парламентом» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 12, л. 92).

[249] Приказ военного ведомства № 118 от 20 мая 1894 г.

щества офицеров по рассмотрению дела [...] принимает меры к примирению в том случае, если признает примирение, согласным с достоинством офицера и традициями части, в противном же случае постановляет, что поединок является единственным приличным средством удовлетворения оскорбленной чести офицера»[250]. Наконец, ниже, говорилось, что «если в течение двух недель по объявлению решения суда Общества офицеров поединок не состоится и отказавшийся от поединка офицер не подает просьбы об увольнении от службы, то командир полка входит по команде с представлением об его увольнении без прошения»[251].

Через день, 21 мая, был издан приказ в дополнение к предыдущему, в котором подчеркивалось, что суд Общества офицеров правомочен ставить вопрос об удалении из части офицеров, «когда обнаружится, что офицер, защищая свою честь или давая удовлетворение оскорбленному, не проявил при этом истинного чувства чести и личного достоинства, а обнаружил старание соблюсти лишь одну форму»[252]. Таким образом, и офицер, принявший вызов и дравшийся на дуэли, мог быть также уволен из полка, если он вел себя «недостойным» образом. А это понятие могло толковаться очень широко.

Как явствует из всеподданнейшего доклада военного министра, вопрос о разрешении дуэли был поставлен на повестку дня в начале 90-х годов. «Обнаружившиеся с некоторого времени случаи оставления в рядах армии офицеров, позорным образом оскорбивших своих товарищей, а равно и потерпевших такое оскорбление и не озаботившихся принять должные меры к восстановлению своей чести, — писал Ванновский в докладе за 1892 г., — вызвали необходимость более целесообразной постановки вопроса о дуэлях, случающихся между офицерами. Вопрос этот был подвергнут тщательному обсуждению, а затем по сему предмету [...] составлен проект особых правил, коими расширяются права суда общества офицеров при разбирательстве встречающихся между офицерами ссор»[253].

---

[250] См. там же.

[251] Там же.

[252] Приказ военного ведомства № 119 от 21 мая 1894 г.

[253] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 48, л. 42.

Инициатором приказа о дуэлях, по-видимому, был сам военный министр. «Ванновский мне говорил, — рассказывает в своем дневнике А. А. Киреев, — что русск[ая] армия обязана ему восстановлением чести ее мундира. Он не без самодовольства рассказывал мне [...], что он указал государю на необходимость такого восстановления» [254]. Итак, Александр III, проводивший в течение всего своего царствования национально-шовинистическую политику и испытывавший особую неприязнь к немцам, ровно за пять месяцев до своей смерти ввел в русской армии германский закон о дуэлях.

Николай II отнесся к этому вопросу также весьма сочувственно. Об этом рассказывает в дневнике тот же Киреев, являвшийся одним из горячих сторонников введения в русской армии дуэлей и, более того, разработавший новый проект закона по этому вопросу [255]. Наконец, о благожелательном отношении Николая II к дуэлям говорит в дневнике и Куропаткин. Так, в записи за 5 июля 1899 г. он пишет следующее: «...государь высказал опасение, как бы работы комиссии о дуэлях (в конце 90-х годов была создана такая комиссия для пересмотра указанного вопроса. — *П. З.*) не попали в Главное судное [256] управление, и при этом высказал: «Главное, поменьше изменений в действующем законоположении»» [257].

Здесь интересно не только отношение молодого царя к дуэлям, но и отношение его к собственно законам, имея в виду, что закон о дуэлях шел вразрез с существующим законодательством, в силу чего царь боялся вмешательства военных юристов. Главное военно-судное управление относилось к закону о дуэлях отрицательно, о чем прямо говорится в его отчете за 1901 г. Речь шла об издании «Свода правил о возбуждении, направлении и разрешении дел чести в офицерской среде», подготовленного Главным штабом. В отчете указывалось, что Главное военно-судное управление принуждено было высказаться против этого проекта по ряду причин, и в том числе «ввиду несогласованности упомянутого проекта с нашими

---

[254] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 12, л. 178.

[255] Проект Киреева отличался от действующего закона рядом деталей: наиболее важным пунктом его была замена огнестрельного оружия холодным (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, К. 12, л. 24).

[256] Т. е. Главное военно-судное управление.

[257] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1872, л. 6.

основными и уголовными законами»[258]. Во всяком случае Главное военно-судное управление полагало возможным издание указанного проекта лишь в форме неофициального сборника вследствие «сохранения за поединком нашим законодательством характера преступного деяния».

Надо сказать, что закон о дуэлях встретил в армии далеко не всеобщее одобрение. Прежде всего следует заметить, что М. И. Драгомиров отнесся к этому отрицательно. В ряде статей, опубликованных в журнале «Разведчик», а затем объединенных в брошюре «Дуэли», Драгомиров решительно выступает против закона 20 мая 1894 г. «Что с умовой точки, — пишет он, — дуэль представляет очевидный абсурд в благоустроенном государстве, особенно в таком, где по преимуществу смертная казнь упразднена, кажется, не требует пространственных доказательств. Нелогично предоставлять индивидууму право жизни и смерти над себе подобным там, где от этого права отказалась сама государственная власть. Нелогично предоставлять его даже и там, где она от него не отказалась, ибо в смертной казни по суду мотив личный отсутствует [...]. Наконец, нелогично и вообще при каких бы то ни было порядках, кроме, разумеется, первобытно-дикого состояния, признавать за человеком право быть судьей в своем собственном деле»[259]. И далее, критикуя этот закон, он продолжал: «Подымаясь в сферу более общую, нельзя и того не отметить, что приказ 1894 г. внес глубокий разлад в общее законодательство. Оскорбленный вольный вызвал офицера на дуэль и уложил его на месте — на два, на три года в крепость. Если бы случилось обратное, офицер-обидчик остался бы безнаказанным, уложив при этом обиженного. Два веса, две меры в законодательстве не годится»[260]. Именно в силу этого Драгомиров считает необходимым «ограничиться одним законом, безусловно воспрещающим дуэли для всех сословий»[261].

---

[258] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 62538, л. 24.

[259] *М. И. Драгомиров.* Дуэли. Киев, 1900, стр. 12.

[260] Там же, стр. 15. Дуэли между офицерами и гражданскими лицами были разрешены в 1897 г.

[261] Там же. Однако при всем этом и Драгомиров признавал возможность самозащиты, если будет задета честь офицера. Так, в одной из своих статей он писал: «Офицер должен быть смирен и без-

В офицерском журнале «Разведчик» вопросу о дуэлях отводится много места и решается он в отрицательном смысле[262]. Так, в статье «Поединки», помещенной в ряде номеров журнала за 1898 г., писалось: «Всем ясно, что дуэль отжила свое время, что она не соответствует культурным и правовым основам современного государства, что она недопустима ни с моральной, ни с религиозной точки зрения»[263]. Далее в статье говорилось, что законодательство западноевропейских стран смотрит на поединок как на социально вредный предрассудок [...]. Единственное исключение, — говорится в статье, — представляет Германия — страна, где наиболее живы еще в известной части общества средневековые дворянские традиции и обычаи (юнкерство)»[264]. В другой статье по поводу дуэли автор писал: «Вопрос о дуэлях является ужасной аномалией, вопиющей жестокостью. Ее дикая логика, ее варварские последствия кричат сами за себя, резко доказывают необходимость ее уничтожения. Решение спора с оружием в руках, из которого выходит победителем не правый, а искусный стрелок, тот, кто хладнокровней, без протестующего голоса совести целится в лоб себе подобного, разве это не резкий диссонанс в быстро идущей вперед цивилизации?»[265] Подобные высказывания, характеризующие отрицательное отношение к дуэлям широких

обиден как овечка, но малейшее посягательство на оскорбление его действием (т. е. физически. — *П. З.*) должно вызвать с его стороны возмездие оружием, мгновенное, рефлекторное [...]. «Апология убийства! Самосуд!» — взвоют, вероятно, прогрессисты известного типа и запаха. Теперь этими жупелями никого не запугаешь [...]. Это апология не убийства, не самосуда, а право-самозащиты, как уже сказано, прирожденно[е] непререкаемо[е], никакими писанными законами не упразднимо[го] [...]. Хороши ли у Вас клинки, господа? Заведите, это не роскошь, а необходимость. Отточены ли у Вас шашки, господа? Отточите. Умеете ли Вы ими рубить, господа? Практикуйтесь усиленно и непрерывно. Револьверы тоже в порядке держите» (*М. И. Драгомиров*. Одиннадцать лет. Сборник статей, ч. II. СПб., 1909, стр. 126).

262 Судя по одному из рассказов — «Нечаянный грех» (см. «Разведчик», 1894, № 217), сторонницей дуэли была преимущественно офицерская молодежь.

263 «Разведчик», 1898, № 440, стр. 265.

264 Там же, стр. 266. Тут же говорилось, что «общественное мнение и в Германии относится к существованию дуэлей в офицерской среде весьма враждебно», и приводились примеры этого.

265 «Разведчик», 1899, № 459, стр. 666.

кругов офицерской общественности, можно было бы значительно умножить [266].

Обратимся к вопросу о статистике дуэлей. Закон 1894 г., естественно, увеличил их количество. Так, за предшествующие 15 лет, с 1876 по 1890 г., их было 15 [267]. За 10 же лет со времени узаконения дуэлей число их составило 186 [268]. Рассмотрим их результаты:

	Число		%
Без крови	130,	или	69,9
С царапинами . . . . » контузией	9	»	4,8
» легкими ранениями	28	»	15,0
» тяжелыми	8	»	4,3
Со смертельным исходом . . .	11	»	6,0

Таким образом, смертельные исходы и тяжелые ранения составляли сравнительно небольшой процент — 9,8, однако каждый из этих процентов равнялся примерно двум человеческим жизням, жизням молодых людей, погибших или искалеченных во имя ложно понимаемой чести мундира. Однако основное зло, причиненное этим законом, было значительно шире и глубже этих цифр. Закон о дуэлях укреплял в сознании офицеров ложную идею превосходства их над всем прочим населением, идею, весьма порочную, отрицательно влиявшую прежде всего на само офицерство. Это укрепляло и распространяло среди офицеров всякого рода представления о том, что им дозволено больше, чем простым смертным. Это обусловливало презрительно-издевательское отношение к «шпакам» и культивировало различного рода крепостнические пережитки, в частности рукоприкладство, «мордобойство» [269].

---

[266] Однако решительным, непреклонным сторонником дуэлей был уже упоминавшийся выше ген. Киреев. Он полагал, что введение дуэлей будет способствовать развитию понятия об офицерской чести и общему повышению моральных качеств офицеров.

[267] См. «Разведчик», 1899, № 441, стр. 289.

[268] См. *И. Микулин.* Пособие для ведения дел чести в офицерской среде. В двух частях, ч. I. СПб., 1912, стр. 177—191 (подсчет сделан мною. — *П. З.*).

[269] Битье солдат хотя имело место и не повсеместно, но все же получило широкое распространение в армии. Вопреки существовавшим законам солдат били. Об этом свидетельствуют приказы и статьи М. И. Драгомирова, выступавшего решительным противником

Презрительное отношение ко всем, кто не носил офицерских погон, принимало порой чудовищные формы. В некоторых частях войск Общество офицеров не допускало в офицерские собрания врачей своей же части, так как последние хотя и носили военную форму, но являлись не офицерами, а военными чиновниками. Об этом говорит в одной из своих статей М. И. Драгомиров. «Правда, по слухам, — писал он, — есть такие странные части, в которых будто бы не допускают врачей в офицерские собрания; если это действительно так, то можно сказать одно, что подобные взгляды представляют признак великого недомыслия со стороны господ офицеров»[270]. Что это было действительно так — не как исключение, а как правило, — свидетельствует приказ по военному ведомству, излагавший Положение об офицерских собраниях. По Положению постоянными членами собраний могли быть только офицеры данной части. Военные врачи, чиновники, служившие в этой части, а также офицеры других частей войск, не имевших собственного собрания, могли приниматься только временными членами. Вопрос об их приеме решался местным начальством. Так, в 12-м пункте Положения говорилось по этому поводу, что разрешение посещать собрания принадлежит исключительно начальнику части, который дает разрешение отдельно каждому лицу, заявившему желание стать временным членом Общества[271]. Следовательно, дело было не в «недомыслии» командиров части или Общества офицеров,

---

кулачной расправы и усматривавшего в ней пережитки крепостного права. «И как не приходит в голову этим господам, — писал он в одной из своих статей, — что их морда слеплена из той же самой глины, что и солдатская, и что если солдат об этом догадается, то нехорошо будет» (*М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет. Сборник статей, ч. II, стр. 486). О побоях солдат рассказывает и вел. кн. Николай Михайлович в своих неопубликованных воспоминаниях «Моя служба в кавалергардах». Говоря об одном из эскадронных командиров, он пишет, что тот «был несправедлив и взыскателен к нижним чинам, которых лупил по мордасам во время всех учений» (ЦГАОР, ф. вел. кн. Николая Михайловича, д. 7, л. 25). Наконец, это нашло отражение и в известной офицерской песенке «Журавель». «Морды бьют на всем скаку в Мариупольском полку», — говорится в одном из ее куплетов.

[270] *М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет, ч. II, стр. 190.

[271] См. Приказ по военному ведомству № 279 от 1884 г. Больше того, согласно циркуляру Главного штаба, кандидаты на классную должность (т. е. молодые врачи или чиновники, не получившие еще чина) в офицерское собрание не допускались.

а в отношении к данному вопросу Военного министерства, которое не могло не быть известно «державному вождю армии».

Превратное представление об офицерской чести и чести полка приводило порой к обратным результатам: тот или иной офицер, совершивший бесчестный поступок в своем полку, изгонялся не из армии, а лишь из полка, так как понятия о чести полка запрещали «выносить сор из избы». По этому поводу М. И. Драгомиров писал: *«Не будь фальшивых представлений о чести полка, войсковой организм легко и свободно очистился бы от того процента презренных личностей, которые, быв уличены в чем-либо позорном в своей части, все-таки продолжают оставаться в войске, нанося ему, а иногда даже прежней своей части неисчислимый вред»* [272].

Однако при всех извращениях и ложных представлениях об офицерской чести, культивировавшихся самодержавием, а также и других своих недостатках по крайней мере большинство русского офицерства было верно воинскому долгу, обладало личным мужеством и питало презрение к угодничеству и фискальству.

* * *

В заключение характеристики офицерства остановимся еще на двух вопросах: о взаимоотношениях, существовавших внутри офицерского корпуса между офицерами различных родов войск, и о продолжительности ежедневных занятий офицера. Отношения между офицерами отдельных частей были весьма своеобразны. Они характеризовались отчужденностью и даже рознью между представителями отдельных родов оружия: гвардейцы смотрели свысока на армию, кавалеристы относились презрительно к пехоте, между конной и пешей артиллерией существовала также неприязнь. Даже внутри гвардии в офицерском корпусе не было монолитности: гвардейская кавалерия отчужденно относилась к гвардейской пехоте. Более того, между офицерами двух наиболее аристократических гвардейских полков — Кавалергардского и л.-гв. Конного существовали своеобразные отношения. «Когда я

---

[272] *М. И. Драгомиров.* Разбор романа «Война и мир». Киев, 1895, стр. 16.

поступил в полк, — рассказывает вел. кн. Николай Михайлович в своих воспоминаниях «Моя служба в кавалергардах», — отношения между нами и конногвардейцами были самые натянутые [...]. Старшие офицеры конной гвардии преследовали тех немногих, которые дерзали бывать у нас в офицерском собрании»[273]. Однако вся эта рознь, даже рознь между гвардией и армией, была не глубока. Достаточно сказать, что с начала военных действий в период русско-японской войны большое число офицеров гвардии, желая попасть в действующую армию, перешло в те или иные армейские полки.

Обратимся к второму вопросу — выяснению продолжительности ежедневных офицерских занятий. Комиссия по тактическому образованию войск, работавшая в 1903 г., в своде мнений по этому вопросу писала: «Едва ли можно сомневаться, что *у офицера число часов в сутки в течение зимнего периода превышает установленное законом для фабричных и заводских рабочих*»[274]. Однако это, по-видимому, относилось лишь к командирам рот, так как в ряде воспоминаний служебный день младшего офицера определялся примерно шестью часами, не считая вечерних тактических занятий, которые производились далеко не ежедневно и вообще нерегулярно. Так, Б. В. Геруа, служивший младшим офицером в л.-гв. Егерском полку, рассказывает, что ежедневные служебные занятия продолжались с 8 утра до 4 часов дня, с двухчасовым перерывом на обед[275]. Эту цифру — 6 часов — называл в своих воспоминаниях и Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, служивший в 1903 г. в одном из туркестанских стрелковых батальонов[276].

Таковы основные вопросы, характеризующие состояние офицерского корпуса.

---

[273] ЦГАОР, ф. вел. кн. Николая Михайловича, д. 7, стр. 4—5.

[274] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 4391, л. 17.

[275] См. *Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 66.

[276] См. «Записки Б. М. Шапошникова». — «Военно-исторический журнал», 1961, № 7, стр. 63—64. Правда, обучение грамоте, как рассказывает Шапошников, он передоверял унтер-офицерам, что, естественно, укорачивало время его служебных занятий (там же, стр. 64).

Глава 5

Обучение войск

Всякая война является самой верной проверкой системы боевой готовности, и, естественно, для изучаемого нами периода таким критерием была русско-турецкая война 1877—1878 гг. Несмотря на победоносный исход кампании, война обнаружила негодность большинства высшего командного состава, особенно главнокомандующих, недостатки в организации армии, несовершенство стрелкового оружия и артиллерии, а также крупные пробелы в обучении войск.

Прежде всего война обнаружила слабое взаимодействие отдельных родов оружия, причиной чего явилось отсутствие крупных воинских соединений (армейских корпусов), сформированных только незадолго до начала войны.

Серьезные недостатки имели место и в огневой подготовке. Существующие уставы не соответствовали уровню развития вооружения. Это находило свое выражение и в недооценке рассыпного строя. Наступление сомкнутыми колоннами влекло за собой большие потери в условиях применения новых видов стрелкового и артиллерийского оружия. В то же время игнорировалось ведение огня с дальних расстояний как пехотой, так и артиллерией.

Война обнаружила также существенные пробелы и в инженерной подготовке войск. Несмотря на то что солдат в мирное время обучали саперным работам, однако недостаточное количество шанцевого инструмента (десять лопат на роту) приводило к невозможности самоокапывания в боевых условиях. Наконец, подготовка кавалерии также не на высоте. Кавалерия была слабо под-

готовлена к разведывательной службе, недостаточна была также и стрелковая ее подготовка [1].

* * *

По окончании войны была проведена значительная работа по созданию и переработке различных уставов и инструкций. Так, еще в начале 1881 г. был составлен «План распределения годовых занятий в войсках», который устанавливал единообразную для всей армии программу боевой подготовки. План «разделяет время занятий каждого года на два главных отдела: зимний и летний, а затем каждый из этих отделов на более мелкие периоды, причем в летнем отделе самим разделением на периоды установлена такая последовательность, которая, определяя каждой части особое время для самостоятельных занятий, дает ей возможность основательно подготовить себя для перехода к совокупным упражнениям» [2].

Действительно, план предусматривал зимой для различных родов войск обучение гимнастике, проведение строевых занятий, изучение «словесности» (уставов), обучение стрельбе в цель, обучение грамоте и др.

Летние занятия подразделялись на два периода. В первый производились занятия по родам войск. В пехоте поротно — 6 недель, побатальонно — 4 недели [3] и занятия в составе полков — 2 недели. Здесь имелись в виду и практические стрельбы, и «полевая гимнастика», и занятия по самоокапыванию. Если занятия поротно предусматривали односторонние тактические учения, то батальонные и полковые были двухсторонними. В кавалерии строевым и тактическим занятиям в пешем строю отводилось 12 дней из 64 [4].

Второй период летних занятий предполагал «общие сборы всех родов оружия», на что отводилось 4 недели, а затем войска должны были привлекаться к участию

---

[1] Более подробные данные о недостатках боевой подготовки, обнаружившихся в период войны, см. мою книгу «Военные реформы 1860—1870 годов в России», стр. 330—350.

[2] «План распределения годовых занятий в войсках». СПб., 1881, стр. 4.

[3] В отдельных батальонах 8 недель.

[4] См. «План распределения годовых занятий в войсках», стр. 33.

«в больших маневрах». Таким образом, эти программы занятий имели большое значение для боевой подготовки войск. Однако практически, как об этом будет сказано ниже, летняя программа обучения войск, являвшаяся наиболее важным звеном, целиком не выполнялась.

Программа в области тактики имела слабые стороны: в ней не было предусмотрено проведение ночных учений в летний период и совершенно отсутствовали тактические занятия зимой. Вместе с тем были переработаны наставления «Для обучения стрельбе», «Для войскового окопного дела», а позднее — строевые уставы различных родов войск. При этом большое внимание уделялось, как уже говорилось, вопросам взаимодействия различных родов оружия. За период 80-х и первой половины 90-х годов для пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск было издано около 80 различных уставов, наставлений, инструкций по обучению войск[5]. Подобная работа продолжалась и в последующий период. Так, в конце 90-х годов и в начале века были разработаны «Наставление для обучения стрельбе» (ч. I—II, 1899 г.), «Устав строевой кавалерийской службы 1896 г.» (ч. I—IV), «Положение об обучении нижних чинов пехоты» (1901 г.). В 1901 г. Драгомировым были разработаны «Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия», «Устав полевой службы» и др. Еще в 1882 г. была составлена «Инструкция для занятий с офицерами», представлявшая собою программу тактической подготовки офицерского состава. К сожалению, эти занятия должны были проводиться в часы «досуга», к тому же серьезным недостатком данной инструкции была ее стабильность. Так, до начала русско-японской войны в нее не было внесено никаких дополнений.

Военное министерство придавало большое значение практической подготовке войск в лагерях, подвижных сборах и маневрах, имея в виду совместные действия всех родов войск. Однако в силу целого ряда причин в обучении войск совместным действиям принимали участие далеко не все воинские части. Так, во «Всеподданнейшем отчете о мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898—1902 гг.» приводятся следую-

---

[5] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 361—369.

щие данные об участии войск в летних сборах, посвященных совместным действиям всех родов оружия [6]:

Годы	Число войск, участвовавших в сборах, в %		
	Пехота	Кавалерия	Артиллерия
1898	41	52	43
1899	55	61	61
1900	40	50	45
1901	60	71	73
1902	64	67	67

Большое распространение получают также маневры, производимые преимущественно в пограничных районах с целью ознакомления войск с той местностью, которая может стать театром военных действий [7]. Так, впервые подобные маневры были проведены в 1886 г. между войсками Варшавского и Виленского округов, в 1888 г. — под Елизаветградом, где участвовали войска Харьковского и Одесского округов [8]. Со второй половины 90-х годов ма-

[6] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 1140, л. 26. В предшествующий период численность войск, участвовавших в летних сборах, была различна. Так, по данным всеподданнейших отчетов о действиях Военного министерства, в 1882 г. участвовало 75% пехоты, 73% кавалерии, 78% артиллерии (см. Указ. отчет за 1882 г., стр. 17); в 1892 г. — 79,5% пехоты, 79,7% кавалерии и 80,1% артиллерии (см. Указ. отчет за 1892 г., стр. 12); в 1894 г. — 74% пехоты, 70% кавалерии, 70% артиллерии (см. Указ. отчет за 1894 г., стр. 12—18), за исключением трех военных округов, вовсе не участвовавших в летних сборах. В 1895 г. в сборах участвовало: пехоты — 90,6%, кавалерии — 90, артиллерии — 97% (см. Указ. отчет за 1895 г., стр. 13).

Эти цифры нельзя рассматривать как абсолютно точные, так как процент исчисляется исходя из количества войск, расположенных лишь в тех округах, где происходили эти сборы. Вместе с тем ряд округов порой не участвовал в сборах. Вследствие этого общий процент будет значительно ниже. В данных же всеподданнейшего отчета Куропаткина, по нашему мнению, процент исчислен исходя из общего числа полевых и резервных войск. Уменьшение процента войск, участвовавших в летних сборах в 1900 г., объяснялось событиями на Дальнем Востоке (Боксерское восстание).

[7] См. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 84—85.

[8] Однако маневры проводились только летом.

невры проводятся почти ежегодно. Из наиболее крупных маневров следует упомянуть большие маневры под Белостоком в 1897 г., в 1899 г. в Варшавском военном округе на р. Бзуре, в 1902 г. под Курском, где участвовали войска четырех военных округов, в 1903 г. под Псковом [9]. Именно на маневрах как в фокусе отражались сильные и слабые стороны готовности войск к предстоящим военным действиям.

Таковы некоторые наиболее важные вопросы, касавшиеся формальной стороны обучения войск. Однако это, естественно, не характеризовало состояния самой боевой подготовки. Здесь играл роль целый ряд факторов, и в первую очередь отношение к этому делу самого командного состава, и прежде всего генералитета. Оказывал отрицательное влияние и ряд других причин (отсутствие казарм, полигонов; отвлечение войск: для выполнения полицейских функций, на так называемые вольные работы и др.).

* * *

В боевой подготовке в рассматриваемый нами период, впрочем, как и в предыдущий, существовали две тенденции в обучении войск: плац-парадная, рассчитанная на показной эффект, игнорирующая те конкретные условия, в которых армия окажется на войне, и вторая тенденция, ведущая свое начало от Петра Великого и продолженная Румянцовым, Суворовым и Кутузовым. Последняя предполагала обучать войска лишь тому, что необходимо на войне. Первая тенденция получила большое распространение после Отечественной войны 1812 г., в период господства Аракчеева, во второй четверти века при Николае I, когда ложь и лицемерие достигли своего апогея, что не могло не оказать своего влияния на состояние армии. В период реформ плац-парадные традиции несколько ослабли, но не исчезли и не могли исчезнуть, так как вдохновителем их был сам Александр II. В 80-е и в начале 90-х годов эти традиции также продолжают существовать, хотя и в меньшей степени, а в конце XIX и

---

[9] Организация маневров стоила свыше полумиллиона рублей, вследствие чего они и не производились в 80-е годы ежегодно (см. «Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», стр. 84).

в начале XX в. еще более усиливаются. Носителями их были прежде всего великие князья, а местом действия — Красносельские лагеря. Именно здесь плац-парадные приемы обучения войск расцветали пышным цветом в их наиболее классической форме.

Как уже говорилось выше[10], тактические учения в Красном Селе поражали своим парадным эффектом и раз и навсегда установившимся шаблоном. «Кавелахтские высоты, как и Дудергофская гора (находившаяся у Красносельских лагерей), — рассказывает в своих воспоминаниях Б. В. Геруа, — постоянно фигурировали в заданиях для войсковых маневров, являлись частью цельных действий и создавали шаблоны, получившие кличку «дудергофской» или «кавелахтской» тактики. Горе было тому неопытному смельчаку, — продолжает Геруа, — который, командуя отрядом, претендовал на оригинальность и сбивал остальных участников с раз навсегда пробитой колеи!»[11] Об этом же рассказывает офицер Генерального штаба ген. С. К. Добророльский в одной из своих статей: «На маневрах командир гвардейского корпуса ген. Манзей обороняет Кавелахтские высоты от командующего первым корпусом ген. Батьянова, который неожиданно атакует его левый фланг, и посредники признают за последним победу. В связи с этим Манзей возмущался: «20 лет подряд обороняю эту позицию, и всегда «противник» обходил мой правый фланг, черт дернул Батьянова атаковать мой левый фланг». Старые офицеры русской армии, — писал там же Добророльский, — хорошо помнят все эти Кавелахтские и Пулковские высоты или Майорскую горку (в Киевском гарнизоне), на которых из поколения в поколение и учились и экзаменовались русские пехотные полки»[12].

Эти традиции были наиболее живы в гвардии. Тот же Геруа, рассказывая о своем ротном командире в Измай-

---

[10] См. выше, стр. 62.

[11] *Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 97. «Другим «укреплением» в Красносельских лагерях, — рассказывает тот же Геруа, — были Лабораторная роща, обнесенная рвом, и знаменитый царский валик, у последнего обыкновенно находился государь во время смотров, и эта маленькая насыпь служила путеводной звездой для сноровистых тактиков во время маневров в высочайшем присутствии. Одинокую Лабораторную рощу постоянно кто-нибудь атаковывал или оборонял» (там же, стр. 95).

[12] «Война и мир», 1923, № 10, стр. 203.

ловском полку, штабс-капитане Гудиме, которого он в целом характеризует вполне положительно, пишет: «Он совершенно не интересовался тактическим обучением, не умел ничего преподавать в этой области и во время полевых занятий в лагере производил тактические учения лишь для отбытия номера, требуемого программой. Глаз его оскорблялся, если люди в цепи разравнивались, и он, вероятно, с трудом удерживал себя, чтобы не подсчитать им «ногу»» [13].

Подобные свидетельства можно было бы значительно умножить. Плац-парадные традиции проникали в первую очередь в кавалерию. «90% наших эскадронных командиров, — писал один из кавалерийских офицеров, — гораздо больше озабочены телом лошадей, чем боевой подготовкой эскадрона» [14]. И не только в кавалерии. Во многих частях боевая подготовка заключалась в основном в подготовке к смотрам. «Говоря откровенно, — писал в «Разведчике» автор статьи «Поверка зимних занятий с молодыми солдатами пехоты», — мы совершенно отвыкли от мысли о войне, боевая подготовка для нас вопрос второстепенный: впереди мы видим только смотр начальника, на котором оценивают наши способности, на котором мы делаем нашу карьеру» [15]. Это в свою очередь обусловливало распространение лжи — стремление показать состояние подготовки части лучше, чем она была в действительности.

«К сомнительной пользе и достоверности, — писал в одной из статей М. И. Драгомиров, — этих отчетов (отчетов об инспектировании частей войск. — *П. З.*) нужно прибавить, что так называемая стрельба с неопределенных расстояний [...] является таковою только в воображении инспектирующих, так как она, за крайне редкими исключениями, производится на тех же самых полях, на которых проходится учебный курс стрельбы. Если припомнить, что все такие поля испещрены постоянными приспособлениями, как-то: трассированными директрисами и линиями огня, закрытиями для махальных и т. п., то окажется, что неопределенные якобы расстояния являются совершенно точно определенными для офицеров,

---

[13] *Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 67.
[14] «Военный сборник», 1906, № 2, стр. 96.
[15] «Разведчик», 1895, № 238, стр. 423—424.

из коих многие практикуются на этих полях десятки лет»[16].

Иногда же, как рассказывает Драгомиров, дело доходило до самой наглой лжи. «В 80-х годах, — пишет он, — был у нас такой начальник дивизии, что лучше, как в его дивизии, и стрельбы не было [. . .]. Но все же Вы знаете, стрельба — дело капризное, иногда и не удается; на такие случаи у того начальника дивизии были заведены штыри, которыми делались пробоины в мишенях, великолепно воспроизводившие пульные пробои; благодаря им при надобности фортуна и исправлялась»[17]. О том же рассказывает и ген. Геруа: «До русско-японской войны в пехоте практиковались разные уловки для так называемого «выбивания процентов», которыми расценивались результаты стрельбы. Так, например, сидевшие в укрытиях на линии мишеней стреляли в них в упор, увеличивая число пробоин, лучшие стрелки с линии огня выпускали лишние пули в мишени соседей — заведомо плохих стрелков; при отметках попадания на самих мишенях во время счета пуль не скупились, отмечая больше, чем было на самом деле, продырявливая мишень чем-нибудь острым... Начальство, в громадном большинстве, смотрело на все эти проделки сквозь пальцы»[18].

Подобных примеров, когда все подчинялось смотрам и парадам, можно привести немало. Надо сказать, что это было тесно и неразрывно связано с плац-парадными традициями. Эта тенденция в деле боевой подготовки приносила огромнейший вред, превращая роты, полки и дивизии в своеобразных оловянных солдатиков, а не в боевые подразделения, части и соединения русской армии.

* * *

Другая тенденция в обучении и воспитании войск была жива и в рассматриваемый нами период. Носителями ее были в первую очередь боевые генералы последней турецкой кампании М. И. Драгомиров и И. В. Гурко.

---

[16] *М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет. 1895—1905. Сборник статей, ч. I. СПб., 1908, стр. 317—318.

[17] *М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет. 1895—1905. Сборник статей, ч. II. СПб., 1908, стр. 144.

[18] *Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 58.

Естественно, что Драгомиров и Гурко были не одиноки: они имели своих последователей среди генералитета [19] и офицерства, однако наиболее полно и последовательно боевые традиции в обучении войск выражали именно они. Выдающийся тактик, начальник 14-й пехотной дивизии, блестяще форсировавшей Дунай у Зимницы в ночь с 14 на 15 июня 1877 г. и оборонявшей в первые дни Шипку, Драгомиров являлся последователем суворовских принципов обучения и воспитания войск. Профессор, а затем начальник Академии Генерального штаба в 80-е годы, командующий войсками Киевского военного округа с 1889 по 1903 г., он оказывал огромное влияние на боевую подготовку войск. В силу этого остановимся подробно на характеристике его воззрений в области подготовки и воспитания войск.

Главенствующая роль на войне, по мнению Драгомирова, принадлежит человеку, т. е. солдату и офицеру. Отсюда необходимость воспитания в них волевых качеств, нужных военному, особенно в боевых условиях. Именно в силу этого Драгомиров придавал такое большое значение нравственно-психологическим моментам, а также заботам о солдате. Один из первых его приказов по Киевскому военному округу был посвящен именно данному вопросу. «В некоторых частях, — пишет он, — дерутся. Прошу помнить, что в дисциплинарном Уставе ясно указано, какие на нижних чинов можно налагать взыскания, кроме коих, никто иных налагать не смеет. Рекомендую охотникам до ручной расправы ознакомиться с XXII книгой Св[ода] в[оенных] п[остановлений], ст. 185, из которой они откроют, чего могут ожидать в будущем, если позволят себе впредь рядом с дисциплинарным Уставом сочинять свой собственный» [20].

---

[19] Одним из наиболее последовательных сторонников этой традиции был упоминавшийся выше помощник командующего войсками Варшавского округа ген. А. К. Пузыревский. После увольнения Гурко с поста командующего войсками Варшавского военного округа его принципы боевой подготовки продолжали сохраняться благодаря настойчивости Пузыревского, человека большого таланта.

[20] См. приказ командующего войсками Киевского военного округа от 27 октября 1889 г. № 319. — «Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений генерал-адъютанта Драгомирова с 27 октября 1889 по 1 января 1892 г.». В одной из своих статей он еще более резко отзывается о тех, кто допускал кулачную расправу. См. выше, стр. 257—258.

В другом приказе, относящемся к 1890 г. и предназначенном только для офицеров, он писал: «Желательно более сердечное внимание начальников частей к своим подчиненным. 26 августа, пропуская 5-ю дивизию, я встретил отсталого рядового одного из полков этой дивизии с раной на ноге, уже загноившейся; и этот несчастный продолжал ковылять в тех самых высоких сапогах, которые ему сделали беду, и никому в голову не пришло сделать опанку, или обмотать ногу в тряпку, или приказать идти хоть босиком... Побольше сердца, господа, — продолжал Драгомиров, — в отношениях особенно к молодому солдату, если хотите, чтобы и его сердце открылось Вам навстречу. В бою ведь на одной казенщине далеко не уедете. Кто не бережет солдата, не достоин чести им командовать»[21]. Подобное отношение к солдату проявлялось со стороны генералитета не часто[22], однако в силу огромного морального авторитета Драгомирова подобные факты не могли не оказывать влияния на командный состав[23]. Чрезвычайно требовательный к уставным положениям, Драгомиров вместе с тем считал излишним всё то, что напоминало плац-парадность и было вовсе не нужно в боевых условиях.

Так, в приказе от 20 ноября 1891 г. Драгомиров писал: «На походе можно идти не в ногу, курить, разговаривать, ружье нести как удобнее, но дистанцию держать, и со своих мест никто сходить не может, кроме как для проверки порядка. Остановку следует делать каждый час минут 5—10»[24]. В другом своем приказе, относящемся также к обучению войск, он писал: «В некоторых пехотных полках бегание доведено до абсурда, там перебегают по совершенно закрытому месту даже резервы; и

---

[21] «Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений генерал-адъютанта Драгомирова...», стр. 71. Приказание от 4 сентября 1890 г. № 319.

[22] Подобную заботу о солдате обнаруживал также и командующий Варшавским военным округом ген. Гурко.

[23] Надо сказать, что офицерство в целом было очень далеко от солдат, их настроений и переживаний, которые, как правило, оставались совершенно неизвестными командному составу. Для солдат офицер оставался барином, от которого, по разумению «нижнего чина», надо было быть подальше.

[24] «Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений генерал-адъютанта Драгомирова...», стр. 202—203. Из приказания от 20 ноября 1891 г.

этого рода перебежки начинаются, когда неприятель еще и стрельбы не открывал. Это значит средство для уменьшения потерь применять, когда потерь быть не может, разве только для того, чтобы в минуту столкновения обессилить людей»[25].

Таким образом, обучение войск должно было проводиться, максимально приближаясь к боевой обстановке, т. е. учить лишь тому, что необходимо на войне. Именно в силу этого Драгомиров выступал против слепого выполнения тех или иных уставных положений: «Пора отстать от деревянного — буквального поклонения уставным чертежам и постоянно помнить, что уставы для нас, а не мы для устава»[26]. Вместе с тем он с грустью замечал все усиливавшиеся в армии плац-парадные традиции. «В настоящее время [...], — писал он в одной из статей, — есть, например, признаки воскрешения даже таких мертвецов, как учебные шаги с присущим им костоправством»[27]. Именно плац-парадные традиции представлялись ему величайшей нелепостью, и притом нелепостью крайне вредной. Об этом он говорил с профессорской кафедры, об этом писал в статьях и приказах. Так, в одной из своих статей Драгомиров на примере использования шашки указывал на бессмысленность плац-парадной выучки. «Придет ли кому в голову, — замечает он, — махать бритвой даже без мысли о том, для чего бритва назначается? А ведь шашка должна быть отточена, как бритва, иначе она [...] не оружие, а только лишний, ни к чему не годный балласт [...]. И не подлежит никакому сомнению, что, если бы изобретатели шашечных приемов [...] имели под рукою шашку отточенную, как бритва, а не игрушечную, не мнимую, они бы кое-что вспомнили и написали бы совсем не то, что написали»[28].

Для характеристики тактических принципов Драгомирова остановимся на его «Учебнике тактики» и разработанном им в начале 900-х годов «Наставлении для действий в бою отрядов всех родов оружия».

Итак, Драгомиров придает, как уже говорилось, огромное значение нравственно-психологическому фак-

---

[25] Там же, стр. 215—216.

[26] *М. И. Драгомиров*. Одиннадцать лет. Сборник статей, ч. II, стр 54.

[27] Там же, стр. 148.

[28] Там же, стр. 154.

тору, т. е. человеку. Именно в силу этого он во «Введении» к своему курсу обращает основное внимание на данный вопрос. «Успех в бою, — пишет он, — требует весьма большой энергии, упорства и гибкости нравственной стороны в военном человеке; той энергии, которая не допускает сомнения в успехе тогда, когда, по-видимому, нет надежды даже и на спасение; того упорства, которое дает силу не отступаться от предположенной цели; той гибкости, которая в одно мгновение, с изменением обстоятельств, способна изменить средства для достижения предположенной цели» [29]. По мнению Драгомирова, «личные боевые способности в военном человеке должны идти об руку с теоретическими познаниями, хотя и не подлежит сомнению, что первым принадлежит главная роль» [30].

Таким образом, основное значение имеют воля и боевые качества человека, называемые им «нравственной упругостью». Эта «нравственная упругость», по мнению автора, предполагает четыре свойства: «а) находчивость, б) решимость и упорство, в) убеждение, что только для того успех возможен, кто выручку товарища ставит выше личной опасности» [31], и г) не терять присутствие духа и иметь способность обсуждать хладнокровно обстановку даже в самый критический момент. Именно на основаниях «нравственной упругости» военного человека Драгомиров и строит свои тактические положения.

Остановимся на характеристике «Наставления для действий в бою отрядов всех родов оружия». Прежде всего надо отметить, что в основу «Наставления...» Драгомиров кладет суворовские принципы ведения боя. Во-первых, он считает необходимым, чтобы «каждый воин знал свой маневр». Отсюда *«в бою усилия всех войск должны быть направлены к одной общей цели*, — говорит он в «Наставлении...», — *и каждый до рядового включительно должен знать эту общую цель, а равно и частные задачи, до него касающиеся»* [32]. Во-вторых, отрицая всякие шаблоны, Драгомиров предоставляет командиру инициативу в решении поставленной перед ним задачи. «Каждому начальнику предоставляется *своя самостоя-*

---

[29] *М. И. Драгомиров.* Учебник тактики, изд. 2, испр. СПб., 1881, стр. 3.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 5211, л. 73, § 5.

тельность, — пишет он. — Старший начальник вмешивается в распоряжения младшего лишь в том случае, если распоряжения последнего явно противоречат поставленной ему задаче и положению дела» [33].

Придавая большое значение, как уже говорилось, психологическому фактору — воле к победе, Драгомиров в первом пункте рассматриваемого «Наставления...» писал: «В бою, как и во всяком столкновении, успех будет на стороне того, кто знает, чего хочет, и кто действует решительнее, настойчивее и сознательнее» [34]. Эта решительность должна находить свое выражение в нанесении ударов противнику, в навязывании ему своей инициативы. «Действительным средством для поражения неприятеля, — пишет Драгомиров, — служит нападение на него. По сему стремление *к наступательным действиям* должно быть положено в основание при всякой встрече с неприятелем [...], поэтому, обороняясь, надо не только отбиваться, но и наносить удары». При этом крайне важно «всегда стремиться захватить *почин действий*, т. е. делать не то, что хочет неприятель, а заставлять его делать то, что нам выгодно» [35]. В своей практической деятельности командующего войсками округа Драгомиров придавал большое значение развитию волевых качеств солдата и офицера, подготовке одиночного бойца, что было неразрывно связано с повышением культуры солдата. В силу этого он считал необходимым распространение грамотности. Именно Драгомиров, как уже говорилось выше, единственный из генералитета, ставил вопрос о введении обязательного начального обучения населения.

Вся драгомировская система воспитания и обучения оказывала огромное влияние на боевую подготовку войск, сохраняя в русской армии лучшие национальные традиции, традиции Суворова и других российских полководцев.

Однако тактические положения Драгомирова содержали в себе один весьма серьезный недостаток — недооценку роли военной техники, находившей свое выражение во все возраставшей огневой мощи как стрелкового, так и артиллерийского оружия. А это в свою очередь вело

---

[33] Там же, § 6.
[34] Там же, § 1.
[35] Там же, § 3—4.

к серьезным просчетам в боевой подготовке войск, а следовательно, и в ряде тактических принципов. Прежде всего он исходил из предположения, что «достижение военных целей, конечно, требует как необходимого условия преобладания самоотвержения над самосохранением»[36]. Это по существу верно, однако притом он вовсе игнорировал необходимость самосохранения, что неизбежно должно было вести в боевых условиях к бо́льшим потерям.

Так, он решительно выступал против залегания цепи во время наступления. В одном из приказов по Киевскому округу он писал: «Замечено [...], что цепь, наступающую под сильным огнем и залегшую в укрытом месте, трудно поднять для дальнейшего наступления [...]. На всех учениях и маневрах вести наступление цепью стоя (ложиться не заставлять) [...]. В действительном бою, — продолжал он, — такой порядок наступления не увеличит числа поражений, а скорее уменьшит их, так как поражение человека, стоящего и лежащего на расстоянии, большем 300 шагов, и в мирное время дело нелегкое, а в боевой обстановке совершенно случайное, но зато наступление будет более энергичным и дружным, так как каждому будет видно, что, пока до врага не дойдешь, от огня его не скроешься»[37]. Это положение, естественно, было неверным в условиях все возраставшей массовости огня. Именно в связи с этим разработанные Драгомировым «Устав полевой службы» и «Наставление для действий в бою трех родов оружия» были утверждены в 1901 г. с рядом замечаний. Из «Устава полевой службы» был исключен пункт, не разрешающий ложиться при наступлении[38].

---

[36] *М. И. Драгомиров*. Одиннадцать лет. 1895—1905, ч. II, стр. 248. Касаясь своего отношения к теории военного дела, Драгомиров писал: «Война есть дело по преимуществу волевое, а не умовое, а теоретическая подготовка, которую многие теперь столь усердно, но не по разуму взвинчивают на незаслуженную высоту, дает практику только уму и ни малейшей практики воле и чувствам» (там же, стр. 42).

[37] «Сборник руководящих приказов, приказаний и распоряжений генерал-адъютанта Драгомирова...», стр. 64—65. Приказание № 78 от 16 августа 1890 г.

[38] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 5211, л. 109. Одновременно с этим был исключен пункт «о подпирании одной цепи другой, так как это влекло бы к большим потерям, а также требование,

Драгомиров всячески возмущался, когда его обвиняли в том, что он предпочитает пуле штык, но вместе с тем последнему он придавал явно бо́льшее значение, нежели то, которое он имел в конце XIX — начале XX в. «Штык и пуля не исключают, а дополняют друг друга [...]. Пуля прокладывает дорогу штыку [...]. Огонь есть средство только подготовительное, а штык только решительное...» [39] И далее: «Воображать, будто когда-нибудь придет время упразднения холодного оружия, — то же самое, что воображать, будто придет время, когда человеку не нужно будет ни воли, ни самоотвержения, ни нравственной энергии и будет он свободен от всяких обязанностей» [40].

Таким образом, по мнению Драгомирова, огонь играл лишь подсобную роль, а людей, придававших ему единственное значение, он называл презрительно «огнелюбами» [41]. Однако само собой разумеется, что он не игнорировал вовсе роли огня, хотя и явно недооценивал его [42].

«Если он воображает, — писал Драгомиров об одном из своих оппонентов, — что я проповедую атаку без (огневой. — *П. З.*) подготовки, то весьма ошибается» [43]. Признавая чувство самосохранения вредным для военного человека, Драгомиров выступал решительным против-

---

чтобы стрелковые цепи прикрывали артиллерию «на линии орудий», так как это привело бы артиллерию ранее времени к молчанию» (там же).

[39] *М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет. 1895—1905, ч. II, стр. 314.

[40] Там же, стр. 315. В другой статье этого сборника он писал: «Но сколько бы мы ни стреляли, ни Вы, ни я решительного результата не добьемся, пока сначала не сблизимся, а потом не сойдемся на штыки» (там же, ч. I, стр. 240).

[41] Драгомиров не признавал будущего даже за пулеметом. «Относительно пулеметов, — писал он, — [...] вводить их в пехоту — значит, по-моему, бесполезно усложнять организацию. Пулемет есть автоматический стрелок и самостоятельного вида поражения не дает» (*М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет. 1895—1905, ч. II, стр. 338). Вместе с тем он указывал на роль пулеметов в крепостях.

[42] Как утверждает Геруа в своих воспоминаниях, «логичный Драгомиров даже открыто противился со всей силой своего авторитета и остроумия замене в начале 90-х годов в русской армии однозарядных винтовок пятизарядными» (*Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 221).

[43] *М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет. 1895—1905, ч. II, стр. 243.

ником приспособления к местности и самоокапывания [44].

Уже в 1904 г., в период войны с Японией, он писал: «Война на всем ходу [...], а уже являются адепты поголовных ползаний на брюхе, распростираний, коленопреклонений, приседаний: все это при наступлении. Самоокапывание тоже при наступлении. И мало ли еще чего. Всего не перечтешь. Долго придется наступать части, если она поползет на брюхе с расстояния трех-четырех верст, да еще по дороге будет окапываться [...]. Скажу при том, — продолжал Драгомиров, — что эти ползания, простирания, приседания перед неприятелем начали практиковаться еще после Крымской войны и потом были оставлены» [45].

Вместе с тем он выступал против орудийных щитов, предохранявших орудийную прислугу от поражения. «Забывают щитопоклонники, — писал он, — то простое обстоятельство, что большее или меньшее спокойствие человека зависит от его природы, а вовсе не от того, насколько он укрыт от выстрелов» [46]. Драгомиров также полагал, что благодаря предохранительным щитам артиллерия представляет собою «более видимую цель». Он не предвидел тех колоссальных успехов военной техники, которые требовали серьезных изменений в отдельных тактических положениях. Однако при всем этом роль Драгомирова как воспитателя войск в суворовском духе, как борца против плац-парадных традиций, против рутины и штампа бесспорна. В течение нескольких десятков лет и с профессорской кафедры Академии Генерального штаба, и в качестве командующего войсками округа (а ранее начальника дивизии) Драгомиров последовательно «и сло-

---

[44] Куропаткин в одном из своих докладов Николаю II писал, что после русско-турецкой войны саперные работы получили большое распространение в войсках. «Но скоро наступила реакция, — писал он, — генерал Драгомиров много способствовал тому, чтобы возвратиться к прежнему взгляду, что на войне чуть ли не все решит штык. Он назвал самоокапывание неподходящим словом» (ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925, л. 18). Однако для резервов Драгомиров считал возможным окапываться: «В резерве иногда не грех и окопаться, если остановка продолжительна» (*М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет. 1895—1905, ч. II, стр. 496).

[45] *М. И. Драгомиров.* Одиннадцать лет. 1895—1905, ч. II, стр. 494—496.

[46] Там же, стр. 11—12.

вом, и делом» убеждал и доказывал со всей страстью своей натуры, что время муштры и плац-парадных традиций прошло, что на войне основным элементом, обеспечивающим победу, является человек. Отсюда главное — его воспитание в духе инициативы и сознательности. Огромное значение имела также проповедь гуманного отношения к солдату. А все это было чрезвычайно важным, но, несмотря на это, Драгомиров оставался фактически в загоне. Хотя по его учебнику «Тактика» учились в военных и юнкерских училищах будущие офицеры и ему поручалось составление и редактирование различных наставлений и инструкций, его система подготовки и воспитания войск не получила всеобщего распространения. Наоборот, в обучении войск преобладала плац-парадная традиция. Ни на одних крупных маневрах главным посредником Драгомиров не назначался[47]. Эти функции почти неизменно выполнял, как уже говорилось выше, бездарнейший и абсолютно ничего не понимавший в военном деле вел. кн. Михаил Николаевич — генерал-фельдмаршал русской императорской армии[48].

* * *

Вторым представителем суворовской традиции был командующий войсками Варшавского военного округа в 80-е и первой половине 90-х годов ген. И. В. Гурко. В отличие от Драгомирова Гурко не был теоретиком, не имел даже высшего военного образования. Слава его как боевого генерала неразрывно связана с войной 1877—1878 гг. Начальник передового отряда, он в конце июня 1877 г. овладел Тырновом, перешел через Балканы и в начале июля занял Казанлык и Шипкинский перевал, атаковав его с юга. Позднее, после третьего штурма Плевны, Гурко, командуя Западным отрядом, состоящим в основном из гвардейских частей, в результате блестя-

---

[47] Даже во время Курских маневров 1902 г., когда вся южная армия состояла из войск Киевского военного округа (за исключением одного армейского корпуса), Драгомиров не был назначен командовать ею.

[48] В 80-е годы главным посредником назначался не менее невежественный его брат вел. кн. Николай Николаевич-старший, даже в то время, когда он заметно уже потерял рассудок, как это было в 1890 г.

щих боев в октябре того же года под Горным Дубняком и Телишем завершил блокаду Плевны. Затем в декабре, в страшные морозы и бураны, он осуществил переход через Балканы.

Летом 1883 г. Гурко назначается командующим войсками Варшавского военного округа. С этого поста он был уволен Николаем II в декабре 1894 г.[49] Человек сильного характера и большой воли, Гурко подчинил всю свою деятельность командующего войсками округа делу обучения войск. Именно Варшавский военный округ являлся в этот период передовым с точки зрения боевой подготовки, наиболее приближавшейся к условиям военного времени. Даже смотры производились Гурко применительно к походно-боевым условиям. Так, в приказе от 12 мая 1893 г. он писал: «Нижние чины Луковского и Холмского полков при прохождении имели утомленный вид и смотрели в землю, а между тем полки эти сделали в два дня похода всего 41 версту, а в день смотра только 18, притом весь поход по шоссе. Очевидно, — резюмировал он, — люди совершенно не втянуты в поход, несмотря на мои постоянные в этом отношении требования»[50].

Об обстановке смотра артиллерии в том же 1893 г. рассказывает один из офицеров 2-й артиллерийской бригады: «На Мокотовском поле были устроены искусственные овраги и насыпи, крутые повороты и другие препятствия, которые батареи проходили повзводно, на рыси и галопе. Сломалось несколько дышел, порвали несколько постромок, но в общем артиллерия выдержала это испытание успешно»[51]. После смотра были вызваны генералы, офицеры и фейерверкеры[52] и им была устроена езда на карьере с препятствиями. В другом случае командующий войсками пропускал мимо себя пехоту быстрым бегом, так как «при нынешнем огнестрельном оружии надо уметь, — писал он в приказе, — пробежать от

---

[49] См. выше, стр. 48. Здесь дается характеристика Гурко только как командующего войсками; о его деятельности в роли варшавского генерал-губернатора см. мою книгу «Российское самодержавие в конце XIX века», стр. 120.

[50] Приказ по Варшавскому военному округу № 53 за 1893 г.

[51] Об этом смотре говорится в приказе по округу № 54 за 1893 г.

[52] Унтер-офицеры в артиллерии.

одной до другой стрелковой позиции так скоро, чтобы неприятель не успевал сделать ни одного залпа. Если же к этому не приучить, то люди с ружьями при быстрых перебежках будут падать, зацепившись за первую кочку; конечно, бежать большим шагом тысячу шагов нельзя, а по 80—100 должно»[53]. Таким образом, даже смотры в Варшавском округе проходили совершенно иначе.

При всей своей суровости и строгости Гурко, так же как и Драгомиров, проявлял большую заботу о солдате. Так, в одном из своих приказов он писал: «На людях [...] крепостных батальонов я не заметил баклаг с питьем — в таком жалком виде проявлялась заботливость командиров о людях, притом в необычно жаркое время, сплошь господствующее уже в течение двух недель»[54]. Эта забота о солдате видна из целого ряда других приказов командующего войсками округа, в частности из его указаний «для производства зимних маневров». Вообще же во всех округах маневры производились только в летнее время, а зимние маневры считались невозможными[55]. Исключение представлял Варшавский военный округ, где они были введены приказом в 1891 г. «Признавая совершенно необходимым, — говорилось в указанном приказе, — приучать части войск не только к движению и к действию зимой [...], но и к жизни в поле в это суровое время года, предписываю войскам округа в течение предстоящей зимы не менее раза в месяц производить двусторонние маневры»[56].

Таким образом, инициатором зимних маневров был Гурко[57].

В зимних маневрах Варшавского округа должны были принимать участие отряды из всех трех родов оружия. Командующий округом требовал: «...в основание каж-

---

[53] Приказ по Варшавскому военному округу № 56 за 1893 г.

[54] Приказ по Варшавскому военному округу № 74 за 1892 г.

[55] См. ниже, стр. 291—293.

[56] Приказ по Варшавскому военному округу № 127 за 1891 г.

[57] Правда, в начале 80-х годов таковые в менее совершенной форме проводились в IX армейском корпусе по личной инициативе командира его ген. А. Д. Столыпина. Но это было единственное исключение (см. «Зимние походные движения». — «Русский инвалид», 1883, № 231). В этой статье прямо указывалось, что «в настоящее время практика мирного времени не дает вовсе подготовки войск к походным движениям». Зимние маневры проводились в IX корпусе при температуре не ниже 6° по Реомюру.

дого движения должно ложиться какое-либо тактическое предположение, а заканчиваться оно должно или учением с обозначенным противником, или двусторонним маневром [58]. В особой инструкции, приложенной к приказу, рекомендовалось, чтобы солдаты сами варили пищу в котелках, а не пользовались довольствием из походных кухонь. В инструкции был ряд разделов, относящихся к обеспечению питания и здоровья солдат (увеличение мясных порций, чайное или винное довольствие, меры против обмораживания, простуды и т. д.). Гурко решительно требовал, чтобы во время зимних маневров офицеры находились в тех же условиях, что и солдаты. По поводу маневров в конце декабря 1892 г., происходивших в составе двух пехотных и одного кавалерийского полка, командующий войсками округа в специальном приказе писал: «Мною усмотрено, что командиры обоих пехотных полков допустили офицеров, которые первые должны подавать пример нижним чинам к служебной исполнительности, расположиться не на бивуаках, а на квартирах [...]. Начальствующие лица всех степеней в названных частях отнеслись к делу с чисто формальной стороны, не приложив к нему сердца и ставя свои личные удобства выше возлагаемых на них обязанностей по руководству воспитанием и обучением поручаемых их заботам людей» [59].

Инициатива Варшавского округа была поддержана в некоторых округах. В «Русском инвалиде» во второй половине 90-х годов встречаются сообщения о проведении зимних маневров. Однако зимние маневры имели большое число противников. Так, в 1898 г. «Русский ин-

---

[58] См. Приказ войскам Варшавского военного округа № 3 за 1892 г.

[59] Приказ войскам Варшавского военного округа № 1 за 1893 г. (В приказе говорилось также, что в одном из пехотных полков отсутствовали три штаб-офицера из четырех.) Вместе с тем Гурко не жалел и себя. «Зимой, — рассказывает Гершельман, — был назначен маневр гвардейскому отряду. Войска вышли в ночь. Мороз между тем крепчал. К вечеру стало больше 15° по Реомюру (около 20° по Цельсию. — *П. З.*). Гурко приказал седлать и выехал невзначай на аванпосты Гродненского гусарского полка в верстах 15 от Варшавы. Проверив сторожевое охранение и распушив найденные беспорядки, он тем же порядком вернулся в Варшаву, сделав по морозу свыше 30 верст (*Ф. К. Гершельман.* Воспоминание пережитого, ч. VI, стр. 55). А в то время Гурко было уже 64 года.

валид» поместил три статьи [60] по поводу зимних маневров. При этом в двух из них доказывалась нецелесообразность маневров зимой. «Ни одна цель, преследуемая этими маневрами, не достигается» [61], — писал автор статьи «По поводу зимних маневров». И только автор третьей статьи «По поводу статьи «Зимние маневры»», выступая против своих оппонентов, убедительно доказывал, что «введение этого рода занятий есть не более как пополнение давно упущенного из виду пробела во всесторонней подготовке армии» [62].

Наряду с зимними маневрами в Варшавском военном округе широко практиковались и ночные маневры, что не имело места в других округах (за исключением Киевского) либо сводилось в большинстве своем лишь к действию разведывательных групп. С этой целью была разработана специальная инструкция «Особые указания для производства движения и боя ночью». В ней прежде всего подчеркивалась особенность ночных действий. «При ночных движениях, — говорилось в Указаниях, — войска утомляются более, чем при движении днем, порядок легко нарушается: темнота благоприятствует распространению тревоги» [63]. И далее разъяснялось своеобразие ночного боя, его преимущества и недостатки. «Поэтому, — подчеркивалось в инструкции, — к ночным движениям и в особенности к ночному бою следует прибегать с крайней осмотрительностью, взвесив все обстоятельства и приняв все меры к устранению и предупреждению случайностей, могущих влиять на потерю войсками порядка и спокойствия, без которых ночные действия могут повлечь за собой самые прискорбные последствия» [64].

Надо сказать, все происходившие в округе маневры, в которых хотя бы и принимало участие незначительное число частей, подробно анализировались командующим войсками в его приказах [65]. Таким образом, обучение

---

[60] См. «Русский инвалид», 1898, № 27, 32, 34.
[61] «Русский инвалид», 1898, № 32.
[62] «Русский инвалид», 1898, № 34.
[63] ЦГВИА, ф. Гурко, д. 153, ч. I, л. 336. Инструкция без подписи и даты.
[64] Там же.
[65] См., например, приказы по войскам Варшавского военного округа: за 1891 г. — № 10, 93, 97, 98; за 1892 г. — № 74, 77, 78, 97, 100, 106; за 1893 г. — № 84, 85, 90—93, 98, 108, 109.

войск в Варшавском военном округе максимально приближалось к конкретным боевым условиям и направлялось непосредственно командующим войсками.

Характеризуя Гурко, Гершельман писал, что «войска [его] уважали, любили и боялись [...]. Одно имя Гурко приводило многих в трепет. Он был в высшей степени требователен и сух в обращении [...]. Однако при всей своей наружной суровости и внешней сухости Гурко был внимателен и участлив к своим сослуживцам и привязан к ним. В обиду их, бывало, не давал. Решения его отличались всегда здравым смыслом, прямотой и справедливостью»[66].

Надо сказать, что помимо Киевского и Варшавского военных округов традиции Драгомирова и Гурко находили свое проявление и в других округах[67].

* * *

Помимо общей направленности боевой подготовки войск, которая, как уже говорилось, носила в значительной степени плац-парадный характер, существовал ряд причин, тормозивших нормальный ход обучения войск независимо от характера самой подготовки.

Существенный вред делу обучения солдат приносило отсутствие казарм. Так, по данным отчета Военного министерства на 1 января 1882 г., из числа полевых войск в казармах было расположено всего лишь 53,6%, казарменно в наемных зданиях — 32,1 и на обывательских квартирах — 14,3%[68], причем по сведениям, имеющимся

---

[66] *Ф. К. Гершельман.* Указ. соч., ч. V, стр. 57.

[67] В качестве примера приведем замечания командующего войсками Виленского округа ген. Троцкого о значительных учениях и маневрах, происходивших в 1896 г. Он писал: «Приложить все старания к развитию у частных начальников, до ротного командира включительно, инициативы. В бою некогда ждать приказаний [...]. Каждый начальник должен самостоятельно принимать решения, вытекающие из общего положения дела, затем доносить о принятом решении. Если кто при этом зарвется и очутится в невыгодном положении, не беда. Таких лиц не осуждают (ЦГВИА, ф. Главного штаба, 2-е отд., 3-й стол, д. 4204, л. 98).

[68] «Всеподданнейший отчет по Военному министерству за 1881 г.». СПб., 1883, стр. 11. Что касается резервных войск, то установить точно процент размещения их невозможно, так как в указанных отчетах данные приводятся крайне суммарно. Так, например,

в «Обзоре деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III», видно, что в 1881 г. в некоторых округах, даже пограничных, обеспеченность казармами была невысокой. Так, в Киевском округе в казармах располагалось всего 26,55% всех полевых войск и такое же количество размещалось по «обывательским квартирам», т. е. по крестьянским хатам. В Харьковском военном округе в казармах было размещено лишь около 23%, а на «обывательских квартирах» — 30,62% [69]. Строительство казарм осуществлялось медленно. Тем не менее на 1 января 1901 г. из общего числа полевых войск 63,4% было размещено в казармах, 31,4% — в частных домах казарменным порядком и, наконец, на «квартирах обывательских» — 5,2% [70]. Как указывается в отчете за 1903 г., все полевые войска были целиком размещены либо в казармах, либо казарменным порядком в частных домах [71].

Вполне естественно, что отсутствие казарм оказывало скверное влияние как на бытовые условия солдатской жизни, так и на обучение войск в зимнее время. Так, Драгомиров во всеподданнейшем отчете за 1896 г. писал, что «условия квартирования для некоторых частей таковы, что даже сборных изб нет, в которых можно было бы зимой работать. Иногда даже учебные команды помещены так, что через час занятий лампа тухнет от недостатка воздуха» [72].

Ограниченность финансовых возможностей приводила к тому, что в ряде войсковых частей не могли производиться нормальные летние сборы и стрельбы из-за отсутствия лагерных полигонов. В 1893 г. тот же Драгомиров в своем отчете по округу писал: «Усердно ходатайствую о приобретении в настоящем году участка для XI армейского корпуса [...] и о расширении Межебугско-

сообщается, что такое-то число резервных батальонов или полков расположено частью в казармах, частью казарменно в частных домах. Естественно, что отразить это в процентах невозможно.

[69] См. там же, стр. 196. Остальные войска размещались «казарменно» в частных домах.

[70] См. «Всеподданнейший отчет по Военному министерству за 1900 г.». СПб., 1902, стр. 13.

[71] См. «Всеподданнейший отчет по Военному министерству за 1903 г.». СПб., 1905, стр. 6.

[72] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 509, л. 5.

го и Чугуевского лагерных мест. С осуществлением этого ходатайства, — продолжал он, — три корпуса из войск округа (X, XI, XII) будут поставлены в должное положение в учебном смысле и будут обеспечены местами для стрельбы пехоты и артиллерии»[73]. По-видимому, это удовлетворено, по крайней мере полностью, не было, так как Драгомиров во всеподданнейшем отчете за 1896 г. снова возвращается к тому же вопросу. «С введением нового ружья, — пишет он, — явилась настоятельная необходимость в увеличении размеров стрельбищ; увеличение стрельбищ нужно и для артиллерии, чтобы дать ей возможность вести стрельбу большими группами батарей. Между тем из войск округа лишь один XI армейский корпус (1/4 часть войск. — *П. З.*), для которого участок только что приобретен, имеет соответствующее стрельбище, а все остальные должны брать землю по отводу на основании положения о земских повинностях»[74].

Еще более отрицательное влияние на ход обучения войск оказывали так называемые вольные работы. В связи с недостатком финансовых средств на довольствие солдат, а также на другие их нужды существовала издавна установившаяся практика «вольных работ», т. е. своеобразно организованное отходничество солдат на заработки. Так, заранее командир части или подразделения через фельдфебелей подыскивал какие-либо работы или в имениях, или на частном либо казенном строительстве, выступая при этом своеобразным подрядчиком. Эти работы исключительно скверно сказывались на боевой подготовке войск, так как производились летом и осенью, т. е. во время, наиболее удобное для занятий в поле. «Недостаточный отпуск от казны на некоторые нужды войскового хозяйства, — писал в отчете по Киевскому военному округу за 1899 г. Драгомиров, — вызывает необходимость увольнения нижних чинов на вольные работы [...]. Хотя в настоящее время и увеличены приварочные оклады, но остатки от них при увеличивающейся дороговизне так невелики, что для удовлетворения насущных и скромных потребностей солдата все же приходится

---

[73] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 506, л. 3. Всего в Киевском военном округе было четыре армейских корпуса.

[74] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 509, л. 2.

прибегать к вольным работам. [...]. В июле месяце обыкновенно, — продолжает он, — нижние чины расходятся по сенокосам, лесам, железнодорожным линиям, в городах на постройки домов, портят одежду, принимают совершенно неподходящий наружный вид, отвыкают от дисциплины, теряют выправку. В середине летних занятий, таким образом, строевая часть месяца на $1^{1}/_{2}$ расстраивается, и, когда люди соберутся, требуется известное время, чтобы привести ее в порядок. По окончании же лета опять вольные работы» [75]. В заключение Драгомиров подчеркивал огромнейший вред, который наносило обучению войск и дисциплине это отвлечение на посторонние работы. «Вольные работы» производились даже в гвардии после лагерных сборов [76].

На страницах военной периодической печати, в журнале «Разведчик» широко обсуждался вопрос о вреде «вольных работ» и, с другой стороны, подчеркивалась их необходимость для удовлетворения насущных нужд солдата. Так, офицер М. А. Дорман, по-видимому ротный командир, в своей статье «О необходимости вольных работ» писал: «Достаточно прокомандовать ротой год, чтобы убедиться, что отпускаемого от казны довольствия на нужды солдат не хватает [...]. Отпускаемой от казны обуви слишком недостаточно. Лагери и в особенности маневры вконец подрывают эту отрасль нашего хозяйства, и к осени солдаты в большинстве случаев босиком. Что делать? Каемся, мы указываем ему на его вопиющую нужду и рекомендуем завести собственную обувь [...]. Обувь — самое главное, но есть и многое другое, тоже важное и заслуживающее внимания» [77]. И далее автор говорит о подушках, наволочках и одеялах, не полагающихся по штатному довольствию солдату [78] и заводимых обычно на так называемые артельные суммы (т. е. заработанные на «вольных работах»). «То же можно сказать, — заключает автор, — и о прочих предметах, тре-

[75] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 513, л. 2—3.

[76] См. *Б. В. Геруа*. Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 71—72. Геруа рассказывает, что в Петербурге солдаты на «вольных работах» нередко работали «в фабричных районах на окраинах города, где [...] подвергались иногда политической пропаганде и революционной обработке» (там же, стр. 72).

[77] «Разведчик», 1901, № 539, стр. 150.

[78] См. выше, стр. 84.

буемых начальством, как-то: фуфайках, теплых носках, перчатках и т. п. Где взять средства для их заведения?»[79] — спрашивает он. Таким образом, «вольные работы» являлись следствием того, что отпускаемых правительством средств на содержание солдата было явно недостаточно. Однако «вольные работы» влияли на боевую подготовку войск крайне вредно, отнимая лучшее время года на занятия, никакого отношения к военному делу не имевшие.

Помимо всего этого «вольные работы» ставили офицеров в не свойственные им отношения с солдатами. «Так называемые «вольные работы», — писал в одной из статей Драгомиров, — в сущности являются *подневольными* (курсив мой. — *П. З.*) с совершенно крепостническим оттенком. Прежде помещик отправлял на заработки своих крестьян, теперь то же самое делает военный начальник. Разница в одном: что он не берет заработок в свою пользу, но зато он делит его своей властью между частью работавшими и неработавшими, т. е. самопроизвольно распоряжается чужой собственностью»[80]. Как рассказывает в своем дневнике Куропаткин, Драгомиров ставил вопрос перед Николаем II об отмене «вольных работ», так как «в Киевском округе получается полный разврат; землевладельцы из поляков просят себе по два, по три батальона. Офицеры этих частей поступают на содержание к полякам (т. е. помещикам. — *П. З.*). Драгомиров сказал при этом, что ротные командиры пользуются доходами»[81].

Таким образом «вольные работы» оказывали развращающее влияние и на офицеров. Об этом прямо говорилось и на страницах «Разведчика». Как отмечается в одной из статей, во многих воинских частях при заключении договоров на «вольные работы» предусматривается оплата суточных офицерам в размере от 3 до 5 руб. за

---

[79] «Разведчик», 1901, № 539, стр. 150. См. также «Русский инвалид», 1886, № 249, 256, 260, 270.

[80] *М. И. Драгомиров*. Одиннадцать лет. 1895—1905, ч. I, стр. 248. При этом он тут же рассказывает, что лиц, не желающих идти на «вольные работы», иногда предавали военному суду.

[81] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 1871, л. 16. Запись 14 января 1898 г. Драгомиров, по словам Куропаткина, обращал его внимание еще на одну отрицательную сторону «вольных работ»: солдаты выступают своеобразными конкурентами сельскохозяйственных рабочих, сбивая существующие на труд цены.

счет солдатского заработка. «Кроме того, — указывалось в статье, — получение офицерами суточных денег от помещика или арендатора ставит их (т. е. офицеров. — *П. З.*) в некоторую зависимость от этих лиц и возлагает на них такие обязанности, которые несовместимы со званием офицера» [82].

В заключение остановимся на вопросе о распределении сумм, заработанных на «вольных работах», приведя несколько примеров. Так, в Казанском военном округе в 1888 г., согласно отчету командующего войсками, было заработано на «вольных работах» 50 617 р. 77 к., из которых 36 526 р. 32 к. были выданы солдатам на руки, а 14 091 р. 45 к. зачислены в артельные суммы [83]. В Варшавском военном округе в 1903 г., по данным отчета командующего округом, заработанная на «вольных работах» сумма была распределена следующим образом [84]:

	(в руб.)
Всего заработано	616 756
Выдано на руки	415 761
Отчислено в артельные суммы	180 638
Израсходовано на улучшение питания во время работ	6 968
Отчислено в Николаевский приют солдатских детей	7 169
Разные расходы	6 128

Таким образом, несмотря на вред «вольных работ», как об этом говорилось выше, они давали возможность солдатам несколько улучшить свое положение.

* * *

Рассмотрим вопрос о состоянии грамотности в войсках, имея в виду, что для боевой подготовки это имело большое значение. По данным отчетов Военного мини-

---

[82] «Разведчик», 1894, № 209, стр. 844.

[83] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 46095, ч. II, л. 171.

[84] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 343, л. 5. Помимо указанных выше причин (состояние казарменных помещений, отсутствие нормальных лагерей и полигонов, «вольные работы») отвлекало войска от боевой подготовки усиливавшееся с каждым годом привлечение их к выполнению полицейских функций, что, как уже говорилось ранее, в начале XX в. получило массовое распространение.

стерства[85] за изучаемый нами период, число неграмотных среди призываемых в войска было весьма велико:

Годы	Всего призвано	Из них неграмотных	% неграмотных
1881	212 000	160 896	75,9
1886	235 000	167 683	71,3
1891	260 000	172 671	66,4
1896	275 324	164 069	59,4
1901	303 722	122 570	40,3

Надо прежде всего заметить, что число неграмотных за рассматриваемый период значительно уменьшается, примерно на 1/3[86]. Однако количество их было все же огромно, если иметь особенно в виду, что солдат, умевший читать по складам и даже не бывший в состоянии подписать свою фамилию, в число неграмотных не включался[87].

В 60—70-е годы обучение грамоте в войсках было организовано довольно широко, однако уже в 1881 г. в «Плане годовых занятий в войсках» эта область обучения солдат была несколько сокращена. В середине 80-х годов обучение грамоте, за исключением поступавших в учебные команды, было сделано необязательным. Судя по отчетам командующих войсками округов, в 80-е годы обучение грамоте всех новобранцев все же продолжалось, однако с начала 90-х годов почти прекращается во всех

---

[85] См. всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства за соответствующие годы.

[86] Данные за 1901 г. явно неверны. Так, процент неграмотных составляет здесь 40,3, в то время как в 1900 г. он был равен 53,8, в 1902 г. — 50. По-видимому, в текст всеподданнейших отчетов вкрались какие-то опечатки. Кроме того, как уже говорилось в источниковедческом обзоре, данные не отличались абсолютной точностью. Так, в этом случае число призванных по образованию подразделяется на три группы: а) окончившие учебные заведения различных типов, за исключением начальных, б) грамотные и в) неграмотные. Однако общий итог этих частных цифр, за исключением лишь одного 1896 г., не дает общего числа призванных, отклоняясь в большую или меньшую сторону — от нескольких сот до нескольких тысяч человек.

[87] Надо заметить, что в Германии, по данным на 1884 г., процент неграмотных составлял 1,21 (см. «Военный сборник», 1892, № 5, стр. 192).

округах, за исключением, пожалуй, Киевского. В 1892 г. последовало по этому поводу официальное разъяснение, в котором говорилось: «Едва ли можно согласиться с тем, что обучение грамотности в войсках должно занимать столь важное место [...]. На войска не может быть возложена обязанность служить проводниками грамотности в народную массу, средств и времени очень мало» [88].

Никто из военачальников, как уже говорилось выше, не ставил вопроса о необходимости обучения грамоте, за исключением Драгомирова. Так, во всеподданнейшем отчете за 1897 г. Драгомиров писал: «В прежнее время, ощущая надобность в грамотных людях, армия сама подготовляла их, что, впрочем, отчасти делается и теперь; было время, когда она стремилась быть школой грамотности для населения, считая за честь возвратить из рядов армии по возможности всех грамотными, но с сокращением срока службы и с увеличением требований эта прекрасная цель стала недостижимой. Между тем, — продолжал он, — довольствоваться небольшим числом грамотных ныне нельзя; нужна *грамотная* армия для того, чтобы подготовка могла идти скоро и успешно, а служба основательно и серьезно» [89]. Далее он писал о необходимости введения всеобщего обучения грамоте населения и обучения русскому языку в нерусских школах (еврейских, армянских, татарских и т. д.) [90]. Таким образом, командующий Киевским военным округом был единственным человеком, ставившим вопрос о невозможности обучать военному делу неграмотных людей.

В некоторых частях войск к занятиям с солдатами — обучению грамоте относились прямо враждебно, памятуя отношение к этому самого военного министра Ванновского, усматривавшего в этом «рассадник вольнодумства» [91]. Как рассказывает в своих воспоминаниях ген. В. М. Грулев, он, будучи младшим офицером в 65-м пехотном Московском полку, стоявшем в Брест-Литовске, по собственной инициативе с разрешения командира батальона обу-

---

[88] Цит. по кн.: *А. И. Деникин.* Старая армия, т. II, стр. 165.

[89] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 510, л. 3.

[90] На следующий год он снова повторяет в отчете это требование (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 511, л. 3).

[91] На мой взгляд, это исходило не столько от Ванновского, сколько от самого Александра III.

чал солдат своей роты чтению и письму (после окончания официальных занятий). Пришедший в роту командир полка набросился на ротного командира. «Ну, что это у Вас делается?» — воскликнул полковник. Ротный командир докладывает. «Не сметь этого делать и убрать вон все книжки. Вы мне такие дела понаделаете, что военный министр по головке не погладит» [92].

В конце XIX — начале XX в. вопрос об обучении грамоте был пересмотрен. При Главном штабе была создана Комиссия для пересмотра вопроса об образовании войск, которая рассматривала также и вопросы обучения войск грамотности. «На основании существующего Положения обучение молодых солдат грамотности не обязательно, — говорилось в объяснительной записке, — грамотность же преподается им от первого до второго лагерного сбора и имеет главнейшей целью подготовку для поступления в учебную команду» [93]. Комиссия же признала необходимым ввести обязательное обучение солдат грамоте в пехоте. Что же касается кавалерии и артиллерии, то хотя оно признано было «безусловно желательным», однако, как заявлял представитель кавалерии, «занятия грамотностью с молодыми солдатами этого рода оружия совершенно невыполнимы по недостатку для сего времени» [94] (имеется в виду необходимость обучения верховой езде и ухода за лошадью). Эта точка зрения «удостоилась одобрения» генерал-инспектора кавалерии, т. е. вел. кн. Николая Николаевича [95].

В результате всех этих обсуждений с 1902 г. было введено обязательное обучение грамоте только в пехоте. В «Положении об обучении нижних чинов пехоты» в одном из соответствующих разделов говорилось: «Обучение солдат грамоте обязательно. На него следует смотреть как на средство к развитию молодых солдат, необходимое им для сознательного отношения к будущим их обязанностям и как на подготовку наиболее достойных к поступлению в учебную команду. Занятия грамотою начинаются с начала второго месяца обучения, т. е. с 1 января, и производятся ежедневно в продолжение

---

[92] *М. Грулев.* Записки генерала-еврея. Париж, 1930, стр. 130—131.

[93] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 5213, л. 395.

[94] Там же, л. 397.

[95] Там же. На полях против этой фразы рукой Куропаткина написано: «Не могу с этим мнением согласиться».

4-х месяцев в послеобеденные часы занятий в течение одного часа. Обучение грамоте возлагается ротным командиром на особого офицера»[96]. Таким образом, ни в кавалерии, ни в артиллерии грамоте солдат не обучали.

* * *

Не ставя своей задачей рассматривать подробно боевую подготовку войск по отдельным родам оружия, остановимся на анализе маневров, заключавших, естественно, совместные учения всех родов войск в обстановке, приближавшейся к военным действиям. Наряду с небольшими маневрами — подвижными сборами, осуществлявшимися внутри округа, почти ежегодно производились большие маневры, в которых принимали участие войска двух и более военных округов. Маневры эти проводились только летом или в начале сентября. Зимние маневры, как уже указывалось выше, практиковались только в Варшавском военном округе.

В середине 90-х годов Главный штаб запросил командующих войсками округов о целесообразности зимних маневров. Из ответов, имеющихся в деле, видно, что все командующие округами, кроме Варшавского, где традиции Гурко после его ухода в отставку поддерживались рядом лиц, и в том числе его помощником ген. Пузыревским, высказались в той или иной форме против. Так, штаб округа доводил до сведения Военного министерства, «что зимние походные движения производятся в округе при всякой погоде и температуре»[97] и что эти маневры отнюдь не вредят здоровью и вместе с тем являются крайне необходимыми для боевой подготовки войск. «Надо только удивляться, — говорилось в рапорте начальника штаба округа, — как раньше еще, особенно же после нашей кампании 1877—1878 гг., где мы так страдали от неумения жить зимой на бивуаках, зимние полевые занятия не вошли в практику и не сделались обязательными для всей русской армии»[98].

---

[96] «Положение об обучении нижних чинов пехоты. Проект отд. II. Обучение молодых солдат. Высочайше утверждено 29 декабря 1901 г.». СПб., 1902, стр. 9.

[97] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 5138, л. 63.

[98] Там же. Как ни странно, но Драгомиров отрицательно относился к зимним маневрам. Так, к рапорту начальника штаба Киев-

Довольно оригинально излагало командование Одесского военного округа свое отношение к зимним маневрам. В рапорте, подписанном начальником штаба округа, говорилось, что обучать войска надо только тому, что необходимо «делать на войне». Именно в соответствии с этим и построена в округе система обучения, предусматривающая, «чтобы подготовка к требованиям военного времени не только не истощала сил обучаемых, но развивала бы их [...]. Напротив того, к явлениям, встречающимся на войне, подготовка к которым вредна для сил и здоровья людей, такая подготовка не включается в курс обучения. Сюда относятся продолжительные и быстрые зимние передвижения, переходы зимой через горные хребты, переправы через реки во время ледохода и т. п. Сюда же должны быть отнесены и те лишения, которые на войне приходится испытывать очень часто, но подготовка к которым должна заключаться *не в испробовании их, а, напротив, в устранении их для накопления сил, расходуемых, когда этого потребует крайность войны. Одной из главнейших целей мирной подготовки должно быть накопление сил, а не расходование их»* (курсив мой. — *П. З.*) [99]. В связи с такой точкой зрения, естественно, указывалось, что всякого рода зимние занятия надо проводить «с крайней осмотрительностью» [100].

Командование Московского военного округа сообщало, что зимние маневры признается возможным проводить при морозе не ниже 8° по Реомюру и максимальная продолжительность их «может быть допущена от 5 до 6 часов» [101]. Вполне понятно, что здесь шел вопрос о занятиях в поле либо военной прогулке, но никак не о маневрах. Командование Виленского и Петербургского округов информировало, что проведение занятий и военных

ского округа по поводу того, что зимние маневры не проводятся, пришита собственноручная записка Драгомирова следующего содержания: «Делать же опыты над замораживанием людей [...] считаю излишним ввиду того, что таковые опыты производятся ежезимно и в достаточном числе крестьянами по всей России» (там же, л. 32).

99 Там же, л. 110.

100 Там же, л. 111. В этом рапорте говорилось, что действительно в течение XIX столетия «зимние военные действия случались нередко» и всегда русские войска «выходили из затруднений с торжеством. Но этим они были обязаны не зимним маневрам, а большей выносливостью русских», а также «всеобщему подъему духа» (там же).

101 Там же, л. 93.

прогулок зимой возможно только при небольшом морозе[102]. Таким образом, несмотря на всю очевидность целесообразности проведения маневров зимой и осенью, почти все военные округа высказались против.

Изучая планы больших маневров, именуемые «Примерный ход маневров», надо сказать, что они скорее представляют собою программу подвижных занятий всех родов войск, нежели маневры, приближающиеся к боевой обстановке, где командованию дается широкая возможность инициативы, как общей, так и частной. «Примерный ход маневров» заранее регламентировал «наступательные и отступательные» движения тех или иных воинских частей, определял рубежи наступления и отступления. Также определялось время начала операции, обеденный отдых и т. д. Никаких ночных операций не предполагалось планами, и они не производились. Куропаткин во всеподданнейшем докладе о маневрах, рассматриваемом нами ниже, пишет: «Ночью связь с противником большей частью утрачивалась под предлогом необходимого отдыха лошадям и людям»[103]. Так происходило на всех больших маневрах, в частности под Белостоком в 1897 г.[104] Это намечалось и в программе отмененных впоследствии Курских маневров 1900 г.[105], это же происходило и на Псковских маневрах 1903 г.

Начальник Главного штаба ген. Сахаров писал в связи с последними маневрами военному министру Куропаткину следующее: «Полезная сторона больших маневров в высочайшем присутствии выражается главным об-

---

[102] По мнению командования Виленского округа — до 10°; штаб С.-Петербургского округа отменял военные прогулки «при морозе в 12 градусов, особенно при сильном ветре» (там же, л. 62, 103).

[103] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925, л. 6.

[104] ЦГВИА, ф. Главного штаба, 2-е отд., 3-й стол, оп. 3, д. 4216, 4277.

[105] ЦГВИА, ф. Главного штаба, 2-е отд., 3-й стол, оп. 3, д. 4304. Для определения действительной цели этих несостоявшихся маневров бесспорный интерес представляет имеющаяся в деле записка военного министра, в которой говорится: «Местом пребывания государя императора во все время маневров намечается г. Курск, откуда его величество, как предполагается, будет следовать в районы маневрирования войск, пользуясь преимущественно железной дорогой и отходящими от нее к западу грунтовыми дорогами. Поэтому главные маневренные действия будут приурочены по возможности ближе к железной дороге» (там же, л. 53). Это, естественно, свидетельствовало еще раз о парадном характере предполагавшихся маневров.

разом в том, что на маневрах государь император видит те из своих войск, которые ему при обыкновенных обстоятельствах видеть не приходится, и что войска имеют счастье представляться своему государю»[106]. Вряд ли можно более убийственно определить цель маневров, если в первую очередь в них видеть пользу от того, что они дают возможность «государю императору» и войскам ознакомиться друг с другом. Для этого достаточно было бы обычного смотра и прохождения церемониальным маршем. «Самые условия маневров [...], — продолжал Сахаров, — создают мало правдоподобную и не согласующуюся с действительностью обстановку, ибо маневренные условия не дают возможности учитывать в полной мере влияния удачи или неудачи действия того или другого из противников [...]. Эти обстоятельства в значительной степени затрудняют правильное развитие стратегических комбинаций и побуждают начальников ограничивать свои расчеты лишь короткими эпизодами»[107]. Итак, эта оценка, относящаяся не только к Псковским маневрам, но и ко всем другим, по существу сводит на нет их значение, приближая подобные маневры в лучшем случае к дивизионным, а то и полковым подвижным сборам, к тому же далеким от действительной боевой обстановки. В этом случае существенной разницы между большими маневрами и красносельскими экзерцициями по существу не было[108].

---

[106] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 935, л. 2.

[107] Там же.

[108] Приведем еще один факт, когда маневры были подчинены не решению тех или иных тактических задач, а «встрече войск с государем императором». Как рассказывает в своих беллетризированных воспоминаниях ген. Гончаренко, он, будучи юнкером Николаевского кавалерийского училища, участвовал в середине 90-х годов в маневрах Петербургского округа. В течение нескольких дней часть войск наступала, пока не обнаружила «противника». Начался «бой». Пехота начала наступление; артиллерия, заняв позицию, открыла огонь. «Через полчаса, — пишет он, — на взмыленной лошади прискакал адъютант [...]. Он подскочил к генералу [...] и задыхающимся голосом залепетал: «Ваше превосходительство! Имею честь доложить: по приказанию его высочества...» В скором времени все объяснилось. Цепи рано повели наступление. Артиллерия рано открыла огонь. Необходимо разыграть маневр на час позже. Государь прибудет из Царского только к полудню [...]. Артиллерия замолчала. Наступающие цепи остановились» (*Ю. Галич.* Звериада. Записки Черкесова. Рига, 1931, стр. 154).

Несколько бо́льшая инициатива была предоставлена командованию на Курских маневрах 1902 г., но это, как мы увидим ниже, привело к тому, что командиры соединений предпочитали избегать активных действий, и маневры свелись в основном к походным движениям. Как и ранее, ни на Курских маневрах, ни на последующих ночью никаких действий не производилось.

Таким образом, маневры не представляли собою подлинной репетиции боевых действий.

Большой интерес для оценки маневров и состояния тактической подготовки войск представляет собою всеподданнейший доклад Куропаткина «О руководстве войсками на больших маневрах», сохранившийся в черновом варианте в его фонде и датированный 5 октября 1903 г. [109] В начале этого доклада военный министр говорит о том, что в настоящем документе он обобщает опыт пяти больших маневров, свидетелем которых был за последние пять лет. «За последние годы, — пишет Куропаткин, — мы сделали большой шаг вперед [. . .] предоставлением начальникам маневрирующих сторон большей свободы действий [110]. Время, когда розыгрыш маневров в присутствии государя императора приурочивался к часу и месту высочайшего завтрака, кануло в вечность» [111]. Далее он подчеркивает, что вместе с тем «мы впали в другую крайность». Она заключается в том, что «опасения разных обходов и прорывов часто приводят начальника обороняющейся стороны к решению отступить, даже без попытки задержать противника на подходящих позициях, даже без ариергардных боев» [112]. Именно в силу этого, отмечает он, войска практикуются только «в производстве походных движений». И далее Куропаткин приводит

---

[109] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925.

[110] Как уже говорилось выше, Куропаткин приписывает это инициативе Николая II, о которой он сказал военному министру в 1902 г.

[111] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925, л. 1—2. Надо думать, что военный министр здесь явно принимает желаемое за действительное. Во всяком случае на Красносельских маневрах, о которых, кстати, упоминает Куропаткин, было именно так. Надо сказать, что примерно так же происходило все и на Псковских маневрах 1903 г.

[112] Там же, л. 2. Эти слова звучат пророчески. Менее чем через год боязнь «разных обходов и прорывов» заставила на войне отступать без надобности не только командиров различных соединений, но и самого писавшего эти строки — главнокомандующего.

многочисленные факты, в частности происходившие на Курских маневрах в 1902 г., когда при наличии весьма выгодных позиций Северная армия вместо того, чтобы дать бой «противнику», попросту отступала. В силу этого он считает невозможным подменять практику ведения боя в различных его вариациях практикой простых маневренных передвижений. «Вследствие сего, — пишет он, — войска практикуются главным образом в производстве походных движений и многие части только в последний день маневра видят противника. Поучительность маневра утрачивается. Пользы начальникам частей, начиная с командиров корпусов, такие маневры приносят мало» [113].

Касаясь деятельности штабов армии и отрядов, военный министр не мог «назвать ее вполне успешной». По его мнению, это объяснялось неудачным выбором начальников штабов, недостаточной организацией штабной службы, а также отсутствием средств связи (телефонной и телеграфной). Вследствие этого не только сведения о противнике, но и сведения о расположении собственных войск поступали в штабы с большим опозданием, что практически лишало их возможности руководить ходом действий [114].

Переходя к анализу действий отдельных родов войск, Куропаткин прежде всего касается кавалерии, подчеркивая «увлечение стратегической ролью конницы в большой ущерб службе конницы при войсках» [115]. Это означало, что крупные массы конницы стремились к единоборству друг с другом, оставляя войска без необходимых сведений о противнике, а во время боя не оказывая содействия пехоте ни при обороне, ни при атаке. Отсутствие ночной разведки приводило к тому, что «целые дивизии и кавалерийские корпуса метались днем в направлениях маловажных и задавались целями, не всегда согласованными с общей задачей маневра» [116]. Начальники кавале-

---

[113] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925, л. 2.

[114] Там же, л. 4. Так, штаб Северной (Московской) армии, возглавляемой вел. кн. Сергеем Александровичем, на Курских маневрах 1902 г. не всегда знал, «где расположились на ночлег корпуса армии» (там же).

[115] Там же, л. 6.

[116] Там же. Зато, с горечью отмечает Куропаткин, «десятки людей и лошадей жалели по ночам» (л. 6).

рийских частей, подчеркивает Куропаткин, должны усвоить, «что их роль есть роль *вспомогательная*, что они должны помочь начальникам войск *принять правильное решение* на основании сведений, добытых конницей» [117].

Далее военный министр говорит о возникшем после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. увлечении стратегической ролью конницы: предполагалось даже при объявлении войны конницу Варшавского и Виленского военных округов без поддержки пехоты двинуть в пределы Германии и Австро-Венгрии, что Куропаткин считает абсолютно неразумным [118].

Касаясь тактики обороны и наступления, Куропаткин писал: «Мы еще сильнее в обороне, но сознательное наступление нам не часто удается» [119]. Особенно обращал он внимание на то, что войска не умеют «вести наступление и атаку с сильной подготовкой артиллерийским и ружейным огнем. Идеи о безостановочном наступлении без производства ружейного огня, — писал он, — к сожалению, привились очень прочно у многих начальников в нашей армии [...], ибо часто наступаем в мирное время, почти не производя ружейной стрельбы уже с дистанции в 800—1000 шагов» [120]. Куропаткин указывал на то тяжелое положение, в котором может очутиться русская армия в период войны, особенно имея перед собой германские войска, которые систематически приучают к усиленной стрельбе во время наступления. То же отмечает военный министр и в отношении артиллерии, которая обычно прекращает стрельбу в самый ответственный момент — когда пехотные части приближаются к неприятелю для производства атаки [121].

---

[117] Там же, л. 6—7.

[118] Таким образом, Куропаткин вовсе не признавал стратегической роли кавалерии, ограничивая ее «службой при войсках», что едва ли было верно.

[119] Там же, л. 13. Вообще он считал, что «начальники маневрирующих войск не добивались в каждом своем решении атаковать или обороняться возможности *действовать сознательно* на основании сведений, собранных о противнике, на основании указаний местности, а главное, сообразно тем задачам, кои на них возложены» (там же). Характеристика для начальников дивизий и командиров корпусов не очень лестная.

[120] Там же.

[121] В обороне же, как уже говорилось выше, по мнению Куропаткина, организация ружейного и артиллерийского огня производится более удачно.

Куропаткин указывает на серьезные погрешности в тактических действиях пехоты, которая атакует без предварительной ружейной подготовки и двигается при этом сомкнутыми колоннами, в то время как усиление роли огня обязывает, елико возможно, рассредоточивать пехоту, рассыпая ее в цепь, как это делается, например, в германской армии. Рассказывая о подобных случаях на маневрах, он пишет: «Иностранные военные агенты с любопытством и не без удивления наблюдали эту картину, напоминавшую боевые порядки войск начала прошлого столетия»[122]. Критически относится военный министр и к производящимся на маневрах сквозным атакам: «Обыкновенно наши двусторонние маневры кончаются сквозной атакой. Прием, несомненно, полезный, но мы злоупотребляем во многих случаях сквозной атакой, даем войскам ложное представление о том, что им придется делать в военное время, и лишаем практики обороняющегося в умении своевременно отступить, а атакующего лишаем практики преследования»[123]. Таким образом, и сквозные атаки производились далеко не так, как это должно было бы происходить в боевой обстановке[124]. Следовательно, на маневрах тактические действия пехоты в наступлении были по существу порочны с точки зрения подготовки ее к войне.

Переходя к действиям артиллерии на маневрах, Куропаткин указывает, что она в большинстве случаев удачно выбирала позицию. При этом главную задачу он видит в том, чтобы научить артиллеристов «беречь каждый выстрел, что особенно важно при современной скорострельной артиллерии»[125]. Тут же Куропаткин говорит, что артиллерия представляется совершенно автономной. «К сожалению, — пишет он, — даже начальники дивизий не чувствуют себя хозяевами по употреблению артилле-

---

[122] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925, л. 15.

[123] Там же, л. 14.

[124] Сквозные атаки напоминали собой своеобразный полонез или кадриль, когда кавалеры проходили сквозь ряд дам. Недаром Николай II в своем дневнике писал: «Я как раз попал в середину сквозной атаки, волны людей проходили друг через друга» (ЦГАОР, ф. Николая II, д. 237. Запись 27 августа 1897 г.). Это действительно было красиво, особенно если мундиры атакующих и атакуемых были разные. Однако все это не имело ничего общего с боевой подготовкой.

[125] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925, л. 16.

рии»[126]. Поэтому он высказывается за подчинение, точнее, включение артиллерийских бригад и дивизионов конной артиллерии в состав пехотных и кавалерийских дивизий. Необходимость данной меры была до очевидности ясна, но против этого, как уже говорилось выше, решительно высказывался ген.-фельдцехмейстер вел. кн. Михаил Николаевич — шеф артиллерии.

Хотя Куропаткин и не касается тактики артиллерии, однако надо сказать, что она была, естественно, далеко не на высоте. Так, лишь в начале 90-х годов, и то только в Киевском военном округе по инициативе Драгомирова, впервые в русской армии производилась стрельба боевыми снарядами через голову пехоты. Еще в начале 900-х годов в передовом в тактическом отношении Варшавском военном округе артиллерия «лихо въезжала на открытые позиции». Основной недостаток артиллерийской тактики заключался в том, что артиллерия не умела вести бой с закрытых позиций. «Как ни ратовал за угломер и стрельбу артиллерии с закрытых позиций страстный и неутомимый капитан Генерального штаба Свяцкий с кафедры и в печати[127], — пишет в своих воспоминаниях ген. Б. В. Геруа, — только после встряски под Тюреченом русская армия ему поверила и приняла новую артиллерийскую доктрину»[128].

Однако еще в начале 80-х годов артиллерийский офицер К. Гук всячески пропагандировал стрельбу с закрытых позиций. «Этот род стрельбы, — писал он, — может быть с выгодой применен, когда приходится иметь дело с противником, значительно превосходящим в силах. Наша артиллерия, став открыто для состязания с многочисленной артиллерией противника, рискует ею быть уничтоженной [...]. В подобном случае окажется более выгодным расположить артиллерию за каким-нибудь закрытием: за возвышенностью, за лесом, за полотном дороги и т. п. и прибегнуть к закрытой стрельбе»[129].

Таким образом, русские артиллеристы почти за четверть века до японской войны ставили вопрос о необходи-

---

[126] Там же.

[127] См. Капитан Генерального штаба *Свяцкий*. Артиллерия среди прочих родов оружия, ч. I. СПб., 1896.

[128] *Б. В. Геруа*. Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 88.

[129] *К. Гук*. Закрытая стрельба полевой артиллерии. СПб., 1882, стр. 8—9.

мости стрельбы с закрытых позиций. Однако вследствие существовавшей рутины, в первую очередь в Главном артиллерийском управлении, все оставалось по-старому. В этом прежде всего был повинен опять-таки шеф артиллерии вел. кн. Михаил Николаевич.

Вообще разработка и изучение тактики артиллерии были в загоне. Даже в офицерской артиллерийской школе, где проходили переподготовку капитаны артиллерии, приказом по военному ведомству в 1897 г. (№ 15) преподавание тактики, а также тактические занятия были исключены из программы школы.

Следующий раздел доклада военный министр отводит роли крепостей, действию саперных войск. По его мнению, роль крепостей с развитием военной техники постепенно будет уменьшаться [130].

Говоря о состоянии саперного дела, Куропаткин отмечает его упадок, относя это в известной мере за счет Драгомирова. «Шанцевый инструмент в войне, — пишет он, — которому тотчас же после войны отводили место рядом с пулей и с сухарем, попал в отдел «мобилизационных предметов» [...]. На многих маневрах значительных масс войск вовсе не практиковалось укрепление позиций, на других линии окопов только обозначаются» [131]. Таким образом, саперная подготовка войск была далеко не достаточна.

В последней части доклада Куропаткин, касаясь вопроса о разборе маневров, писал: «Понемногу мы прекращаем делать разборы крупных маневров войск. Ошибки проходят незамеченными и в результате повторяются вновь» [132], приобретая хронический характер. При этом, подчеркивает он, «старшие начальники» обычно не любят самостоятельных решений нижестоящих. В силу чего в некоторых случаях разбор маневров ничего не дает. «Такой разбор, — говорит он, — отнимает у началь-

---

[130] «Участь войны России с европейскими державами, — пишет он, — будет решена в полевых боях столкновением между собой армий. Роль крепостей при современном развитии технических средств, вероятно, будет ограниченная. Крепости станут блокировать и обходить, пока не будут разбиты армии противника. При этом, — замечал Куропаткин, — крепости-лагери представляют из себя в некоторых случаях ловушки для потерпевших неудачу армий» (ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925, л. 17).

[131] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925, л. 19.

[132] Там же, л. 20.

ников часто желание работать самостоятельно, они стараются узнать «пунктики» своего начальника и угодить ему»[133].

Наконец, делая заключение по вопросу о тактической подготовке войск, военный министр указывает на недопустимость разнородного обучения в отдельных военных округах. «Нельзя, напр[имер], допускать, — пишет Куропаткин, — чтобы каждый командующий войсками обучал войска своего округа главнейшим видам деятельности войск на войне на свой образец»[134].

Давая в конце доклада характеристику высшего командного состава в тактическом отношении, Куропаткин на основе опыта многих больших маневров, на которых он либо присутствовал, либо в которых принимал непосредственное участие (командование Южной армией на Курских маневрах), писал: «Тактическая подготовка наших войск, в особенности начальников войсковых частей, от командиров полков и выше, еще недостаточна, и [...] эта подготовка не однообразна в нашей армии»[135].

Итак, анализируя маневры, а отсюда и тактическую подготовку войск, Куропаткин приходил к печальным выводам. Маневры не достигали тех целей, которые перед ними ставились. В значительной степени они носили показной, плац-парадный характер. Хотя Куропаткин и утверждал, что маневры последних лет приняли иную форму, так как командованию предоставлена бóльшая инициатива, однако они по-прежнему были крайне далеки от того, что может происходить на войне[136]. По-прежнему ночные боевые действия, включая и действия кавалерийских разведывательных групп, не предусматривались по случаю необходимости дать «отдых как людям, так и лошадям».

Маневренные действия обнаружили тактическое убожество большинства генералитета, всячески стремившегося избегать боевых столкновений из-за боязни флан-

---

[133] Там же.

[134] Там же, л. 21. Здесь имеется в виду в первую очередь Драгомиров, которому Куропаткин отводит в этом разделе доклада много места.

[135] Там же, л. 21.

[136] Это подтверждается, например, планом последних Псковских маневров 1903 г., а также записью в дневнике Николая II от 8 августа этого же года, где он говорит об окончании маневров «блестящей сквозной атакой» (ЦГАОР, ф. Николая II, д. 246, л. 32).

говых движений противной стороны. В силу этого они ограничивали свою деятельность простым передвижением подчиненных им войск, вне соприкосновения с «неприятелем». Тактическая подготовка войск требовала многого. Действия кавалерии, пехоты, артиллерии и саперов зиждились на отсталой тактической основе, не соответствовавшей уровню развития огнестрельного оружия (наличие скорострельной артиллерии, пулеметов и многозарядных винтовок). Наконец, не было единого плана и единой системы в обучении войск, в каждом военном округе оно проводилось по-своему. Таков был грустный итог разбора состояния тактической подготовки армии.

В самом конце рассматриваемого доклада Куропаткин писал: «Обучение войск вполне удовлетворительно. Каждая задача решалась войсками в низших единицах, до полка включительно, правильно. Все передвижения и построения исполнялись в большом порядке и на глазах и за глазами старших начальников» [137].

Таким образом, Куропаткин на основе анализа маневров давал высокую оценку строевой подготовке и признавал неудовлетворительной тактическую. К такому же мнению приходит и созданная в 1903 г. при Главном штабе Комиссия по тактическому образованию войск, возглавлявшаяся командиром 8-го армейского корпуса ген. С. Н. Мыловым. В Своде мнений Комиссия, касаясь причин неудовлетворительной тактической подготовки войск и офицеров, констатировала, что «существенный отдел образования нашей армии (тактический. — *П. З.*) стоит не на высокой ступени, в особенности по сравнению со строевой подготовкой войск, которая постоянно совершенствуется и вполне находится на высоте современных требований» [138]. Низкий уровень тактической подготовки войск Комиссия объясняла, во-первых, недостаточной подготовкой офицерского состава, имея в виду, что «Инструкция для занятий с офицерами» издания 1882 г. «не соответствовала современным требованиям военного дела» и что офицерские занятия проводились в зимнее время, по вечерам, в часы досуга. «Неминуемое следствие такого порядка (занятий. — *П. З.*), — говорилось в Сво-

---

[137] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 925, л. 22.
[138] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 4391, л. 17.

де мнений, — обнаруживалось в апатии, равнодушии к вопросам тактического образования»[139].

Вторая причина, определявшая низкий уровень тактической подготовки, обусловливалась, по мнению Комиссии, особым составом солдатской массы (разный национальный состав, 30% которого не знали русского языка, большой процент неграмотных, отсутствие какой бы то ни было довоенной подготовки). Все это, естественно, затрудняло всестороннюю подготовку солдат.

Наконец, третью причину Комиссия усматривала в ограниченности времени полевых занятий — 123 дня в сезон, которые распределялись следующим образом[140]:

Обучение стрельбе	25 дней[141]
«Вольные работы»	21 день[142]
Праздники	23 дня
Всего . . .	69 дней

Таким образом, на прохождение всего курса боевой подготовки, включая и маневрирование в составе «из трех родов оружия», оставалось лишь 54 дня[143], причем на последнее — маневры всех родов оружия — отводилось три недели.

---

139 Там же.

140 Там же, л. 18.

141 Состояние стрелковой подготовки в войсках в том же 1903 г., согласно данным инспектора стрелковой части ген. Ридигера, проверявшего этот вид обучения в 318 отдельных войсковых частях, было неблестящим. «Произведенный осмотр, — писал Ридигер, — приводит в общем к тому заключению, что уровень обучения войска стрельбе с измеренных расстояний несколько понижается и что смотры некоторых ближайших войсковых начальников производятся с более или менее значительными отступлениями от указаний и требований» (ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 4388, л. 24). Далее Ридигер отмечал, что если результаты боевых стрельб и указывают на некоторый успех, то «вполне точного определения в этом отношении, однако, сделать нельзя, так как во многих частях достижению хороших результатов, несомненно, способствует то обстоятельство [...], что смотры производятся на изученных войсками обыкновенных стрельбищах [...]. Сверх сего, — продолжал он, — в некоторых частях вырабатываются еще смотровые сноровки, дающие возможность достигать отличных результатов в боевой стрельбе, может быть и не совсем соответствующих действительному обучению части» (там же).

142 По-видимому, здесь принимается в расчет лишь первая половина «вольных работ», поскольку общая продолжительность их, как уже говорилось выше, — полтора-два месяца.

143 В подлиннике ошибочно «56».

Основной вывод Комиссии заключался в том, что *«в такое короткое время достигнуть желательной тактической подготовки нелегко»*[144], отмечая тем самым несоразмерность требований со временем, необходимым для усвоения программы тактического обучения.

Надо к тому же учесть не предусматривавшуюся никакими уставными инструкциями тактическую подготовку одиночного бойца. Отсутствие ее являлось серьезным пробелом в обучении солдата. В строевом отношении солдат был в основном хорошо подготовлен как в масштабе своего подразделения, так и индивидуально. В тактическом он также был способен четко выполнять приказы своего начальника (со всеми положительными и отрицательными сторонами этой тактики), но, как вести себя в бою, если придется действовать самостоятельно, — этому его не учили. Для этого требовалось не только дополнительное время, но и определенный умственный кругозор, отсутствовавший у основной массы солдат, в значительной своей части безграмотной или полуграмотной, в лучшем случае умевшей читать по складам и подписывать свою фамилию.

В своем заключении Комиссия по тактическому образованию войск отметила абсолютно неудовлетворительную постановку тактического образования офицеров[145], а также наиболее существенные недостатки в тактической подготовке отдельных родов войск, аналогичные примерно излагаемым в докладе Куропаткина[146].

Такова характеристика обучения войск, содержавшая в себе в значительной мере плац-парадные традиции, с одной стороны, и много устаревших тактических положений — с другой.

Наиболее важной причиной данного явления явилась существующая политическая система — российское самодержавие, непрерывно вмешивавшееся в лице как само-

---

[144] ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 4391, л. 18.

[145] См. выше, гл. 4.

[146] Так, в отношении артиллерии говорилось, что «маневры, допуская много условного, не могут в желательной степени способствовать усвоению и развитию тактики артиллерии [...]. При разборе маневренных действий артиллерия обращает исключительное внимание на маневрирование и сосредоточение масс, отводя слишком незначительную долю внимания тактике огня, столь существенной в действительном бою» (ЦГВИА, ф. Главного штаба, оп. 3, д. 4391, л. 19).

го монарха, так и членов императорской фамилии в дела военного ведомства, в частности в вопросы обучения войск, придавая им характер «красносельской тактики». Отрицательно влиял на обучение войск также и состав генералитета, большинство которого, не говоря уже об его «умственной скромности», было воспитано в духе смотров и церемониальных маршей. Наконец, так называемые вольные работы и усиливающееся с каждым годом отвлечение войск для выполнения полицейских функций также не могли не оказывать отрицательного влияния на боевую подготовку войск.

Глава 6

Военно-учебные заведения

В результате реформ 60-х годов военно-учебные заведения подразделялись на следующие типы: общеобразовательные среднеучебные заведения — семиклассные военные гимназии и четырехклассные прогимназии; средние специальные военные и юнкерские училища; высшие — военные академии.

Военные гимназии, реформированные из кадетских корпусов, в 60-е годы и до начала 60-х годов представляли собою передовые по своей организации и программе средние учебные заведения. В них были сосредоточены лучшие педагогические силы как преподавателей, так и воспитателей [1].

К 1881 г. существовало 18 военных гимназий [2] и 8 военных прогимназий с курсом, соответствовавшим курсу уездных училищ. Первые предоставляли окончившим их право поступать в военное училище, вторые — в юнкерское. Если гимназии и прогимназии давали общее образование, то военные и юнкерские училища — специальное, подготавливая будущих офицеров.

Вскоре, через полтора месяца, после отставки Милютина произошла и смена начальника Главного управле-

---

[1] Сам Милютин осуществлял повседневную заботу о своем любимом детище — военных гимназиях. Так, судя по записям в его дневнике, 30 марта 1876 г. он собирает лучших учеников седьмых классов военных гимназий Петербурга, и они в его присутствии решают составленные им, военным министром, задачи по математике, которые он сам и проверяет. Через несколько дней по распоряжению военного министра воспитанники тех же учебных заведений пишут сочинение, которое он опять-таки проверяет сам.

[2] Помимо военных гимназий существовало два кадетских корпуса, сохранивших дореформенное устройство (соединявших в себе общеобразовательный и специальный курс), — Пажеский и Финляндский.

ния военно-учебных заведений. Вместо Н. В. Исакова, осуществлявшего реформы военно-учебных заведений, был назначен помощник начальника Главного штаба ген.-лейт. Н. А. Махотин.

Одной из первых мер, предпринятых Ванновским в военно-учебном ведомстве, было преобразование военных гимназий в кадетские корпуса. Инициатором этой реформы был сам Ванновский, действовавший, естественно, с полного одобрения Александра III. Во второй половине 1881 г. была издана Инструкция по воспитательной части, в которой ставился вопрос о том, что военные гимназии являются не общеобразовательными, а профессионально-военными учебными заведениями. Если в Положении о военных гимназиях говорилось, что они «имеют целью доставить детям потомственных дворян, *предназначаемым* к военной службе, общее образование» [3], то в Инструкции по воспитательной части говорилось уже не о детях, «предназначаемых» к военной службе, а о детях, *«предназначенных»* к военной службе, причем эти слова были выделены курсивом, т. е. они имели теперь иное значение. Эта инструкция вызвала отрицательное отношение широких слоев либеральной общественности и бурю положительных эмоций в лагере реакции [4]. Так, один из ее идеологов, М. Н. Катков, в своей газете «Московские ведомости» 22 декабря 1881 г. в передовой статье, вспоминая об отрицательном отношении различных слоев общества к толстовским реформам, писал: «Те самые вопли раздаются и теперь, когда правительство, повидимому, наконец обратило серьезное внимание на те по меньшей мере странные учебные заведения, которые были преобразованы из бывших кадетских корпусов и получили бессмысленное название «военных гимназий»» [5].

30 мая 1882 г. военным министром был представлен всеподданнейший доклад о системе общеобразователь-

---

[3] «Свод военных постановлений за 1819 г.», т. XV. СПб., 1871, стр. 610.

[4] См Инструкция по воспитательной части для военных гимназий, однородных с ними заведений и военных прогимназий. СПб., 1881, стр. 1.

[5] Вопрос о реорганизации военных гимназий не являлся чисто ведомственным. После реформы 1871 г., осуществленной министром народного просвещения гр. Д. А. Толстым и превратившей гимназии в классические со схоластическим изучением древних языков, препо-

ного и специально военного образования в военно-учебных заведениях[6]. В начале доклада говорилось: «Истекшие годы после реформы военно-учебных заведений дают возможность в настоящее время определительно высказать: а) *необходимо ли сохранение в военном ведомстве существующих ныне двух типов военно-учебных заведений* (т. е. военных и юнкерских училищ, с одной стороны, и военных гимназий — с другой. — *П. З.*) [...]; б) *вполне ли достигнуты цели, поставленные при преобразовании военно-учебных заведений*»[7].

Ответ на первый вопрос давался утвердительный. По мнению Военного министерства, для обеспечения контингента поступающих в военные училища необходимо сохранение в системе Главного управления среднеучебных заведений. В докладе указывалось, что лучшую часть поступающих в военные училища составляют военные гимназисты, которые «с раннего возраста привыкают к мысли о предстоящей им службе в военном звании»[8]. Далее, однако, указывалось, что все же воспитанники в военных гимназиях *«недостаточно подготавливаются к переходу*

давание русского языка, литературы и истории находилось в них в полном загоне. Толстовские гимназии пользовались в буквальном смысле слова ненавистью широких слоев русского общества. В этих условиях военные гимназии являлись лучшими среди учебных заведений (недаром выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский воспитывал своего сына в военной гимназии). Естественно, что реакция сразу же обрушилась на военные гимназии (о классических гимназиях см. мою книгу «Российское самодержавие в конце XIX столетия». М., 1970).

[6] Ранее этого доклада, 14 апреля 1882 г., начальником Главного управления военно-учебных заведений ген. Махотиным была представлена военному министру записка, в которой довольно объективно освещалось состояние военных гимназий, однако вместе с тем ставился вопрос о целесообразности переименования их в кадетские корпуса. На первом листе этой записки рукою Ванновского написано: «Взгляд, очевидно, клонится к умалению заслуг кадетских корпусов и возвеличению военных гимназий [...]» Я сам был в комиссии, уничтожившей, к сожалению и вреду для дела, кадетские корпуса...» (ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 20, к. 379, д. 111, л. 17). Это по существу уже определило судьбу военных гимназий.

[7] Там же, л. 80.

[8] Там же, л. 92. Часть фразы, начиная со слов «привыкают к мысли», подчеркнута Александром III, и на полях его рукой написано: «довольно слабо». Эти слова убедительно свидетельствуют, что и сам Александр III был противником военных гимназий.

в военные училища, в смысле вступления их в положение и отправление обязанностей военнослужащего» [9]. Это положение по существу опровергалось тем, что было написано на следующем листе, где говорилось: «Справедливо, что воспитанники (военных гимназий) довольно быстро осваиваются с новым своим положением, но не менее справедливо, что многие из них осваиваются лишь *внешним образом* (? — *П. З.*) под давлением строгого принудительного режима военных училищ» [10]. По мнению Ванновского, это «есть прямое следствие не пробужденного в юноше сердечного расположения к военному званию. . .» [11].

В связи с этими не соответствовавшими действительности положениями говорилось о необходимости «придать военным гимназиям и в смысле военно-воспитательном значение подготовительных к военным училищам заведений, но без той, однако, преувеличенности в этом отношении, которая [. . .] послужила одной из главных причин упадка воспитания в этих заведениях» [12].

Ниже рекомендовалось воспитанников последних двух классов военных гимназий обучать строевым занятиям. Однако тут же указывалось, что, «дабы избежать той ошибки, в которую впадали кадетские корпуса, преувеличивая значение военных упражнений в ущерб значению классных занятий и в совершенстве первых усматривая для себя как бы высшую задачу своего существования» [13], необходимо установить следующие общие правила: а) в течение зимы строевые занятия не должны превышать 3—4 часов в неделю; б) в летнее время выводить воспитанников старшего возраста, образуя из них строевую роту, в лагеря, где обучать их различного рода строевым занятиям и гимнастике [14]. Казалось бы, что со-

---

[9] Там же, л. 114.

[10] Там же, л. 115.

[11] Там же. Это неверно, так как лица, оканчивавшие военные гимназии и не поступавшие в военное училище, составляли небольшой процент (см. ниже, стр. 325).

[12] Там же, л. 115—116. По-видимому, имеются в виду дореформенные кадетские корпуса.

[13] Там же, л. 116.

[14] При этом подчеркивалось, *что «все остальные военно-гимназические возрасты, а также в зимнее время и старший возраст должны быть ведены в прежнем общевоспитательном назначении»* (там же, л. 117).

стояние воспитания, за исключением нововведений, должно было оставаться прежним. Но тут же предлагались меры, которые находились в противоречии с вышесказанным. Так, рекомендовалось «допускать впредь» в военные гимназии воспитателями[15] лишь офицеров, а также переименовать «возрасты»[16] в роты[17]. Наконец, тут же говорилось о необходимости закрыть существующие в Петербурге военно-педагогические курсы, «в настоящее время [...] утратившие значение»[18]. Курсы эти ставили своей задачей подготовку преподавателей для военных гимназий из числа лиц, получивших высшее образование[19]. В заключение подчеркивалось, что, «удовлетворяя требованиям среднего реального образования и педагогическим целям воспитания, они (т. е. военные гимназии. — *П. З.*) *не вполне отвечают задаче профессионального военного заведения*»[20]. В соответствии с этим Ванновский ставил вопрос о преобразовании военных гимназий в кадетские корпуса[21].

Таково содержание доклада, в котором центральное место уделено военным гимназиям, и при этом оценка им дается крайне противоречивая. Так, с одной стороны, учащиеся в них «недостаточно подготавливаются к переходу в военные училища», а с другой — «быстро осваиваются с новым своим положением»[22]. С одной стороны,

---

[15] Воспитателями в военных гимназиях были гражданские лица, имевшие «в большинстве случаев высшее образование» (там же, л. 189). В младших классах встречались лица, окончившие учительские семинарии военного ведомства.

[16] Военные гимназии подразделялись обычно на три возраста — младший, средний и старший.

[17] Там же, л. 117. Против этого предложения на полях рукою Александра III написано: «конечно».

[18] Там же, л. 123.

[19] По окончании курсов они получали звание «кандидат-педагог» и по замыслу должны были возглавлять учебно-методическую работу в военных гимназиях.

[20] Там же, л. 133. В докладе некоторое место уделялось и состоянию военных и юнкерских училищ. В отношении первых предлагалось реорганизовать систему обучения — перейти от лекционной системы преподавания к аудиторной, т. е. классной (там же, л. 132).

[21] Там же, л. 134. Против этого предложения рукою Александра III было написано на полях: «Да».

[22] Так, в этом же докладе говорится о том, что большинство офицеров, окончивших юнкерские училища, быстро покидают службу и «только офицеры, прошедшие в свое время курс общеобразовательный и специальный, получившие при том военное воспитание

рекомендуется в военных гимназиях ввести строевые занятия в старших классах, сохранив в неизменном виде «общевоспитательное направление», с другой — предлагается заменять строевыми офицерами гражданских воспитателей, имеющих высшее образование, и переименовывать «возрасты» в роты. По-видимому, вопрос о переименовании военных гимназий встречал в самом Главном управлении военно-учебных заведений определенное сопротивление.

Летом 1882 г. Ванновский представил Александру III доклад о преобразовании военных гимназий в кадетские корпуса, что и было утверждено 21 июля[23].

Началась быстрая смена гражданских воспитателей строевыми офицерами[24]. «Замена эта, — говорилось в записке помощника начальника Главного управления военно-учебных заведений ген. Зедделера, относящейся к 1884 г., — предпринята далеко не для того, чтобы обучать кадет строю, а для того, чтобы они могли вселять в молодые сердца своих питомцев те чувства преданности и любви к армии, которые составляют силу и славу ее, а также сроднить их смолоду с теми порядками, с которыми они будут встречаться и поддерживать в рядах войск»[25].

Так трактовались цели реформы в официальных документах[26]. Однако в действительности данная реформа обусловливалась требованиями реакционного лагеря, и в первую очередь лагеря Каткова, недовольного к тому

(т. е. окончившие военные гимназии. — *П. З.*), остаются крепкими войску и связываются *с ним прочно*» (там же, л. 130—131). Следовательно, военные гимназии выполняли поставленную перед ними задачу.

[23] ПСЗ, 3-е собр., т. II, № 1027. Приказ по военному ведомству № 226 от 22 июля 1882 г.

[24] Офицеры прикомандировывались из полков на два года на испытание, а затем зачислялись в штат.

[25] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 20, к. 379, д. 111, л. 190.

[26] Это находится в прямом противоречии даже с приведенным выше всеподданнейшим докладом Ванновского, в котором ни слова не говорится о том, что гражданские воспитатели оказывались неспособными прививать любовь к армии своим воспитанникам, которые по окончании военных гимназий почти в полном составе добровольно переходили в военные училища. Лица, оканчивавшие военные гимназии и не поступавшие в военное училище, составляли в среднем 6—7% (см. «Столетие Военного министерства», т. X. Главное управление военно-учебных заведений, ч. III. СПб., 1914, стр. 132).

же темпами происходившей реорганизации. В передовой статье «Московских ведомостей» от 17 октября 1884 г. он писал: «Решено, но дело не двигается. Восстановлено до сих пор, собственно говоря, только имя кадетских корпусов, кличка, под которой продолжает существовать все то же отрицательное, ни то, ни се, *не-военные, не-гимназии*» [27]. Далее он говорит, что до сих пор не образованы строевые роты [28].

Переименование военных гимназий в кадетские корпуса повлекло за собою и некоторое сокращение объема учебного курса, с тем «чтобы излишним напряжением умственных занятий воспитанников, — говорилось во всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1882 г., — не повлиять разрушительно на развивающийся юный организм [...]. В школе военной, — говорилось далее, — готовящей поколение, предназначенное для несения усиленных физических трудов и лишений, курс наук должен быть строго соразмерен с тем, чтобы он не был в ущерб сохранению и укреплению здоровья и молодых сил» [29].

Инспектор классов 1-го кадетского корпуса П. И. Рогов по этому поводу писал Д. А. Милютину: «Учебная часть не оставлена без милостивого внимания. Есть предположение заняться пересмотром программ: желают выбросить из курса аналитическую геометрию, сократить до минимума физику [...], выписать учебники из прусского корпуса и перевести на русский язык и т. п. [...]. «Московские ведомости» окончательно сбили с толку неуверенное в своем положении начальство, оно искренно думает, чем свободнее, легче голова будущего военного, тем тверже и щеголеватее носок» [30].

---

[27] «Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год». М., 1898, стр. 526.

[28] В действительности строевые роты были образованы в августе 1884 г., а в 1885 г. учреждены в этих ротах звания вице-фельдфебеля и вице-унтер-офицеров из числа лучших по успеваемости и поведению кадет. В каждой роте имелся один вице-фельдфебель и 12 вице-унтер-офицеров. Они имели военные различия: погоны вице-унтер-офицеров были покрыты по бокам золотым галуном, а у вице-фельдфебеля дополнительные полосы галуна нашивались и по середине погона.

[29] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 138, л. 44.

[30] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, к. 74, д. 3. Письмо от 2 января 1885 г. В конце 1885 г. было созвано совещание директо-

Сопоставим данные учебных планов военных гимназий в 1880 г. и кадетских корпусов в 1890 г. по числу еженедельных уроков во всех семи классах[31].

Наименование предметов	Число еженедельных уроков	
	в 1880 г.	в 1890 г.
Закон божий	18	14
Русский язык и словесность	33	30
Французский язык	28	28
Немецкий »	26	26
Математика	42	39
Начальные сведения из естественной истории	10	8
Физика	8	9
Космография	2	2
География	11	10
История всеобщая и русская	13	14
Законоведение	—	2
Чистописание	7	5
Рисование	12	13
Итого	210	200

Следовательно, общий объем учебного плана не претерпел серьезных изменений[32]. Однако уровень знаний кадет и их успеваемости за период, изучаемый нами, значительно понизился. Приведем данные по ряду кадетских корпусов. Так, по данным ген. Каховского, инспектиро-

ров кадетских корпусов и инспекторов классов (в основной своей массе возглавлявших в прошлом военные гимназии) для пересмотра программ «с целью их сокращения», однако, как сообщил тот же Рогов Милютину в письме от 27 декабря, «было уже семнадцать заседаний, существенных перемен не будет» (там же). По-видимому, стремление сократить учебные планы вызвало серьезное сопротивление руководителей корпусов.

[31] См. «Столетие Военного министерства», т. X. Главное управление военно-учебных заведений, ч. III, стр. 149.

[32] В 1898 г. последовало указание Николая II о необходимости обратить бóльшее внимание на физическую подготовку, вследствие чего в том же году были утверждены новые программы, несколько измененные, из которых были сокращены, как указывалось в «Столетии Военного министерства», все ненужные подробности (там же, стр. 172). Как говорилось во всеподданнейшем докладе Военного министерства за 1900 г., число еженедельных уроков было сокращено на 12 (по русскому языку — на 3 часа, по математике — на 7 и по рисованию — на 2 часа). Некоторые предметы (аналитическая геометрия и законоведение) были перенесены в военные училища (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 159, л. 17).

вавшего в 1888 г. Полоцкий кадетский корпус, число «вполне успевающих» и «мало успевающих», т. е., проще говоря, неуспевающих, было по классам в процентах [33]:

Классы	Вполне успевающие	Мало успевающие
VII	62	38
VI	87	13
V	57	43
IV	39	61
III	55	45
II	60	40
I	58	42
	59	41

Таким образом, в IV классе неуспевающих было больше, чем успевающих. На основе тех же данных все кадеты VII класса в составе 43 человек не обладали абсолютной грамотностью: 19 из них сделали в диктанте грамматические ошибки, а остальные — синтаксические [34].

В конце 90-х годов положение оставалось примерно таким же. Так, в Нижегородском кадетском корпусе гр. Аракчеева в 1898/99 учебном году процент кадет, имевших неудовлетворительный балл по одному предмету, составлял 21,5, более одного неудовлетворительного балла — 20,87. Таким образом, общий процент неуспевающих составлял 42,37. В следующем 1899/900 году этот процент несколько снижается, равняясь 28 [35].

Особенно низкой была успеваемость в Пажеском корпусе. По данным журнала педагогического комитета этого корпуса от 27 июня 1900 г., из 43 пажей VII класса переводились в первый специальный по I разряду 30, остальные имели одну или несколько переэкзаменовок; из VI в VII класс из 26 переводились 11, остальные имели дополнительное задание либо переэкзаменовку по одному или нескольким предметам; двое оставались на второй год; из V в VI из 29 переводились «без хвостов» 10,

[33] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 26, к. 528, д. 90, л. 62.

[34] Там же, л. 59.

[35] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 38, к. 807, д. 7, л. 85.

6 человек оставались на второй год; из IV в V класс из 21 переводились 4, оставались на второй год 7, на третий — 2[36]. В известном противоречии с этими сведениями находятся данные из официальных отчетов за 1901 г. В этих отчетах успеваемость в кадетских корпусах значительно выше.

Приведем данные учебной части ряда корпусов за 1900—1901 учебный год[37]:

Наименование корпусов	Общее число кадет	Годовые отметки			
		Очень хорошо (10—12)	Хорошо (8—10)	Удовлетворительно (6—8)	Слабо. Оставлен на 2-й год
1-й Кадетский (СПб.)	414	47	153	157	57
2-й Кадетский (СПб.)	415	36	148	192	39
1-й Московский	394	54	185	141	14
2-й Московский	328	25	118	130	55
3-й Московский	431	43	154	196	38
Нижегородский	286	13	110	129	34
Петровский Полтавский	395	37	157	186	15
Михайловский Воронежский	427	50	172	192	13
Псковский	318	12	103	140	63
Полоцкий	342	47	156	93	36
Оровский-Бахтина	384	42	164	158	20
Симбирский	347	24	149	150	24
Гифлисский	325	16	103	164	42
Оренбургско-Неплюевский	231	21	91	116	3
Донской	380	38	187	139	16
Ярославский	359	26	170	135	28

[36] Там же, л. 6—22. Несколько выше была успеваемость в Первом (Петербургском) корпусе в том же учебном году. Так, из 62 окончивших VII класс только у одного была неудовлетворительная оценка, зато уже в VI классе из 79 человек неудовлетворительные отметки по одному и многим предметам имели 15, в V из 64 — 16, в IV из 72 — 28, в III из 33 — 20. Таким образом, и здесь относительно высокая успеваемость была только в старших классах (там же, л. 39—49; 52—71). Более высокая успеваемость была в том же году в Ярославском кадетском корпусе. В V классе из 43 неудовлетворительные отметки у 7 человек, в IV из 47 — 10 (там же, л. 104—107). Речь везде идет о годовых отметках. Надо думать, что многое зависело от состава учителей.

[37] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 39, к. 848, д. 29, л. 16, 27, 48, 66, 174, 245, 269, 303, 405, 420, 426, 430—431, 463—464, 484—485, 491—492, 498—499, 522. В кадетских кор-

О низком общеобразовательном уровне кадет говорит и Куропаткин по возвращении с Дальнего Востока в 1903 г. В одном из конспектов всеподданнейшего доклада он пишет: «География IV класса. Повт[орный] курс. Не знали. Надо репетиции. Ученики 15 лет не могли указать, какие народы обитают в Австр[ийской] империи, не назвали ни немцев, ни венгров. Мало читали» [38].

Об этом же говорит и вел. кн. Константин Константинович вскоре по вступлении в должность начальника Главного управления военно-учебных заведений. Так, в приказе от 24 февраля 1901 г., изданном им после ознакомления с большинством военно-учебных заведений, он писал: «Не могу не обратить внимания на малограмотность не только кадет, но и юнкеров военных училищ. Дурное правописание и отсутствие элементарного навыка в письменном изложении мыслей — самая слабая сторона преподавания в наших военно-учебных заведениях. Успехи по иностранным языкам тоже заставляют желать еще очень многого» [39]. Говоря о недостатках системы преподавания, он там же писал: «Думаю вместе с тем, что в преподавании различных разделов знания нет того единства цели и той взаимной связи, которыми обусловливается общий уровень среднего образования. Кадеты и юнкера имеют известную сумму фактических сведений по каждому предмету, но, как мне приходилось неоднократно в том убеждаться, общеобразовательная ценность этих обособленных сведений вообще невелика: они не расширяют умственного кругозора среднего ученика, не одаренного исключительной способностью к самостоятельному обобщению воспринимаемых им знаний» [40].

И это действительно было так. Если в 70-х — начале 80-х годов военные гимназии стояли на несравненно бо-

---

пусах, так же как и во всех военно-учебных заведениях, существовала 12-балльная оценка знаний. Трудно предположить, чтобы в Нижегородском корпусе, где процент неуспевающих в 1898/99 г. составлял свыше 40, в 1899/900 г. — 28, в следующем 1900/901 г. снизился до 11. Надо думать, что не все эти отчеты отражали действительное положение дел.

[38] ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 842, л. 8. Речь идет о Хабаровском кадетском корпусе.

[39] Приказ по военно-учебным заведениям 24 февраля 1901 г. — «Педагогический сборник» (орган Главного управления военно-учебных заведений), 1901, кн. III, стр. 17.

[40] «Педагогический сборник», 1901, кн. III, стр. 17.

лее высоком уровне, чем классические гимназии, то к началу XX столетия положение резко изменилось. «При сравнительно лучших внешних условиях, — говорилось в одной из неофициальных статей «Мысли старого педагога», — кадетские корпуса достигают в учебном деле значительно худших результатов, нежели гимназии и реальные училища»[41]. Основную причину этого видели в ухудшении педагогического состава, а главное, в системе воспитания. В упоминаемой выше статье говорилось: «Причину такого мрачного положения учебного дела в кадетских корпусах видят, во-первых, в противоречии между задачами воспитывающего обучения и требованиями военной субординации, в преждевременной специализации учащихся на почве военной выправки, которая якобы стремится всех обезличить и нивелировать»[42].

Однако корень зла был не столько в самой системе военного образования, как таковой, сколько в неправильной организации ее, осуществляемой людьми, не имевшими никаких педагогических познаний.

* * *

Рассмотрим систему воспитания в кадетских корпусах. На протяжении 80-х годов почти все воспитатели были уже заменены офицерами. Так, согласно данным осмотра кадетских корпусов чинами Главного управления военно-учебных заведений, в Оренбургском-Неплюевском корпусе в 1885 г. из 13 воспитателей 10 были офицерами[43]; в 1888 г. в Нижегородском из 18 — все офицеры[44], в Полтавском в том же году из 21 — 18 офицеры[45], в Тифлисском в 1889 г. из 20 — 19 офицеры[46]. Естественно, что при этом произошла почти полная смена воспитательского состава. Как уже говорилось выше, все воспитатели прикомандировывались из полков на испытание

---

[41] «Педагогический сборник», 1905, кн. XI, стр. 453.

[42] Там же, стр. 453. Автор статьи считал, что эти утверждения не совсем верны, полагая, что военная дисциплина не мешает делу преподавания. Надо, однако, заметить, что общераспространенное мнение было другим.

[43] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 23, к. 454, д. 71, л. 140.

[44] Там же, оп. 26, к. 528, д. 90, л. 53.

[45] Там же, л. 191.

[46] Там же, л. 148.

сроком на два года, а затем зачислялись в штат. В преобладающем своем большинстве это были лица, окончившие в свое время военные гимназии и военные училища, нередко по II разряду, и не имевшие никаких знаний и опыта в области воспитания детей и юношей. Надо заметить, что приход на воспитательскую работу в корпус отнюдь не всегда и далеко не всегда определялся склонностью к этому роду деятельности, здесь большею частью руководствовались другими соображениями. Один из офицеров-воспитателей в статье, помещенной в «Педагогическом сборнике», указывал на следующие мотивы, толкавшие офицеров на этот род деятельности: 1) возможность воспитывать детей при себе и вообще обеспечить им образование; 2) сокращенный срок выслуги пенсии (не 35, а 25 лет) и, наконец, третье, самое важное, ускоренное производство в чине до подполковника включительно. «Что же касается до мотива, коренящегося в призвании «быть воспитателем», то что бы ни говорили, а это призвание как мотив является в виде исключения» [47], — писал указанный автор.

Таким образом, состав воспитателей носил случайный характер [48]. Только в 1900 г. при Педагогическом музее были созданы особые курсы для подготовки офицеров-воспитателей. Руководство этими курсами было возложено на директора музея ген.-лейт. А. Н. Макарова. Характеризуя состояние воспитательной работы в кадетских корпусах, Макаров в одном из своих писем Д. А. Милютину писал: «Настоящее положение наших кадетских корпусов, напоминающее старые военно-учебные заведения, требует самых серьезных мер для поднятия в них дела воспитания. В основу учебно-воспитательного дела современных кадетских корпусов необходимо снова положить те разумные серьезные педагогические начала, какие признавались необходимыми для бывших военных

---

[47] «Педагогический сборник», 1903, кн. XII, стр. 577.

[48] Об этом же пишет в своих воспоминаниях генерал фон Дрейер, воспитывавшийся в конце 80-х — начале 90-х годов во 2-м Оренбургском кадетском корпусе: «Воспитатели, в большинстве армейские офицеры, не все были специалистами в деле воспитания детей и юношей кадет, редко разбирались и считались со свойствами характера каждого мальчика. Многое было построено по шаблону» (Генерал *В. М. фон Дрейер.* На закате империи. Мадрид, 1965, стр. 8).

гимназий [...]; не придавая надлежащего значения делу обучения и думая, что успех нравственного воспитания может быть достигнут независимо от учения, мы доведем наши военно-учебные заведения до полного растления. Я, — продолжал он, — не теряю еще веры в возможность улучшения дела в кадетских корпусах и убежден, что при серьезном отношении к ним они могут сделаться хорошими рассадниками образованных офицеров»[49]. Мнение Макарова весьма авторитетно, так как он прекрасно знал состояние обучения и воспитания в кадетских корпусах.

Жалобы на слабое умственное развитие кадет неоднократно подчеркивались и в специальных военных органах печати — «Русском инвалиде», «Разведчике», «Педагогическом сборнике». Так, в одной из статей «Педагогического сборника», «Несколько слов о наших кадетских корпусах», автор писал: «Всюду слышатся указания на слабость умственного развития кадет, на отсутствие в них интереса к знанию и книге, на недостаток самостоятельности мышления [...], на отсутствие принципов нравственного поведения, на грубость нравов интерната и товарищества, на развитие внешней выправки в ущерб нравственной дисциплине, даже на непригодность кадет к требованиям военной дисциплины»[50].

* * *

С начала XX столетия положение в кадетских корпусах и военно-учебных заведениях существенно изменилось. Начальником Главного управления военно-учебных заведений был назначен вел. кн. Константин Константинович, единственный из представителей императорской фамилии, оказавшийся на месте в военном ведомстве. Свою деятельность он начал с посещения почти всех военно-учебных заведений, где обнаружил много недостатков, особенно в области воспитания. В цитированном выше его приказе от 24 февраля 1901 г. вел. кн. Константин Константинович указывал, что основная задача воспитания заключается в том, чтобы постепенно развивать у кадет «сознание их человеческого достоинства и береж-

[49] Отдел рукописей ГБЛ, ф. Милютина, к. 68, д. 9. Письмо от 4 января 1903 г.

[50] «Педагогический сборник», 1903, кн. VII, стр. 51.

но устранять все то, что может унизить или оскорбить это достоинство»[51]. Далее он указывал, что в младших классах большинство проступков заключается в нарушениях внешнего порядка, а в старших преобладающее число их «имеют характер умышленного уклонения от требований, а иногда и характер протеста против этих требований и против слишком строгого надзора за их выполнением [...]. Неизменное подчинение одним и тем же требованиям и одинаковому надзору и младших и старших воспитанников, как это установилось во всех кадетских корпусах, я не могу признать мерой, целесообразной в нравственно воспитательном отношении»[52]. Действительно, согласно действующим инструкциям, им в одинаковой степени подчинялись как кадеты I класса (10-летние дети), так и кадеты VII класса (17—18-летние юноши)[53].

А вместе с тем эти педагогические «азы» и непонима-

---

[51] «Педагогический сборник», 1901, кн. III, стр. 19.

[52] Там же, стр. 18—19.

[53] В дневнике вел. кн. Константина Константиновича содержится много записей, касающихся методов воспитания — целесообразности существовавшей инструкции по воспитательной части. Так, посетив Омский кадетский корпус и собрав педагогический комитет, он задал ему вопрос: «Хорошо ли прикладывать одну и ту же педагогическую мерку как к 10-летним детям, так и юношам 17—19? Инструкция не указывает особенной разницы в ведении малых и больших, а казалось бы, надо постепенно ограничивать многочисленные ограничения разных запрещений, которые одинаково применяются как к одним, так и к другим. Это новый вопрос, который не поднимал мой предшественник Махотин, а я возбуждаю его во всех корпусах, желая вдохнуть в них новую жизнь. И вопрос этот действительно сейчас же расшевеливает и оживляет комитет, возбуждая прения и большей частью вызывая сочувствие» (ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 47, л. 136—137. Запись 14 октября 1900 г.). В другой записи, от 7 декабря, он описывает заседание педагогического совета во 2-м (Петербургском) корпусе, где ставит вопрос о недопустимости вскрывать письма кадет старшего возраста. «Проводил начала доверия, — пишет он, — высказывал, что невозможно ограждать воспитанников от разных опасностей, вскрывая письма...» (там же, л. 161). В одном из писем к военному министру вел. кн. Константин Константинович писал: «Я упорно преследую цель постепенного изменения воспитательных приемов по отношению к различному возрасту кадет. Что необходимо и полезно маленьким, то излишне и даже вредно более взрослым. Нельзя этим последним воспрещать чего-либо, прекрасно зная, что запрет постоянно нарушается. Это порождает основную безнравственность воспитательного начала. Есть проступки, повторяющиеся очень часто, напр[имер] курение, само по себе не составляющее греха, но грех создается его воспрещением» (ЦГВИА, ф. Куропаткина, д. 3564, л. 12).

ние их Главным управлением военно-учебных заведений во главе с его начальником достаточно убедительно характеризовали уровень воспитательной работы в кадетских корпусах. Вскоре многие из ограничений для кадет старших классов были отменены и ограничительные меры дифференцированы [54]. Короче говоря, в системе воспитания кадет произошли кардинальные перемены и педагогические приемы стали значительно более гуманными. Как уже говорилось выше, в 1900 г. создаются одногодичные курсы для подготовки офицеров-воспитателей, а в 1903 г. были восстановлены подготовительные двухгодичные курсы для преподавателей корпусов, имевших высшее образование. Все эти меры, естественно, способствовали серьезному улучшению положения в кадетских корпусах.

А вместе с тем нововведения встречались с опаской даже таким просвещенным военным министром, каким был Куропаткин. Так, в дневнике за 25 января 1901 г. вел. кн. Константин Константинович передает свой разговор с Куропаткиным. «Затем, — пишет он, — Куропаткин перешел к моим взглядам на необходимость изменить систему воспитания в наших корпусах, перейдя от принципа недоверия к доверию; он предостерегал меня, что, как ни симпатичны мои стремления, применять их надо как можно осмотрительнее, у нас слишком привыкли к нынешнему порядку вещей, масса слишком груба, невоспитанна и неразвита, чтобы сразу проделать над ней такую серьезную операцию [...]. Я [...] отчасти сознавал, что кое в чем он был прав» [55].

Однако многое было проведено в жизнь в той мере, в какой это было возможно в тогдашних условиях.

* * *

Рассмотрим вопрос о составе кадетских корпусов. Как и военные гимназии, они не являлись всесословными

---

[54] Приказом по военно-учебным заведениям № 191 от 9 марта 1901 г. было разрешено кадетам старших классов носить усы, а юнкерам — бороды и бакенбарды. Вскоре было разрешено кадетам носить часы, в старшей роте — курить. Отменены были также лагерные сборы для кадет строевой роты.

[55] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 48, л. 9—10.

учебными заведениями. В кадетские корпуса принимались дети генералов, штаб- и обер-офицеров, а также военных врачей и военных священников, прослуживших не менее 10 лет в военном ведомстве[56]. Все эти лица принимались так называемыми казенными интернами, т. е. живущими в интернате на казенный счет. Кроме того, в корпуса принимались также пансионеры, т. е. стипендиаты на именные дворянские и учрежденческие стипендии[57].

В число своекошных (зачисленных на свой счет) принимались дети тех же категорий (при отсутствии выслуги у их отцов), а также дети принадлежащих к потомственному дворянству чиновников различных ведомств и неслужащих дворян[58]. Таким образом, состав кадет был в подавляющем своем большинстве дворянский, поскольку, как уже говорилось выше, все офицеры недворянского происхождения, до подполковника включительно, были личными дворянами.

Приведем данные о сословном составе военных гимназий и кадетских корпусов[59] (см. табл. на стр. 311).

Таковы средние цифры. Однако по отдельным корпусам состав, естественно, был различен. Так, в Пажеском

---

[56] См. «Свод военных постановлений 1869 года», изд. 2. СПб., 1896, кн. XV. Приложение «А» к ст. 1001, стр. 373—374.

[57] Именных и учрежденческих стипендий было более 200, а дворянских (распределяемых губернскими и уездными предводителями дворянства) — 583 (см. там же, Приложение I, стр. 3).

[58] См. «Свод военных постановлений 1869 года», изд. 2, кн. XV, ст. 1001. В Николаевский кадетский корпус своекошными принимали детей купцов и почетных граждан.

[59] Данные заимствованы из погодных отчетов Главного управления военно-учебных заведений, помещенных в приложении к «Всеподданнейшим отчетам о действиях Военного министерства за 1881—1903 гг.» (СПб., 1883—1905). Настоящая таблица страдает существенными недостатками. Во-первых, как и в других случаях, данные всеподданнейших отчетов и их приложений далеко не всегда точны: общий итог таблицы не составляет, как правило, 100%. Во-вторых, сословные категории постоянно меняются. Так, с 1889 г. графы «Дети личных дворян» и «Дети обер-офицеров, чиновников и канцелярских чиновников» (по-видимому, канцелярских служителей) объединяются в одну. «Солдатские дети» с того же 1889 г. объединяются с «прочими». С 1893 г. графа «Славянские уроженцы» получает наименование «Иностранцы». С 1898 г. появляется графа «Финляндские уроженцы». С того же 1898 г. появляются графы «Дети потомственных почетных граждан» и «Дети личных почетных граждан», которые мы относим к графе «Прочие» Наконец, в 1903 г. появляется графа «Дети купцов и мещан», относимая нами также к графе «Прочие».

Годы	Дети потомственных дворян	Дети личных дворян	Дети обер-офицеров, чиновников, канцелярских служителей	Духовные звания	Казачьи сословия	Солдатские дети	Прочие	Славянские уроженцы
1881	69,52	10,78	11,89	0,89	2,18	0,01	4,59	0,14
1882	65,25	14,02	11,48	0,87	3,28	0,06	4,9	0,14
1883	62,24	13,38	15,42	0,87	2,95	0,01	4,94	0,19
1884	67,36	14,93	10,33	0,76	1,94	0,03	4,46	0,18
1885	66,52	15,24	10,51	0,77	2,65	0,04	4,07	0,20
1886	62,9	15,8	14,07	0,64	2,42	0,52	3,48	0,17
1887	64,74	15,51	14,11	0,72	2,34	0,03	2,41	0,14
1888	65,51	13,92	11,68	0,61	6,0	0,01	2,05	0,22
1889	64,2	25,71	—	0,58	7,6	—	1,7	0,21
1890	67,24	21,95	—	0,58	8,51	—	1,5	0,21
1891	68,37	20,9	—	0,61	8,73	—	1,12	0,27
1892	67,8	22,68	—	0,47	7,82	—	0,91	0,32
1893	66,26	24,09	—	0,42	8,06	—	0,89	0,28
1894	66,91	22,4	—	0,42	9,02	—	0,96	0,29
1895	66,43	21,91	—	0,56	9,92	—	0,76	0,42
1896	67,00	21,11	—	0,36	9,97	—	1,04	0,52
1897	67,39	21,75	—	0,47	8,94	—	0,9	0,51
1898	67,3	27,6	—	0,5	0,33	—	3,89	0,9
1899	66,0	24,4	—	0,2	5,0	—	3,08	0,95
1900	65,4	24,1	—	0,4	3,5	—	5,9	0,7
1901	65,9	24,8	—	0,4	3,2	—	4,9	0,8
1902	63,47	30,23	—	0,74	3,15	—	1,49	0,92
1903	62,19	31,6	—	6,93	3,23	—	0,17	0,75

корпусе число потомственных дворян составляло 100%, а в Сибирском корпусе в 1890 г. потомственных дворян было только 11% [60].

Анализируя эту таблицу, мы видим, что сословный состав оставался почти стабильным: несколько уменьшается процент потомственных дворян и примерно на столько же возрастает число детей личных дворян, чиновников и канцелярских служителей, что в какой-то степени отражало общий процесс социальной эволюции [61].

[50] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 28, к. 555, д. 64, л. 92.

[61] Некоторые цифры требуют пояснения. Рост числа детей казаков с конца 80-х годов объясняется открытием в этот период специального казачьего кадетского корпуса — Донского. Уменьшение же процента казаков начиная с конца 90-х годов является результатом

За исследуемый период число кадетских корпусов значительно возросло. О необходимости этого увеличения неоднократно ставил вопрос во всеподданнейших докладах военный министр. Так, в докладе за 1897 г. Куропаткин прямо указывал, что одной из насущных задач Военного министерства является увеличение состава кадетских корпусов[62]. В 1898 г. военный министр, говоря об основных задачах на ближайшие годы, в качестве одной из первых назвал задачу расширения «системы военно-учебных заведений в видах обеспечения хорошего комплектования корпуса офицеров и облегчения офицерам воспитывать их сыновей»[63].

Все это привело к тому, что во второй половине 90-х и начале 900-х годов число кадетских корпусов значительно увеличилось. Если к началу рассматриваемого периода существовало 18 военных гимназий, переименованных в кадетские корпуса, а также два кадетских корпуса — Пажеский и Финляндский, то в 1903 г. общее число кадетских корпусов составляло 27. Были образованы вновь следующие корпуса: Донской (в Новочеркасске) — в 1883 г., 2-й Оренбургский — в 1887 г.; Ярославский — в 1896 г.; Суворовский (в Варшаве) и Одесский — в 1899 г.; Сумской и Хабаровский — в 1900 г.; Владикавказский — в 1902 г. Увеличился, естественно, и контингент поступающих. Так, в 1881 г. находилось в военных гимназиях и общих классах Пажеского и Финляндского корпусов 8299[64], а в 1903 г. — 10 010 человек[65].

Надо заметить, что переименование военных гимназий в кадетские корпуса, как уже говорилось выше, проводилось с целью «подготовить учащихся к переходу в

открытия вновь ряда кадетских корпусов, где, за редким исключением, детей казаков не было. Однако надо заметить, что данные о детях казаков за 1898 г. явно неверны. Так, в 1897 г. их насчитывалось 8,94%, в 1898 г. — 0,33, а в 1899 г. — 5%. Как уже указывалось в источниковедческом обзоре, данные всеподданнейших отчетов Военного министерства требуют критического отношения.

[62] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 158, л. 4.

[63] Там же, д. 59, л. 2.

[64] См «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1881 г.». Отчет о состоянии военно-учебных заведений. СПб., 1883, стр. 3.

[65] См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1903 г.». Отчет о состоянии военно-учебных заведений. СПб., 1905, стр. 2.

военные училища», поскольку считалось, что военные гимназии не выполняли этой задачи. Однако лица, оканчивавшие военные гимназии и «уходившие на сторону», т. е. не поступавшие в военные училища, составляли, например, в 1881 г. 8,6% [66], а аналогичный процент кадет, не пошедших на военную службу, в 1903 г. составил 9,6[67].

В заключение остановимся на вопросе о военных прогимназиях. В 1881 г. их было 8[68]. Они ставили своей целью, с одной стороны, давать элементарное (4-классное) образование «нравственно испорченным и малоспособным воспитанникам военных гимназий», а с другой — готовить для поступления в юнкерские училища.

В связи с переименованием военных гимназий в кадетские корпуса число их было сокращено. Задача подготовки юношей в юнкерские училища от них отпала, и они были сохранены лишь для малоспособных и нравственно испорченных кадет, переводимых из различных кадетских корпусов. При этом оставшиеся военные гимназии были переименованы в военные школы. Однако в дальнейшем этот тип учебных заведений был упразднен, и военные школы постепенно были реорганизованы в кадетские корпуса [69].

* * *

Обратимся к военным училищам. В 1881 г. существовало три пехотных училища — Павловское, Константиновское и Александровское (первые два — в Петербурге, третье — в Москве), одно кавалерийское — Николаевское, Михайловское артиллерийское и Николаевское инженерное [70] (все в Петербурге). Кроме того, офицеры вы-

---

[66] См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1881 г.». Отчет о состоянии военно-учебных заведений, стр. 4—5. Всего 652, из них «на сторону» 56.

[67] См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1903 г.». Отчет о состоянии военно-учебных заведений, стр. 4—5.

[68] Петербургская, Ярославская, Елизаветградская, Владикавказская, Оренбургская, Омская, Иркутская и Вольская.

[69] См. «Столетие Военного министерства», кн. X. Главное управление военно-учебных заведений, ч. III, стр. 141—144.

[70] Пехотные и кавалерийское училища были с 2-летним сроком обучения, артиллерийское и инженерное — с 3-летним.

пускались из специальных классов Пажеского и Финляндского кадетских корпусов.

Контингент поступавших в военные училища обеспечивался в основном оканчивавшими кадетские корпуса. Процент поступавших со стороны был невелик. В 1881 г. из военных гимназий и общих классов корпусов поступило в пехотные и кавалерийские училища 566 человек, а «со стороны» — 186 человек[71], т. е. первые составляли 75,2%.

В кавалерийском, артиллерийском и инженерном училищах процент окончивших военные гимназии был еще выше.

В начале XX в. процент кадет, поступавших в военные училища, оставался прежним. Так, по данным отчетов 1901—1902 гг., в Павловское училище в 1901 г. поступил из корпусов 221 человек, «со стороны» — 28[72], в Александровское несколько меньше — из корпусов 110, «со стороны» 37[73].

Правила приема в военные училища в сословном отношении были те же, что и в кадетские корпуса[74], вследствие чего состав их был примерно таким же. Так, в 1881 г. в военных училищах (кроме артиллерийского и инженерного) насчитывалось сыновей (в %)[75]:

---

[71] См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1881 г.». Отчет о состоянии военно-учебных заведений, стр. 4.

[72] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 40, к. 881, д. 71, л. 22.

[73] Там же, л. 2.

[74] За исключением артиллерийского и инженерного, куда принимались лица всех сословий. Надо сказать, что в Николаевском кавалерийском училище существовали еще некоторые дополнительные условия приема. Во-первых, в училище (в эскадрон) принимали из кадетских корпусов лишь тех, кто имел среднюю отметку не менее 10 баллов; во-вторых, лиц, имевших возможность внести денежную сумму в размере, установленном Главным начальником военно-учебных заведений, «в обеспечение первоначального обзаведения их для выпуска в офицеры» («Свод военных постановлений 1869 года», изд. 2, 1896, кн. XV, ст. 586). Эта сумма составляла 500 руб. Вызывает сомнение соблюдение первого условия — необходимости иметь среднегодовую отметку не ниже 10 баллов, так как кадеты, имевшие столь высокий балл, как правило, шли преимущественно в артиллерийское или инженерное училище.

[75] См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1881 г.». Отчет о состоянии военно-учебных заведений, стр. 11. Общая сумма составляет не 100%, а 95,75.

Потомственных дворян	54,12
Личных »	7,64
Обер-офицеров, чиновников, канцелярских служителей	27,12
Казачьих сословий	2,35
Прочих	4,52

Следовательно, процент потомственных дворян в военных училищах был в 1881 г. все же ниже, нежели в военных гимназиях, что объяснялось приемами «со стороны», в которых было больше демократических элементов.

За изучаемый период были преобразованы из юнкерских училищ в военные Московское и Киевское, в которые принимались лица без каких-либо сословных ограничений. В Елизаветградском юнкерском училище был введен военно-училищный курс (т. е. оно наполовину также превратилось в военное). Наконец, Константиновское пехотное училище было преобразовано в артиллерийское.

Число юнкеров в пехотных и кавалерийских училищах значительно увеличилось. Так, в 1881 г. в этих училищах и специальных классах Пажеского и Финляндского кадетских корпусов состояло 1377 человек, а в 1903 г. — 1854 [76]. Надо при этом сказать, что процент поступавших из кадетских корпусов уменьшили с 75,2 до 56,4 [77].

Рассмотрим сословный состав военных училищ в том же 1903 г. Имея в виду различия в условиях приема в Павловское, Александровское и Николаевское кавалерийское училища, с одной стороны, и Московское и Киевское — с другой, приведем данные в отдельности. В последних двух училищах никаких сословных ограничений не существовало.

---

[76] См. «Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства за соответствующие годы». Отчет Главного управления военно-учебных заведений, стр. 3.

[77] См. там же. Это объяснялось тем, что значительная часть окончивших кадетские корпуса поступала в артиллерийские и инженерное училища.

Так, в 1903 г. в эти училища поступили из кадетских корпусов 372 человека. См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1903 год». Отчет о состоянии военно-учебных заведений (процент вычислен мною. — *П. З.*).

Социальный состав первых трех училищ (в %) [78]:

Потомственных дворян	47,79
Личных »	16,75
Детей обер-офицеров, чиновников	32,75
» духовных лиц	0,36
» купцов, почетных граждан	0,09
» казаков	2,43
» иностранцев	0,27

В Московском и Киевском военных училищах (в %) [79]:

Потомственных дворян	26,5
Детей офицеров и чиновников	32,89
» духовных лиц	2,33
» купцов и потомственных граждан	10,32
» казаков	3,56
» мещан	14,86
» крестьян	6,26
Солдатских детей	1,47
«Инородцев» Кавказа	1,84

Таким образом, в 1903 г. по сравнению с 1881 г. социальный состав юнкеров существенно изменился.

Курс военных училищ с точки зрения изучаемых предметов подразделялся на: 1) общеобразовательный (закон божий, русский язык, иностранные языки, математика, химия, статистика, законоведение) и 2) специальный (тактика, артиллерия, фортификация, военная топография, военная администрация, а для кавалерийского еще иппология). Таким образом, в течение двух лет в пехотных училищах изучалось 15, а в кавалерийских — 16 предметов [80]. За рассматриваемый период особых изменений в программах не произошло [81]. Однако в области методики преподавания произошли серьезные перемены. Так, от

---

[78] См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1903 год». Отчет о состоянии военно-учебных заведений, стр. 8. Итог неверен, составляя 100,44%. Сословный состав Пажеского корпуса, являвшийся целиком дворянским, приводится вместе с тремя военными училищами. Таким образом, в этих училищах процент потомственных дворян будет ниже.

[79] См. там же. Итог неверен, составляя 100,03%.

[80] См. «Столетие Военного министерства», кн. X. Главное управление военно-учебных заведений, ч. III, стр. 127.

[81] См там же, стр. 128. В 90-х годах были разработаны новые программы по артиллерии и тактике, однако число еженедельных часов на изучение этих предметов осталось прежним.

аудиторно-лекционного метода вследствие слабой успеваемости юнкеров пришлось перейти к классной системе. «Опыт показал, — говорится в «Столетии Военного министерства», — что юнкера весьма мало подготовлены к усвоению предметов при изложении их аудиториальным способом [. . .]. При аудиториальной системе лектор лишен был всякой возможности контролировать внимание и степень понимания излагаемого им предмета» [82]. Одним из серьезных недостатков программы военных училищ являлось то, что будущего офицера не обучали тому, как он должен учить солдат. В силу этого вопросы методики обучения вовсе не преподавались. «Два года в училище, — писал в одном из своих рассказов военный писатель Ельчанинов (Егор Егорович) — из него (т. е. юнкера) вырабатывали идеального по строю *рядового* [. . .]. Даже не касаясь сложных вопросов воспитания солдат [. . .], училище не давало и тени самой элементарной практики в так называемом инструкторском отделе. Идеальный рядовой, делавший не менее идеально ружейные приемы, став офицером, не мог преподать солдату даже этого несложного отдела: не было метода, не было сноровки, не было уменья говорить понятным солдату языком» [83]. И действительно в военных училищах вовсе игнорировалось изучение методики обучения солдата. Это мнение Ельчанинова не было единственным. Так, один из кавалерийских офицеров, Дрозд-Бонячевский, в статье «Нравственный элемент как основа управления» писал: «Офицер не получает никакой теоретической подготовки в области военной психологии. Офицер, выйдя из училища, даже не подозревает, что *одна из его обязанностей* будет состоять в умении влиять на ум и сердце своих подчиненных, на их психику» [84]. Это являлось одной из причин отчужденности офицера и солдата.

Надо остановиться еще на одной стороне подготовки будущего офицера. В политическом отношении он был совершенно безграмотен и никаких познаний в этом отношении в училище не получал.

Даже Деникин в своих воспоминаниях по этому поводу писал: «[. . .] Ни училищная программа, ни препода-

---

[82] Там же.

[83] *Егор Егоров.* Третий сборник (Армейские рассказы, очерки, шаржи). СПб., 1914, стр. 184—185.

[84] «Военный сборник», 1907, № 11, стр. 141.

ватели, ни начальство не задавались целью расширить кругозор воспитанников, ответить на их духовные запросы. Русская жизнь тогда бурлила, но все так называемые «проклятые вопросы», вся политика — понятие, под которое подводилась вся область государствоведения и социальных знаний, — проходила мимо нас» [85].

* * *

Обратимся к специальным училищам, артиллерийскому и инженерному. В начале рассматриваемого периода существовало одно артиллерийское училище — Михайловское, обеспечивавшее артиллерийские части офицерским составом, а также являвшееся подготовительным заведением для поступления в Михайловскую артиллерийскую академию [86]. Оно состояло из трех классов [87], в которых на протяжении трех лет изучались как общеобразовательные, так и специальные предметы (10 общеобразовательных и 6 специальных). В 1894 г. было создано (путем переформирования из пехотного) второе артиллерийское училище — Константиновское, и в это же время увеличили контингент юнкеров Михайловского. Таким образом, на протяжении рассматриваемого нами периода численность юнкеров-артиллеристов значительно возросла. Если на 1 января 1881 г. в Михайловском артиллерийском училище было 163 юнкера [88], то на 1 января 1904 г. в обоих артиллерийских училищах находилось 797 юнкеров [89].

В качественном отношении состав юнкеров артиллерийских училищ был лучше: сюда поступали наиболее способные кадеты. В сословном же отношении состав был

---

[85] *А. И. Деникин.* Путь русского офицера, стр. 65—66.

[86] См. «Свод военных постановлений 1869 года», изд. 2, кн. XV. СПб., 1896, стр. 713.

[87] См. там же, стр. 715. В период с конца 1890 г. вплоть до 1903 г. артиллерийские училища были превращены в двухгодичные, а третий (дополнительный) класс, в который принималась примерно 1/3 выпуска, представлял собою по существу подготовительное отделение для поступления в Артиллерийскую академию.

[88] См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1881 г.». Отчет о состоянии военно-учебных заведений, стр. 50.

[89] См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1903 г.». Отчет о состоянии военно-учебных заведений, стр 53 и 56.

примерно такой же, хотя при поступлении и в артиллерийские, и в Николаевское инженерное училища никаких сословных ограничений не существовало.

Так, на 1 января 1904 г. по сословной принадлежности юнкера артиллерийских училищ представляли собою следующее:

Потомственных дворян	47,0
Детей офицеров и чиновников	50,0
Прочих	3,0

Подавляющее большинство поступавших в артиллерийские училища составили выпускники кадетских корпусов. Так, в 1903 г. из 337 человек, поступивших в эти училища, кадет было 279 [90].

Николаевское военно-инженерное училище по своей структуре почти ничем не отличалось от артиллерийских училищ, не находившихся в ведении Главного управления военно-учебных заведений [91]. Оно тоже не только выпускало офицеров в инженерные части, но и должно было «служить подготовительным заведением для поступления в Инженерную академию» [92]. За рассматриваемый период в отличие от артиллерийских училищ численный состав юнкеров инженерного училища немного увеличился. Так, если в 1881 г. в училище было 136 юнкеров, то в 1903 г. — 252 [93]. Среди юнкеров инженерного училища подавляющее большинство составляли также воспитанники кадетских корпусов.

* * *

Остановимся вкратце на высших военно-учебных заведениях — четырех военных академиях: Николаевской академии Генерального штаба, Николаевской инженер-

---

[90] См. «Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1903 год». Отчет Главного артиллерийского управления, стр. 53 и 56.

[91] Первые подчинялись Главному артиллерийскому управлению, второе — Главному инженерному управлению.

[92] См. «Свод военных постановлений 1869 года», изд. 2, кн. XV, стр. 721.

[93] См. всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства за 1881 и 1903 г. (соответственно стр. 23 и 74). В инженерном училище, так же как и в артиллерийских, состав юнкеров был более способным, чем в пехотных и кавалерийских училищах.

ной, Михайловской артиллерийской, Александровской военно-юридической [94].

На протяжении рассматриваемого периода профиль Академии Генерального штаба был двояким. Окончившие два курса, т. е. по второму разряду, не причислялись к Генеральному штабу, а направлялись в войска на командную должность [95]. Кончившие же третий курс, как правило, причислялись к Генеральному штабу и занимали штабные должности. В конце 90-х годов была создана специальная комиссия, перед которой был поставлен вопрос: «Каков должен быть характер и объем возлагаемых на академию задач, а именно: должна ли она преимущественно преследовать цель широкого распространения образования в армии и [...] быть, так сказать, военным университетом [...], или же академия должна быть школою офицеров Генерального штаба, приготовляющею только то число офицеров этой специальности, какое требуется в данное время, но зато возможно основательнее подготовленных?» Этот важный вопрос был разрешен в смысле второго предположения [96]. Таким образом, накануне русско-японской войны не существовало своеобразного военного университета, повышающего общий уровень знаний командного состава. По своей численности Академия Генерального штаба была не велика. Так, в 1882 г. было выпущено из нее 50 человек, поступило 110, состояло к концу года 253 [97]. В 1903 же году было выпущено 116, поступило 148, состояло к концу года 334 [98]. Итак, число оканчивавших ежегодно Академию Генерального штаба за исследуемый период, свыше 20 лет, увеличилось более чем вдвое [99].

---

[94] В рассматриваемый нами период помимо этого возникли Интендантский курс (впоследствии переименованный в Интендантскую академию) и Курсы восточных языков. Из первого в 1903 г. было выпущено 27 человек, с курсов же восточных языков — всего 3 (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 163, л. 21).

[95] Многие окончившие академию по второму разряду впоследствии также причислялись к Генеральному штабу.

[96] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 2, д. 1140, л. 21. «Всеподданнейший отчет о мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898—1902 гг.».

[97] См. там же, д. 141, л. 48.

[98] См. там же, д. 163, л. 21.

[99] Мы не располагаем данными о сословном составе слушателей, однако известно, что число дворян, обучавшихся в академии к концу рассматриваемого периода, было очень невелико (ЦГВИА,

В 80-е годы, после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в бытность начальником академии М. И. Драгомирова, академия переживала некоторый подъем, однако в 90-е годы, в период пребывания на посту ее начальника Леера, наблюдался определенный крен к академизму [100]. Большое внимание уделялось математике и астрономии, причем нередко многие слушатели проваливались «на замысловатых формулах и теориях солнечной системы, как будто знание их могло когда-нибудь пригодиться офицеру Генерального штаба» [101], — писал в своих воспоминаниях ген. Б. В. Геруа. Характеризуя состояние академического образования, ген. В. И. Доманевский, учившийся в академии в начале 900-х годов, писал: «Николаевская академия Генерального штаба времен М. И. Драгомирова, Г. А. Леера, Н. Н. Сухотина давала слушателям многое: метод, систему, стремление искать истину... Но, наряду с этим, академия страдала крупным недостатком — оторванностью от жизни, «казенным отпечатком на научности академии»» [102].

Как ни странно, но в академии до 1890 г. курс русской военной истории почти не преподавался. «История [...] русского военного дела не нашла себе места в общем курсе истории военного искусства, ни в военной истории, которой не дозволяли останавливаться над деяниями русских полководцев, — писал начальник Главного штаба в 1898 г. в Военный совет по поводу создания кафедры русского военного искусства. — В итоге создалось решительно ненормальное положение, длившееся почти 25 лет; слушатели, основательно знакомые с движением военного искусства на Западе, выходили из академии с незначительными познаниями по родному искусству, которое случайно усваивалось при изучении других предметов» [103].

ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 41, к. 905, д. 53/104, л. 6). См. выступления Д. М. Левшина и Н. Ф. Сухомлинова на совещании губернских предводителей дворянства по поводу организации дворянских кадетских школ.

[100] Однако было бы неверно рисовать положение, существовавшее в тот период, одной черной краской. В 90-х годах были созданы новые кафедры, академия пополнилась рядом талантливых профессоров.

[101] *Б. В. Геруа.* Указ. соч., т. I, стр. 129.

[102] «Часовой», 1929, № 5—6, стр. 15.

[103] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 57844, л. 1.

Только с 1890 г. в академию был приглашен профессор, выдающийся историк русского военного искусства Д. Ф. Масловский, которому было разрешено «в виде опыта» читать курс русского военного искусства. Масловскому принадлежит ряд серьезных исследований по военной истории России, преимущественно в XVIII в. В этих работах он доказывает, что русское военное искусство явилось не результатом подражания западноевропейским образцам, а плодом «русской самобытности». В 90-х годах в академию был приглашен другой крупный военный историк — А. З. Мышлаевский, автор ряда фундаментальных исследований по военной истории России в XVIII в. Мышлаевский, так же как и Масловский, доказывал необходимость существования особой науки — истории русского военного искусства. Русское военное искусство изучалось с начала XVII в. до конца XVIII. Вновь назначенный в 1898 г. военным министром Куропаткин санкционировал создание отдельной кафедры русского военного искусства с тем, чтобы «довести курс преподавания до позднейшего времени, за счет сокращения в изложении древней эпохи» [104]. В 1898 г. кафедра истории военного искусства в России была создана [105]. На ней изучалось военное искусство России до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. А вместе с тем анализ военных действий этой войны имел для подготовки офицера Генерального штаба наибольшее значение. Однако причиной столь странного положения являлось не руководство академии во главе с Леером, а в первую очередь «августейший главнокомандующий» на Кавказском театре военных действий вел. кн. Михаил Николаевич и другие представители императорской фамилии, занимавшие те или другие командные посты на войне. Они не могли допустить критики своих действий [106]. К концу изучаемого периода главнейшими предметами в академии считались:

---

[104] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, оп. 1, д. 57844, л. 1.

[105] См. Приказ по военному ведомству № 164 за 1898 г. В 1899 г. название кафедры было изменено. Она стала называться кафедрой — «История военного искусства общая и в России» (Приказ по военному ведомству за 1899 г. № 113).

[106] Так, в 1897 г. лектору академии подполк. Мартынову было разрешено прочесть для узкого круга лиц «Стратегический очерк кампании 1877—1878 гг.». Этот доклад вызвал недовольство многих присутствовавших.

а) тактика, б) стратегия, в) военная история, г) история русского военного искусства, д) военная администрация, е) военная статистика, ж) геодезия с картографией [107].

Михайловская артиллерийская академия имела по существу военно-технический уклон, вследствие чего значительная часть окончивших ее оседала в различных учреждениях артиллерийского ведомства, не попадая в войска. Николаевская военно-инженерная академия обеспечивала офицерами, получившими высшее образование, саперные и другие инженерные части. Военно-юридическая академия в первую очередь комплектовала состав военно-окружных судов и военно-прокурорский надзор, однако часть окончивших эту академию занимала те или иные высшие военно-административные должности. Наконец, Интендантский курс готовил офицеров высшей квалификации для Главного интендантского управления.

За рассматриваемый период численность офицеров, обучавшихся в этих академиях, увеличилась примерно в таком же объеме, как и в Николаевской. В Артиллерийской академии в 1882 г. состояло 82 слушателя [108], в 1903 г. — 111 [109], в Военно-инженерной — соответственно 75 [110] и 124 [111]. Число слушателей Военно-юридической академии увеличилось с 63 [112] в 1882 г. до 79 в 1903 г. [113] Во всех высших военно-учебных заведениях в 1903/904 учебном году (включая Интендантский курс и Курсы восточных языков) обучалось 779 человек, что было менее 2% общего числа офицеров и генералов, находившихся в армии.

* * *

Вопросы чести мундира в военных училищах, так же как и в кадетских корпусах, занимали большое место в общем воспитании будущего офицера. Относясь крайне отрицательно к системе доносительства, юнкера вместе

---

[107] См. «Свод военных постановлений 1869 года», изд. 1896 г., кн. XV, стр. 46.

[108] ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства № 1, оп. 2, д. 141, л. 50.

[109] Там же, д. 163, л. 21.

[110] Там же, д. 141, л. 50.

[111] Там же, д. 163, л. 21.

[112] Там же, д. 141, л. 50.

[113] Там же, д. 163, л. 21.

с тем были нетерпимы и к лицам, совершавшим аморальные поступки. Интересный случай по этому поводу приводит в своих воспоминаниях маршал Б. М. Шапошников, случай, относящийся к его пребыванию в Московском военном училище. «Как-то, — пишет он, — один из юнкеров был уличен в неправильной [карточной] игре. Тотчас же собралась вся полурота с приглашением нас, портупей-юнкеров [114] 2-й полуроты [115], был разобран проступок этого юнкера и вынесено постановление [...] просить фельдфебеля доложить ротному командиру и о поступке игравших, и о желании юнкеров отчислить из училища упомянутого юнкера» [116].

В училищах, разумеется, соблюдалась воинская субординация, в том числе и по отношению к юнкерам старшего курса, хотя последняя и не была предусмотрена уставными требованиями. Однако это естественное уважение к старшим товарищам принимало порой весьма уродливые формы. Речь идет о так называемом «цуке», официально именовавшемся «подтяжкой» и широко распространенном в Николаевском кавалерийском училище, а затем перешедшем в Пажеский корпус.

Эта традиция, получившая распространение еще в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (предшественница Николаевского училища), заключалась в цукании младших старшими. Младшие именовались «зверями», старшие — «корнетами», а второгодники — «майорами». «Зверь» должен был соответственным образом относиться к «корнету» и беспрекословно выполнять его приказания. Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» В. А. Сухомлинов, в бытность его юнкером этого училища эти отношения старших с младшими носили еще добродушный характер [117], однако к концу

---

[114] Портупей-юнкер соответствовал унтер-офицеру.

[115] Каждая рота состояла из полуроты младшего класса и полуроты старшего.

[116] «Записки Б. М. Шапошникова». — «Военно-исторический журнал», 1966, № 6, стр. 87.

[117] См. «Воспоминания В. А. Сухомлинова». Берлин, 1924, стр. 4. Ген. Гончаренко, учившийся в Николаевском кавалерийском училище, в своих воспоминаниях приводит картины этого «цука», изображая его в идиллическом свете. «Ежедневно во всех углах с утра до позднего вечера, — пишет Гончаренко, — звучат команды и крики. — Молодой Альбрехт, кто шеф Клястицкого полка?

— Ничего подобного!

века приобрели уже недопустимую форму, нередко сводившуюся к прямому издевательству, и иногда юнкера, не выдерживая этого, покидали училище. Иногда юнкер не имел права в течение нескольких месяцев идти в отпуск вследствие приказания того или иного «корнета».

В 90-х годах «цук» появился в других военных училищах, но развития не получил. Об этом рассказывает Куприн в своем романе «Юнкера» [118]. В Александровском пехотном военном училище он был быстро прекращен самими юнкерами. Куприн характеризует его как «тупое, злобное, бесцельное издевательство» [119].

С «цуком» боролось и начальство Николаевского училища, в частности выступил против него начальник училища ген. П. А. Плеве [120]. В начале 900-х годов, 5 февраля 1902 г., была создана Комиссия под председательством ген. С. А. Будаевского. Одной из задач этой Комиссии было разрешение вопроса «Об урегулировании отношений между юнкерами старших и младших классов Николаевского кавалерийского училища». По этому вопросу в журнале заседаний указывалось, что «в двух учебных заведениях, Николаевском кавалерийском училище и Пажеском корпусе, создались традиционные ненормальные отношения между воспитанниками старшего и младшего классов, проявляющиеся в обидных прозвищах, в так называемой подтяжке, доходящей в некоторых отдельных

— Кру-гом!

— Узнайте!..

— Молодой Козловский, сколько серебряных труб в Нижегородском драгунском полку?

— Кругом!

— Ать-два! Ногу выше!.. Отчетливей!

— Сугубый-Збышевский, какая масть в Александрийском полку?

— Черная, господин корнет.

— Что Вы, ошалели, Сугубый?.. Черная... Ха, ха, ха. Пора бы знать: ...Не черная, а вороная! Пачку нарядов. Явитесь к вахмистру» (*Юрий Галич.* Записки Черкесова, стр. 19).

Однако в действительности не ограничивались только этим. Порой задавались совершенно бессмысленные вопросы «о бессмертии души рябчика» (там же, стр. 177) и предлагалось делать приседания, выть на луну и пр. Надо заметить, что в казачьей части училища — сотне «цука» не существовало. Отношения между эскадроном и сотней были по меньшей мере холодными, если не сказать больше.

[118] См. *А. И. Куприн.* Собр. соч., т. 6. М., 1958, стр. 169.

[119] См. там же.

[120] Однофамилец министра внутренних дел. В период первой мировой войны командовал армией.

случаях до издательства над младшими. Наиболее суровыми жрецами этой традиции являются более слабые по умственному развитию и худшие воспитанники. В единственных случаях издевательство одного юнкера над другим приводило к полному исступлению последнего. Известно также несколько случаев оставления заведения воспитанниками, которые не вынесли подтяжки» [121]. Далее отмечалось, что «для искоренения этого зла вряд ли можно изыскать действенные меры, так как все отдельные случаи скрываются от начальства юнкерами обоих классов» [122]. Как говорилось в журнале, подобное положение усугублялось еще тем, что среди офицеров училища «цук» находил поддержку: они полагали, что «подтяжка дает младшему классу дисциплину и муштровку, а старшему — практику в пользовании властью» [123]. Надо сказать, что Комиссия никаких действенных мер не выработала. Не принесло никаких положительных результатов и личное вмешательство главного начальника военно-учебных заведений [124]. Среди высшего генералитета «цук» находил своих покровителей. Так, сочувственно к нему относился вел. кн. Владимир Александрович, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. Таким образом, «цук» сохранялся [125].

---

[121] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 40, к. 819, д. 16, л. 33.

[122] Там же.

[123] Там же, л. 34. Как указывал один из членов Комиссии, ген.-майор Гр. М. Яковлев, «явление подтяжки в Николаевском кавалерийском училище доходит иногда до возмутительного оскорбления человеческого достоинства: заставляют вертеться до потери сознания, стоять под шашкой, сидеть без отпуска в течение двух месяцев и т. д. Преследование направлено преимущественно на тихих, скромных юношей».

[124] 3 октября того же 1903 г. вел. кн. Константин Константинович выступил с речью перед юнкерами училища, записанной им в дневнике. «Старший класс довел свое главенство до возмутительного притеснения младшего класса, до унизительного издевательства, даже до мучительного истязания, — заявил он. — Вы самоуправно требуете не подобающего Вам отдания чести, Вы приказываете вставать в Вашем присутствии, лишаете отпуска, часами ставите под шашку. Многократно будите спящих и, забывая благородную порядочность, позволяете себе неуважение к личности и даже глумление, о которых и говорить-то зазорно» (л. 149—150).

[125] Наоборот, он получил даже распространение. Так, в предреволюционные годы он существовал в некоторых кадетских корпусах. Например, в Первом Московском «цук» являлся точной копией тра-

В заключение остановимся на вопросе распределения юнкеров после окончания училища по полкам. В этом отношении существовал непререкаемый закон. Ежегодно перед выпуском в училище присылался Военным министерством список вакансий, расположенных в соответствии с их качеством (первоначально гвардия, затем полки, расположенные в губернских городах, и т. д.). Одновременно с этим составлялся список подлежащих производству юнкеров в соответствии с их выпускным баллом с точностью до одной сотой процента. И это определяло очередность выбора вакансий. В этом случае никаких исключений никому не делалось. Каждый выбирал те вакансии, которые оставались еще в списке [126].

* * *

В 1881 г. существовало 16 юнкерских училищ (11 пехотных, 2 кавалерийских и 3 казачьих) с общим контингентом 4500 человек [127]. Как указывалось в своде военных постановлений, юнкерские училища «имеют своей целью доставлять нижним чинам необходимое для офицера научное и строевое образование» [128]. При этом никаких сословных ограничений для поступления не устанавливалось: в училище могли поступить как вольноопределяющиеся, так и принятые на службу по жребию. В училища принимались лица, имевшие по образованию права или вольноопределяющихся I разряда, но не окончившие

диций Николаевского кавалерийского училища, сохранились те же эпитеты: «зверь», «корнет», «майор» и т. д. При этом задавался во время «цука» тот же круг вопросов. «Цук» процветал во всех ротах, начиная с младшей.

[126] Исключение представляли собою только гвардейские вакансии, которые могли заполняться, как правило, потомственными дворянами, да к тому же имевшими средства, особенно в кавалерии. Существовало и средство обхода этого принципа распределения вакансий. Оно заключалось в том, что тот или иной, особенно принадлежавший к аристократической фамилии, юнкер, не попавший в гвардию, мог затем по протекции быть прикомандирован к тому или иному гвардейскому полку, а спустя некоторое время и зачислен в него. Однако это делалось впоследствии, а в момент разбора вакансий никаких исключений не делалось.

[127] ЦГВИА, ф. Главного Управления военно-учебных заведений, оп. 20, к. 379, д. 111, л. 129.

[128] «Свод военных постановлений 1869 года», изд. 1896 г., ч. IV. Военно-учебные заведения, кн. XV, стр. 892.

полностью среднеучебного заведения (т. е. получившие образование в объеме шести классов), или вольноопределяющихся II разряда, окончившие четыре класса либо гимназии, либо других среднеучебных заведений или высшее начальное училище. Лица, имевшие образование в объеме шести классов, сдавали экзамен только по русскому языку, прочие — по всем пяти предметам. За время пребывания в училище юнкера считались откомандированными от своих частей, а по окончании снова возвращались в них, получив звание, как уже говорилось выше, подпрапорщиков в пехоте и эстандарт-юнкеров в кавалерии. При этом окончившие по I разряду получали вскоре офицерский чин вне зависимости от наличия вакансий, а по II разряду — «по открытию вакансии», что иногда продолжалось по нескольку лет и вообще никаким сроком определено не было.

Число лиц, оканчивавших юнкерские училища по I разряду, было невелико. Приведем данные отчетов по девяти училищам за 1888 г. [129]:

Наименование юнкерского училища	Выпущено	
	по I разряду	по II разряду
Казанское	8	22
Тверское	12	40
Киевское	12	119
Иркутское	4	32
С.-Петербургское	24	70
Одесское	23	88
Виленское	11	68
Тифлисское	18	76
Елизаветградское	20	75

На протяжении рассматриваемого периода число юнкерских училищ сокращалось, что являлось следствием стремления Военного министерства увеличивать выпуск офицеров из военных училищ. К 1904 г. было 12 юнкерских училищ (7 пехотных, 2 кавалерийских и 3 казачьих). Продолжительность курса юнкерских училищ до 1901 г. составляла два года, однако лица, «которые оказались недостаточно подготовленными для успешного прохожде-

[129] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 27, к. 545, д. 3, л. 4, 6, 12, 21, 23, 34, 37, 47, 62.

ния курса младшего класса, хотя и принимались в училище, но определялись в особые приготовительные отделения»[130]. Надо заметить, что численность лиц, состоявших в подготовительном отделении, была достаточно велика. Так, на 1 января 1882 г. из 4315 юнкеров в старшем классе состояло 35%, младшем — 38 и приготовительном отделении — 27%[131].

В 1882 г. в связи с общей тенденцией, утвердившейся в Военном министерстве, обращать большее внимание на военную подготовку в ущерб общеобразовательной объем общеобразовательных предметов был сокращен. Так, было исключено изучение теории словесности и истории литературы «по несоответствию этого предмета общему уровню развития юнкеров»[132], тригонометрии и раздела логарифмов; была вовсе исключена химия и сделано значительное сокращение в курсе физики; наконец, был сокращен курс географии. «Между тем, — говорилось в материалах для составления всеподданнейшего отчета за 1882 г., — важнейшим предметам специального назначения юнкеров, как будущих офицеров, дано надлежащее развитие»[133]. Только в середине 90-х годов снова было обращено внимание на низкий общеобразовательный уровень воспитанников юнкерских училищ[134].

В этом отношении большой интерес представляет записка начальника С.-Петербургского юнкерского училища о необходимости увеличения объема курса этого типа учебных заведений. В начале этой записки автор говорит о необходимости коренной реформы юнкерских училищ и далее пишет: «Хотя командиры полков в общем довольны тем типом офицеров, который вырабатывается в юнкерском училище, и хотя многие из их воспитанников занимают теперь ответственные посты начальников отдельных

---

130 «Столетие Военного министерства», т. X. Главное управление военно-учебных заведений, кн. III, стр. 57.

131 ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 21, к. 412, д. 100, л. 50.

132 Там же, л. 50—51. Как уже говорилось выше, исключено было изучение методики преподавания грамоты.

133 Там же, л. 51. Так, на тактику вместо 6 недельных уроков было установлено 7, на фортификацию — вместо 3 — 4.

134 Еще в 1889 г. начальник Тверского кавалерийского юнкерского училища полк. Ф. К. Гершельман поставил вопрос о переводе юнкерских училищ на 3-летний срок обучения (ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 35, к. 520, д. 75, л. 19).

частей, но все же юнкерские училища при своей теперешней программе вряд ли могут удовлетворять строгим требованиям современного положения военного искусства» [135]. По мнению автора, для этого необходимо повышение их общего и специального образования, т. е. преобразование юнкерских училищ в училища типа военных. Однако этого сделать было нельзя, во-первых, потому, что для поступления в них не хватило бы лиц, имеющих законченное среднее образование, а во-вторых, лишило бы огромное число молодых людей, не имеющих среднего образования, возможности найти свое место в жизни.

«Близкое знакомство [...] с личностями юнкеров [...] дает нам возможность сказать, что неокончание ими полного курса в средней школе в большинстве случаев не есть результат дурных свойств натуры и слабости умственных сил. Нет, позднее развитие, непривычка с малых лет к труду, отсутствие должного правильного домашнего воспитания, недостатки в самой школе, которые главным образом выражаются в большой численности классных отделений, не дающей возможности отдавать много времени и внимания неуспевающим воспитанникам, наконец, бедность, не дающая возможности кончить гимназию и думать о высшем учебном заведении, — вот те главные причины, которые вызывают уклонение юношей от правильной прямой дороги при прохождении курса средней школы» [136], — говорилось в этой записке.

Далее автор указывал, что, «испытав все невзгоды такого положения и пройдя довольно тяжелую школу в продолжение года, а иногда и более службы в полку, они поступают в училище вполне дисциплинированными [...]. Учебные занятия курса юнкерских училищ дают всегда прекрасные результаты потому, что в классе полная дисциплина [...]. От этого оканчивающий юнкерское училище знает хотя и немного, но что знает, то знает твердо» [137].

---

[135] Там же, л. 3.

[136] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 35, к. 696, д. 75, л. 4—5. Заметим, что контингент поступавших в юнкерские училища составляли не только лица, не окончившие по тем или иным причинам гимназического курса, но и в значительной степени лица, окончившие низшие учебные заведения.

[137] Там же, л. 5. При этом предполагалось допускать прием в юнкерские училища не только из частей войск, но и со стороны.

Вследствие всего этого начальник Петербургского юнкерского училища полагал целесообразным не вводить военно-училищный курс, а перевести юнкерские училища на трехгодичный срок обучения. «В продолжение этих трех лет, — говорилось в записке, — можно будет окончить общее образование и дать им более полное военное образование, чем то, которое ныне дается юнкерскими училищами» [138]. В таком случае лица, окончившие юнкерские училища, должны были выпускаться прямо офицерами [139]. В 1901 г. вопрос о переводе юнкерских училищ на трехгодичный курс обучения был решен положительно [140]. По этому закону значительно расширялся объем программ как общеобразовательных, так и военных предметов. На изучение общеобразовательных предметов отводилось 36 недельных часов [141]. Для преподавания специальных военных дисциплин 45 недельных часов [142].

---

[138] Там же. В Инструкции по учебной части для юнкерских училищ, изданной в 1901 г., говорилось: «Комплектуясь молодыми людьми, имеющими крайне разнообразную подготовку и преимущественно не окончившими среднеучебных заведений, юнкерские училища должны продолжать общее образование этих молодых людей и восполнить его настолько, чтобы они могли без особых затруднений изучать специальные военные предметы в объеме военно-училищного курса» (Инструкция по учебной части для юнкерских училищ. СПб., 1901, стр. 1).

[139] В записке указывалось, что перевод юнкерских училищ на трехгодичное обучение вызовет дополнительные расходы, однако и при этом условии обучение в юнкерском училище будет вдвое дешевле, нежели в военном (там же, л. 6).

[140] ПСЗ, 3-е собр., т. XXI, № 20291. «Свод военных постановлений 1869 года», изд. 1906 г., кн. XV, ст. 1138—1144.

[141] В кавалерийских — 34 часа. Новая программа предусматривала изучение истории русской литературы (включая Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Толстого, Островского), курс алгебры, включая логарифмы, полный курс геометрии, краткие сведения из тригонометрии и т. д. (см. Инструкция по учебной части для юнкерских училищ).

[142] В кавалерийских училищах — 48 часов. Число часов, отводимых для изучения некоторых военных предметов, в юнкерских училищах было даже несколько больше, чем в военных. Так, в первых отводилось на изучение тактики 9 недельных часов, а во вторых — 7. По остальным специальным предметам число часов было одинаково (см. Положение о юнкерских училищах с программой учебного курса, составил капитан Васильев. СПб., 1902, и Инструкцию по учебной части для преподавания учебных предметов в военных училищах. СПб., 1883). Число часов, отведенных на изучение военных предметов в военных училищах, за рассматриваемый период не претерпело изменений.

Окончившие юнкерские училища делились на три разряда. К первому принадлежали имевшие средний балл не менее 10 [143], ко второму — не менее 7 [144], к третьему разряду — все остальные, но получившие на экзаменах удовлетворительную оценку (не менее 6). Оканчивавшие по первому и второму разрядам выпускались подпоручиками, по третьему разряду (так же как и из военных училищ) — унтер-офицерами с правом производства в офицерский чин на освободившуюся вакансию не ранее года [145].

Таким образом, реформа юнкерских училищ значительно улучшила как общеобразовательную, так и специальную подготовку будущих офицеров.

Сословный состав в юнкерских училищах был несколько демократичнее состава учащихся военных училищ. Приведем некоторые статистические сведения, касающиеся состава юнкеров [146] (см. табл. на стр. 345).

Прежде чем говорить о данных приводимой таблицы, надо сказать о ее качестве. Как и в других разделах погодных всеподданнейших отчетов о действиях Военного министерства, и в этом случае сведения несовершенны. Во-первых, непонятно отсутствие детей духовного звания, за исключением 1902 г., в то время как известно, что «поповичи» составляли всегда известный процент юнкеров. По-видимому, они за прочие годы были отнесены к числу почетных граждан, каковыми и являлись. Совершенно непонятно отсутствие за определенные годы сведений о казаках, если иметь в виду наличие специальных казачьих юнкерских училищ. Надо думать, что их объединили с крестьянами, либо за некоторые годы сведения этих училищ в сводных данных вовсе не приводились. Непонятно также резкое понижение процента мещан в 1899 г. Однако при всем этом анализ этой таблицы указывает на довольно большие сдвиги, происшедшие в сторо-

---

[143] При этом по отдельным предметам не менее 7, а по строевой службе — 10.

[144] При этом по специальным предметам — не менее 7, а по строевой службе — не менее 9 (см. «Свод военных постановлений 1869 года», изд. 3, кн. XV. СПб., 1907, стр. 1184—1185.

[145] См. там же, стр. 1185.

[146] Составлена на основе данных Главного управления военно-учебных заведений, помещенных в книге всеподданнейших отчетов Военного министерства за указанные годы.

Годы	Потомственные и личные дворяне	Почетные граждане	Купцы	Мещане	Духовного звания	Крестьяне	Казаки	Прочие
1886*	63,45	8,65	2,95	12,35	—	6,75	4,76	1,79
1887	60,03	9,75	3,5	11,02	—	6,92	6,23	2,57
1888**	62,5	9,2	3,8	12,4	—	9,1	3,0	—
1889	63,9	9,4	3,4	12,9	—	6,8	3,6	—
1890	60,2	11,3	2,9	12,5	—	9,3	3,8	—
1891	60,0	13,2	3,5	13,0	—	8,8	1,5	—
1892	60,0	11,2	4,0	15,0	—	9,8	—	—
1893	60,0	9,5	3,9	16,0	—	10,6	—	—
1894	60,0	9,9	3,4	16,8	—	9,6	0,3	—
1895	52,8	12,7	3,3	16,9	—	9,2	5,1	—
1896	50,6	14,4	2,6	16,7	—	9,7	6,0	—
1897	46,8	12,9	2,7	18,0	—	13,6	6,0	—
1898	43,9	16,1	2,6	17,9	—	13,2	6,3	—
1899	49,9	12,6	3,3	3,4	—	24,1	6,2	0,5
1900	35,2	16,4	3,9	20,0	—	18,9	5,6	—
1901	41,7	12,9	3,7	23,2	—	15,3***	—	—
1902	39,8	8,4	2,5	20,2	5,5	23,2	—	0,4
1903****								

* До 1886 г. сведения о сословном составе учащихся в юнкерских училищах не приводятся.

** За 1886 и 1887 гг. данные приводились в процентах, позднее в абсолютных цифрах.

*** По-видимому, крестьяне и казаки объединены в одну группу.

**** Данные в отчете за этот год не приводятся вовсе.

ну демократизации сословного состава. Так, резко падает процент дворян[147], и возрастает численность детей мещан и крестьян.

Обобщенных данных об окончании лицами, поступившими в юнкерское училище, учебных заведений того или иного типа не приводится. В силу этого используем сведения по этому вопросу, сообщаемые в отчете об осмотре ряда юнкерских училищ в 1886 г. представителем Главного управления военно-учебных заведений ген.-лейт. Ордынским.

[147] В данных всеподданнейших отчетов в отношении сословного состава юнкеров юнкерских училищ дети потомственных и личных дворян объединены в одну категорию, в то время как эти группы весьма отличны друг от друга. К тому же соотношение детей личных и потомственных дворян в различных училищах было разным.

Итак, юнкера до поступления в 1886 г. в юнкерские училища занимались в учебных заведениях следующего типа [148]:

Наименование юнкерских училищ	Кадетские корпуса	Военные прогимназии и учительские семинарии	Классические гимназии	Реальные училища	Духовные училища и семинарии	Разные низшие учебные заведения	Домашнее образование
Московское	7,1	27,7	27,2	7,6	7,9	13,0	9,5
Одесское	3,2	14,3	22,0	20,8	1,5	29,0	9,2
Варшавское	5,3	12,4	35,4	14,6	3,4	15,2	13,7
Виленское	4,9	14,1	27,8	11,3	4,4	22,2	15,3
Рижское	4,7	17,3	43,2	3,7	7,8	19,0	5,3
Елизаветградское	14,0	13,7	25,9	21,2	0,3	6,1	13,8
В среднем:	6,5	16,5	30,2	13,2	4,1	17,5	12,0

Проанализируем эти данные. Во-первых, этот контингент можно подразделить на две неравные группы: первая составляет примерно немногим более 80% — это люди, по каким-то причинам не получившие среднего образования, точнее, не окончившие курса среднеучебных заведений, неудачники, ставшие таковыми по весьма различным причинам. Среди них большой процент лиц, не окончивших гимназического курса, по-видимому в силу неспособности к изучению древних языков. Если эта группа неудачников различных калибров составляла боль-

[148] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений оп. 23, к. 454, д. 71, л. 91. Возможно, что эти данные относятся не к 1886, а к 1885 г., так как хронологические границы дела — март 1885 — февраль 1887 г. Надо заметить, что большинство лиц, не окончивших среднеучебных заведений, не принадлежало к числу вольноопределяющихся I разряда, т. е. не имели 6-классного образования. Процент их, судя по отчетам (юнкерских училищ или осматривавших их), составлял в среднем от 15 до 30 (ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 23, к. 454, д. 71, л. 168; оп. 26, к. 528, д. 90, л. 263; оп. 37, к. 761, д. 16, л. 4, 23, 40, 45, 56, 58, 62). Надо сказать, что в возрастном отношении состав юнкеров юнкерских училищ был старше, нежели военных. Средний возраст составлял от 21 до 25 лет (там же).

шинство среди поступавших в юнкерские училища, то меньшинство их, преимущественно из числа окончивших низшие учебные заведения, были вовсе не неудачниками, а, наоборот, людьми способными. Это были, как правило, люди сильной воли, оканчивавшие с большими для себя лишениями низшие учебные заведения. В основном это были выходцы из крестьян либо других демократических слоев населения. Для них поступление в юнкерское училище было результатом упорного труда, а нередко, как уже говорилось, и лишений. Даже вел. кн. Константин Константинович, часто посещавший юнкерские училища, в своем дневнике неоднократно отмечал их успехи. Так, посетив Виленское пехотное юнкерское училище в октябре 1901 г., он пишет: «Особенно понравился мне будущий фельдфебель 1-й роты белорус Яцко из крестьян, как и все почти нашивочные» [149], т. е. лучшие по успеваемости.

На это явление обратило внимание Главное управление военно-учебных заведений. Так, член педагогического комитета ген.-майор Ордынский в своей записке о приемных экзаменах в С.-Петербургском военном училище ставил вопрос о необходимости изменить условия приема для лиц, обладавших правами вольноопределяющихся I разряда, т. е. окончивших 6 классов среднеучебного заведения. Эти лица обязаны были сдавать экзамен лишь по русскому языку, получив отметку не менее семи баллов, так как для этого разряда конкурса не существовало. Вторая группа — не имевшие 6-классного образования — должна была сдавать экзамены по всем предметам. И порою поступавшие из второй группы из-за большого конкурса, имея даже в среднем девять баллов, не принимались [150].

[149] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 49, л. 21. Запись 20 октября 1901 г. Через несколько дней, находясь в Одесском пехотном училище, он пишет: «Молодец также фельдфебель этой роты (т. е. лучший по успеваемости. — *П. З.*) л.-гв. Литовского полка Маккавеев, из сдаточных крестьян (там же, л. 26. Запись 23 октября 1901 г.). Находясь в июле 1902 г. в Казанском юнкерском училище, он опять заносит в свой дневник: «Лучшие ученики почти все из простых крестьян. Был один 17-летний чуваш [...], пришедший осенью держать экзамен бедным мужиком в лаптях» (ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 50, л. 55. Запись 12 июля 1902 г.). Яцко затем окончил Академию Генерального штаба.

[150] Так, в 1902 г. во все юнкерские училища поступало 4748 человек, из которых 1548, или почти $^1/_3$, имели 6-классное образование,

«Между тем, — писал Ордынский, — по отзывам преподавателей, последние (т. е. лица, не имевшие 6-классного образования. — *П. З.*) представляют более желательный элемент, так как в большинстве случаев оказываются хорошо подготовленными, особенно те, которые окончили курс в городских училищах; что же касается первых, то по большей части это молодые люди, которые по малоспособности своей не были в состоянии окончить полный курс заведения и которые по той же причине скоро оказываются ниже остальных своих товарищей и в училище» [151].

В силу этого он предлагал установить для первой категории экзамен не только по русскому языку, но и по всем отделам математики, определив предельный балл не 7, а 8. «Или, еще лучше, — писал Ордынский, — включить их в общий конкурс, не отдавая им никакого предпочтения перед остальными» [152]. В марте 1903 г. Главное управление военно-учебных заведений внесло в Военный совет по этому поводу представление. В нем говорилось, что на основе опыта 1901—1902 гг. со всей очевидностью обнаруживается нецелесообразность представления лицам, окончившим 6 классов среднеучебных заведений, льготных условий для поступления в юнкерские училища. «Ученики средней школы, — говорилось в этом представлении, — обладающие не только хорошими, но даже средними способностями, обыкновенно стремятся в высшие учебные заведения, и только малоспособные по необходимости прерывают учение до окончания курса. Начальство средней школы, желая избавиться от последних и дать им возможность получить права первого разряда по образованию для отбывания воинской повинности, а также для поступления в юнкерские училища на льготных условиях, оказывает по отношению к ним чрезмерную снисходительность, доводя их до окончания шестого класса» [153]. Далее в представлении указывалось, что эти молодые люди «скоро забывают, что плохо усвоили», и получают через несколько лет возможность поступить

а 3200 не имели такового. Из числа этих 3200 человек выдержали экзамен 1526 (47%), а было принято 742 человека, т. е. менее половины сдавших экзамен (ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 40, к. 882, д. 100, л. 28).

[151] Там же, л. 2.

[152] Там же.

[153] Там же, л. 11.

почти без конкурса в юнкерское училище, в то время как для прочих желающих попасть в училище устанавливаются экзамены по пяти предметам, причем конкурс достигает 3—5 человек на одно место. «Таким образом, — говорилось в представлении, — из молодых людей, пользующихся правами второго разряда, в настоящее время в общий класс юнкерских училищ поступают только лучшие по способностям и подготовке, а из пользующихся правами I разряда не только средние, но и слабые, нередко оказывающиеся неспособными следовать за курсом, причем приемом их закрывается доступ способным и хорошо подготовленным второразрядникам, остающимся за конкурсом по неимению вакансий» [154].

Вследствие этого Главное управление военно-учебных заведений и ходатайствовало об изменении условий приема. В результате представления был издан приказ по военному ведомству, по которому устанавливался для лиц, имевших 6-классное образование, экзамен также и по всем разделам математики [155]. Однако минимальным баллом оставалось по-прежнему семь.

Военное министерство упорно не желало установить одинаковые условия приема для лиц этих двух категорий. Как говорилось в одном из документов, хранящихся в данном деле, по мнению большинства начальников юнкерских училищ, «молодые люди I разряда, уступая юнкерам II разряда в фактических знаниях, приобретаемых памятью, должны превосходить их в умственном развитии» [156]. С подобным утверждением едва ли можно согласиться. По-видимому, здесь имело место стремление не допускать в широких размерах в состав офицерского корпуса представителей демократических слоев населения, так как юнкера II разряда именно принадлежали к таковым, особенно окончившие городские училища. Подобная мера находилась в полном противоречии с задачами улучшения состава офицерского корпуса.

Итак, правительство всячески преграждало путь в офицерский корпус демократическим слоям населения.

---

[154] Там же, л. 11—12. В одной из записок, находящейся в этом деле, прямо указывалось, что «значительная часть юнкеров I разряда уступают по успехам юнкерам II разряда, особенно окончившим курс городских училищ» (там же, л. 24).

[155] Приказ по военному ведомству № 220 от 9 июня 1903 г.

[156] ЦГВИА, ф. Главного управления военно-учебных заведений, оп. 40, к. 882, д. 100, л. 24—25.

Заключение

Всякая война является лучшей проверкой состояния армии. Несмотря на то что русско-японская война потребовала мобилизации и участия в военных действиях не всей армии, а небольшой ее части, она все же может служить критерием состояния вооруженных сил России в начале XX столетия. В силу этого рассмотрим сквозь призму войны различные стороны организации войск, уровень их подготовки, вооружения и т. д. Прежде всего надо коснуться политической стороны вопроса, имея в виду, что моральный фактор, естественно, оказывал большое влияние на состояние армии и ее боеспособность.

Хотя рассмотрение этой проблемы и выходит за рамки нашего исследования, однако не остановиться на ней в силу этого нельзя.

Русско-японская война была непонятна не только солдатам и офицерам, но и генералитету. Поэтому она, явившись результатом антинациональной близорукой политики российского самодержавия и его ближайшего окружения, не могла вызвать патриотических настроений и была с точки зрения национальных интересов России бессмысленна. Естественно, что это не могло не налагать своего отпечатка на весь ход военных событий. Указав на этот фактор, перейдем к анализу исследуемых нами вопросов, начав его с характеристики высшего командного состава.

Изучение боевых действий и высказывания современников — все говорит о полнейшей неспособности высшего командного состава. За очень небольшим исключением, генералы, начиная с Куропаткина, оказались беспомощными в разрешении тех или иных стратегических и тактических задач. В 1903 г. Куропаткин в своей обстоятельной записке о проведении маневров, рассмотренной

выше[1], указал, что основной недостаток командования заключается в боязни фланговых охватов, вследствие чего военачальники избегали соприкосновения с «противником». Ровно через год, возглавив армию, он повторил ту же ошибку в целом ряде сражений, следствием чего и было беспричинное отступление. Вполне естественно, что командиры корпусов и начальники дивизий действовали в основном так же.

О непригодности высшего командного состава писал Куропаткин в своем официальном отчете: «Многие из генералов, командовавших с большим успехом отдельными частями в мирное время, в военное время в голове более крупных частей оказались несоответствующими. Должной практики в мирное время по строевому командованию дивизиями и корпусами, очевидно, не было. Многие из этих начальников отстали от современных боевых требований. Характерною чертою большинства из них была боязнь брать на свою ответственность сколько-нибудь энергичные меры»[2]. Заметим, что боязнь ответственности была присуща самому Куропаткину.

Участник и исследователь русско-японской войны ген. М. В. Грулев также писал: «Я утверждаю, что при таких качествах Куропаткина и его помощников исход войны не мог быть иным даже и в том случае, если бы в отношении тактической подготовки воюющие армии поменялись местами, т. е. если бы русскому командному составу [...] дали лучшую армию в мире, она, даже при сравнительном превосходстве в силах, все же была бы разбита, потому что у начальников не хватало ни решимости, ни твердой воли, ни понимания важнейших факторов ведения войны»[3].

В чем же причина данного явления? Это прежде всего определялось существовавшей политической системой — самодержавием, которое, выдвигая на высшие командные должности людей, руководствовалось чаще всего не деловыми их качествами, а симпатиями и антипатиями дворцовой камарильи. Обстановка реакции 80—90-х годов не могла не оказать своего влияния на военное ве-

---

[1] См. выше, стр. 283.
[2] «Итоги войны...», т. 4, стр. 299.
[3] Цит. по предисловию к книге барона фон Теттау «Куропаткин и его помощники» (СПб., 1913, стр. VI).

домство, в рассматриваемый период восторжествовали рутина и безынициативность.

Несмотря на наличие таких блестящих командующих округами, как Драгомиров и Гурко, и целой плеяды талантливейших офицеров, а частично и генералов, порядки в армии определяли не они, а великие князья Владимир и Сергей Александровичи, командовавшие столичными военными округами, либо невежды чертковы, давно забывшие, а может быть и вовсе не знавшие военного дела.

В условиях господства в стране произвола и беззакония разумные меры, принятые в военном ведомстве в рассматриваемый период по инициативе Н. Н. Обручева, превращались в свою противоположность. Стремление избежать дряхлости генералитета путем установления предельного возраста и желание дать больше инициативы среднему командному звену — командирам полков в деле внутреннего управления частью — все это сводилось на нет существующей практикой беззакония и «личного усмотрения».

Характеризуя обстановку, сложившуюся в армии в рассматриваемый период, М. В. Грулев в своих воспоминаниях писал: «Все это [...] расцвело вопреки существовавшим законам, только благодаря всей окружающей душной атмосфере 80—90-х годов. Наше военное ведомство в этом отношении плыло только по общему течению, не желая или не умея проложить себе собственное русло, как это было во времена министерства Д. А. Милютина. [...]. П. С. Ванновский держался иных взглядов и ввел военное ведомство в общее русло нашей внутренней жизни. Именно в эту эпоху и заронены были семена наших поражений в войне с японцами»[4]. Конечно, известная доля ответственности за положение в военном ведомстве лежала и на военном министре, однако эта доля была невелика, а основной причиной, определявшей состояние армии, было самодержавие, утвердившее с 1881 г. реакционный курс, курс произвола и застоя во всех областях государственного организма.

И та нерешительность и безынициативность, которые были присущи такому далеко не глупому и лично храбро-

---

[4] *М. В. Грулев.* В штабах и на полях Дальнего Востока, ч. II, СПб., 1909, стр. 442—443.

му Куропаткину, являлись также в известной степени порождением существующей политической обстановки.

Итак, наиболее слабым звеном в период русско-японской войны был высший командный состав. Касаясь офицерского корпуса, надо сказать, что он в целом оказался на высоте, о чем свидетельствует хотя бы приводимая выше цифра потерь[5], однако в тактической его подготовке обнаружились большие пробелы.

По мнению Куропаткина, изложенному в его отчете, наилучшим образом себя проявили кадровые офицеры и зауряд-прапорщики, произведенные из унтер-офицеров и фельдфебелей. «Что касается до прапорщиков и зауряд-прапорщиков, произведенных за боевые отличия из низших чинов, — писал Куропаткин, — то они оказались элементом прекрасным во всех отношениях. [...]. Насколько зауряд-прапорщики относились самоотверженно к делу, свидетельствует то, что из 680 зауряд-прапорщиков, числившихся в армии в феврале, только за мукденские бои было убито и ранено 192, т. е. свыше 28%»[6]. Наихудшей частью офицерского состава, указывал он, были прапорщики запаса.

* * *

Война обнаружила серьезные пробелы также и в тактической подготовке войск. Сила огня, главным образом артиллерийского и пулеметного, заставила войска в ходе войны изменить многие уставные положения «С первых же боевых шагов, — пишет в своих заметках о войне один из ее участников, — вполне определенно выразились особенности современного боя, царства огня [...], непосредственный результат его: боевой порядок непомерно растянулся по фронту и в глубину, сомкнутые строи, компактные массы кончили свое существование и были похоронены на полях Маньчжурии. Рассыпной строй в том виде, как он предлагался нашими строевыми уставами и инструкциями, оказался неприемлемым. Без того тонкие стрелковые цепи пришлось еще более растянуть по фронту. Резервы различных категорий потеряли признаки подобия сомкнутых и разомкнутых строев»[7]. Таким обра-

---

[5] См. выше, стр. 236.

[6] «Итоги войны...», т. 4, стр. 298.

[7] *М. Галкин.* Заметки о русско-японской войне. — «Братская помощь», 1907, № 2, стр. 31.

зом, приходилось переучиваться на ходу. Командир 54-й пехотной дивизии ген. Столица в своих воспоминаниях рассказывает, что ему пришлось переучивать свои войска на театре военных действий: «Если бы в России проделать все то и то, чему мы обучали здесь наши войска, то все начальство пришло бы в ужас и, вероятно, многих бы отрешили от командования за такую ересь [...]. Ну, как не ужаснуться, когда наступление ведется очень редкими цепями, по большей части перебежками по одному [...]. Артиллерия занимает позиции так, что ее никаким чертом не найдешь, а увидеть нечего и помышлять [...]. Вот чему надо, — замечает Столица, — обучать войска» [8]. Итак, основные тактические принципы оказались устаревшими, не соответствовавшими условиям современного боя. Эти принципы обнаружили несовершенство, а подчас игнорирование фортификационной подготовки, что обусловливало в начале войны большие потери. Здесь сказывалось, в частности, влияние идей Драгомирова, недооценивавшего, как известно, различного рода фортификационные работы. А вместе с тем «фортификации мы обязаны, — писал участник войны С. Михеев в своей статье «Год опыта русско-японской войны», — затяжкой боев на много дней, ей же обязаны сравнительной незначительностью жертв» [9].

Особенно плохо обстояло дело с тактикой артиллерийского боя. Война, начавшись в момент перевооружения артиллерии пушками, в силу чего новые орудия не были должным образом изучены, показала неспособность ее действовать в условиях современного боя. Только после неудачного боя под Тюреченом, где артиллерия действовала с открытых позиций, была принята новая артиллерийская доктрина стрельбы.

Неудовлетворительно была организована и связь. Если в период позиционных военных действий плохо ли, хорошо ли действовала телефонная и телеграфная связь, то во время движения связь осуществлялась конными ординарцами, как в период прошлых войн.

---

[8] «Тяжелые годы. Из писем ген. Столица». — «Военный сборник», 1908, № 7, стр. 85—86.

[9] «Братская помощь», 1907, № 1, стр. 67. См. также статью «Недочеты в окопном деле» (По опыту русско-японской войны). — «Военный сборник», 1907, № 12.

Все это, естественно, говорило о крупных недостатках в области технической подготовки войск.

В новых условиях ведения войны наиболее слабым местом обучения войск являлась подготовка одиночного бойца, и это было опять-таки прямым следствием существующей политической системы. Уже вскоре после Крымской войны лучшие представители русского генералитета в лице Драгомирова настоятельно обращали основное внимание на подготовку инициативного бойца, способного самостоятельно решать в случае необходимости, что ему надо делать в бою. Об этом неоднократно говорил Драгомиров, об этом писалось в военных журналах. Однако возможность подготовки такого бойца зависела в свою очередь от уровня культуры солдата, по крайней мере знания им грамоты. На это не один раз обращал внимание царя Драгомиров, обращал, но безрезультатно. Николай II «не изволил» этого понимать.

Вместе с тем без введения всеобщего начального образования решить эту задачу было невозможно. Вся подготовка солдата скорее походила на дрессировку, а не на разумное обучение, ставившее своей задачей развитие индивидуальной инициативы бойца. Все это сказалось на войне. «В Маньчжурии, — писал один из участников войны, — отсутствие индивидуального развития отдельного бойца дало себя знать [...]. Голова неразвитая, голова беспомощная, и там, где не было управления, где недоставало на глазах у нижнего чина офицера-руководителя, там наш простолюдин покорно подставлял себя под удар японцев или безотчетно, бессознательно шел назад, сам не зная куда, зачем, лишенный хоть каких бы то ни было признаков понимания, что происходит кругом» [10]. А вместе с тем в условиях массовости огня, с чем пришлось столкнуться впервые на Дальнем Востоке, роль отдельного бойца неизмеримо возрастала. «При таком положении, — писал тот же Галкин в заметках о русско-японской войне, — значение каждого бойца в отдельности возросло до чрезвычайности и отдельные индивидуумы, одиночные бойцы, волей-неволей выступили в поле, приобретая решающее значение [...]. Мы учили солдат, — продолжает автор, — и для смотров он сплошь и рядом

---

[10] *М. Галкин.* Беседа с офицерами. — «Братская помощь», 1907, № 1, стр. 95.

был превосходен, но над общим развитием его мы работали мало, вяло и потому бесплодно»[11].

Культурный уровень солдат был настолько низок, что, как рассказывает в своих воспоминаниях М. В. Грулев, они «по своей темноте и неразвитости в критическую минуту боя рвали наши собственные телефонные сообщения, вырезывая провода для связывания своих сапог, снопов гаоляна и т. п.»[12]. Бесстрашия, героизма и выносливости русского солдата было недостаточно для боевых действий в новых условиях развития военной техники. И об этом говорят буквально все писавшие свои воспоминания о военных действиях.

В вопросах организации войск обнаружились также существенные недостатки. Наиболее серьезным из них было увлечение формированием отдельных отрядов[13]. В результате слаженный организм военных соединений разрушался, так как отдельные полки и батальоны включались в состав тех или иных отрядов. Особенно это выявилось во второй период войны. Так, находившийся в феврале 1905 г. в штабе 2-й армии офицер Генерального штаба Б. В. Геруа говорит о том, что в этот период в этой армии исчезли «растворенные в различных отрядах не только корпуса, но и дивизии»[14]. Конкретизируя это положение, он далее пишет: «В группировке наших войск [...] они были заменены временными соединениями следующих наименований: Отряд Запольского (6 батальонов), Отряд Бригера (8 батальонов), Отряд Де Витте, Отряд Топорнина»[15] и т. д. Как пример дезорганизации воинских соединений он приводит отряд ген. Гершельмана, состоявший из частей трех различных корпусов и пяти дивизий[16].

Вполне естественно, что нормально управлять этими частями было довольно трудно.

---

[11] «Братская помощь», 1907, № 2, стр. 31—32.

[12] *М. В. Грулев.* В штабах и на полях Дальнего Востока, ч. II, стр. 432. По этому поводу 14 января 1904 г. был издан специальный приказ по III армии. Текст приказа см. в этой же книге (стр. 284).

[13] Это предусматривалось Положением о полевом управлении войск в военное время.

[14] *Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 165.

[15] Там же.

[16] См. там же, стр. 166. Из состава всей 2-й армии в нормальном состоянии оставался лишь 1-й Сибирский корпус и 25 пехотная дивизия.

Подобное свидетельство не единично. Без преувеличения можно сказать, что во всех воспоминаниях о войне говорится о вреде этой «системы» организации войск. «В период не только боев, но и службы на позициях, — пишет в своих заметках о русско-японской войне М. Галкин, — как постоянное явление на театре войны можно было наблюдать перемешивание войсковых частей и чисто случайное соединение их из разных корпусов, причем сплошь и рядом корпусов в полном составе своих частей не было» [17]. И далее он говорит, что нередко «командиры корпусов путешествовали только со своими штабами, но без войск, так как им подчиненные полки были также растасканы по разным отрядам» [18].

Надо сказать, что и пополнение действующей армии производилось таким образом, что оно приводило к полной дезорганизации частей, расположенных в Европейской России, включая и пограничные округа (Виленский, Варшавский и Киевский). Так, командующий Киевским военным округом ген. Сухомлинов в своих «Воспоминаниях» писал: «Я отправлял, как в бездонную бочку, одну сотню за другой, штабы офицеров и даже весь контингент солдат призыва 1905 года. Это привело к тому, что личный состав у меня совсем расстроился, и я вынужден был 16-ротные пехотные полки превратить в 8-ротные. В полках оказывалось всего по 10—12 офицеров вместо 60 [...]. Осенью 1904 г. я имел случай, — продолжает он, — докладывать государю в Царском Селе о последствиях Маньчжурской кампании, в западных округах. Он был глубоко потрясен, потому что я ему подтвердил то, что он знал из других округов, в особенности Вильны и Варшавы» [19].

Все это приводило к печальным результатам. В действующей армии почти отсутствовали крепко слаженные воинские соединения, а западная граница государства фактически была обнажена, так как в частях, расположенных в пограничных округах, не было достаточного числа не только офицеров и унтер-офицеров, но даже и солдат.

---

[17] «Братская помощь», 1907, № 2, стр. 21. Так, в феврале 1905 г. отряд ген. Церпицкого, входивший в состав 1-й армии, имел части, принадлежавшие к восьми дивизиям пяти корпусов.

[18] Там же, стр. 22.

[19] *А. В. Сухомлинов.* Воспоминания. Берлин, 1922, стр. 151.

Вторым недостатком в организации войск, носившим более частный характер, была «независимость» артиллерии. Как уже говорилось выше, из-за противодействия ген.-фельдцехмейстера вел. кн. Михаила Николаевича артиллерийские бригады, приданные тем или иным дивизиям, не были включены в их состав. На войне это оказало свое влияние с точки зрения взаимодействия пехоты и артиллерии.

В заключение надо сказать о той отрасли военного управления, которая обнаружила, как ни странно, высокую организованность, — интендантстве. По утверждению всех участников войны, организация питания, а также снабжения одеждой находилась на высоком уровне. «Никогда, ни в какую кампанию солдата нашего так не кормили, как в минувшую. Одеты они были превосходно. Теплых вещей больше чем надо» [20], — вспоминал один из командиров корпусов, ген. Случевский. То же говорит в своих письмах начальник 54-й пехотной дивизии ген.-майор Столица [21]. «Это была наша первая война, — вспоминал ген. Геруа, — которая не вызвала нападок на интендантскую часть и жалоб на злоупотребления по довольствию войск» [22].

Итак, война обнаружила серьезные недостатки как в тактической подготовке, так и в организации армии. Однако наиболее крупными из них были состояние высшего командного состава и слабая подготовка одиночного бойца, что, вполне понятно, было тесно связано с уровнем культуры его. Ген. Грулев, говоря о значении этого фактора, писал: «По сравнению с этим сокровенным центральным фокусом современного военного дела все остальное отходит на второй план: и гений главнокомандующего, и всевозможные усовершенствования из обла-

---

[20] «Братская помощь», 1907, № 10, стр. 36.

[21] См. «Военный сборник», 1908, № 7, стр. 82.

[22] *Б. В. Геруа.* Воспоминания о моей жизни, т. I, стр. 175. См. также: *М. Галкин.* Заметки о русско-японской войне. — «Братская помощь», 1907, № 2, стр. 18; *М. В. Грулев.* В штабах и на полях Дальнего Востока, ч. II, стр. 196—200. Однако надо заметить, что этому способствовало наличие больших продовольственных ресурсов как в Маньчжурии, так и в Сибири, а также изъятие неприкосновенных запасов у частей, расположенных в Европейской России. Об этом рассказывает также Сухомлинов: «Что касается обмундирования и снаряжения, то все отправлялось на Восток, и все цейхгаузы и склады очистились» (Указ. соч., стр. 151).

сти техники, и даже высокий уровень подготовки командного состава — все это неминуемо парализовано, когда солдат не может быть предоставлен самому себе, когда он на каждом шагу нуждается в поводыре и руководителе» [23].

* * *

Сделаем выводы. За рассматриваемый период значительно усилилось вмешательство самодержавия и его камарильи в дела военного ведомства. Подобному положению способствовала общая обстановка реакции и произвола, утвердившаяся с начала 80-х годов. Вмешательство в дела военного ведомства сказывалось прежде всего в подборе высшего командного состава, осуществлявшемся по высочайшему усмотрению, нередко вопреки здравому смыслу. Средний возраст командующих войсками округов, командиров корпусов и начальников дивизий в 80—90-е годы возрастает, несмотря на издание закона, устанавливающего предельный возраст. Все это приводит к тому, что к началу войны высшее командное звено оказалось неспособным к руководству войсками в боевых условиях. Отсутствие инициативы, нерешительность — таковы основные качества военачальников. Люди сильной воли, больших способностей и инициативы изгонялись из армии, как это было с командующим Варшавским военным округом И. В. Гурко, либо явно недооценивались, примером тому может служить М. И. Драгомиров.

С другой стороны, вмешательство самодержавия, в первую очередь великих князей, а также наличие бездарных командующих войсками округов и командиров корпусов способствовали усилению плац-парадных традиций в обучении войск, шаблону в проведении подвижных сборов и больших маневров.

Ни Александр III, ни Николай II, да и военный министр Ванновский не понимали и не желали понять, что успех в обучении войска, особенно в подготовке одиночного бойца, неразрывно связан с общей культурой населения, и в первую очередь с распространением грамотности. Наоборот, в рассматриваемый период, вплоть до 1902 г., обучение грамоте было фактически запрещено,

[23] *М. В. Грулев.* Указ. соч., т. II, стр. 439.

чему в милютинский период придавалось большое значение.

Неоднократная постановка вопроса Драгомировым о введении обязательного обучения грамоте населения (о чем в этот период ходатайствовал и ряд земств) вовсе игнорировалась. Все это привело к тому, что обучение войск в большей степени походило на дрессировку, нежели на подготовку разумного, инициативного солдата, способного к самостоятельным действиям.

Вместе с тем культурный уровень солдата — знание им грамоты в условиях все возраставшего значения воинской техники — являлся необходимым условием успешной боевой подготовки.

В области комплектования, организации и развертывания войск в период мобилизации благодаря действиям начальника Главного штаба Н. Н. Обручева, одного из способнейших руководителей Военного министерства, удалось осуществить ряд серьезных мер. Значительно увеличилась численность обученного запаса, периодически привлекавшегося на учебные сборы; созданы, хотя и незначительные, кадры ополченских частей; детально разрабатывались периодически изменявшиеся мобилизационные расписания; была несколько увеличена сеть стратегических железных дорог.

Однако и в этой области многое не было сделано. Ограниченность финансовых средств, вмешательство членов императорской фамилии, а также и представителей камарильи (Безобразов, которому предоставлялось даже право передислокации войск без ведома военного министра) в вопросы организации войска (самостоятельность артиллерийских бригад от пехотных дивизий) — все это препятствовало нормальному развитию армии. Целый ряд важных вопросов, таких, как обеспечение армии унтер-офицерским составом, достаточное количество офицеров, потребных для развертывания армии в военное время, не был решен. Не было даже разработанного плана обороны западных границ — с Германией и Австро-Венгрией, наиболее вероятными противниками. В области военного управления удалось, несмотря на происки реакции, отстоять существующую структуру Военного министерства и военно-окружную систему. Можно высказать предположение, что основной причиной отношения к данному вопросу Александра III было не мнение боль-

шинства Комиссии Коцебу, признавшей необходимость сохранения в основном существующего порядка военного управления, а финансовые соображения — необходимость выделения дополнительных средств, потребных для всякой реорганизации. Именно в силу этого система военного управления была сохранена полностью. Произведенные частные реформы были в основном удачны. Так, новое Положение о полевом управлении армии в военное время, принятое в 1890 г., выгодно отличалось от предшествующего с точки зрения организации работ тыла армии. Лишь один вопрос решался в нем неудачно — это предоставление права командованию формировать отдельные отряды в период военных действий, что, как указывалось выше, в период войны с Японией приводило к полной дезорганизации управления воинскими соединениями. Наиболее удачной была реформа Главного штаба, предпринятая по инициативе и плану Обручева, значительно улучшившая ее организацию.

В области вооружения стрелковым оружием были достигнуты большие успехи принятием на вооружение магазинной винтовки Мосина, прослужившей дореволюционной и Красной Армии верой и правдой добрых полвека. Надо помнить, что эта мера была осуществлена вопреки желанию наследника престола — будущего императора Николая II, не понимавшего роли военной техники.

Перевооружение артиллерии скорострельными орудиями, бесспорно, имело важное значение с точки зрения усиления военной мощи армии. Однако к началу русско-японской войны оно закончено не было.

Состав офицерского корпуса за рассматриваемый период несколько улучшился. В результате создания еще в 60-х годах юнкерских училищ к концу рассматриваемого периода уже не оставалось офицеров, не получивших специального военного образования. Реформа юнкерских училищ, преобразование их в учебные заведения с трехлетним сроком обучения, также способствовала этому. Увеличился и состав офицеров Генерального штаба. Вопрос же о переподготовке высшего командного состава оставался нерешенным.

В возрастном отношении офицерский корпус состарился. Вследствие попытки обеспечить развертывание армии увеличением численности командных кадров в мирное время производство в следующие чины еще более

замедлилось. Средний возраст командиров роты составлял более 40 лет.

Несмотря на некоторое увеличение офицерского жалованья, материальное положение младшего и среднего командного состава оставалось тяжелым.

Преобразование военных гимназий в кадетские корпуса под влиянием домогательств реакционных кругов Толстого и Каткова привело к резкому ухудшению воспитательной работы в этих учебных заведениях, а также обусловило снижение успеваемости. Только в начале XX в. новое руководство военно-учебного ведомства приняло ряд мер, улучшивших постановку как педагогического процесса, так и воспитательной работы.

Итак, за период более двадцати лет вооруженные силы России достигли немногого.

Причиной этого являлось самодержавие, приведшее русскую армию к поражению на Дальнем Востоке.

«Царизм, — писал В. И. Ленин в статье «Падение Порт-Артура», — оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой» [24].

---

[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 156.

Оглавление

Зайончковский, Петр Андреевич

САМОДЕРЖАВИЕ И РУССКАЯ АРМИЯ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX СТОЛЕТИЙ
1881—1903

Редактор *Л. Н. Винокур*
Младший редактор *Т. В. Яглова*
Оформление художника *В. Ю. Лукина*
Художественный редактор *А. А. Брантман*
Технический редактор *Г. И. Смирнов, О. А. Барабанова*
Корректор *Ч. А. Скруль*

Сдано в набор 19 февраля 1973 г. Подписано в печать 4 сентября 1973 г. Формат 84×108 1/32, типограф. бумага № 2. Усл. печатных листов 18,48. Учетно-издательских листов 20,33. Тираж 11 500 экз. А 03364. Цена 1 р. 39 к. Заказ № 442.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

Зайончковский П. А.

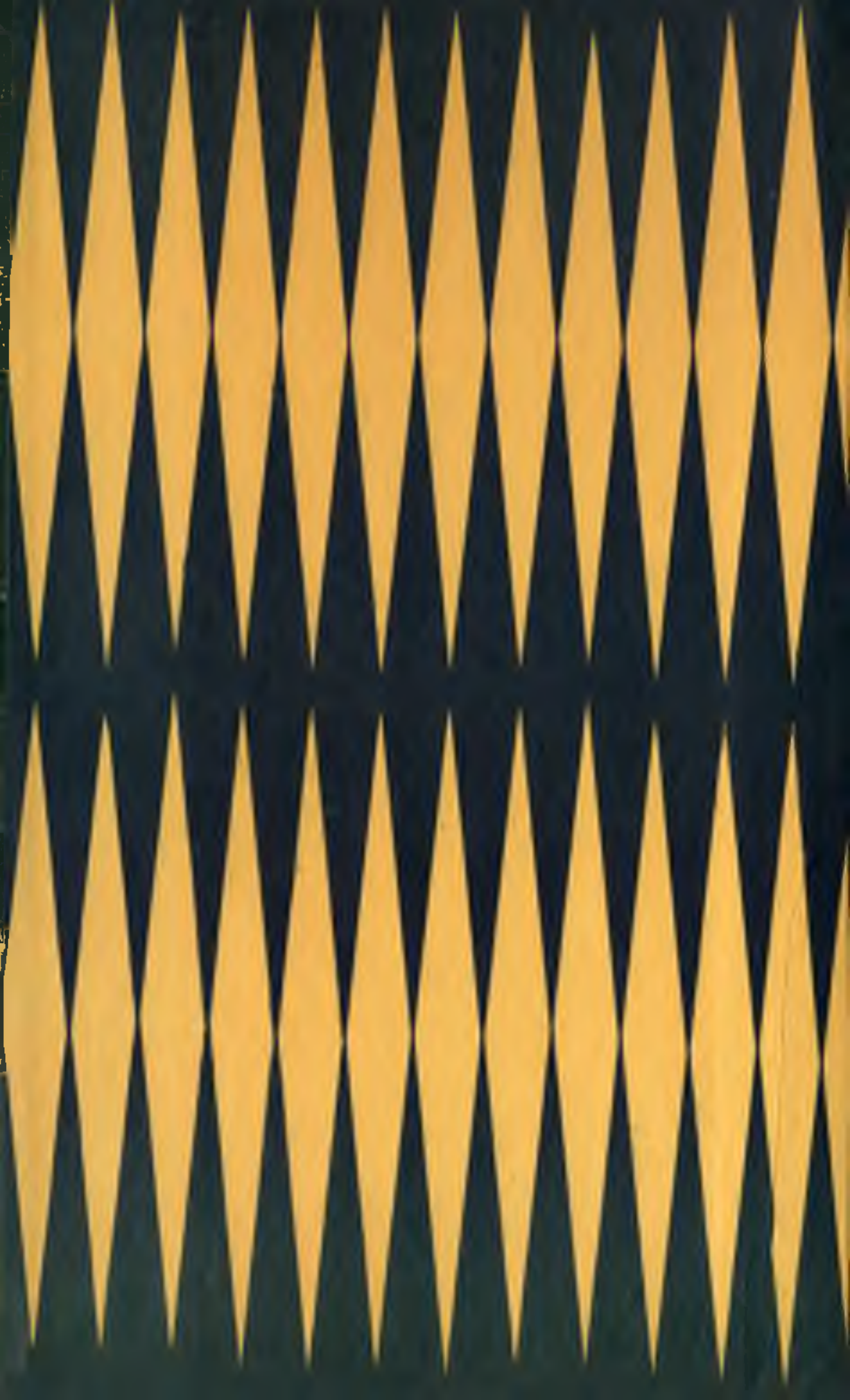
З-17 Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., «Мысль», 1973.
351 с.

П. А. Зайончковский в своей новой книге исследует состояние русской армии в непосредственной связи с российским самодержавием.

В работе приводятся не известные ранее данные о влиянии царизма и его камарильи на назначение высших командных чинов, обучение войск и т. п., даются характеристики российских самодержцев, представителей, царской династии, генералитета и различных авантюристов, вмешивавшихся в дела военного ведомства.

З $\frac{0164-168}{004(01)-73}$ 71-73

9 (С) 17

1 р. 39 к.